

ISSN 0869-6063

Номер 1

Январь–Февраль–Март
2012

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“НАУКА”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2012

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров, д.и.н. Н.Я. Мерперт,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

© Российская академия наук. 2012 г.

© Редакция журнала “Российская археология”
(составитель), 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2012

Керамика раннего периода культуры Дземон (по материалам памятника Оокубо) <i>Жуциховская И.С.</i>	5
Курганный могильник позднего энеолита у с. Союг Булаг в Азербайджане <i>Мусебли Н.А.</i>	16
Псалий из Луговского могильника: к вопросу об образе всадника и коня в ананьинском искусстве <i>Чижевский А.А., Шаталов В.А.</i>	26
Чернофигурные аттические (“кассельские”) чаши из Северного Причерноморья в собрании Государственного Эрмитажа <i>Петракова А.Е.</i>	36
Коринфские вазы с орнаментальными росписями белого стиля <i>Букина А.Г.</i>	49
“Коллективные” погребения некрополя у п. Заозерное в Северо-Западном Крыму <i>Попова Е.А.</i>	57
Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями междуречья Южного Буга и Днестра <i>Воронятов С.В.</i>	69
Этнокультурные взаимодействия в эпоху Великого переселения народов: археометаллографические данные (по материалам памятников Волго-Камья и Поочья) <i>Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.</i>	82
О культурной атрибуции золотых предметов из могильника Брут 1 в Северной Осетии <i>Габуев Т.А.</i>	90
Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре Галиатского склепа 1935 г. в Дигорском ущелье (Северная Осетия) <i>Кадиева А.А.</i>	100
Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской обл. (проблемы комплексного изучения) <i>Чендев Ю.Г., Колода В.В.</i>	112

Публикации

Мезолитические роговые муфты с территории Верхнего Поволжья <i>Аверин В.А., Аверина А.В., Уткин А.В.</i>	122
Защитное вооружение чжурчжэньского воина <i>Артемьева Н.Г., Прокопец С.Д.</i>	129
Кожаная обувь из погребений Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора <i>Осипов Д.О.</i>	143

Заметки

Клад рубящих орудий с Южного Урала <i>Мосин В.С., Зайцев И.А.</i>	152
--	-----

История науки

Древности Горбуновского торфяника: история открытия и сохранения <i>Рыжкова О.В., Черненко Е.А.</i>	160
Погребение с набором фигурных полихромных сосудов из Фанагории 1852 г.: к истории открытия <i>Застрожнова Е.Г.</i>	166

Критика и библиография

Труды 5-го Международного симпозиума “Радиоуглерод и археология”, Цюрих, Швейцария, 2008 г. <i>Кузьмин Я.В.</i>	169
Некоторые направления исследований в археологии Юго-Восточной Азии <i>Захаров А.О.</i>	174
Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб., 2010 <i>Смирнов А.С.</i>	179

Хроника

Международная научная конференция “XXVI Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010 г. <i>Албегова З.Х., Багаев М.Х., Гадиев У.Б., Корневский С.Н., Коробов Д.С., Скаков А.Ю.</i>	183
“Новые материалы и методы археологического исследования”: научная конференция молодых ученых. Москва, 2011 <i>Родинкова В.Е., Кузьмина Ю.Н., Ворошилова О.М., Кочкаров У.Ю.</i>	188
Список сокращений	191

Сдано в набор 12.10.2011 г.	Подписано в печать 30.11.2011 г.	Формат бумаги 60 × 88 ¹ / ₈		
Цифровая печать	Усл.печ.л. 24.0	Усл.кр.-отт. 14.0 тыс.	Уч.-изд.л. 25.6	Бум.л. 12.0
	Тираж 572 экз.	Зак. 2033		

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

Number. 1, 2012

Early Jomon pottery (based on material from Ookubo site) <i>Zhushchikhovskaya I.S.</i>	5
Late Eneolithic kurgan cemetery near the village of Soyug Bulag in Azerbaijan <i>Museibli N.A.</i>	16
Bit from the Lugovskoy cemetery: concerning equestrian and equine images in Ananyino art <i>Chizhevsky A.A., Shatalov V.A.</i>	26
Black-figured Attic (Cassel) cups from the North Pontic region in the State Hermitage <i>Petrakova A.E.</i>	36
Corinthian vases with ornamental painting in the white style <i>Bukina A.G.</i>	49
“Collective” burials in the necropolis near Zaozernoye village in northwestern Crimea <i>Popova E.A.</i>	57
Late Zarubintsy sites of the Rakhny type and their correlation with the Sarmatian antiquities from the Southern Bug – Dniester interstream area <i>Voronyatov S.V.</i>	69
Ethnic and cultural interaction during the Great Migration period: archeometallographic data (based on materials from the Volga-Kama and Oka regions) <i>Zav'yalov V.I., [Rozanova L.S.], Terekhova N.N.</i>	82
On the cultural attribution of the gold objects from Brut 1 burial ground in North Ossetia <i>Gabuev T.A.</i>	90
Chronological indicators in the burial inventory excavated in 1935 at Galiat crypt in the Digorskoye gorge (North Ossetia) <i>Kadieva A.A.</i>	100
Natural environment, soils and architectural peculiarities of Korobovy Khutora fortified settlement in Kharkov oblast' (issues pertaining to integrated study) <i>Chendev Yu.G., Koloda V.V.</i>	112

Publications

Mesolithic horn sockets from the Upper Volga region <i>Averin V.A., Averina A.V., Utkin A.V.</i>	122
Jurchen warrior armor <i>Artemyeva N.G., Prokopets S.D.</i>	129
Zeather footwear from burials at the Martirievskaya porch of St. Sophia cathedral in Novgorod <i>Osipov D.O.</i>	143

Notes

Hoard of cutting tools from the South Urals <i>Mosin V.S., Zaitsev I.A.</i>	152
--	-----

History of Science

- Antiquities of the Gorbunovsky peat bog: history of discovery and conservation
Ryzhkova O.V., Chernenko E.A. 160
- Burial with assemblage of figurate polychrome vessels from Phanagoria, 1852: towards the history of the discovery
Zastrozhnova E.G. 166

Critics and Bibliography

- Proceedings of the International 'C14 and Archaeology' symposium, Zurich, Switzerland, 2008
Kuzmin Ya.V. 169
- Certain research topics in the archaeology of Southeast Asia
Zakharov A.O. 174
- Platonova N.I. "The History of Archaeological Thought in Russia. Second half of the 19th c. – first third of the 20th c." St. Petersburg, 2010
Smirnov A.S. 179

Chronicle

- International scientific conference "The 26th Krupnov Readings" on North Caucasian archaeology. Magas, 2010
Albegova Z.Kh., Bagaev M.Kh., Gadiev U.B., Korenevsky S.N., Korobov D.S., Skakov A.Yu. 183
- "New Materials and Methods of Archaeological Investigation: Scientific Conference of Young Scientists". Moscow, 2011
Rodinkova V.E., Kuzmina Yu.N., Voroshilova O.M., Kochkarov U.Yu. 188
- List of abbreviations 191

КЕРАМИКА РАННЕГО ПЕРИОДА КУЛЬТУРЫ ДЗЕМОН (по материалам памятника Оокубо)

© 2012 г. И.С. Жущиховская

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток (irinalzh@mail.ru)*

Ключевые слова: Японский архипелаг, неолит, ранний период культуры Дземон, памятник Оокубо, керамика, стиль Нижний Энто.

The paper considers the archaeological materials from Ookubo (northern Honshu island, Japanese archipelago). The site has materials from the Early and Middle periods of the Jomon culture. The paper focuses on the Early Jomon pottery collection, which comprises a series of 50 vessels. The vessels are attributed to Lower Ento ceramic style which is encountered in Tohoku (northern Honshu) and southern Hokkaido. Their technological, morphological and decorative features share some common traits with some other Jomon ceramic styles and at the same time show certain specifics of Lower Ento style.

Самой представительной и яркой категорией артефактов неолитической культуры Дземон Японского архипелага является, по общему мнению, керамическая посуда. Именно керамика с ее своеобразным веревочным декором привлекла внимание исследователей к памятникам этой культуры в конце 70-х годов XIX в. (Kobayashi, 2004. P. 22–24). За более чем 100-летнюю историю археологических изысканий раскопаны сотни памятников, для большинства которых характерны массовость и хорошая сохранность керамических ансамблей. В Японии керамика Дземона – предмет специального изучения начиная с 30-х годов XX в. До настоящего времени классическими в этой области считаются труды С. Яmanouchi, в которых впервые был дан детальный анализ технологии нанесения веревочного орнамента, а также предложены временная и территориальная систематизации керамических комплексов по их стилистическим особенностям (Primitive Arts..., 1964; Kobayashi, 2004. P. 24–27). Методика исследования и интерпретации, разработанная С. Яmanouchi, и сегодня определяет основные тенденции в изучении керамики Дземона японскими специалистами. Периодизация самой культуры строится в значительной мере с учетом динамических изменений в морфологии и декоре керамики. Выделяются шесть периодов, имеющих следующие датировки: изначальный (*Incipient*), 13 600–9200 гг. до н.э.; начальный (*Initial*), 9200–5300 гг. до н.э.; ранний (*Early*), 5300–3500 гг. до н.э.; средний (*Middle*), 3500–2500 гг. до н.э.; поздний (*Late*), 2500–1200 гг. до н.э.; и финальный (*Final*), 1200–900 гг. до н.э. Каждый период представлен

определенными керамическими стилями, число которых в настоящее время составляет около 70 (Habu, Hall, 1999; Kobayashi, 2004. P. 5, 19–49).

Стиль – основной параметр локально-временной систематизации керамических комплексов культуры Дземон, однако разработанной концепции стиля в японской археологии не существует. Один из ведущих исследователей культуры Дземона Т. Кобаяси отмечает, что стиль характеризуется особыми, присущими ему “атмосферой”, “аурой”, “имиджем”. Исследователь видит аналогию в понимании стилей керамики Дземона и знаменитых школ средневекового японского гончарства – в обоих случаях можно говорить об узнаваемых внешних чертах, определяющих общее впечатление от керамических изделий (Kobayashi, 2004. P. 27–34).

Ведущую роль в идентификации большинства стилей керамики Дземон играют особенности декора, которые показывают более высокую степень территориально-временного варьирования по сравнению с морфологическими особенностями. Это нашло отражение в названиях многих стилей. Таковы, например, Дзеконмон (*Jokonmon*) – стиль керамики с прочерченным декором, распространенный в начальном периоде в ряде районов о. Хонсю; Каракусамон (*Karokusamon*) – стиль керамики с декором в виде арабески, известный в среднем периоде в районе Чубу на о. Хонсю; Фусен-амидземон (*Fusen-amijomon*) – стиль керамики с аппликативным сетчатым декором, характерный для финального периода в районах Чубу и Канто, и др. (Kobayashi, 2004. P. 30, 31).

Между тем для некоторых стилей в качестве маркирующего критерия наряду с декором выступают и отдельные наиболее примечательные особенности формы сосудов. Примерами могут служить стиль Веревоной Остродонной керамики, выделяемый для начального и первой половины раннего периода на севере о. Хонсю и на юге о. Хоккайдо, стили Нижний Энто и Верхний Энто (энто в переводе с японского означает “труба”) в этих же районах в раннем и частично среднем периодах культуры Дземон. Однако в большинстве случаев для идентификации керамического стиля форма вторична по отношению к декору. Внутри многих стилей существуют градации по типам форм сосудов. Есть прецеденты, когда стиль определяется по ярким технологическим признакам, определяющим внешний вид изделий. Так, по материалам памятников о. Кюсю конца позднего и начала финального периода Дземона выделен стиль Кокусеку макен (*Kokushoku taken*), обозначающий чернолощеную керамику (Kobayashi, 2004. P. 30, 31).

Следует заметить, что и в европейской археологической науке понятие “стиль” имеет достаточно широкие интерпретационные рамки. Это, в частности, подчеркивает Л. Клейн: «Архемы одного “стиля” (или одного вкуса, одной трактовки) объединены... сознательно или неосознанно предпочитаемым особенностями оформления, которые могли иметь семантический смысл, могли иметь художественное значение, а могли и не восприниматься такими. Стиль в понимании археолога... не вполне совпадает с искусствоведческим понятием стиля, будучи гораздо более широким и свободным» (1991. С. 161). Понятие “стиль” дифференцируется от понятия “тип”, которое имеет значительно более формализованный, строгий и узкий смысл. Стиль может включать в себя определенное число типов. Однако в отличие от “типа” понятие “стиль” слабо разработано в археологической науке и не столь часто и уверенно употребляется в конкретных исследованиях (Клейн, 1991. С. 161, 162, 384). Если исследователи все же оперируют этим понятием, то, как правило, определяют стиль керамики через свободное, не жесткое сочетание характеристик морфологии и декора (Armit, Finlayson, 1995).

Время существования большинства стилей керамики Дземон ограничивается рамками одного периода культуры – таковы, например, широко известные Каэн (*Kaen*), Атамадай (*Atamadai*), Кацусака (*Katsusaka*), выделенные для среднего периода в ряде районов о. Хонсю; стиль Собата (*Sobata*) раннего периода на о. Кюсю; стиль Камегаока (*Kamegaoka*) финального периода на севере о. Хонсю и юге Хоккайдо. История некоторых сти-

лей начинается в одном периоде, а заканчивается уже в следующем. Это упомянутый выше Кокусеку макен, также стиль Атака (*Ataka*), имевший распространение на о. Кюсю в среднем и начале позднего периодов, ряд других стилей (Kobayashi, 2004. P. 30, 31).

Знакомство с керамикой Дземона по зарубежным публикациям, в первую очередь японским, создает впечатление временного и территориального многообразия признаков, характеристик, черт, разобратся в котором зачастую непросто. Тем больший интерес представляет непосредственное исследование керамических коллекций дземонских памятников, детальная фиксация особенностей технологии, морфологии и декора изделий древних гончаров, сравнение полученных результатов с уже известными, опубликованными материалами и их интерпретациями. В статье изложены наблюдения и обобщения, сделанные автором в 2003 г. в процессе работы с коллекциями памятника Оокубо, хранящимися в фондах Национального музея японской истории в г. Сакура (префектура Чиба). Этот музей, известный в Японии под названием Рекихаку (*Rekihaku*), располагает обширным собранием керамики памятников культуры Дземон, раскопанных на о. Хоккайдо, Хонсю, Кюсю (The Ochiai Keisaku..., 2001).

Памятник Оокубо расположен на северо-востоке о. Хонсю, в префектуре Аомори, на берегу залива Муцу (Муцуван) (рис. 1). Раскопки на памятнике проводились еще в 20 – начале 30-х годов XX в., поэтому абсолютные датировки отсутствуют. В результате была получена обширная коллекция артефактов, основную часть которой составила керамика. Материалы относятся к раннему и среднему периодам Дземона, представляя соответственно керамические стили Нижний и Верхний Энто. Согласно принятой в японской археологии систематизации керамики, территория распространения данных стилей – северная часть района Тохоку (префектуры Аомори, Акита) и крайний юг о. Хоккайдо (Primitive Arts..., 1964; Kobayashi, 2004. P. 30, 31).

Многие сосуды из памятника Оокубо имеют прекрасную сохранность, некоторые изделия тщательно отреставрированы и позволяют получить полную информацию об их форме и декоре. Автором была исследована коллекция из 50 сосудов раннего и 58 сосудов среднего периода культуры Дземон. Технологические особенности керамики выяснялись путем осмотра ее с помощью биноклярной лупы, проводились замеры морфологических параметров, фиксировались композиционные схемы декора. Отдельные результаты исследования керамики Оокубо, в частности особенности декора сосудов среднего периода Дземон, уже опубликова-

лись автором (Zhushchikovskaya, 2007; Жущиховская, 2009).

Цель данной статьи – дать систематизированную характеристику комплекса сосудов только раннего периода с позиций технологии изготовления, морфологии и декоративного оформления.

Технология изготовления. Можно выделить несколько вариантов состава формовочной массы керамики, различных по своим компонентам. Наиболее простой – глина с примесью песка (№ А-14-1-14; А-14-1-15; А-14-1-16 и др.). Песок разнозернистый, количество его, по глазомерным подсчетам, варьирует примерно от 10 до 30%, распределение в формовочной массе неравномерное. Высока вероятность естественного происхождения песчаной примеси.

У серии сосудов формовочная масса состоит из глины с песком и включениями органического происхождения (№ А-14-3-3; А-14-1-24; А-14-3-5; А-14-3-8 и др.). Песок, как правило, разнозернистый, с довольно неравномерным распределением зерен. По глазомерным подсчетам, его количество может составлять от 10 до 20%, иногда более. Представляется весьма вероятным, что песчаная примесь изначально присутствовала в глине. Включения органики определяются по извилистым, очень тонким пустотам на поверхности и иногда в изломе стенок. Длина пустот варьирует от 5 до 10 мм. Надежно идентифицировать происхождение этих включений сложно. Так может выглядеть выгоревшая волокнистая органика животного происхождения – очень тонкая шерсть или птичий пух. Нельзя исключать и возможность растительного происхождения данных включений.

Формовочная масса ряда изделий помимо глины и песка содержит еще минеральные включения, внешне имеющие сходство с шамотной примесью. Это зерна округлого контура, размером от 1 до 3 мм, в основном с тонкой текстурой слагающего вещества, окрашенные более интенсивно, чем основной черепок. Количество их может составлять приблизительно от 10 до 25–30%. У некоторых сосудов (№ А-14-1-48; А-14-1-40; А-14-1-39; А-14-1-52, А-14-1-45) крупнозернистые однородные включения песка сочетаются с такими же крупными, до 5–6 мм, зернами вероятной шамотной примеси.

Наиболее сложный состав формовочной массы отмечен у нескольких сосудов: глина с примесью песчаных частиц, органическими включениями и вероятной шамотной примесью (№ А-14-3-13; А-14-1-56).

В целом, наиболее часто встречающиеся включения в глинистой основе формовочной массы –

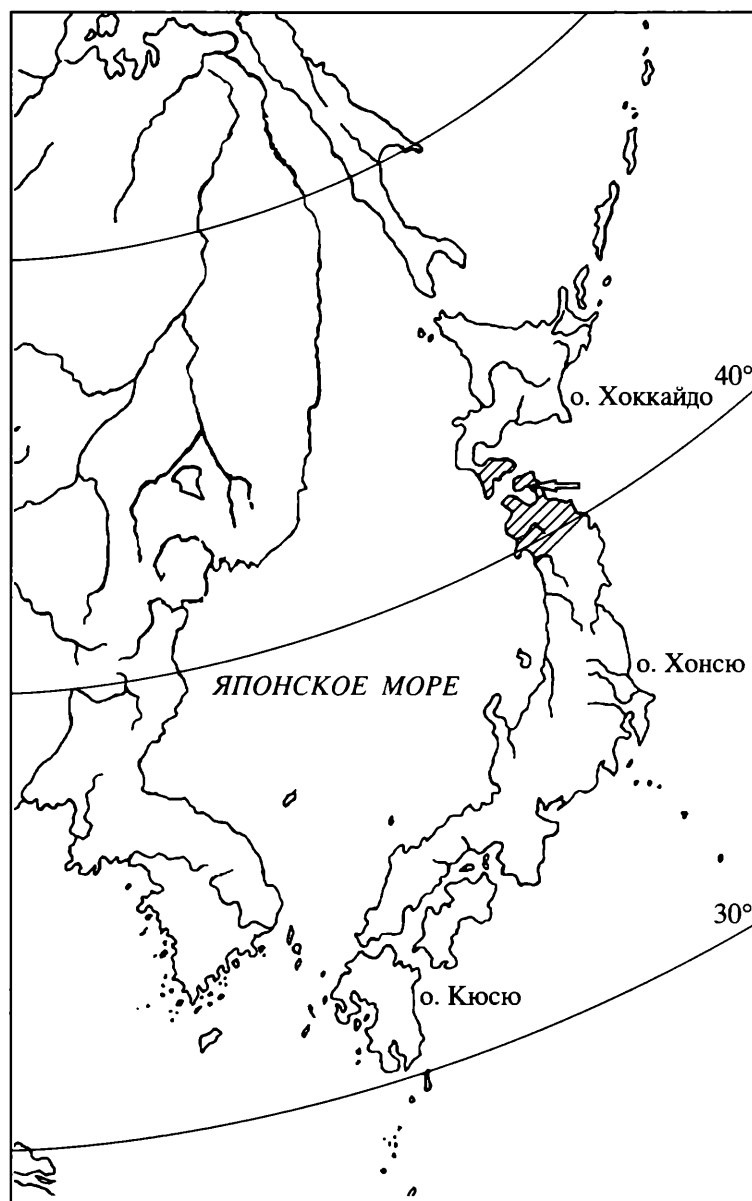

Рис. 1. Карта распространения керамики стиля Нижний Энто (заштриховано) и расположения памятника Оокубо (отмечено стрелкой).

визуально видимые зерна песка и примесь волокнистой органики животного или растительного происхождения. Песчаные частицы, судя по их внешним признакам, во многих случаях могут быть естественной примесью в глине. Для нескольких сосудов можно предполагать искусственный характер крупнозернистого отсортированного песка. Точная идентификация органической примеси требует специальных исследований. Это же касается и минеральных включений, определяемых предположительно как шамот. Определение шамота в археологической керамике достаточно сложно и помимо обычного визуального наблюдения требует иных методов анализа. Нередко примесь шамота имеет много общих признаков с естественными аргиллитовыми включениями в глине (Бобринский, 1978. С. 106–108; Whitbread, 1989).

Способ формовки определяется как кольцевой налест из жгутов. Исследовалась только поверхность сосудов, так как изломы у целых или реставрированных изделий практически были недоступны для наблюдения. У многих сосудов внутри отчетливо видны горизонтальные концентрические следы по линиям спаев жгутов. О том, что конструктивными элементами были именно жгуты, а не ленты, свидетельствует их незначительная ширина. Она составляет обычно от 1.5 до 3.5, иногда 4 см. В процессе формовки жгуты, вероятно, слегка уплощались. Количество жгутов варьирует в зависимости от высоты сосуда. Так, сосуд № А-14-1-16 высотой 35 см сформован из 12 жгутов. Сосуд № А-14-3-6 высотой 29.6 см сформован из 9 жгутов. Интересно, что в одном случае (№ А-14-3-21) конструктивными элементами, возможно, служили ленты или сильно уплощенные жгуты. Это можно предположить по расстоянию между линиями спаев внутри сосуда – 6–7 см. Толщина стенок сосудов составляет от 0.5 до 0.8 см, в единичных случаях – 0.4 и 0.9.

Формовка донной части, предположительно, велась на основе-лепешке. К ней по окружности встык присоединялся глиняный жгут или узкая лента, края которой слегка приподнимались и служили основой для наращивания стенок тулова. У многих сосудов на наружной стороне дна хорошо видна концентрическая граница соединения лепешки и жгута (ленты?). Серия сосудов имеет интересную особенность – отсутствует основа-лепешка, но стыковочный жгут (лента?) сохранился. По-видимому, лепешка и жгут (лента?) не всегда соединялись достаточно прочно.

Приемы обработки стенок после формовки были несложны. Внешняя поверхность замывалась жидкой глиной, подсушивалась, затем по ней наносился веревочный декор. На внутренней поверхности иногда отмечаются характерные борозды от заглаживания или выравнивания пучком травы или краем деревянной щепы (Zhushchikhovskaya, 2009). Многие сосуды внутри имеют следы заглаживания замытой и слегка подсохшей поверхности подушечками пальцев. Такая обработка позволяет получить гладкую поверхность с эффектом легкого лощения. Направления заглаживания – концентрическое, круговое в верхней части стенок, вертикальное – в средней и нижней частях стенок. Обработка внутренней поверхности могла быть тщательной – в этом случае следы спаев жгутов практически не заметны. Однако нередко обработка была довольно небрежной и не уничтожала этих следов.

Характерная особенность большинства сосудов – узкая концентрическая зона непосредственно над дном со следами подмазки глиной по еще пластич-

ной поверхности и последующего заглаживания или затирания. В ряде случаев можно заметить, что эта обработка происходила уже после нанесения орнамента, который в результате оказывался стертым у самого дна. Возможно, практическая цель этой операции – дополнительно укрепить придонный участок стенок.

Об особенностях обжига сосудов можно судить в основном по цвету поверхности. Для керамических изделий характерна блеклая буровато-желтая, бледно-желтая, бледно-оранжевая окраска поверхности. Эти характеристики указывают на то, что изделия, скорее всего, обжигались при температуре 600–700° С, что обычно соответствует костровому обжигу.

Интересная особенность, отмеченная для целой серии сосудов, – зональная двухцветность поверхности. Нижняя часть тулова имеет светлую окраску, верхняя – темную, грязно-серую, иногда почти черную. Граница между зонами находится примерно на половине высоты сосуда. Темный цвет – результат довольно интенсивного задымления, насыщения черепка мельчайшими частицами твердого углерода. Светлый цвет свидетельствует о воздействии окислительной воздушной среды.

Морфология керамики. Для характеристики морфологии сосудов приведем данные по их структуре, оформлению устья, размерным параметрам и пропорциям.

Структурная группа 1. С точки зрения структуры формы большинство изделий характеризуется отсутствием выделенной горловины, т.е. устье не имеет сколько-нибудь заметного отграничения от нижележащей части тулова. Диаметр устья является и максимальным диаметром сосуда. Стенки емкости постепенно суживаются от устья к дну (рис. 2А, Б; 3, 1, 3).

Структурная группа 2. Два сосуда (№ А-14-3-9 и А-14-1-22) имеют слабо выделенную низкую горловину цилиндрических очертаний. Отношение диаметра основания горловины к максимальному диаметру тулова – 0.9, т.е. степень сужения стенок очень незначительна (рис. 2В, 17, 19).

Структурная группа 3. У ряда сосудов (№ А-14-1-43; А-14-1-45; А-14-1-10; А-14-1-46; А-14-3-10; А-14-3-8; А-14-3-14) верхняя приустьевая часть имеет слегка воронковидные очертания и как бы насажена на тулово с почти прямыми стенками. Диаметр устья является максимальным диаметром сосуда. Его отношение к диаметру в месте сужения стенок составляет 1.1–1.2 (рис. 2В, 18, 20–23; 3, 2, 4).

Таблица 1. Размерные показатели сосудов нижнего горизонта Оокубо

Размерные показатели	Высота (см)			Диаметр <i>max</i> (см)			Диаметр дна (см)		
	10.8–23.5	25.2–35	36–46	9.5–9.8	14.8–18.5	20–28.5	5–9.5	10–13	13.5–16
Количество сосудов	11	27	13	2	12	37	10	21	20

Таблица 2. Индексы пропорций сосудов нижнего горизонта Оокубо

Индексы пропорций	Отношение высоты к диаметру <i>max</i>			Отношение диаметра <i>max</i> к диаметру дна			
	1–1.2	1.3–1.6	1.7–2.5	1.3–1.5	1.6–1.8	1.9–2.0	2.4–2.5
Количество сосудов	8	35	6	5	24	17	3

Отличительная особенность устьевой части ряда емкостей (15 шт.) – наличие вертикальных рельефных выступов на верхней кромке венчика (рис. 2Б, 16; В, 18, 20, 23). Количество выступов – четыре, расположены они симметрично по окружности устья. Очертания выступов различны: трапециевидные, треугольные, прямоугольные, дугообразные, асимметричные и др. Высота выступов – от 0.7 до 2.5 см. Какую роль выполняли они – функциональную или чисто декоративную? На наш взгляд, возможно совмещение этих функций, особенно для сосудов без горловины. Выступы, позволявшие фиксировать положение руки в зоне устья, делали более удобным различные манипуляции с керамической емкостью. Вместе с тем эта деталь придавала эстетическое своеобразие внешнему облику сосудов.

Размеры исследованных сосудов характеризуются тремя показателями: общей высотой, максимальным диаметром и диаметром дна (табл. 1). Высота сосудов с выступами определялась с учетом высоты последних.

Показатели пропорций (табл. 2) отражают доминирующую тенденцию заметного преобладания высоты над максимальным диаметром, что обуславливает удлиненные, вытянутые очертания сосудов. Отношение диаметра устья к диаметру дна также обнаруживает отчетливый стандарт, составляющий 1.6–2.0.

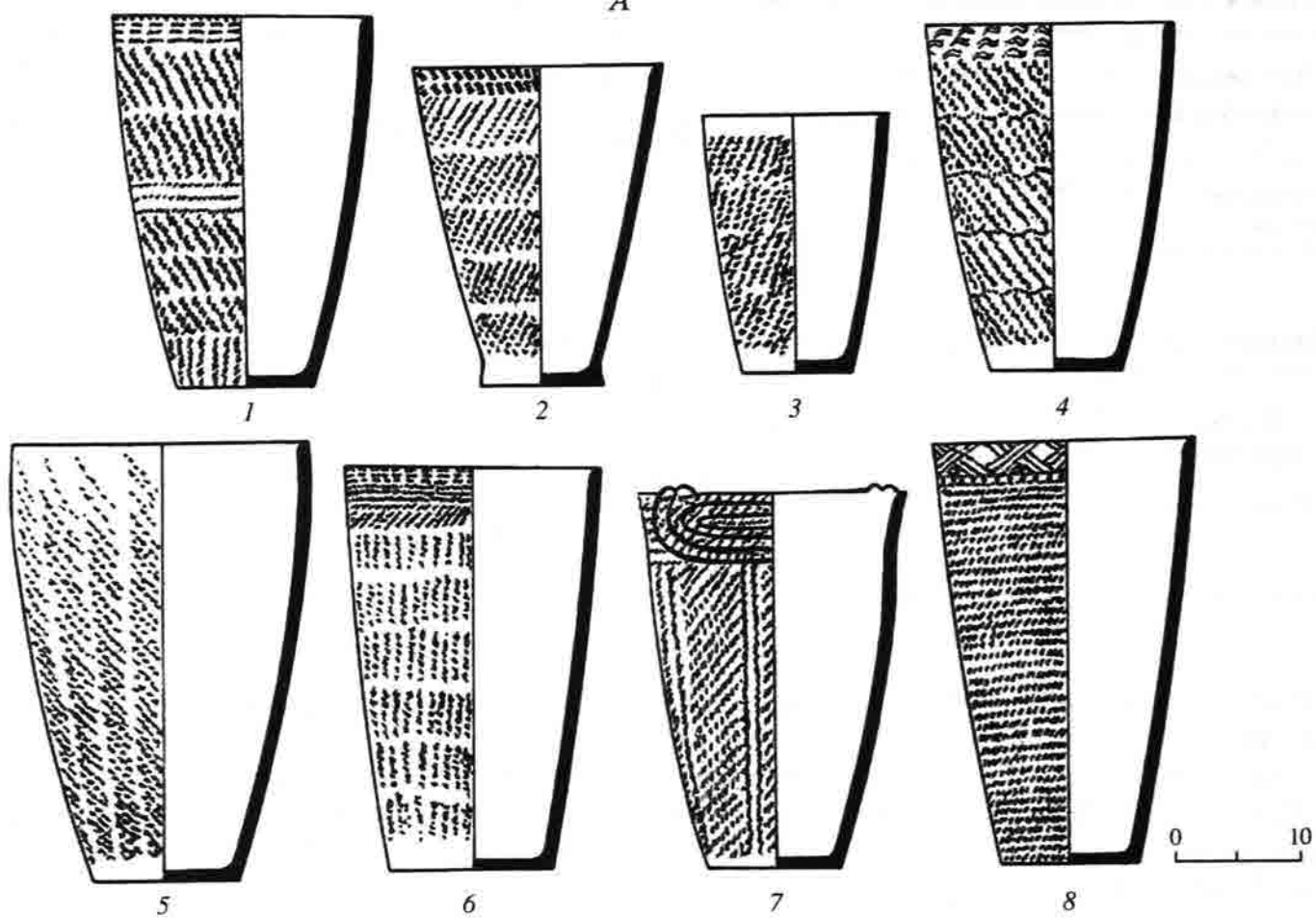
Декоративное оформление. Каждый сосуд из рассматриваемой коллекции имеет орнаментальный декор, занимающий всю или почти всю внешнюю поверхность стенок. У большинства изделий приустьевая зона образует орнаментальный

бордюр, элементы и мотивы которого отличны от орнаментации тулова. У двух сосудов (№ А-14-3-5; А-14-2-6) узкая зона вдоль устья оставлена чистой (рис. 2А, 3). У пяти сосудов орнамент приустьевой зоны до верхней кромки венчика продолжает орнаментацию тулова.

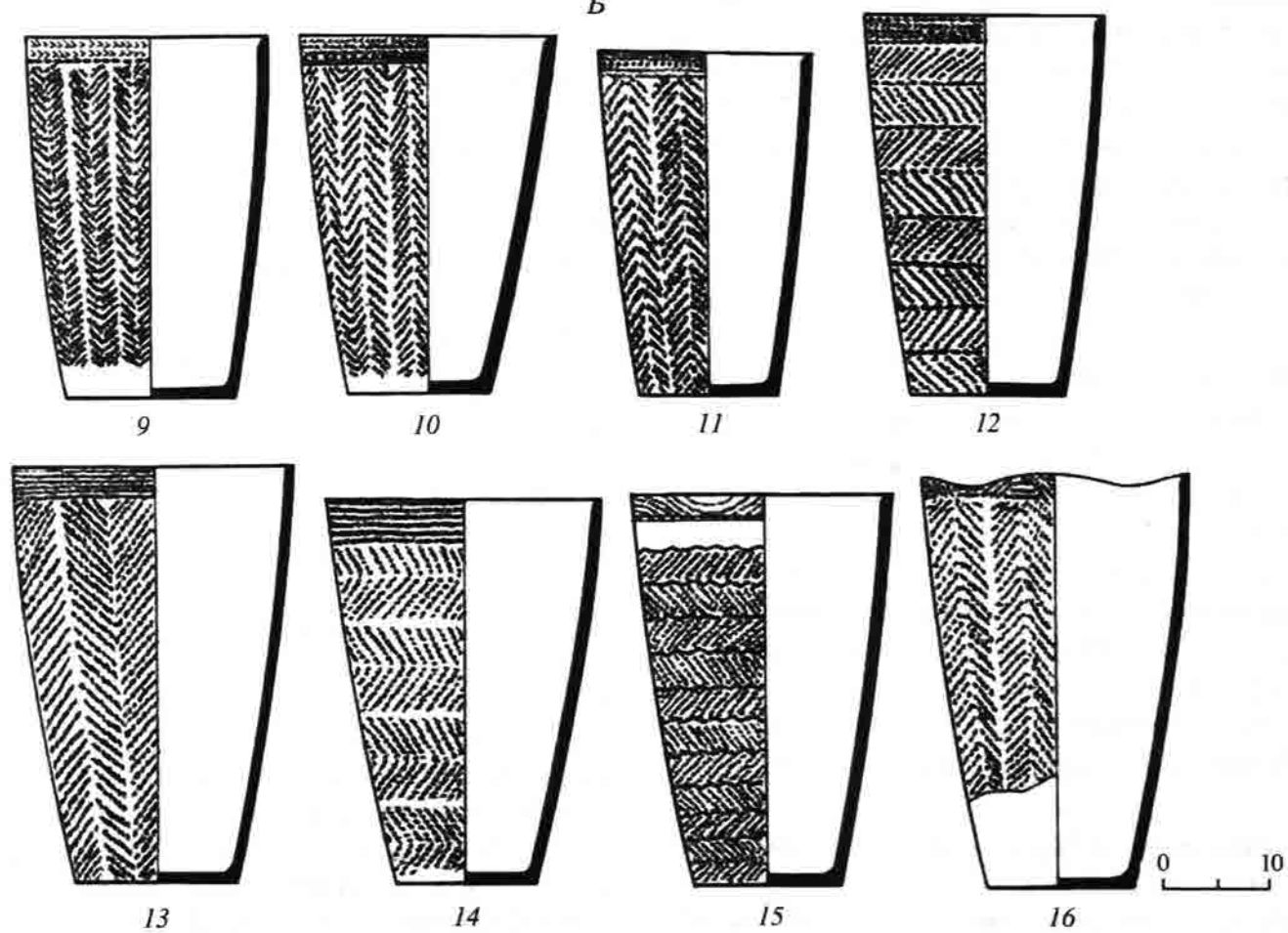
Основные технико-декоративные элементы орнамента – веревочные оттиски. Для орнаментации тулова использовался прием прокатывания по слегка подсохшей стенке сосуда штампов, изготовленных из скрученных веревочек либо из обмотанного веревочкой деревянного стерженька, а также штампов-узлов. Японскими исследователями установлены различные виды витья, скручивания и обмотки веревочных штампов, а также варианты направления их движения по стенке сосуда. Эти характеристики определяли особенности орнаментального рисунка в каждом конкретном случае (Primitive Arts..., 1964. P. 218–220; Ancient Japan, 1992. P. 69; Kobayashi, 2004. P. 24–26).

На керамике Оокубо раннего периода различаются несколько вариантов орнаментации тулова, выполненных прокатыванием как скрученного веревочного штампа, так и штампа-стерженька, обмотанного веревочкой. Эти варианты находят аналогии в эталонных экспериментальных образцах веревочного декора, опубликованных С. Яма-ноучи (Primitive Arts..., 1964. P. 218–220). Прием прокатывания штампа из скрученных веревочек выполнялось несколько вариантов орнамента. Первый, наиболее простой, вариант – оттиски веревки, чаще всего наклонные, сплошным полем покрывающие стенки тулова (рис. 2А, 3, 8; 3, 2). Длина оттисков – 5–8 см. Второй вариант – горизонтальные ряды наклонных либо почти вертикальных от-

А

Б

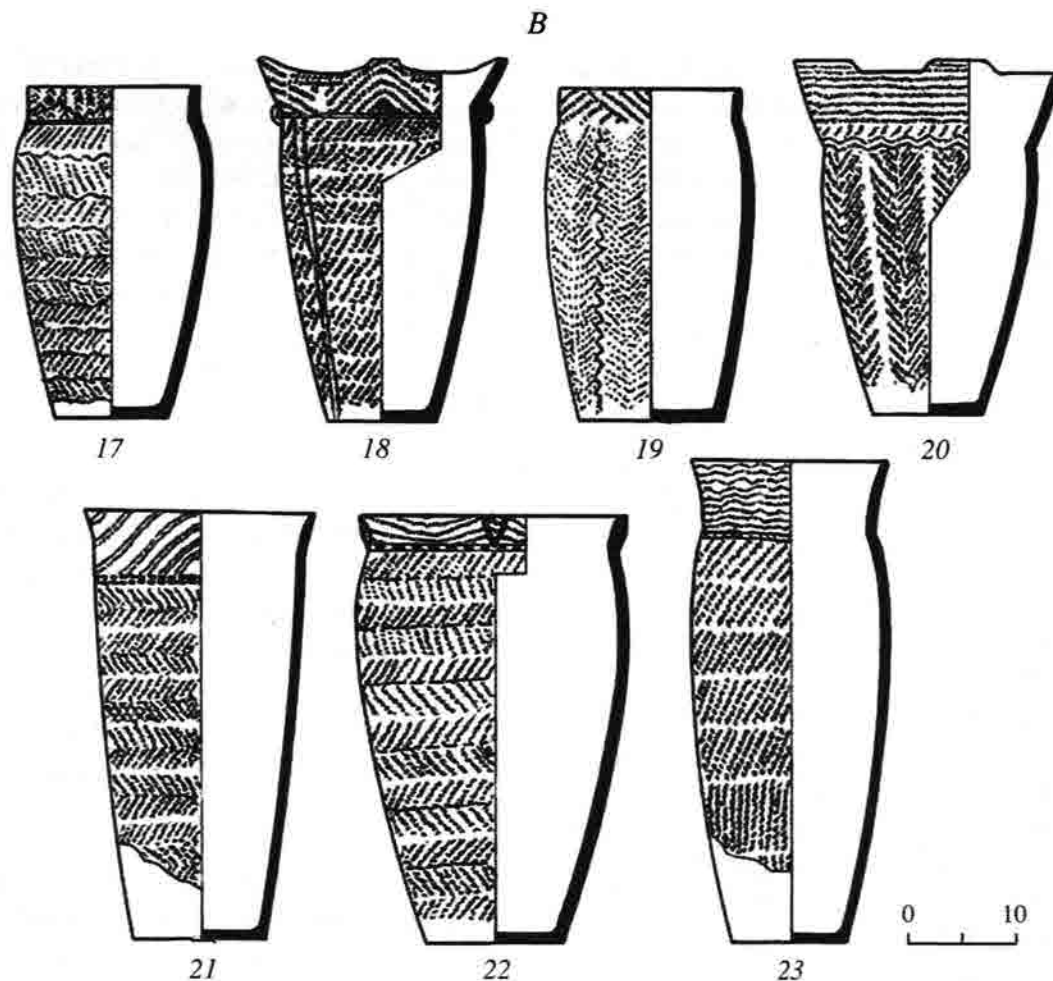

Рис. 2. Керамические сосуды стиля Нижний Энто из памятника Оокубо, префектура Аомори, о. Хонсю. Из фондов Национального музея японской истории.

тисков. Ряды разделяются узкими чистыми полями либо цепочками ямочных вдавлений, мелких элементов, нанесенных также веревочным штампом, иногда – горизонтальными отпечатками веревки, обмотанной вокруг тулова (рис. 2А, 1, 2, 4, 6, 7; 3, 1). Третий вариант – вертикальные ряды горизонтально или наклонно ориентированных оттисков, разделенные чистыми полями, – отмечен лишь в нескольких случаях (рис. 2А, 5). Четвертый вариант – “елочные” горизонтальные бордюры, сплошным полем покрывающие тулово (рис. 2Б, 12, 14, 15; В, 17, 21, 22). Горизонтальный “елочный” рисунок может быть получен в результате прокатывания особых разновидностей штампа из скрученных веревочек (Primitive Arts..., 1964. P. 219. Pl. 17–19).

Выразительную серию образуют 13 сосудов, тулово которых покрыто орнаментом из вертикальных “елочных” бордюров (рис. 2Б, 9–11, 13, 16; В, 19, 20; 3, 3). Орнамент такого рода получается в результате прокатывания по стенке сосуда некоторых разновидностей штампа-стерженька, обмотанного веревочкой (Primitive Arts..., 1964. P. 220. Pl. 25–29). В большинстве случаев “елочные” бордюры расположены вплотную один к другому, однако

иногда они разделяются вертикальными узкими чистыми зонами либо волнообразными вертикальными линиями, оставленными прокатыванием узелкового штампа. Отличительная особенность вертикального “елочного” орнамента – изящество и аккуратность оттисков. Это свидетельство того, что для обмотки стерженьков использовались тонкие, с мелким витьем веревочки. Только на одном сосуде (№ А-14-3-1) сплошные оттиски веревки зафиксированы на внутренней поверхности стенок.

Декор приустьевой зоны большинства сосудов представлен орнаментальными композициями бордюрного типа. У сосудов с невыделенной горловиной (структурная группа 1) ширина орнаментального бордюра вдоль устья варьирует от 1.5 до 7 см в зависимости от общей высоты изделия. У сосудов структурной группы 2 ширина орнаментального бордюра равна высоте горловины (рис. 2В, 17, 19). У сосудов структурной группы 3 приустьевой орнаментальный бордюрок соответствует воронковидной верхней части (рис. 2В, 18, 20–23; 3, 2, 4). В тех случаях, когда устье имеет вертикальные выступы, орнаментальный бордюрок захватывает и их поверхность (рис. 2В, 18, 20; 3, 4).

Можно выделить не менее 10 видовых вариаций орнамента приустьевого зоны в зависимости от составляющих элементов и их композиции. Отличительная особенность – декор в этой зоне почти во всех случаях выполнен при помощи веревочек или шнуров тонкого плетения, что создает изящный аккуратный рисунок. Основным техническим приемом декора служило тиснение, позволявшее получать четкие отпечатки веревки, обмотанной по окружности либо образующей плавные волнообразные линии, несложные геометрические фигуры. Возможно, в ряде случаев использовались специально сделанные для этой цели веревочные штампы или трафареты. Случаи нанесения приустьевого орнамента приемом прокатывания единичны.

У многих сосудов орнаментальная композиция приустьевого зоны очень проста – это бордюр, образованный горизонтальными чередующимися или повторяющимися рядами оттисков обмотанной по окружности веревки, оттисков ямочных вдавлений или иных мелких элементов (рис. 2Б, 9–14; 3, 2, 3). Более выразительны композиции, в которых присутствуют геометрические мотивы и элементы – зигзаг (рис. 2Б, 17–19; 3, 4), ромб (рис. 2А, 8), сочетание прямой и наклонной линий (рис. 2Б, 16). Особую группу составляют орнаментальные композиции, в которых основным мотивом служит дугообразная или волнистая линия (рис. 2Б, 15; В, 21–23). В двух случаях (№ А-14-1-45; 1-14-1-65) декор приустьевого зоны состоит из аппликативных элементов – округлых в сечении жгутов, покрытых веревочными оттисками и образующих несложные криволинейные фигуры (рис. 2А, 7). У отдельных сосудов аппликативные детали – подтреугольные фигуры, шишечки – дополняют орнамент, нанесенный веревочными оттисками (рис. 2Б, 18, 22).

В целом, в декорировании сосудов прослеживается явная тенденция разграничивать устье и основную часть тулова сосуда. В этом смысле орнамент выполняет структурообразующую роль, будучи связанным с формой емкости. Как мы отметили выше, лишь у нескольких сосудов декор приустьевого зоны является простым продолжением орнамента тулова (рис. 2А, 5).

Ближайшие аналогии сосудам стиля Нижний Энто из Оокубо мы находим на других памятниках раннего периода Дземона на севере Тохоку. По данным фотокаталога С. Яmanouchi, изделия, почти идентичные по морфологии и декору сосудам Оокубо, известны из памятников на юго-востоке и северо-востоке префектуры Аомори, а также из некоторых памятников соседних префектур Акита и Ивате (Primitive Arts..., 1964. Pl. 28–35, 37). Среди опубликованных девяти сосудов шесть – без горло-

вины, один со слабо выделенной цилиндрической горловиной и два – с воронкообразной верхней частью. Изделия в основном крупные, высотой от 33 до 56 см, отношение высоты к максимальному диаметру составляет от 1.2 до 2, у большинства изделий – 1.4–1.7, отношение максимального диаметра к диаметру дна – от 1.8 до 2.4. Технологические приемы и композиционные принципы декора, нанесенного прокатыванием различных веревочных штампов, аналогичны тем характеристикам декора, которые отмечены нами для керамики Оокубо.

Далее попытаемся определить в общих чертах место керамического стиля Нижний Энто, представленного материалами Оокубо и некоторых других памятников, во времени и пространстве.

Район Тохоку, охватывающий северную часть о. Хонсю, интересен тем, что здесь выявлена серия археологических памятников с древнейшей керамикой. В частности, это стоянка Одай Ямамото I (*Odai Yamamoto I*) с самым ранним в Японии керамическим комплексом, имеющим калиброванную радиоуглеродную дату около 16 тыс. л.н., памятники изначального Дземона: Чодзякубо, Камотай, Хачазава и др. (Jomon Jidai Sosoki..., 1996; Archaeological..., 1999; Kaner, 2009).

В изначальный и начальный периоды Дземона в Тохоку и других районах о. Хонсю и на о. Кюсю идет становление технологических навыков, морфологических моделей и способов декора керамической посуды. Отметим две наиболее, на наш взгляд, важные особенности технологии изготовления глиняных емкостей в изначальном и начальном периодах. По данным исследований и публикаций керамических коллекций можно заключить, что доминировала тенденция использования в качестве формовочной массы природного сырья без специальных добавок и тщательной предварительной подготовки. В некоторых случаях формовочная масса содержала растительную волокнистую примесь (трава?), возможно, искусственного происхождения (Vandiver, 1991; Jomon Jidai Sosoki..., 1996. P. 63, 139, 141; Kaner, 2009). Способ формовки емкостей реконструируется исследователями как *slab construction*, т.е. лепка из небольших пластинок глины, соединяемых вместе (Vandiver, 1991. P. 85). Данный прием конструирования соответствует выделенному А.А. Бобринским еще в 1970-е годы “лоскутному налепу” (1978. С. 158, 159). Этот архаичный способ конструирования сосудов простейших форм существенно уступает по своим технологическим возможностям кольцевому налепу из жгутов или лент, распространившемуся в дземонском гончарстве позднее.

Рис. 3. Образцы керамических сосудов стиля Нижний Энто из памятника Оокубо, префектура Аомори, о. Хонсю (из фондов Национального музея японской истории), 1 – инв. номер А-14-1-39, высота 23.5 см; 2 – инв. номер А-14-1-42, высота 28.7 см; 3 – инв. номер А-14-1-25, высота 27.5 см; 4 – инв. номер А-14-1-46, высота 34.5 см.

Для морфологии сосудов изначального и начального периодов характерны различные вариации конического контура стенок в сочетании с заостренными и скругленными днищами. Плоскодонные емкости достаточно редки. Декорированы сосуды тисненым, прочерченным или рельефным орнаментом: различного вида оттисками, вдавлениями, прочесами, узкими изящными валиками, опоясывающими тулово или образующими несложный геометрический узор. Важно, что в начальный период получает развитие орнамент, нанесенный веревочными штампами (Aikens, 1995; Kobayashi, 2004. Р. 37–41). По мнению Т. Кобаяси, в древнейших гончарных изделиях, особенно относящихся к изначальному периоду, заметно влияние навыков изготовления емкостей из растительных материалов. Формы и нередко декор глиняных сосудов подражают очертаниям и рисунку поверхности плетеных корзин, сумок, мешков и др. (Kobayashi, 2004. Р. 34–37).

В ранний период происходят важные качественные изменения в сфере производства керамической посуды – на это указывают результаты нашего исследования материалов Оокубо. Во-первых, можно предположить, что в практику приготовления формовочных масс входят рецепты с искусственными добавками органического и минерального характеров. Это согласуется с заключениями исследователей о довольно широком распространении в ранний период Дземона формовочных масс с растительной примесью (Nishida, 1987; Aikens, 1995). Во-вторых,

формовка сосудов производится исключительно приемом жгутового налета, который начиная с раннего периода становится одной из самых устойчивых технологических традиций гончарства культуры Дземон. В-третьих, в керамике стиля Нижний Энто абсолютно доминирует модель плоскодонной емкости. В других районах архипелага керамические комплексы раннего периода также показывают ведущую роль плоскодонных сосудов, хотя в отдельных случаях встречаются емкости с округлым или острым дном (Primitive Arts..., 1964; Aikens, 1995). В-четвертых, веревочный орнамент в его различных вариантах имеет, по сути, значение канона в гончарстве стиля Нижний Энто. Использование веревки для декоративного оформления сосудов – одна из наиболее характерных черт большинства керамических стилей раннего периода культуры Дземон. В последующие периоды веревочный декор претерпевает существенные трансформации, но в том или ином виде сохраняется до конца существования культуры. В частности, район Тохоку и юг о. Хоккайдо дают интересный пример того, как на протяжении нескольких тысячелетий веревочный декор устойчиво сохраняет свои позиции, хотя его конкретные формы специфичны для раннего, среднего, позднего и финального периодов (Primitive Arts..., 1964; Aikens, 1995; The Ochiai Keisaku..., 2001; Kobayashi, 2004. Р. 19–49). Выявленные изменения носят, как можно полагать, общекультурный характер и маркируют новую стадию в развитии гончарства Дземона.

Обратим внимание на ряд более частных особенностей, отмеченных на керамике Оокубо. Одна из них – вертикальные выступы над венчиком, характерные для серии сосудов. Прием оформления устья выступами появляется уже в гончарстве начального периода, продолжает развиваться в раннем периоде, достигает своего расцвета в среднем периоде и сохраняется (в ограниченном масштабе) в позднем и финальном периодах культуры Дземон. Этот признак не имеет какой-либо определенной локальной или стилистической привязки, показывает широкое территориальное распространение и, вероятно, наряду с веревочной орнаментацией может считаться одним из маркеров керамической традиции Дземон (Primitive Arts..., 1964; Ancient Japan, 1992. P. 69–75).

Другая особенность – орнаментальный декор, выполненный приемом аппликации. В керамическом комплексе Оокубо раннего периода этот декор, как мы видели, отмечен в единичных случаях. Прием аппликации представлен ограниченно и в декоре керамики памятников раннего периода в других районах о. Хонсю. Композиции в приустьевой зоне и на тулове, состоящие из жгутов, валиков, шишечек, “жемчужин”, имеют несложный рисунок, а манера их выполнения часто свидетельствует о невысоком уровне освоения этого декоративного приема (Primitive Arts..., 1964. Pl. 36, 38, 39, 45, 47, 53, 55). Вероятно, аппликативный декор на керамике раннего периода продолжает традицию украшения сосудов рельефными деталями (валиками, “жемчужинами”), существовавшую уже в изначальном и начальном периодах. Вместе с тем аппликативные композиции на керамике раннего периода в целом имеют более развитый вид, выраженную тенденцию к криволинейности и являются своего рода прологом к настоящему расцвету криволинейного аппликативного декора в среднем периоде Дземона. Такие стили среднего периода, как Казн, Кэсори Е (*Kasori E*), Каракусамон, средний Дайги (*Daigi*) и другие, демонстрируют разнообразие композиционных решений и технологическую виртуозность аппликативного декора на керамических сосудах (Primitive Arts..., 1964. Pl. 67–158; Aikens, 1995; Kobayashi, 2004. P. 19–49). Стил Верхний Энто, характерный для северной части Тохоку и юга о. Хоккайдо и представленный коллекцией сосудов из верхнего горизонта Оокубо, также показывает широкое использование аппликативного декора, часто имитирующего различные плетеные веревочные структуры: узлы, петли, сетки и т.п. (Zhushchikhovskaya, 2007; Жущиховская, 2009).

Отдельно остановимся на такой весьма любопытной черте керамики Оокубо, как зональная

двухцветность тулова. Это, бесспорно, результат воздействия процессов температурной обработки. Однако является ли такая окраска следствием первичного обжига сосудов или результатом использования емкостей для приготовления пищи? Это интересная проблема для специального исследования с применением метода экспериментального моделирования. В контексте же данной статьи следует отметить, что подобная двухцветность – светлый низ и темный верх – характерна для многих сосудов из коллекции верхнего горизонта Оокубо, т.е. для керамики стиля Верхний Энто. Также на цветных фотоиллюстрациях в ряде публикаций можно заметить характерную двухцветность сосудов из различных памятников раннего и среднего периодов (Primitive Arts..., 1964. Pl. VIII; Kobayashi, 2004. P. 43, 64, 67, 170). По-видимому, отмеченная особенность отражает какие-то общие для культуры Дземон в ее раннем и среднем периодах тенденции в технологии обжига керамических емкостей или в способах приготовления пищи в них.

В чем состоит специфика стиля Нижний Энто на фоне других известных керамических стилей раннего периода культуры Дземон, которых сегодня насчитывается около полутора десятков (Kobayashi, 2004. P. 30, 31)? Обстоятельный ответ на этот вопрос требует детального сравнительного анализа обширных археологических материалов, поэтому здесь мы ограничимся фиксацией только самых заметных отличий.

Яркий внешний признак керамики Нижнего Энто – форма сосудов. Достаточно устойчиво выдерживается стандарт вытянутой в высоту емкости с тенденцией к относительно небольшой разнице между максимальным диаметром, который чаще всего является диаметром устья, и диаметром дна. Именно эти пропорции определяют “трубообразный” вид сосудов и соответственно название самого стиля. Обращаясь к публикациям, можно отметить, что сосуды близких пропорций присутствуют в керамических комплексах некоторых других стилей раннего периода, например Мороисо (*Moroiso*), Китасиракава (*Kitashirakawa*) и др. Однако там они не доминируют и сочетаются с емкостями, имеющими иные морфологические черты: приземистое, округлое либо конических очертаний тулово, довольно высокую воронковидную горловину и др. (Primitive Arts..., 1964. Pl. 26–66. Tabl. 2, 1).

Вероятно, в определенной мере своеобразие стиля Нижний Энто обусловлено и декором сосудов, а именно особенностями нанесения веревочного орнамента. Обращает на себя внимание распространение на этой керамике вертикально-

го “елочного узора”, с большой тщательностью выполненного прокатыванием штампа-стержня, обмотанного веревочкой. В сочетании с удлиненными по вертикали пропорциями посуды этот орнамент усиливает общую вытянутость сосудов. Знакомство с керамическими материалами других стилей раннего периода культуры Дземон оставляет впечатление, что этот орнамент был характерен именно для стиля Нижний Энто севера Тохоку (Primitive Arts..., 1964. Pl. 26–66. Tabl. 2, 1; Habu, Hall, 1999).

В целом, стиль Нижний Энто, представленный керамической коллекцией памятника Оокубо, соответствует определенному этапу развития традиций гончарства культуры Дземон. В данном стиле присутствуют важнейшие культурно значимые признаки, сближающие его с другими стилями керамики Дземон на протяжении начального—финального периодов. Вместе с тем можно говорить и об определенной локальной специфике гончарных изделий стиля Нижний Энто. Значительный интерес, на наш взгляд, представляет сравнительное исследование стилей Нижний Энто и Верхний Энто по материалам памятника Оокубо. Это позволит выявить достаточно детально характер временных изменений от раннего периода Дземон к среднему периоду в гончарстве севера Тохоку.

Автор выражает признательность за возможность работать с материалами памятника Оокубо директору музея Рекихаку проф. Масато Миячи, а также проф. Хироми Ситара, д-ру Масахиро Фукуда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методика изучения. М., 1978.
- Жуциховская И.С.* Символика веревки в японской культуре: к истокам традиции // Декоративно-прикладное искусство Восточной Азии: символика и культурные традиции. Владивосток, 2009.
- Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.

- Aikens C.M.* First in the World: The Jomon Pottery of Early Japan // The Emergence of Pottery: Technology and Innovation in Ancient Societies. Washington, D.C., 1995.
- Ancient Japan / Ed. R. Pearson. Washington, D.C., 1992.
- Archaeological Research on the Odai Yamamoto I Site / Eds Odai Yamamoto I Site Excavation Team. Tokyo, 1999.
- Armit I., Finlayson B.* Social Strategies and Economic Change: Pottery in Context // The Emergence of Pottery: Technology and Innovation in Ancient Societies. Washington, D.C., 1995.
- Habu J., Hall M.* Jomon Pottery Production in Central Japan // Asian Perspectives. 1999. V. 38. № 1.
- Jomon Jidai Sosoki: The Incipient Jomon. Yokohama, 1996.
- Kaner S.* Long-Term Innovation: The Appearance and Spread of Pottery in the Japanese Archipelago // Ceramics before Farming. L., 2009.
- Kobayashi T.* Jomon Reflections. Oxford, 2004.
- Nishida Y.* Fiber-tempered Pottery from the Makinouchi Site // Isaeki chosa kai hokoku: Reports of the Archaeological Center. V. 5. Nota, 1987.
- Primitive Arts of Japan. V. 1. Jomon Pottery / Ed. S. Yamanouchi. Tokyo, 1964.
- The Ochiai Keisaku Collection of Archaeological Objects // Illustrated Catalogue of National Museum of Japanese History. V. 1. Sakura, 2001.
- Vandiver P.B.* The Most Ancient Tradition of the Japanese Ceramics // Proceedings of the Intern. Symposium of Fine Ceramics, held in Arita, Saga prefecture, November 1991. Arita, 1991.
- Whitbread I.* The Characterization of Argillaceous Inclusions in Ceramic Thin Sections // Archaeometry. 1986. V. 28. № 1.
- Zhushchikhovskaya I.* Jomon pottery: cord-imitating decoration // Documenta Praehistorica. V. XXXIV. Ljubljana, 2007.
- Zhushchikhovskaya I.* Experimental Approach in Archaeological Ceramics Study (Russian Far East as a case of Study) // The Proceedings of Intern. Symposium on Ancient Ceramics'09. Shanghai; Beijing, 2009.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА У с. СОЮГ БУЛАГ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

© 2012 г. Н.А. Мусебли

*Институт археологии и этнографии Национальной
академии наук Азербайджана, Баку (abbasov@arch.ab.az)*

Ключевые слова: Южный Кавказ, поздний энеолит, лейлатепинская культура, Союгбулагский курганный могильник, погребальный обряд, миграции населения.

The excavations at Soyug Bulag cemetery have added to our knowledge of the Leilatepe Eneolithic archaeological culture in Azerbaijan, for which most of the hitherto available material came from settlements. The article presents the results of excavations at 18 settlements (2005). The specific features of the burial rite have analogies in the Maikop culture of the Caucasus. Some archaic tools made of obsidian and flint are typical of the Neolithic and indicate the genetic affinity between the Leilatepe and Maikop cultures, as well as Mesopotamian cultures (Ubaid, Uruk). Radiocarbon analysis has confirmed that the mounds at Soyug Bulag date to the first half of the 4th millennium BC. Investigations at the mounds revealed that the history of burial mounds in the Southern Caucasus is over a thousand years longer than previously assumed, and yielded important data for researching the migrations of certain population groups from Mesopotamia to the Caucasus in the 4th millennium BC.

Археологической науке известно немало фактов, когда исследование одного или нескольких памятников ставит на новый уровень освещение различных проблем, в том числе вопросов о связях отдельных культур, и позволяют по-новому их рассмотреть и интерпретировать. К числу таких памятников относится энеолитическое поселение Лейлатепе, раскопанное И.Г. Наримановым в 80-е годы XX в. в Карабахском регионе Азербайджана. На его основе, как известно, была выделена лейлатепинская культура Южного Кавказа и определены ее ближневосточные истоки (Нариманов, 1985). Еще один интересный памятник данной культуры – исследованный нами Союгбулагский курганный могильник (Мусебли, 2005).

Курганы Союг Булага были зафиксированы автором в 2004 г. на территории Акстафинского р-на Азербайджанской Республики, в 1 км севернее с. Союг Булаг, на 432 км маршрута нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Курганный поле находится левее р. Кура, к югу и западу от невысокой Джейранчельской горной гряды. Почва здесь глинистая, черного и каштанового оттенков. Участок с курганами находится на высоте 265–278 м над уровнем моря (Мусебли, 2005. С. 135; 2009. С. 53).

В 2005 г. нами были раскопаны 18 из этих курганов (Мусебли, 2005; 2009): № 1–6 – в коридоре трубопровода (I раскопный участок), № 7–18 – слева от трубопровода (II раскопный участок). Из

курганов, разрушенных в результате сельскохозяйственных работ, собраны фрагменты керамических сосудов (рис. 1, 4, 5). В 2009 г. были раскопаны еще три кургана (№ 19–21) (Мусебли, 2010а. С. 60–63). В 2006 г. совместная азербайджано-французская экспедиция исследовала еще несколько курганов (Lyonnet, 2009. P. 69–73).

В настоящей публикации излагаются результаты раскопок 2005 г.

Расстояние между курганами на этом поле составляет от 1–2 до 15–20 м, а иногда и больше. Максимальная высота курганных насыпей – около 1 м. Насыпи многих курганов не имеют четких рельефных признаков. Все курганные насыпи состоят из речных камней вперемишку с землей.

В целом, проведенные раскопки на курганном поле у с. Союг Булаг позволили выяснить структуру курганных сооружений, погребальную обрядность и дать характеристику археологического материала из погребений.

В результате многолетних сельскохозяйственных работ на территории курганного поля насыпи многих курганов в той или иной степени были повреждены (Мусебли, 2009). В силу указанной причины о структуре курганных насыпей на I раскопном участке информации мало. Но на II раскопном участке, также объекте сельскохозяйственных работ, характерные черты курганных насыпей все-таки удалось проследить. В целом, надмогильные

насыпи всех исследованных курганов состоят из земли вперемешку с речным булыжником. На основе расположения булыжных камней в насыпи курганы можно разделить на две группы.

Первую составляют насыпи с кромлехами и плотным булыжным заполнением в центре (рис. 2, 1; 3, 1; 4, 1; 5, 1). Обычно центральное каменное скопление имеет прямоугольную форму с ориентировкой ЮВ–СЗ. Кромлех из камней, окружавший булыжное заполнение в центре, достигал 2 м в ширину и во многих случаях охватывал всю оставшуюся поверхность курганной насыпи.

Вторую же группу представляют курганы с бессистемным заполнением насыпи булыжными камнями. В некоторых курганах (№ 4, 7, 11, 12) этой группы могильная камера отсутствовала, но среди булыжных камней насыпи были зафиксированы обломки керамических сосудов.

Могильные камеры, выявленные под курганными насыпями, делятся также на два типа. Это, во-первых, камеры, сооруженные на древнем горизонте (№ 3, 11, 18). Для их сооружения отбирался участок на 20–30 см выше дневной поверхности, который выравнивался, затем обкладывался речными булыжниками в форме прямоугольника. Обкладка имела 40–60 см в ширину и 30–40 в высоту. Часто могильная камера дополнительной поперечной булыжной выкладкой делилась на две секции, одна из которых больше другой. В таких надматериковых двухсекционных камерах человеческие костяки не выявлены. После установления в могильной камере погребального инвентаря она заполнялась землей и булыжником (рис. 2; 5). Напомним в данной связи, что в курганах майкопской культуры часто встречаются могилы, сооруженные на древнем горизонте. Некоторые из них делились на две части продольной канавкой-траншеей по длине камеры (Корневский, 2004. С. 17).

Ко второму типу относятся могильные камеры, сооруженные в материке (Мусейбли, 2009. С. 54, 55). Такие могильные камеры выявлены как под насыпями с кромлехами и плотным булыжным заполнением в центре, так и под курганными насыпями с бессистемным заполнением камнями. Единый принцип соотношения могильной камеры с последующей надмогильной насыпью отсутствует. Максимальная глубина могильной камеры не превышает 1 м. Порой они, как и в надматериковых могильных камерах, окаймлены булыжной выкладкой, причем принцип булыжной выкладки в обоих случаях идентичен.

Выделяется несколько видов вырытых в материке могильных камер, в том числе а) камеры, соору-

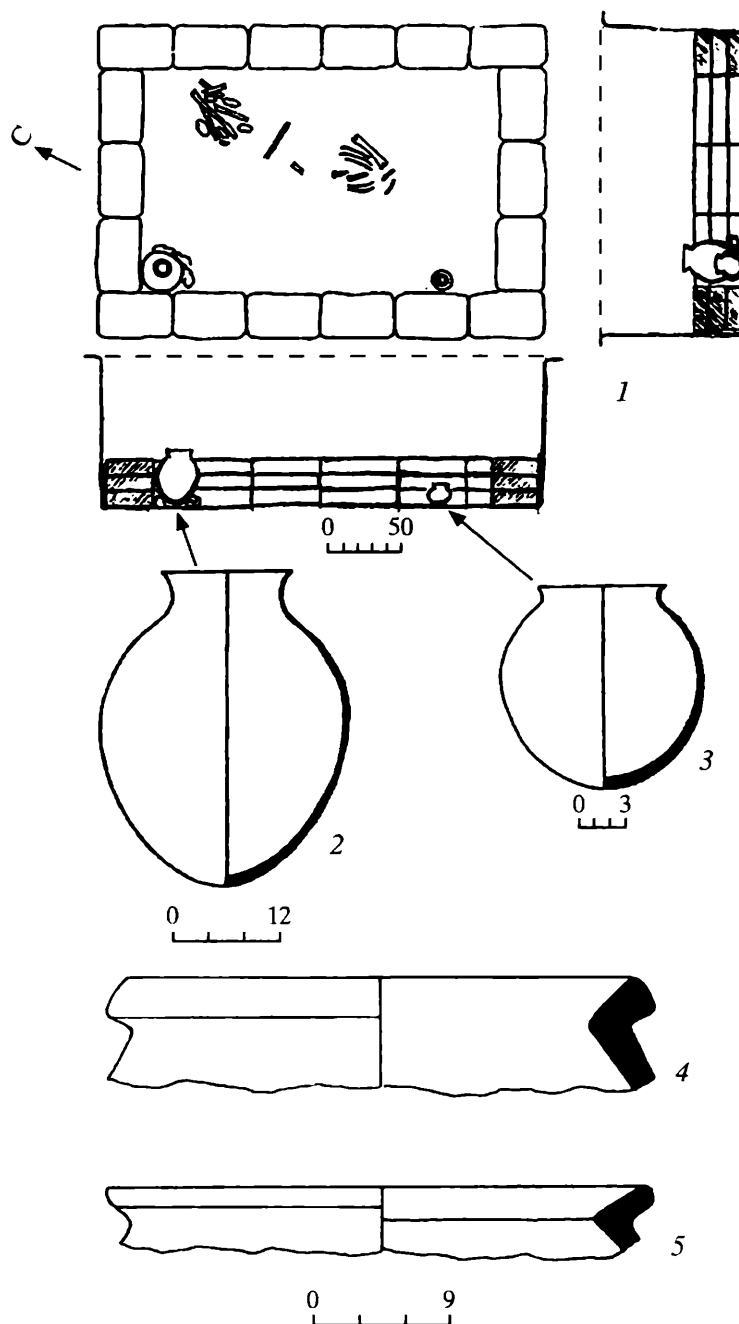

Рис. 1. 1 – план и разрез могильной камеры кургана 1; 2, 3 – керамика; 4, 5 – керамика из разрушенных курганов.

женные из сырцовых кирпичей (№ 1); б) обычные грунтовые могильные камеры (№ 2, 5, 6, 9, 10, 13, 15, 17); в) могильные камеры, окаймленные выкладкой из речных камней (№ 14, 16); г) могильные камеры, дно которых окаймлено канавкой, заполненной рыхлой землей с примесью золы (№ 8, 14).

Как видно, камеры второй группы имеют резкие отличия друг от друга в плане формы и других характеристик. Но вместе с тем у них есть и ряд сближающих их признаков. Так, за исключением могильной камеры, сооруженной из сырцовых кирпичей, все остальные могильные камеры имеют прямоугольные формы с овальными углами. Могильная камера кургана 2 имела яйцевидную форму. Такая конструкция выявлена и в майкопском

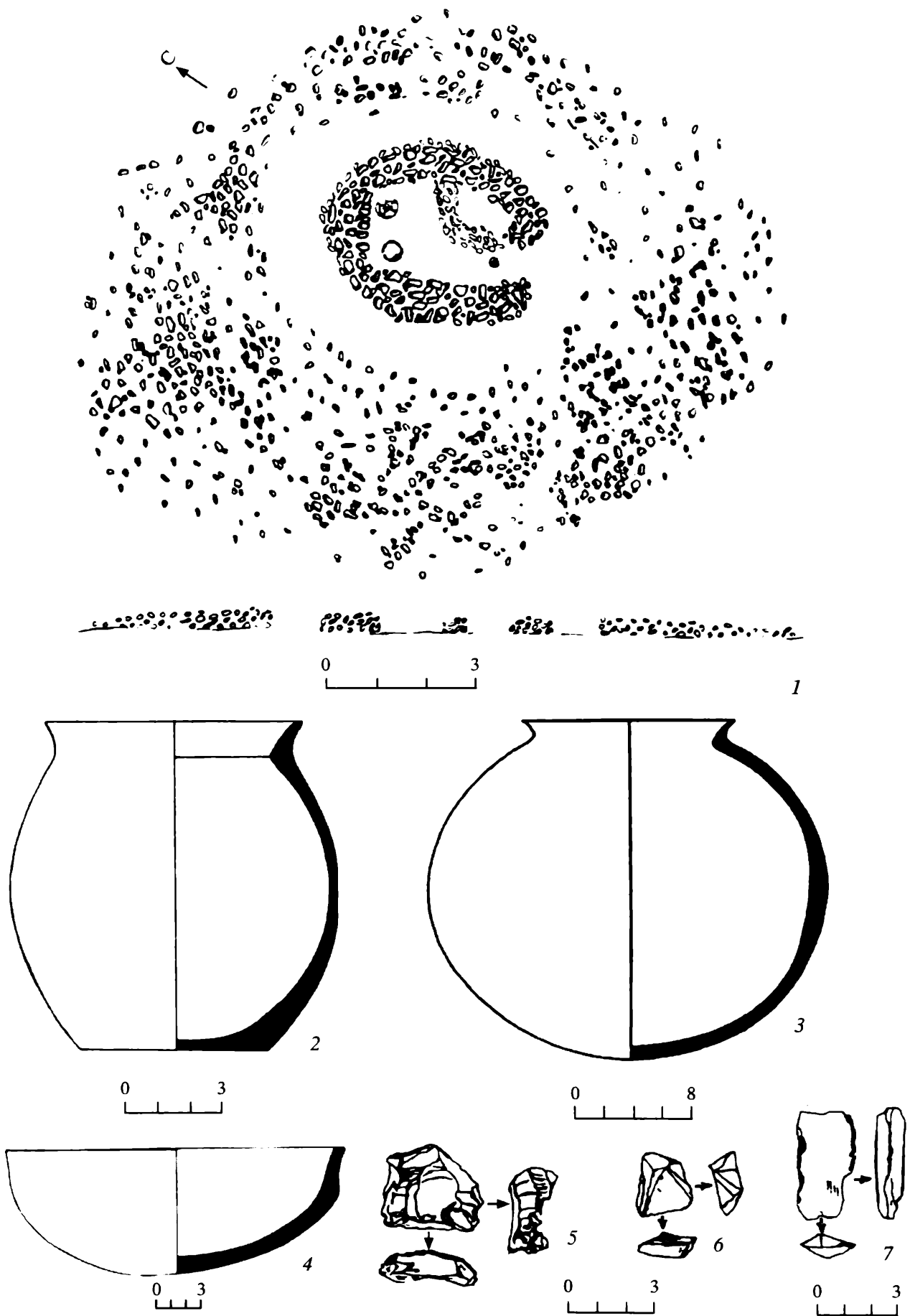

Рис. 2. Курган 3. 1 – план и разрез; 2–4 – керамика; 5, 6 – обсидиан; 7 – галька.

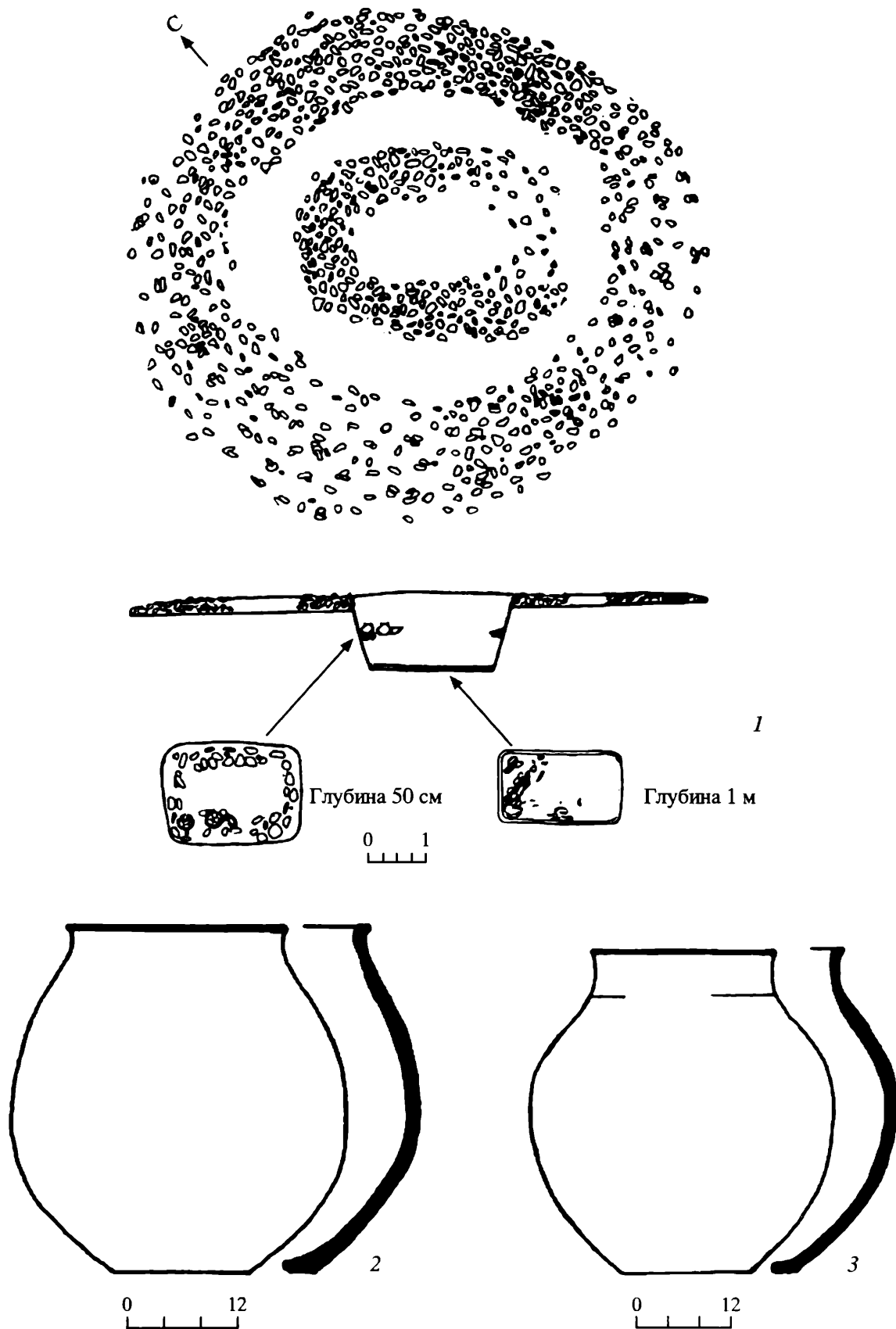

Рис. 3. Курган 14. 1 – план и разрез; 2, 3 – керамика.

кургане 3 у с. Брут Северной Осетии (Ростунов, 2006. С. 99).

В некоторых отмеченных в Союг Булаге над-материковых и материковых могильных камерах окаймляющая их булыжная обкладка с одной стороны не замыкается, образуя тем самым под-

ковообразную форму (рис. 2; 3). При раскопках могильной камеры кургана 5 на разных глубинах встречалась булыжная выкладка в форме полумесяца. Укажем, что на Северном Кавказе, в частности в кишпекском кургане 1, относящемся к майкопской культуре, была выявлена такая же, как и

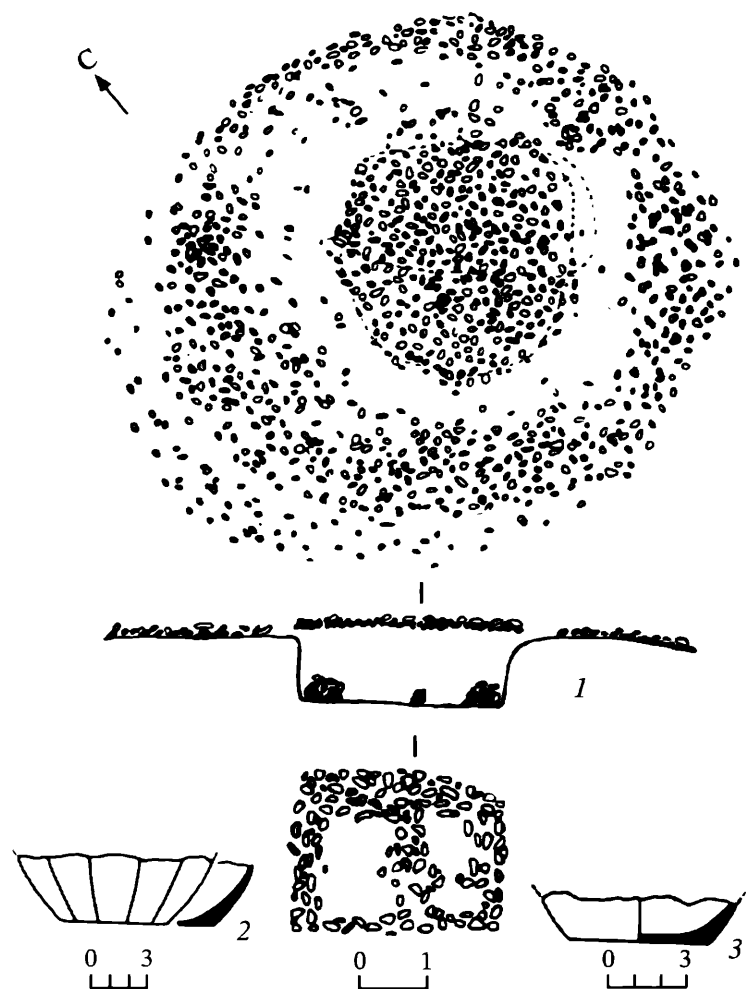

Рис. 4. Курган 16. 1 – план и разрез; 2, 3 – керамика.

в Союг Булаге, каменная выкладка в форме серпа или полумесяца. В брутском же кургане 3 также отмечена подобная форма, сооруженная из земли (Кореневский, 2004. С. 15). А в кургане Кавтисхеви в Грузии выявлена дуговидная каменная выкладка в форме серпа или полумесяца (Makharadze, 2007. P. 124, 125).

Случаи использования деревянных перекрытий могил, зафиксированные в некоторых курганах Союг Булага (Мусейбли, 2009. С. 57) и в кургане Кавтисхеви (Makharadze, 2007. P. 123), повторяются в ряде могил майкопской культуры (Кореневский, 2004. С. 17). Дно могильных камер в союгбулагских курганах 8 и 14 окаймлено узкой канавкой, заполненной рыхлой землей с примесью золы. Принцип подобного обряда известен и в майкопской культуре. Так, некоторых могильные камеры майкопской культуры окаймлены деревянной рамой (Кореневский, 2004. С. 17). Не исключено, что в канавки вокруг камер курганов исследуемого могильника когда-то тоже уложили дерево. Булыжное окаймление некоторых могил Союг Булага находит близкие аналогии также в майкопской культуре (Кореневский, 2004. С. 17).

Археологический материал. За исключением одного металлического кинжала из кургана 5 (рис. 6, 2), каменных или обсидиановых орудий труда из некоторых других могил, небольших пастовых бус из погребения 9, весь остальной инвентарь представлен керамическими изделиями. В целом, инвентарь крайне невыразительный. В ряде погребений керамический материал представлен лишь несколькими керамическими фрагментами, а в некоторых вообще одним фрагментом какого-либо сосуда. Среди выявленных в могилах фрагментов керамики лишь некоторые имели в составе растительную примесь. Большая часть керамических фрагментов была либо из чистой глины, либо из глины с примесью мелкозернистого песка. Обнаружен только один черепок с росписью (курган 8). На салатовом ангобе этого фрагмента (категории “грубой керамики”) сохранилась широкая полоса, нанесенная черной краской.

В могилах Союг Булага выявлено лишь несколько целых керамических сосудов. В кургане 16 обнаружена часть чернолощеного кувшина с вертикально рифленой поверхностью (рис. 4, 2). Близкая аналогия этому сосуду известна из Уст-Джегутинских курганов (Мунчаев, 1994. Табл. 59, 5).

В рассматриваемых памятниках керамика обнаружена в ограниченном количестве. Как известно, поселенческая керамика лейлатепинской культуры разнообразна и, в основном, изготовлена на гончарном круге из глины с растительной примесью. А керамика союгбулагских курганов, в основном, лепная, и сосуды с органическими добавлениями встречаются нечасто. Если в поселениях плоскодонные сосуды встречаются крайне редко, то в союгбулагских курганах они составляют больше половины от общего числа керамики.

Некоторые курганы интересны находками архаичных орудий, изготовленных из обсидиана и кремня: плоские нуклеусы, микролитические – геометрические орудия, микросегменты, геометрические сегменты, концевые скребки, двухсторонний скребок, скобель и т.д. Они характерны, в основном, для эпохи неолита. Подобные немногочисленные архаичные орудия кроме союгбулагских курганов обнаружены и на таких поселениях лейлатепинской культуры, как Беюк Кесик I и Пойлу II. Вышедшие из употребления еще в неолите, микролиты и другие орудия архаичного типа известны также из памятников майкопской культуры, в том числе в Майкопском кургане, а также из памятников Месопотамии IV–III тыс. до н.э. На Северном Кавказе и в Месопотамии в указанное время эти орудия использова-

лись во время культовых, ритуальных церемоний (Мунчаев, 1994).

Обнаруженные в памятниках лейлатепинской культуры, включая и союгбулагские курганы, такие орудия, скорее всего, связаны с такими же ритуальными церемониями. Эти находки, по нашему мнению, также доказывают генетическую связь лейлатепинской культуры с месопотамской (Убейд, Урук) и майкопской культурами.

Отметим еще, что из майкопских памятников известны многочисленные параллели бесчеренковому кинжалу, найденному в союгбулагском кургане 5 (Мунчаев, 1975. Рис. 41). Оружие было найдено в углу могилы, у стены рядом с лежавшим на боку кувшином темно-серого цвета с красными пятнами (рис. 6, 3). В майкопских могилах Предкавказья бесчеренковые кинжалы раннемайкопского типа занимают аналогичное место в углу могилы или у ее стенки. Их положение совершенно не связано с костяком или костюмом умершего (Корневский, 2008. С. 13). Кинжал из Союг Булага был изготовлен из меди с 0.34%-ным содержанием мышьяка.

Кости животных не зафиксированы ни в одном из союгбулагских курганов.

Датировка и культурная принадлежность. Для определения датировки союгбулагских курганов использованы погребальный обряд, археологический материал и результаты радиоуглеродных анализов.

Как отмечено выше, керамический материал из союгбулагских могил не отличается разнообразием, однако на их основе можно выдвинуть предположение о датировке рассматриваемых погребений. Керамика представлена как целыми сосудами, так и отдельными фрагментами. Часть сосудов имеет округлое дно и воронкообразную горловину. Большинство сосудов и отдельные фрагменты красного, розового и оранжевого цветов. Но встречаются и сосуды серого и темно-серого цветов. У некоторых сосудов в составе теста присутствует растительная примесь, что характерно для эпохи энеолита. Керамика союгбулагских курганов идентична керамике из поселений лейлатепинской культуры эпохи позднего энеолита, т.е. первой половины IV тыс. до н.э. Прямые аналогии союгбулагской керамике известны в поселениях Лейлатепе, Бюк Кесик, Пойлу II и Агылы Деро (Мусейбли, 2007).

Важное значение для установления датировки и культурной принадлежности союгбулагских курганов имеют и выявленные на данном некрополе детские захоронения в керамических сосудах (рис. 6,

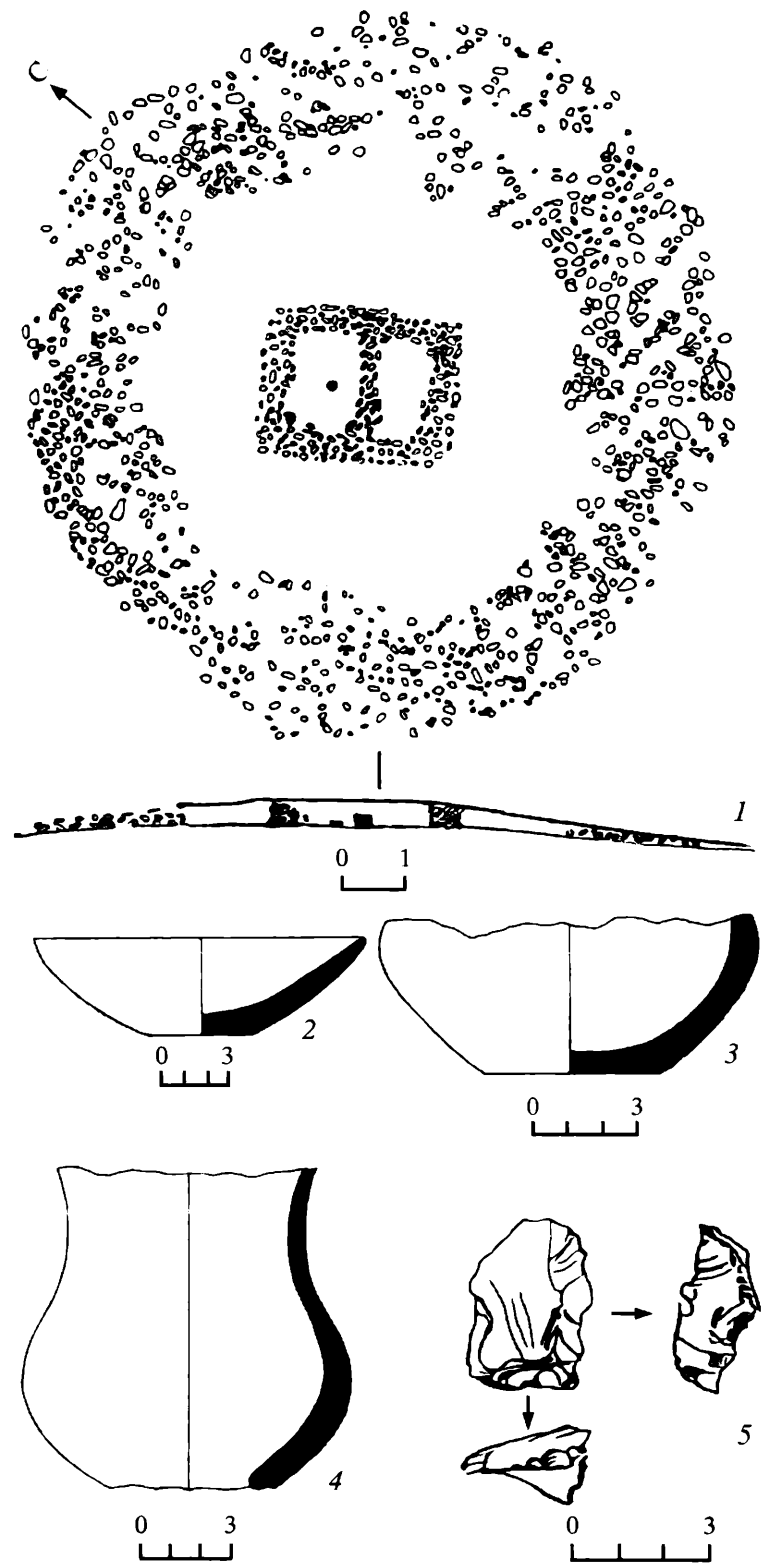

Рис. 5. Курган 18. 1 – план и разрез; 2–4 – керамика; 5 – обсидиан.

4–6). Аналогичные захоронения также были выявлены на поселениях лейлатепинской культуры, таких как Лейлатепе, Бюк Кесик, Пойлу I и Пойлу II и на поселении Бериклдеоби в Грузии (Глonti, Джавахишвили, 1987; Алиев, Нариманов, 2001; Мусейбли, 2008a).

Результаты радиоуглеродных анализов по союгбулагским курганам, проведенных в лаборатории

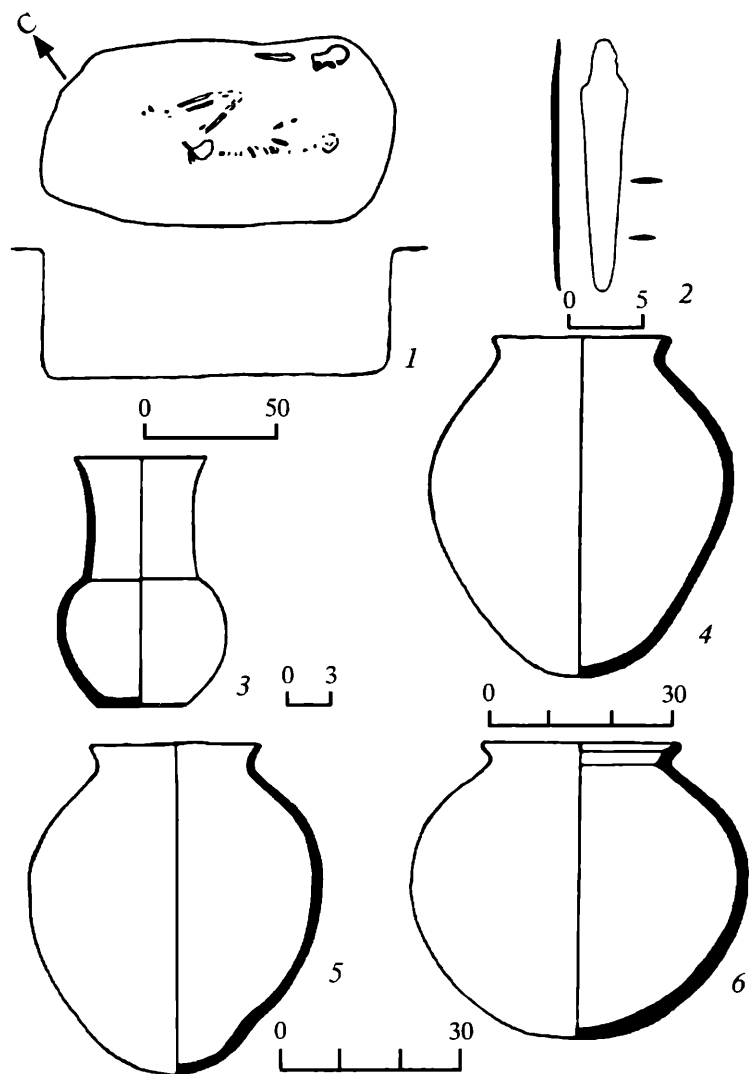

Рис. 6. 1 – план и разрез могильной камеры кургана 5; 2 – металлический кинжал; 3 – керамика; 4–6 – погребальные сосуды детских захоронений.

Бета Аналитической радиоуглеродной датировки в Майами, даются в следующей таблице.

Как видно из данной таблицы, результаты радиоуглеродных определений также подтверждают датировку союгбулагских курганов первой половиной IV тыс. до н.э. В свете отмеченных данных такая датировка представляется нам достаточно убедительной.

Только в одном кургане (№ 12) было выявлено позднее, впускное захоронение начала I тыс. до н.э. В могиле костяк (вытянутый) лежал на спине, рядом с ним обнаружен черный кувшин с ручкой (рис. 7, 4).

Вернемся, однако, к погребальному обряду. В некоторых могилах Союг Булага (№ 1, 9, 10, 15) человеческие кости и погребальный инвентарь были замурованы тонким слоем глины. Обряд, при котором могила покрывалась глиняной обмазкой, был зафиксирован в памятнике более древнего периода – Кюльтепе I (Абибуллаев, 1982). Только в двух моги-

лах (№ 9, 14) выявлена охра. Посыпание покойников охрой, как известно, было широко распространено в майкопской культуре (Корневский, 2004. С. 19).

В 2005 г. только в одном из раскопанных курганов (№ 5) выявлен анатомически целый, но очень плохой сохранности костяк. Погребение здесь было совершено на правом боку, в скорченном положении. Во всех остальных могилах кости находились в беспорядочном положении.

Отметим и тот факт, что лишь в погребениях двух курганов (№ 2, 15) выявлены кости черепа. В других могилах – только остатки нескольких трубчатых костей человека. Последние компактно лежали в одной части могильной камеры. В кургане 1 попытались собрать расчлененные части человека или кости истлевшего трупа в анатомическом порядке. Мы полагаем, что обнаружение человеческих костей и инвентаря в могиле в беспорядочном состоянии не связано с ограблением могил.

Факты выявления в могилах только некоторых частей человеческих скелетов и попытки собрать в могиле кости в анатомическом порядке известны из синхронных памятников Северного Кавказа. Так, в кургане у станицы Ассиновская обнаружено вытянутое на спине захоронение на древней дневной поверхности. Анатомический порядок костей нарушен. С.Н. Корневский не исключает, что кости искусственно укладывали в могилу. Здесь развал майкопского сосуда обнаружен под костями скелета. По мнению С.Н. Корневского, это нетипичный случай для обряда захоронения майкопско-новосвободненской культурной общности (2004. С. 21).

В литературе опубликовано несколько нетипичных для майкопской погребальной практики захоронений с майкопским инвентарем. Так, в кургане у станицы Воздвиженская раскопано впускное погребение с четырьмя покойниками с типичными для майкопской культуры вещами – металлическими изделиями. Под этим погребением выявлена основная могила. В ней скелет лежал на спине скорченно. В кургане у станицы Раевская скелет в погребении полностью не сохранился. Обнаружены только кости рук, вытянутые по сторонам туловища. Скелет лежал на спине или на спине скорченно. Опубликовавший эти захоронения С.Н. Корневский приходит к выводу, что отмеченные погребения Северного Кавказа нетипичны для майкопской культуры, несмотря на наличие в них инвентаря майкопского характера (2004. С. 21).

По нашему мнению, эти погребения относятся, по-видимому, не к майкопской, а к лейлатепинской культуре. Нам представляется, что майкопская культура генетически связана с лейлатепинской культурой Южного Кавказа, а через нее – с культу-

Радиоуглеродные определения захоронений Союгбулагского могильника

Памятник, глубина места отбора	Лабораторный №	Измеренный ¹⁴ C-возраст (BP)	Отношение ¹³ C/ ¹² C ‰	Конвенционный ¹⁴ C-возраст (BP)	Материал	Калиброванная календарная дата, Cal BC	
						2σ: 95% вероятности	1σ: 68% вероятности
Курган 8	Beta-221001	5000±40	-25.8	4990±40	Древесный уголь Кость	3930–3860; 3810–3670	3790–3710
Курган 9	Beta-221000	4700±40	-18.2	4810±40		3660–3520	3650–3630; 3570–3540
Курган 11	Beta-226237	5020±40	-25.0	5020±40	Древесный уголь »	3950–3700	3930–3870; 3810–3760
Курган 12 150 см	Beta-226238	2500±40	-26.7	2470±40		780–410	760–680; 670–510
Курган 12 150 см	Beta-220999	2520±40	-24.7	2520±40	»	800–20	790–760; 680–550
Курган 14	Beta-232338	4770±40	-18.5	4880±40	Кость	3710–3630	3700–3640

рой Ближнего Востока урукского облика, поэтому мы предполагаем, что некоторые памятники, относимые к раннему этапу майкопской культуры, можно, видимо, включить в лейлатепинскую культуру. Ведь ряд особенностей этих памятников (наличие керамики с растительной примесью и отличающейся красным, бурым, оранжевым и охристым цветом) характерен для лейлатепинской культуры (Мусеибли, 2010а). Считаем необходимым при этом особо подчеркнуть, что данный вопрос достаточно сложен и требует более детальных исследований и значительной дополнительной аргументации.

Продолжим рассмотрение еще некоторых особенностей погребального обряда исследуемого памятника. В курганах 8 и 14 Союг Булага человеческие кости зафиксированы в углах могильной камеры. То же самое отмечено в могилах некоторых курганов майкопского ареала. В таких курганах совершался, видимо, обряд разрушения захоронения, при котором не тревожились вещи покойного. По мнению С.Н. Корневского, цель разрушения этих погребений – нарушить анатомический порядок костей, которые уже потеряли тканевые связки. Этот обряд мог проводиться в качестве меры обезвреживания силы умершего как потенциальной угрозы для живых (Корневский, 2008. С. 14).

Возможно, и в союгбулагских курганах 8 и 14 был исполнен такой же обряд. Другие показатели, сближающие эти два кургана: могилы в них окаймлены канавкой, а кости человека находились в юго-восточной части камеры.

Отметим в данной связи и другие, не менее интересные факты. Так, в некоторых курганах Союг Булага (№ 1, 9, 10, 15) анатомически нарушенные кости и могильный инвентарь были “замурованы” глиняной обмазкой. В таких случаях предположение

о “вторжении” в могилу после того, как истлел труп покойного, не оправдывает себя. С другой стороны, в союгбулагских курганах не обнаружены крупные части скелетов, а найдены лишь мелкие фрагменты костей, поэтому предположение о полном исчезновении других частей костяка в результате гниения неверно (Мусеибли, 2008б. С. 9). Такую ситуацию можно объяснить захоронением некоторых частей расчлененного трупа или же перезахоронением определенных фрагментов скелета.

Различия в структуре курганных сооружений и могильных камер, разнотипной в элементах погребального обряда связаны с тем, что курганный обряд захоронения находился, возможно, в стадии формирования. Единые канонизированные элементы погребального обряда еще не сложились.

Подчеркнем, что за редким исключением все могильные камеры имеют ориентацию с юго-востока на северо-запад. Детские захоронения Союгбулагского могильника, совершенные в керамических сосудах, также имеют ориентацию на северо-запад (Мусеибли, 2008а). Можно допустить, что не только для Союгбулагского могильника, но и для погребального обряда всей лейлатепинской культуры характерна северо-западная ориентация (Мусеибли, 2006).

Интересно отметить, что погребальные камеры, открытые в соответствующих слоях Тепе Гавры, тоже ориентированы по направлению ЮВ–СЗ (Tobler, 1950. Pl. XXVI, XXVII).

Известно, что погребальные камеры ряда курганов майкопской культуры имели такую же ориентацию (Корневский, 1993. С. 35–42). Укажем, кроме того, что Уст-Джегутинские курганы в Ставрополье ориентированы по направлению ЮВ–СЗ (Мунчаев, Нечитайло, 1966. С. 133) так же, как и курганы Се Гирдан вблизи оз. Урмия в Северо-Западном Иране

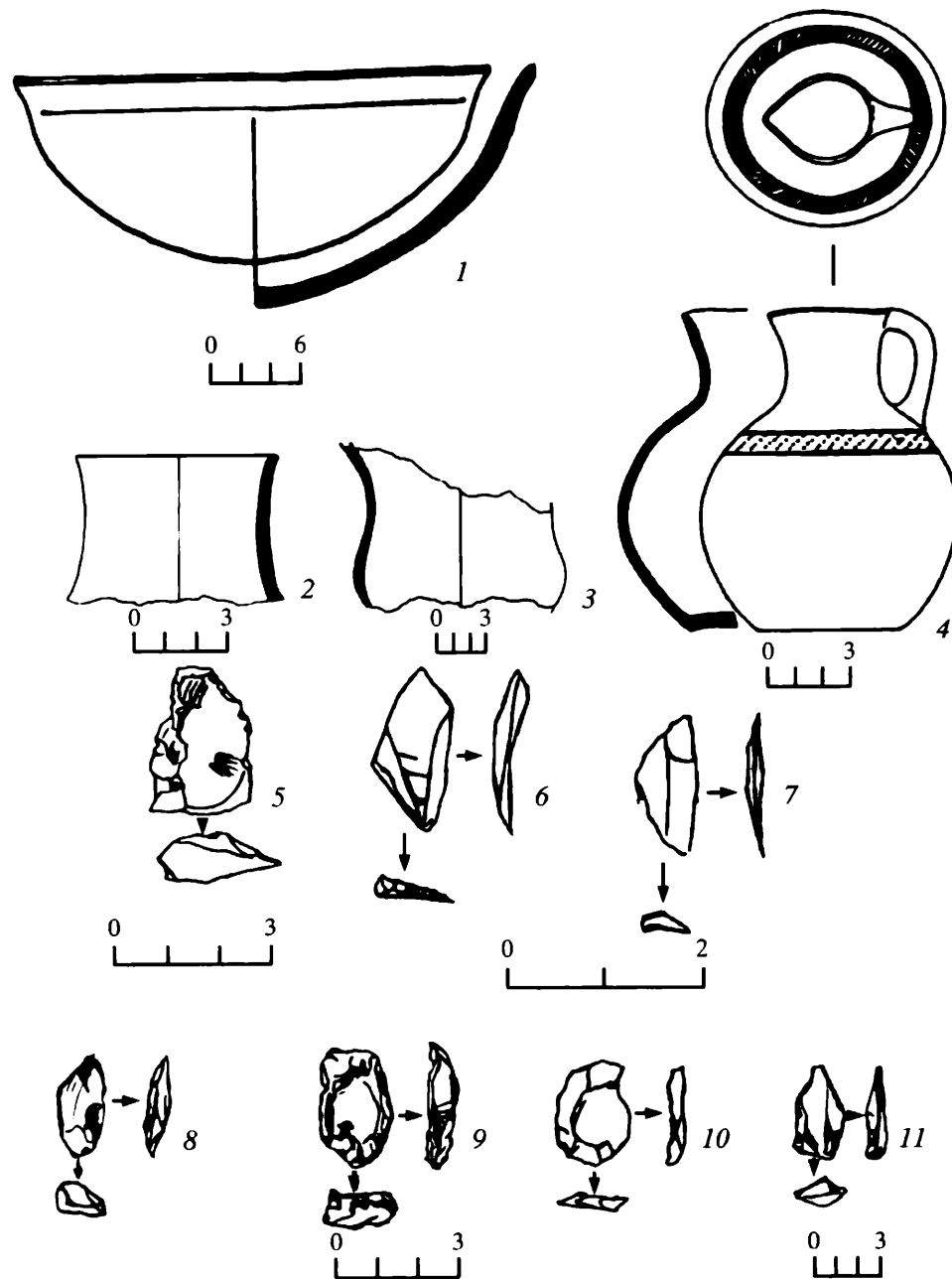

Рис. 7. 1 – керамика (курган 9); 2, 3 – керамика (курган 10); 4 – керамика (курган 12); 5 – обсидиан (курган 6); 6, 7 – кремь (курган 8); 8 – обсидиан (курган 9); 9 – обсидиан (курган 7); 10 – кремь (курган 13); 11 – обсидиан (курган 1).

(Muscarella, 1971; Трифонов, 2000). Любопытно в этой связи, что и курганы Союгбулагского могильника тоже расположены по направлению ЮВ–СЗ. Всем этим трем группам курганов свойственны локальные особенности. Но вместе с тем, как нам представляется, все они входят в единую культурно-историческую область.

Ориентировку могил майкопской культуры (СЗ–ЮВ, СВ–ЮЗ) отдельные исследователи связывают с идентичными направлениями погребений и храмов Тепе Гавры X–A–VIII–B (Андреева, 1977; Трифонов, 1987). Подобная ориентировка захоронений лейлатепинской культуры, видимо, объясняется переднеазиатскими религиозно-ритуальными представлениями. Но погребения лейлатепинской культуры и

ранних курганов майкопской культуры старше, чем отмеченные слои Тепе Гавры. Это не исключает возможности появления ритуальных представлений, связанных с указанными ориентировками, еще в период позднего убейда–раннего урука на Ближнем Востоке. В.А. Трифонов связывает появление курганов Се Гирдан с периодом распространения северомесопотамского влияния на север и временем урукской колонизации (2000. С. 262). Важно при этом подчеркнуть, что некоторые признаки курганов Се Гирдан и Союгбулагского могильника аналогичны. Мы видим, в частности, наряду с керамическими изделиями такие особенности курганов Се Гирдан, как ориентировка могильных ям по оси ЮЗ–СВ, деревянные перекрытия, сооружения могильных камер из камня, захоронение в урнах в

насыпи курганов (Трифонов, 2000), что характерно и для Союгбулагского курганного могильника.

Следует отметить, что до наших раскопок рассматриваемого могильника на Южном Кавказе были исследованы два кургана, которые можно отнести бесспорно к лейлатепинской культуре. Первый из них – курган Сеидли раскопан Т. Достиевым в 1990 г. на территории Хачмазского р-на, на северо-востоке Азербайджана (Достиев и др., 1990). Второй – курган Кавтисхеви, исследованный З. Махарадзе в 1995, 1998 гг. в Восточной Грузии (Makharadze, 2007). Но эти памятники до нашей первой публикации о союгбулагских курганах (Мусеибли, 2005) не были осмыслены в культурно-хронологическом аспекте, т.е. не определены как датирующиеся энеолитом и относящиеся к лейлатепинской культуре.

Подводя некоторые итоги, отметим, что раскопки Союгбулагского могильника не только доказали его принадлежность к лейлатепинской культуре, которая до этого была известна в основном по поселениям, но и открыли важную страницу в изучении археологии Кавказа. Они позволили удревнить более чем на тысячу лет историю курганного обряда захоронений на Южном Кавказе и исследовать особенности погребального обряда населения эпохи энеолита. Материалы раскопок стали серьезным источником для изучения вопросов миграций отдельных групп населения в IV тыс. до н.э. из Месопотамии на Кавказ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибуллаев О.А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку, 1982.
- Алиев Н.Г., Нариманов И.Г.* Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку, 2001.
- Андреева М.В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1.
- Глonti Л.И., Джавахишвили А.И.* Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита–поздней бронзы в Шида Картли–Бериклдееби // КСИА. 1987. № 192.
- Достиев Т.М., Оруджев А.С., Расулова М.М.* Отчет археологической экспедиции “Мушкур” за 1990 г. (на азерб. яз.).
- Корневский С.Н.* Древнее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
- Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004.
- Корневский С.Н.* Кинжалы раннемайкопского типа на Кавказе // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 9. Армавир, 2008.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Археология. Ч. II. Эпоха бронзы Северного Кавказа. М., 1994.
- Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л.* Комплексы майкопской культуры в Уст-Джегутинском могильнике // СА. 1966. № 3.
- Мусеибли Н.А.* Позднеэнеолитические курганы Акстафинского района // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Матер. междунар. науч. конф. Баку, 2005.
- Мусеибли Н.А.* Результаты раскопок на энеолитическом поселении Беюк Кесик I // Археология и этнография Азербайджана. № 1. Баку, 2006 (на азерб. яз., резюме на рус. и англ. яз.).
- Мусеибли Н.А.* Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку, 2007.
- Мусеибли Н.А.* Захоронение младенцев в глиняных сосудах у племен лейлатепинской культуры // Юбилейные XXV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 2008а.
- Мусеибли Н.А.* Отчет о раскопках Союгбулагских курганов на 432-м км маршрута БТД и ЮКГП. Баку, 2008б (на азерб. яз.).
- Мусеибли Н.* Курганы Союгбулага // Кавказ. Археология и этнология: Матер. Междунар. науч. конф. Баку, 2009.
- Мусеибли Н.А.* Археологические раскопки памятников лейлатепинской культуры на территории Акстафинского р-на // Археологические исследования в Азербайджане – 2009. Баку, 2010а (на азерб. яз., резюме на рус. и англ. яз.).
- Мусеибли Н.А.* История изучения лейлатепинской археологической культуры // Тр. Института Истории НАН Азербайджана. № 32. Баку, 2010б (на азерб. яз., резюме на рус. и англ. яз.).
- Нариманов И.Г.* Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане // Всесоюзн. археол. конф. “Достижения советской археологии в XI пятилетке”: Тез. докл. Баку, 1985.
- Ростунов В.Л.* Опыт реконструкции сакрального пространства ранних курганов Европы и Северного Кавказа. Владикавказ, 2006.
- Трифонов В.А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. 1987. Вып. 192.
- Трифонов В.А.* Курганы майкопского типа в северо-западном Иране // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб., 2000.
- Lyonnnet B.* Preliminary results from the first joint Azerbaijan-French excavations at Soyuq Bulaq (2006) // Кавказ. Археология и этнология: Матер. Междунар. науч. конф. Баку, 2009.
- Makharadze Z.* Nouvelles données sur le Chalcolithique en Géorgie orientale // Les cultures du Caucase (VIe – IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007.
- Muscarella O.W.* The Tumuli at Sé Girdan: Second Report // Metropolitan Museum Jr. 1971. V. 4.
- Tobler A.I.* Excavations at Tepe Gawra. V. II. Philadelphia, 1950.

ПСАЛИЙ ИЗ ЛУГОВСКОГО МОГИЛЬНИКА: К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ ВСАДНИКА И КОНЯ В АНАНЬИНСКОМ ИСКУССТВЕ

© 2012 г. А.А. Чижевский*, В.А. Шаталов**

* Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань (Chijevski@mail.ru)

** Научно-производственная фирма "Виктория", Ижевск

Ключевые слова: ананьинское искусство, псалии, образ коня и всадника, динамичная и статичная позы, стиль.

The authors analyze the evolution of equestrian and equine imagery in Ananyino art on the basis of the horn bit found in burial 82 at the Lugoskoy cemetery, which belongs to the Ananyino cultural and historical area and dates to the 6th c. BC. The analysis has revealed a specific feature of Ananyino equine images, which depict only the head of the horse and not the body, a tradition which is probably related to the antiquities of the south of Eastern Europe. The equestrian image has no analogies and must have evolved in the Ananyino cultural and historical area. Equine images underwent certain changes during the transition from the 6th to the 5th cc. BC. The reason for that was the changed vector of cultural relations, which shifted from the south to the east of Eurasia. The equestrian image from Glyadenovskoye site is a typical Late Ananyino artifact. Further evolution of equestrian and equine images in the Volga-Kama region already belongs to Glyadenovskoye time, 2nd c. BC – 3d c. AD, when the flowing lines typical of Ananyino art were replaced by angular ones.

Известный Луговской могильник расположен в 7 км к юго-востоку от г. Елабуга и в 2 км к востоку от бывшей д. Ананьино, в восточной части п. Луговой в Елабужском р-не Республики Татарстан (рис. 1А). Ныне эта территория застроена домами дачного товарищества.

Изучение Луговского могильника имеет длительную историю. Он был открыт в 1938 г. и далее систематически изучался в 1938–1940 гг. А.В. Збруевой (1947; 1960) и в 1943 г. П.П. Ефименко (1948); в 1987–1988 гг. после почти 50-летнего перерыва раскопки на памятнике продолжил К.И. Корепанов (1988; 1989).

В погр. 82 в 1987 г. (рис. 1Б) найден двудырчатый псалий (рис. 2, 1а–г) из рога (Корепанов, 1988. С. 16, 17. Рис. 38; 2001. С. 101) со скульптурным оформлением (Арсланов, Корепанов, 1991. С. 22); он лежал у правого бедра погребенного и был обращен передней частью к голове умершего человека (рис. 1Б, 4). Другой сопровождающий инвентарь: бронзовая спиральная подвеска в пять оборотов (рис. 2, 2), железный изогнутый нож с роговой рукоятью (рис. 2, 3), бабка лошади (рис. 1Б, 3) и фрагменты ткани (рис. 1Б, 5).

Псалий выполнен в виде всадника, сидящего на каком-то стилизованном животном. В районе шеи и крупа животного просверлены круглые отверстия диаметром 0.4 см. Часть псалия, на которой

была вырезана голова верхового животного, не сохранилась. Общая длина предмета в настоящее время – 9.8 см, ширина в центральной части и в районе шеи – 0.8–2, максимальная ширина в задней части – 1.5.

Фигурка сидящего человека вырезана на небольшом выступе рога (длиной 2 см). Ноги вытянуты перпендикулярно туловищу верхового животного и немного согнуты в коленях, руки также вытянуты вдоль тела. Голова человека в профиль заострена, от верхушки головы до шеи по обеим сторонам видны выступы овальной формы, по всей вероятности, передающие детали нижней части головного убора приостренной формы. Глаза показаны неглубокими впадинами; лицо овальной формы; нос крупный, острый; спина согнутая, сутулая.

Луговской псалий относится к двудырчатым псалиям. Среди металлических псалиев этой группы ананьинской культурно-исторической области (далее АКИО) выделяются три типа: стержневые, S-видные и С-видные (Халиков, 1977. С. 226, 227); среди роговых и костяных псалиев выделены лишь два типа: стержневые и С-видные (Ашихмина и др., 2006. С. 38–40). По своему облику искривленный, с загнутыми в одну сторону концами псалий из Луговского могильника тяготеет к С-видным псалиям с боковым расположением отверстий. Сходство это подчеркивается размещением отверстий на изгибах. Подобным же образом размещались отверстия

на С-видных псалях АКИО с утолщениями на местах сгиба (рис. 3, 10) (Ашихмина и др., 2006. Рис. 27, 3, 5; 29, 4).

Наиболее ранние находки псалиев со скульптурным оформлением связаны с древностями юга Восточной Европы первой трети I тыс. до н.э. Это, прежде всего, бронзовые трехпетельчатые псаля из Верхнего Кобана (из собрания А.С. Уварова) с изящными головками лошади на концах (рис. 3, 1), псаля трехдырчатые с отверстиями в муфтах (тип кобанский) и псаля из могильника Чишхо (Козенкова, 1996. Рис. 25, 11; Вальчак, 2009. С. 59, 62. Рис. 12, 3; 53, 2).

Известны также трехдырчатые псаля из рога и кости (Галанина, 1977. Табл. 18, 8, 11, 12, 19, 20; 19, 2, 7; 20, 3–5, 7, 9; 22, 1; 23, 2, 3; 28, 15, 16; 29, 19, 21; Мелюкова, 1989. С. 96. Табл. 35, 7, 8) со скульптурным оформлением окончаний в виде го-

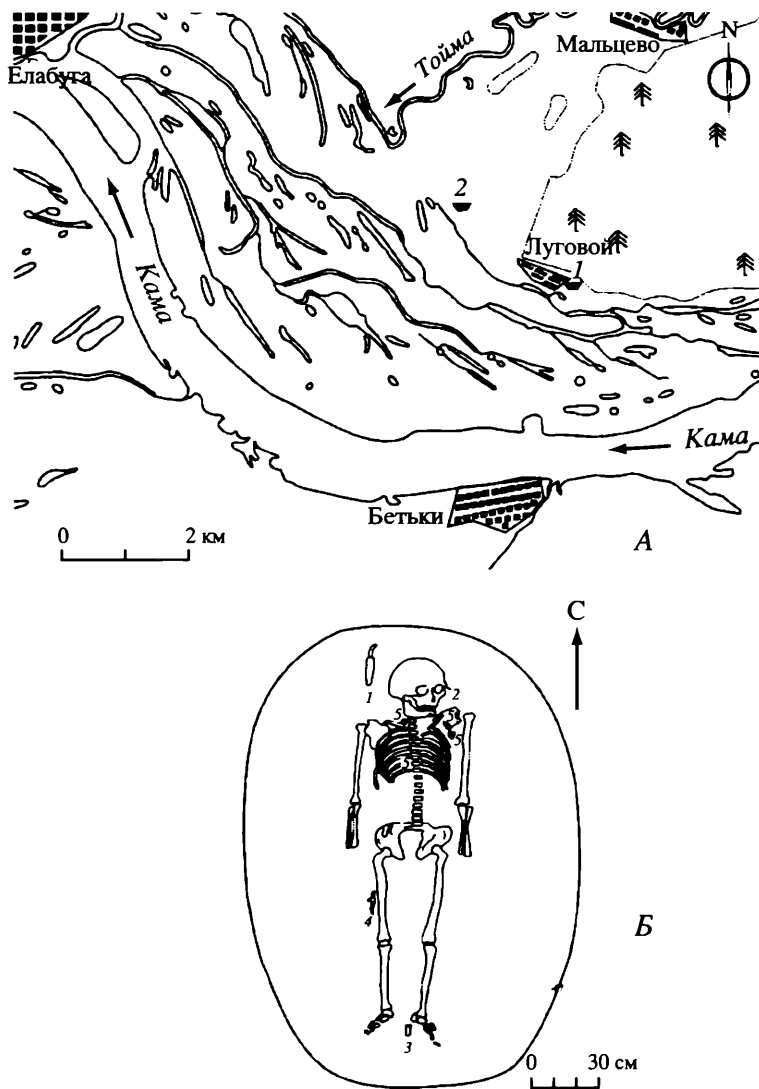

Рис. 1. А – карта расположения Луговского могильника: 1 – Луговской могильник, 2 – Ананьинский могильник; Б – Луговской могильник, погр. 82: 1 – железный нож с роговой рукоятью; 2 – бронзовая спиральная подвеска в пять оборотов; 3 – бабка лошади; 4 – двухдырчатый псалий; 5 – фрагменты ткани.

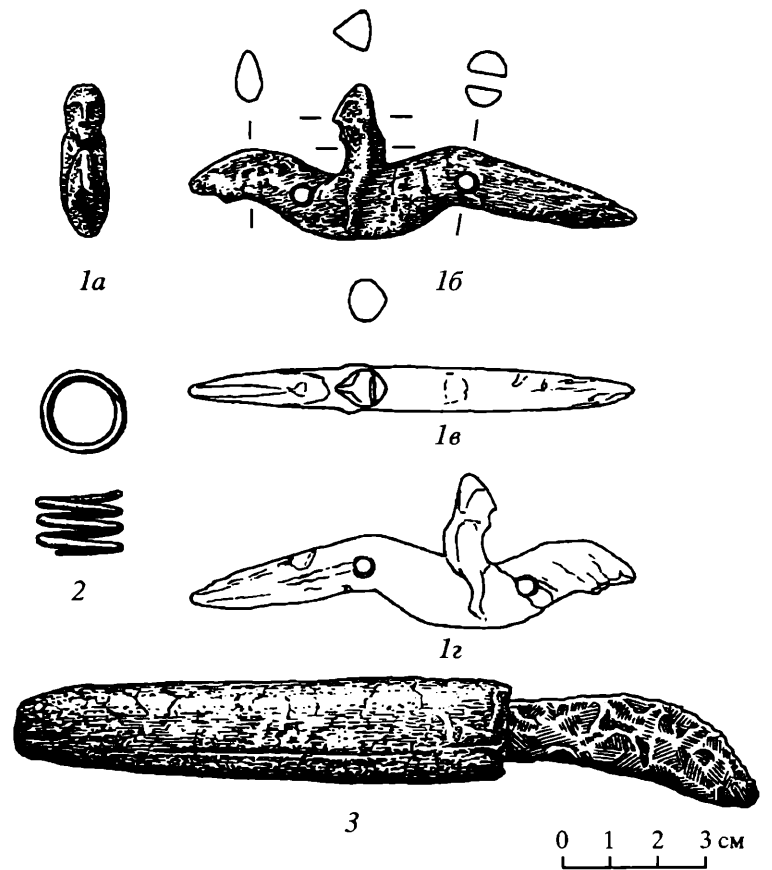

Рис. 2. Луговской могильник, погр. 82, инвентарь. 1а – 1г – роговой псалий; 2 – бронзовая спиральная подвеска в пять оборотов; 3 – железный нож с роговой рукоятью.

лов грифонов, голов и копыт барана и лося (рис. 3, 2, 3). Огрубленный аналог псаля из Старшей могилы с изображением лосиной морды в верхней части (Мелюкова, 1989. Табл. 35, 7) – двухдырчатый псалий (рис. 3, 11) из Аргыжского городища АКИО (Збруева, 1952. Табл. XII, 12). С.Б. Вальчак отмечает аналогии верхнекобанским псалям в Луристане, где завершения псалиев оформлялись в виде головок льва (2009. С. 62). По всей вероятности, самой ранней попыткой воспроизведения псалиев со скульптурным оформлением в среде АКИО является трехдырчатый роговой псалий из Аргыжского городища (раскопки П.А. Пономарева 80-х годов XIX в.). Псалий не завершен, поэтому на его уплощенных окончаниях видны лишь неясные очертания зооморфной головки (рис. 3, 8).

На смену псалям с тремя отверстиями в Северной Евразии приходят псаля с двумя отверстиями, оформленные подобным же образом. Это, прежде всего, псалий из кургана 3 группы Алебастрова Гора (рис. 3, 6) с довольно грубым изображением конской морды на обоих окончаниях (Смирнов, 1961. Рис. 48, 7), а также псаля с изображениями других животных: волка, льва и т.д. (рис. 3, 4, 5). Вероятно, подобным псалием было роговое изделие с окончанием в виде головы лошади из могильника Березовка I большереченской культуры (Грязнов,

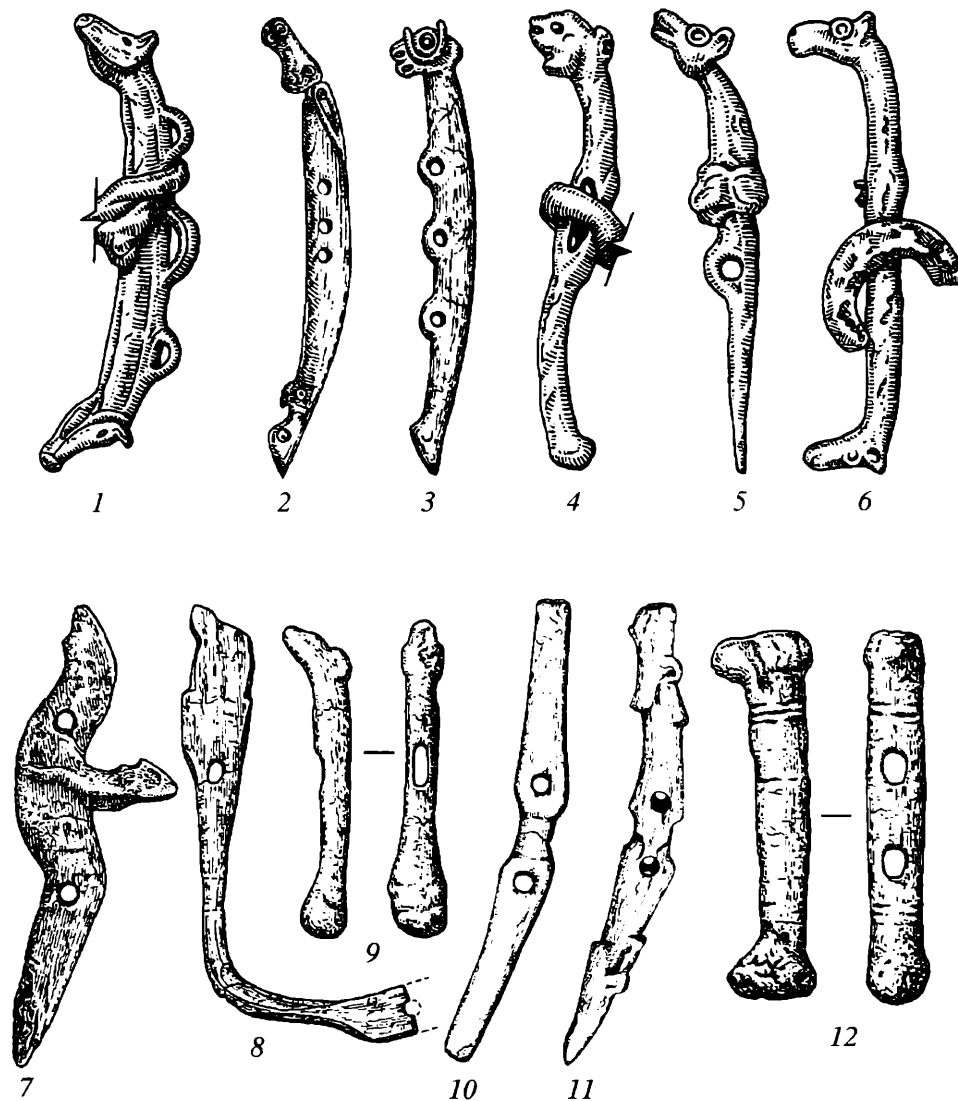

Рис. 3. Псалии со скульптурным оформлением Восточной Европы. 1 – Верхний Кабан (по: Вальчак, 2009); 2 – Будки; 3 – Старшая могила; 4 – Макеевка; 5 – Шумейко (4, 5 – по: Мелюкова, 1989); 6 – пос. Нежинский, группа Алебастрова Гора, курган 3 (по: Смирнов, 1961); 7 – Луговской могильник, погр. 82; 8 – Аргыжское городище (по материалам Д.Г. Бутрова); 9, 12 – Гремячанское поселение; 10 – Буйское городище; 11 – Аргыжское городище (по: Збруева, 1952). 1, 4, 5 – бронза; 6 – бронза и железо; 2, 3, 7, 8, 10, 11 – рог; 9, 12 – кость. Масштаб разный.

1992. Табл. 69, 11). Однако во всех случаях скульптурно оформлялись лишь окончания псалиев, а не псалий целиком. В среде АКЮ также продолжалось развитие традиции изготовления псалиев со скульптурным оформлением окончаний. Это уже упоминавшийся псалий из Аргыжского городища (рис. 3, 11), а также более поздние костяные псалии концеворского типа (рис. 3, 9, 12), датирующиеся IV–III вв. до н.э. (Вечтомов, 1962. С. 87. Рис. 36, 1, 2).

Необходимо отметить, что заимствование сюжетов из материальной культуры кочевников в среде АКЮ, как в случае с аргыжским псалием, проявлялось и в металлической конской упряжи, которая изготавливалась в подражание узде ранних кочевников.

Датировка луговского псалия опирается, во-первых, на существующую систему хронологии кон-

ской упряжи. Псалии с тремя отверстиями, возникшие еще в позднем бронзовом веке и широко распространенные в Волго-Камье (Чижевский, 2008. С. 18. Рис. 4, 4, 5), заменяются псалиями с двумя отверстиями – у савроматов во второй половине VI до н.э. (Смирнов, 1961. С. 82–93), у скифов в начале V в. до н.э. (Мелюкова, 1989. С. 96). А.Х. Халиков относил появление С-видных двухдырчатых псалиев в среде АКЮ к VI в. до н.э., по всей вероятности, также ко второй половине этого столетия (1977. С. 226).

Во-вторых, датировка луговского псалия опирается и на совокупность предметов, выявленных в погр. 82. Железный нож с роговой рукоятью, выпуклой спинкой и вогнутым серповидным лезвием по типологии А.Х. Халикова относится к типу III, 2Б. Подобные ножи встречаются в относительно поздних комплексах АКЮ, датированных не ра-

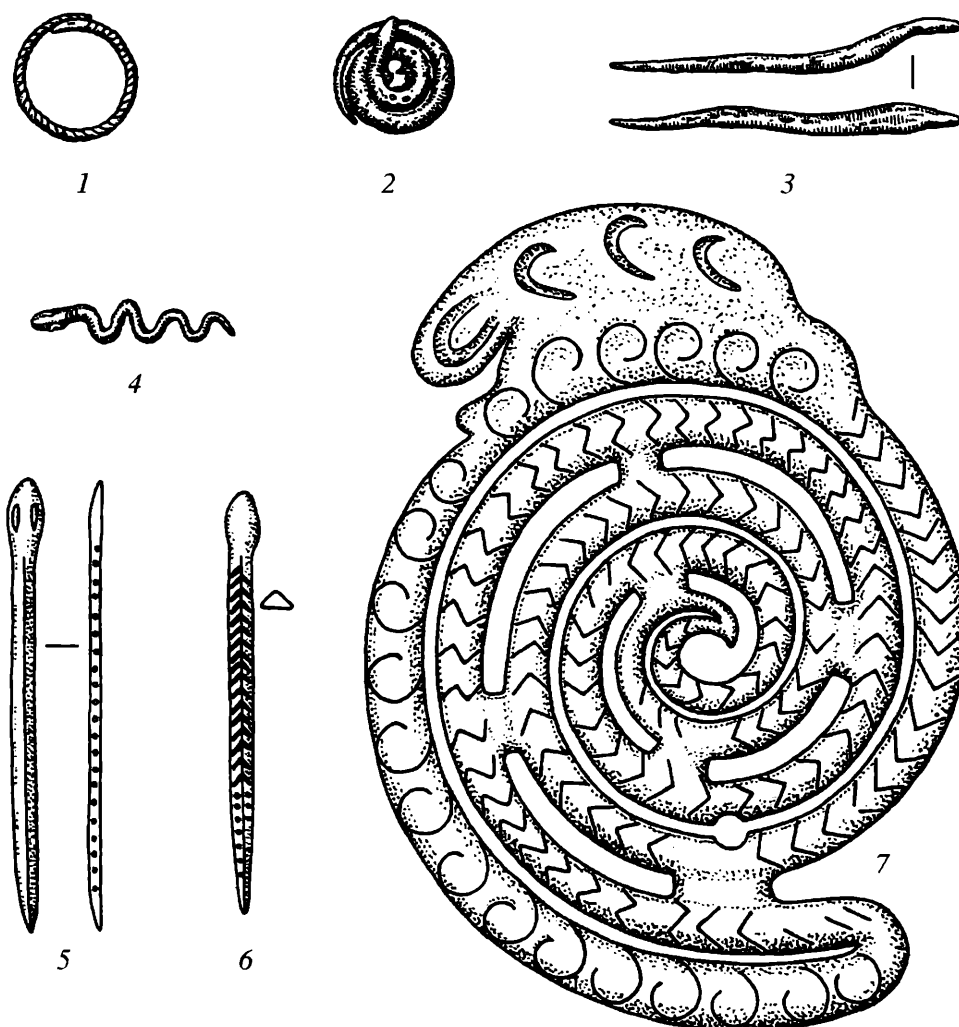

Рис. 4. Изображения змей в ананьинском искусстве. 1 – погр. 69 Першинского могильника (по: Коренюк, 2006); 2–4 – Гляденовское костыше (2, 4 – по: Генинг, 1988; 3 – по: Лепихин, Мельничук, 1997); 5–7 – Старший Ахмыловский могильник: 5, 6 – погр. 683; 7 – погр. 704 (по: Патрушев, 1977). Изделия из бронзы и меди. Масштаб разный.

нее VI в. до н.э. (Халиков, 1977. С. 148). На Кавказе такие ножи появляются несколько раньше, в VIII в. до н.э., но верхняя граница их существования не выходит за пределы VI в. до н.э. (Трапш, 1969. С. 56; Козенкова, 1998. С. 9. Табл. I, 3, 4, 10–12). Спиральные подвески имеют широкие границы бытования, появляясь в Волго-Камье еще в эпоху поздней бронзы (Халиков, 1980. Табл. 19) и бытуя вплоть до VI в. до н.э. (Патрушев, 1984. С. 11–13. Рис. 6). Таким образом, комплекс сопутствующих предметов из погр. 82 укладывается в рамки VI в. до н.э. По всей вероятности, и псалий со скульптурным оформлением необходимо датировать этим временем, а учитывая хронологию двудырчатых псалиев, можно ограничить его дату второй половиной VI в. до н.э.

Сюжеты с изображением всадника отсутствуют в раннеананьинском искусстве (первая половина IX – V в. до н.э.) (Васильев, 2002), поэтому анализ самого всадника и существа под ним мы проведем раздельно.

Есть две гипотезы о сущности изображенного на псалии существа, на котором сидит всадник: это или скульптура лошади (Корепанов, 2001. С. 101), или скульптура змеи (личное сообщение С.Н. Коренюка). Последняя идея опирается на передачу животного с помощью двух плавных изгибов, органично включенных в изгибы рога. Приостренный хвост и плавный змеиный изгиб шеи придают дополнительную весомость данной точке зрения. С.Н. Коренюк насчитывает несколько десятков изображений змей в изобразительном искусстве АКИО. Здесь выделяются три основные позы змей: свернувшаяся в кольцо (рис. 4, 1, 2, 7), ползущая (рис. 4, 3, 5, 6) и извивающаяся (рис. 4, 4) (Патрушев, 1977. С. 113–117; Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 101, 5з, д; 105, 1ж; Генинг, 1988. Рис. 38, 19, 20; Коренюк, 2006. С. 41). Первые две позы при атрибуции луговского псалия можно сразу отсечь. Лишь извивающаяся змея может с определенной долей вероятности претендовать на принадлежность к животному под луговским всадником.

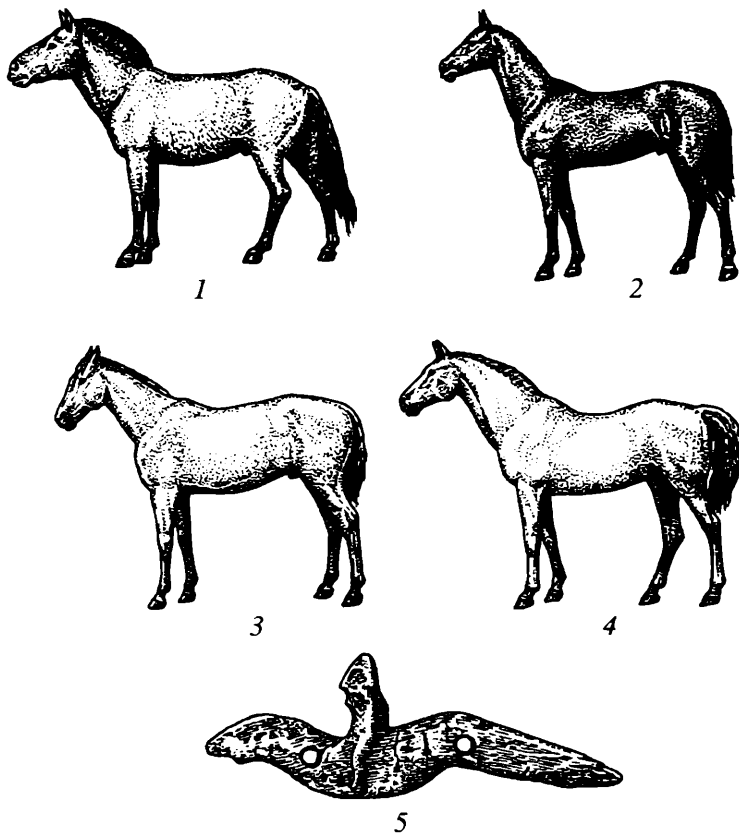

Рис. 5. Вероятные прототипы верхового животного (1–4), изображенного на луговском псалии (5). 1 – лошадь Пржевальского; 2 – ахалтекинская; 3 – йомудская; 4 – арабская.

Для атрибуции изображенного на псалии существа наиболее перспективно обращение к его позе и характеру изгибов туловища. На луговском изгибы располагаются в вертикальной проекции, в то время как змеи всегда изгибают свое тело по линии горизонта. Ананьинские резчики по кости следовали именно этому канону (Коренюк, 2006. Рис. 13, 8, 10–12).

Изображенное под всадником существо является, вероятнее всего, конем. Об этом свидетельствует тот факт, что изгибы тела на псалии и у реальных лошадей похожи: они изгибаются в вертикальной проекции. Ближе всего по очертаниям тела к данному изображению тяготеет дикая лошадь Пржевальского (рис. 5, 1), а также лошади самых древних пород: ахалтекинской (рис. 5, 2), йомудской (рис. 5, 3), арабской (рис. 5, 4) и производных от них. Как особенность экстерьера у некоторых особей отмечается запавшая поясница (Балакшин, 2003. С. 278–281. Ил.), тот изгиб, который присутствует на псалии сразу за спиной всадника.

Кроме того, несмотря на отсутствие ног и утраченную голову, при взгляде с лицевой стороны отчетливо видна грива, а при осмотре профильной части прослеживается характерный силуэт лошади с наклоненной головой, изогнутой спиной, немного

приподнятым крупом, выпуклым животом и вытянутым хвостом, придающим фигурке ощущение движения.

Необходимо отметить, что лошади были хорошо известны носителям АКИО, более того, им принадлежало основное место в домашнем стаде; на разных поселениях их доля составляла от 30.8 до 60.2% (Петренко, 2007. С. 67), но изображались они достаточно редко.

Изображение лошади на псалии не является чем-то особенным – это характерный прием для искусства раннего железного века. В Северной Евразии на конской упряжи достаточно часто присутствуют изображения головы лошади или частей ее тела (Смирнов, 1964. С. 235, 236; Ильинская, 1973. Рис. 12, 24, 25; Мелюкова, 1989. Табл. 35, 14; Ковпаненко и др., 1989. Рис. 28, 10; 27; 39; Итина, Яблонский, 1997. Рис. 47, 13, 15; 76; 78), которые, вероятно, должны были усиливать запряженную этой уздой лошадь, придавать ей дополнительные качества: большую скорость и управляемость. В связи с наличием таких представлений изображение лошади на псалии Луговского могильника выглядит достаточно логичным в рамках существующих изобразительных традиций.

Кроме луговского всадника есть еще несколько бесспорных в плане атрибуции предметов раннеананьинского времени, относящихся к изображениям лошади: бронзовая подвеска из сборов на Ананьинском могильнике (рис. 6, 1) (Збруева, 1952. С. 137. Табл. XXVI, 2), верхняя часть шестизубого гребня (рис. 6, 4) из погр. 762 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1977. Рис. 9, 9; Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 111, 3б) и бронзовые кочедыки из погр. 263, 625 (рис. 6, 2, 3) того же могильника (Патрушев, 1977. Рис. 1, 2, 3), костяной кочедык с навершием в виде стилизованного изображения головы коня из находок на Половинном I поселении (Мельничук, 1985. С. 183). Кроме того, из могильников АКИО происходят два фрагмента (рис. 6, 5, 6) закавказских бронзовых поясов с изображениями лошади: из погр. 840 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1977. Рис. 9, 1) и погр. 13 Мурзихинского I могильника (Чижевский, 2006. С. 55–57; 2009. Рис. 35, 11). Фрагментарность закавказских поясов позволяет относить изображения на них к лошадям лишь условно, по закавказским аналогиям.

Как уже отмечалось, на всех известных псалиях с зооморфными окончаниями юга Восточной Европы изображалась лишь голова коня. Луговской псалий, выполненный в виде целого животного и сидящего на нем всадника, казалось бы, является исключением. Однако луговское изображение также передает

фигуру коня достаточно условно. Прежде всего здесь отсутствуют конечности, они лишь подразумеваются, но не изображаются в реальности. По всей вероятности, это характерный изобразительный прием, присущий именно раннеананьинскому искусству, так как во всех пяти известных нам случаях изображение тела лошади выполнено в виде плавно изогнутой дуги со скульптурным оформлением окончания, изображающим голову коня. По сути, данные изображения – логическое развитие скульптурно оформленных псалиев. Наиболее близки по форме к луговскому псалию кочедыки – они сильно изогнуты в горизонтальной проекции, что требует их функциональное назначение, а шея с выделенной гривой – такая же длинная и сильно изогнутая. Необходимо отметить, что длинная сильно изогнутая шея – признак, присущий всем изображениям лошади в раннеананьинском искусстве. Кроме того, длинная, почти змеиная, сильно изогнутая шея присутствует и на фрагменте закавказского пояса из погр. 13 Мурзихинского I могильника (рис. 6, б).

Изображениям лошадей на закавказских поясах вообще присуща крутая изогнутая шея, а также длинная морда с четко выделенной выемкой на передней части (Погребова, Раевский, 1997. С. 35) – деталь, которая отчетливо проявляется на ананьинских изображениях лошадей (рис. 6, 1–4). Вероятно, и утраченная морда коня на луговском псалии была такой же. Как характерная особенность закавказской изобразительной традиции выступает подчеркнутая седловина (Погребова, Раевский, 1997. С. 35), проявившаяся на луговском псалии, а длинное изогнутое окончание псалия, вероятно, следует трактовать как изогнутый хвост, также характерный для закавказских поясов (Погребова, Раевский, 1997. Табл. VIII, II-34).

По всей вероятности, на формирование образа коня в ананьинском искусстве, и на луговском псалии в частности, оказала большое влияние закавказская традиция изображений на бронзовых поясах. Однако трактовка псалия в виде изогнутого стержнеобразного тела со скульптурным завершением, изображающим голову коня, была заимствована именно из степных культур юга Восточной Европы, влияние которых усиливается на III этапе развития АКЮ во второй половине VII – V в. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 36).

Не вызывает возражений трактовка всадника – это мужчина или мужское антропоморфное существо в остром головном уборе (Корепанов, 2001. С. 101; Файзуллина, 2006. С. 46). Изображений мужчин в раннеананьинском искусстве немного: это два граффити на стелах Ананьинского могиль-

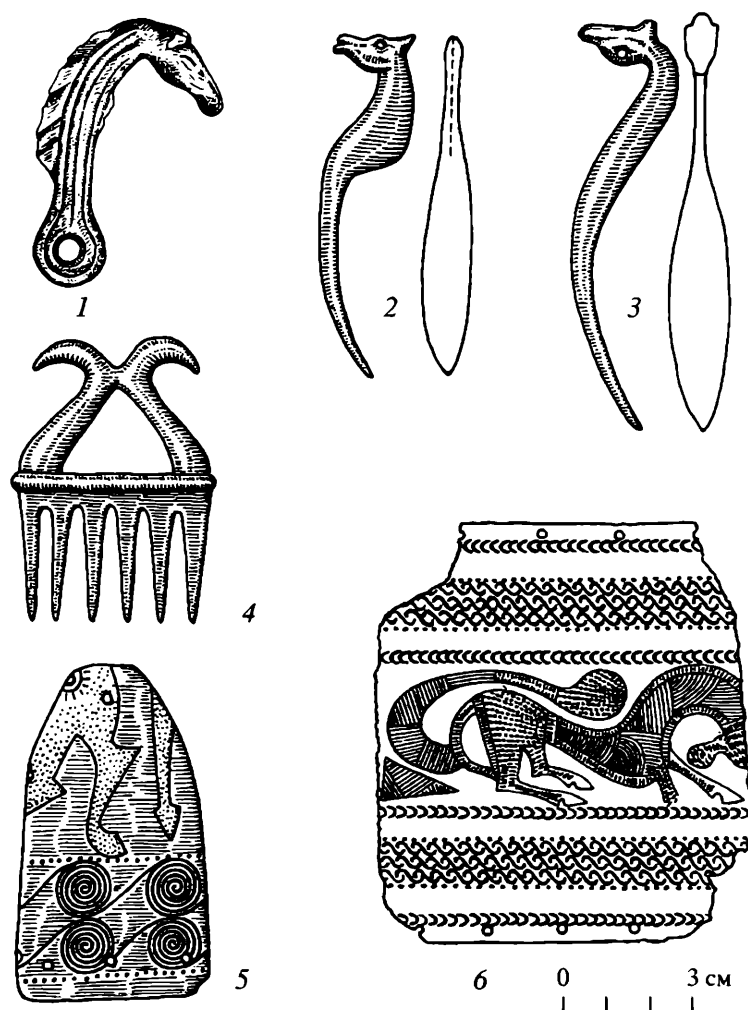

Рис. 6. Изображения коня в раннеананьинском искусстве. 1 – Ананьинский могильник; 2–5 – Старший Ахмыловский могильник: 2 – погр. 263; 3 – погр. 625; 4 – погр. 762; 5 – погр. 840; 6 – Мурзихинский I могильник, погр. 13. Изделия из бронзы и меди.

ника (Чижевский, 2009. Рис. 1, 2, 4), 12 бронзовых идольчиков из Старшего Ахмыловского (Патрушев, 1980. Рис. 1, 1–4, 6–11, 3, 3; Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 11, 1n; 19, 2a; 33, 1в; 38, 1б; 42, 2ж; 44, 2a; 45, 6б; 51, 3e; 80, 11; 118, 1a) и Тетюшского могильников (Халиков, 1977. Рис. 21, 1B), а также схематическое точечное изображение на кочедыке из Половинного I селища (Обыденнов, Корепанов, 2001. С. 52. Рис. 38, 5; Файзуллина, 2006. С. 46. Рис. 4, 1). Характерная особенность некоторых из этих изображений – приостренный головной убор, маркирующий, вероятно, принадлежность человека к мужскому полу.

Образ всадника на коне, зародившийся в конце раннеананьинского периода, сохраняется и в позднеананьинском искусстве. Изображение всадника (рис. 7, б), во многом наследующее черты скульптурного изображения на псалии из погр. 82 Луговского могильника, появляется лишь на заключительной стадии развития ананьинского искусства

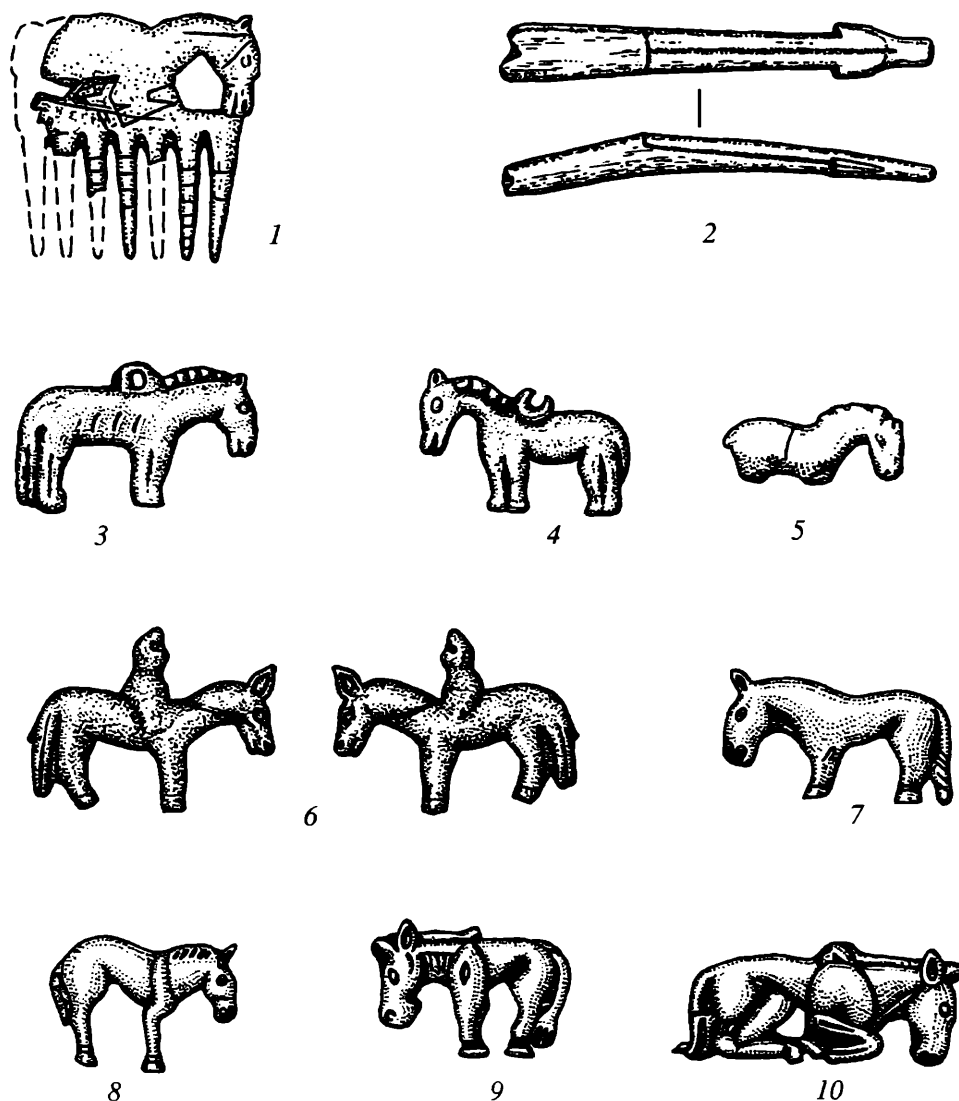

Рис. 7. Изображения коня и всадника в позднеананьинское время и их аналогии. 1 – поселение Половинное I; 2 – Гремячанское святилище; 3 – поселение Заюрчим; 4 – городище Алтен-Тау (по: Черных, 1959); 5 – Юшковское городище; 6 – Гляденовское костыще (по: Лепихин, Мельничук, 1997); 7, 8 – Ордос; 9, 10 – Томская обл. (7–10 – по: Членова, 1967). 1, 2 – рог; 3, 4, 6–10 – бронза; 5 – глина. Масштаб разный.

(V/IV–III вв. до н.э.). Бронзовая фигурка всадника (5.1 × 4.3 см) известна из сборов на Гляденовском костыще (Лепихин, Мельничук, 1997. Рис. 8, 1; Коренюк и др., 2008. С. 56, 57. Рис. 1, 1). Всадник изображен в статичной позе, голова животного опущена, шея длинная изогнутая, глаза круглые большие, ноздри переданы овальными углублениями, а рот – прямой линией, хвост опущен, копыта обозначены дополнительной прочерченной линией. Уши крупные торчащие. От щек коня к всаднику идет повод. Фигурка сидящего на коне человека передана очень скупой, выделяется приостренная конусообразная шапка, глаза выделены круглыми углублениями, лицо овальной формы, нос крупный острый, спина изогнутая сутулая. При взгляде слева видна опущенная вдоль тела рука, при взгляде справа заметны неясные очертания ноги.

С луговским всадником изображение из Гляденовского костыща сближается лишь в передаче

самого человека, его позы, основных черт лица и головы, а также длинной изогнутой шеей коня. Изображение коня резко отличается от раннеананьинских образцов прежде всего статичной позой. Спокойная неподвижная поза лошади характерна именно для позднеананьинского и, вероятно, гляденовского искусства. Имеется шесть¹ изображений коня этого времени: глиняная фигурка из Юшковского городища (рис. 7, 5) (Збруева, 1952. С. 137. Табл. XXIV, 7); две костяные рукояти из Гремячанского святилища, которые С.Н. Коренюк (1998. Рис. 3, 4) рассматривает как рукояти с окончаниями в виде голов лошади (рис. 7, 2), гребень из рога с изображением фигурки лошади из поселения Половинное I (рис. 7, 1) (Коренюк, 1998. Рис. 3, 1),

¹ По сообщению Т.А. Колобовой (2006), авторам известна еще одна глиняная фигурка лошади, но ввиду неполноты публикации она не привлекалась для анализа.

литая бронзовая фигурка лошади с ушком для подвешивания из поселения Заюрчим (рис. 7, 3) (Коренюк, 1998. Рис. 3, 2), литая бронзовая фигурка коня с обломанным ушком для подвешивания из городища Алтен-Тау (рис. 7, 4) (Черных, 1959. С. 162. Рис. 7, 12; Коренюк, 1998. Рис. 3, 3). В пяти случаях из шести конь изображался полностью независимо от материала, из которого изготовлена фигурка. В отличие от раннеананьинского времени здесь всегда присутствуют ноги, изображенные в вытянутом (рис. 7, 3, 4) или немного согнутом положении (рис. 7, 1). Такие же немного согнутые ноги фиксируются и у лошади всадника из Гляденовского костища. Уши у всех изображений показаны торчащими, шея изогнутая длинная, на фигурке из Заюрчима на хвосте видно углубление, рассекающее хвост примерно на две равные части. Подобным образом оформлен и хвост гляденовского всадника. Таким образом, фигурка коня всадника из Гляденовского костища имеет характерные черты изобразительной традиции позднеананьинского искусства, в то же время техника изображения самого всадника сохраняет черты более раннего времени, присущие изображению на луговском псалии.

Авторы находки датируют данное изображение по аналогии с всадником из кургана 3, погр. 1 Филипповского могильника V в. до н.э. (Коренюк и др., 2008. С. 55), хотя А.Х. Пшеничнюк, исследователь этого кургана, относит фигурку всадника из кости к IV в. до н.э. (2002. С. 29).

Гляденовское костище, как известно, возникает на позднеананьинском этапе в IV–III вв. до н.э. и продолжает свое существование в гляденовское время II в. до н.э. – III в. н.э. (Лепихин, Мельничук, 1997. С. 13). Существенно уточняет дату гляденовской фигурки другая, из городища Алтен-Тау, датируемая IV–III вв. до н.э. (Черных, 1959. С. 162). Подкрепляют данную дату также находки костяных рукоятей из Гремячанского святилища, выполненных в весьма условной манере позднеананьинского искусства. Они датируются V–IV вв. до н.э. (Коренюк, 1998. С. 76). В этих же пределах V/IV–III вв. до н.э. правомернее всего датировать и гляденовского всадника. В то же время дата заюрчимской фигурки – VII–VI вв. до н.э. (Коренюк, 1998. С. 76) выглядит, на наш взгляд, весьма заниженной, так как стилистически это изображение тяготеет именно к позднеананьинским образцам.

Изменения, произошедшие в технике изображения лошади, обусловлены общим изменением направления векторов связей АКЮ в конце раннеананьинского времени, когда вместо скифских и кавказских импортов в ананьинскую материальную культуру начинают проникать савроматские,

сакские и тагарские предметы (Кузьминых, 1983. С. 174–180; Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 36). Показательны в этой связи находки тагарских ножей с кольцевым навершием рукояти (Кузьминых, 1983. С. 147, 148. Табл. LVII, 3–6; Голдина, 1999. С. 176. Рис. 82, 14), а также наконечников стрел из Казахстана, севера Средней Азии и Западной Сибири (Кузьминых, 1983. С. 118, 119).

Не избежало восточного влияния и искусство. Образ лошади, стоящей на вытянутых ногах в спокойной позе с опущенной головой, характерен для “алтайского” звериного стиля. Подобные изделия известны в Минусинской котловине, в Приобье и Ордосе (Членова, 1967. С. 141, 144; 1992. С. 218). Лошади и ослы здесь изображались с вытянутыми конечностями (рис. 7, 7–9), иногда лежа (рис. 7, 10), с опущенной головой; ухо передавалось ямкой, овальными углублениями; глаза, рот также передавались углублениями; копыта выделены прочерченной линией; хвост длинный, в ряде случаев покрытый прочерченными линиями, имитирующими его структуру (Членова, 1967. С. 141. Табл. 25, 21, 24; 34, 2, 6, 8, 9). Время возникновения “алтайского” стиля в Ордосе и Монголии – VII в. до н.э., но западнее он распространяется с V в. до н.э., его поздняя фаза – IV в. до н.э. (Членова, 1967. С. 144) – совпадает с началом изменений в изобразительной технике позднеананьинского искусства.

Образ человека в позднеананьинском искусстве передавался в виде глиняных женских фигурок, известных по материалам Конецгорского селища, Юшковского городища и других позднеананьинских поселений (Збруева, 1952. С. 249–252. Табл. XLVIII; Иванов, 1976. С. 308–312; Колобова, 2006; Черных, Останина, 2007. С. 158. Рис. 19). Мужские фигурки авторам не известны, хотя ряд изображений из гляденовских костищ может относиться к позднеананьинскому периоду, но из-за нерасчлененности культурного слоя ананьинского и гляденовского времени выделить эти изделия весьма затруднительно.

Дальнейшее развитие образа коня и всадника происходит уже в рамках гляденовской культуры II в. до н.э. – III в. н.э., когда на смену плавным линиям, присущим фигуркам ананьинского времени, приходят угловатые ломаные линии фигурок (Черных, 1959. С. 162; Лепихин, Мельничук, 1997. Рис. 8, 2–23; Лепихин, 2007. Рис. 13, 6–11; Коренюк и др., 2008. Рис. 1, 2–10; 2, 1–11), выполненных в новой – гляденовской – традиции.

Подводя итоги, отметим следующее.

1. Образ коня в искусстве раннеананьинского времени имеет весьма характерные особенности –

это изображение не всего тела, а лишь головы на луговском псалии, ахмыловских кочедыках и других предметах. Традиция эта, по всей вероятности, связана с древностями юга Восточной Европы, где подобным образом оформлялись псалии.

2. Все изображения коня в раннеананьинское время имеют плавно изогнутое тело и длинную согнутую шею, что придает облику лошади, несмотря на отсутствие конечностей, явное ощущение движения.

3. В этой связи конь, вырезанный на луговском псалии, выглядит типичным образцом раннеананьинского искусства. Сам образ всадника не имеет аналогий и, вероятно, сформировался в среде АКЮ.

4. На рубеже V–IV вв. до н.э. изобразительный канон лошади меняется: у них начинают выделять конечности, а сами животные приобретают статичные позы с выпрямленными либо немного согнутыми ногами. Ощущение движения, присущее раннеананьинским образцам, в искусстве финала АКЮ исчезает. Это явление, вероятно, обусловлено сменой общей направленности культурных связей АКЮ с юга на восток Евразии. По технике изображения коня наиболее близкие аналогии позднеананьинским фигуркам прослеживаются в “алтайском” зверином стиле.

5. Наследием раннеананьинского искусства и одновременно типично позднеананьинским изделием является изображение всадника из Гляденовского костыща, где фигурка человека выполнена в традициях луговского псалия, а фигура коня – в позднеананьинской статичной позе.

6. Дальнейшее развитие образа всадника и коня в Волго-Камье приходится уже на постананьинскую эпоху, когда плавность линий, присущая ананьинскому искусству, сменяется угловатыми очертаниями изображений гляденовской культуры.

Авторы благодарят Д.Г. Бугрова за предоставленную возможность публикации неопубликованных материалов Аргыжского городища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсланов Л.Ш., Корепанов К.И. Археология и топонимия Елабужского края. Елабуга, 1991.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск, 2006.
- Балакшин О.А. Арабская лошадь в России // Арабская лошадь. М., 2003.
- Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М., 2009.
- Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
- Вечтомов А.Д. Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // ВАУ. 1962. Вып. 2.
- Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (эрмитажная коллекция Н.Е. Брандербурга). М., 1977 (САИ; Вып. Д1-33).
- Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (Археология СССР).
- Ефименко П.П. Допитання про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я. Киев, 1948.
- Збруева А.В. Луговской могильник // Тр. И-та этнографии. Нов. сер. Т. 2. М.; Л., 1947.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952 (МИА; № 30).
- Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы // МИА. 1960. № 80.
- Иванов В.А. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // СА. 1976. № 3.
- Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев, 1973.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи. М., 1997.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного правобережья. Киев, 1989.
- Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
- Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология): Западный вариант. М., 1998 (САИ; Вып. В2-5).
- Колобова Т.А. Глиняная пластика Прикамья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
- Коренюк С.Н. Символика сюжетов звериного стиля на костяных гребнях у пермских финнов Среднего Прикамья в VIII–III вв. до н.э. // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998.
- Коренюк С.Н. Образ змеи в искусстве и идеологии населения Прикамья в раннем железном веке // Оборинские чтения. Вып. 4. Пермь, 2006.

- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Всадники гляденовской культуры // Вестн. Пермского у-та. 2008. Вып. 7 (23).
- Корепанов К.И.* Научный отчет об археологических исследованиях Луговского раннеананьинского могильника в 1987 г. // Архив ИА РАН. 1988. № 112287.
- Корепанов К.И.* Научный отчет об археологических раскопках и разведках у пос. Луговой в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1989. № 13294.
- Корепанов К.И.* Новые данные о погребальном обряде Луговского могильника // Древности Поволжья и Прикамья. Йошкар-Ола, 2001 (АЭМК; Вып. 25).
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009 (АЕС; Вып. 8).
- Летихин А.Н.* Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Пермь, 2007.
- Летихин А.Н., Мельничук А.Ф.* Гляденовское костище (из собрания Пермского областного краеведческого музея): Каталог. Вып. 3. Пермь, 1997.
- Мелюкова А.И.* Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).
- Мельничук А.Ф.* Исследование памятников железного века в Среднем Прикамье // АО-1983. 1985.
- Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И.* Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Эпоха каменного века – середина II тыс. н.э. Уфа, 2001.
- Патрушев В.С.* Ананьинские зооморфные изображения Марийского края // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977 (АЭМК; Вып. 2).
- Патрушев В.С.* Антропоморфные изображения из Старшего Ахмыловского могильника // КСИА. 1980. Вып. 162.
- Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: Старший Ахмыловский могильник. Йошкар-Ола, 1984.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы: Старший Ахмыловский могильник. М., 1982.
- Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Казань, 2007 (АЕС; Вып. 3).
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М., 1997.
- Пшеничниук А.Х.* Олени Филипповки // Золотые олени Евразии: Каталог выставки. СПб., 2002.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА; № 101).
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Трапи М.М.* Древний Сухуми // Труды. Т. 2. Сухуми, 1969.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
- Халиков А.Х.* Приказанская культура. М., 1980 (САИ; Вып. 1-24).
- Файзуллина Д.Ф.* Историко-культурная реконструкция элементов костюма (на материале населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- Черных Е.Н.* Городище Алтен-Тау // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. М., 1959.
- Черных Е.М., Останина Т.И.* Население Удмуртии в раннем железном веке (VIII в. до н.э. – II в. н.э.) // История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. Ижевск, 2007.
- Чижевский А.А.* Комплекс вещей кавказского происхождения из Мурзихинского IV (I) могильника (вопросы хронологии и происхождения) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. М., 2006.
- Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области. Казань, 2008 (АЕС; Вып. 5).
- Чижевский А.А.* Проблема генезиса и хронологии ананьинских (постмаклашеевских) стел // РА. 2009. № 1.
- Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Членова Н.Л.* Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (Археология СССР).

ЧЕРНОФИГУРНЫЕ АТТИЧЕСКИЕ (“КАССЕЛЬСКИЕ”) ЧАШИ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

© 2012 г. А.Е. Петракова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (petrakova.anna@gmail.com)

Ключевые слова: *Кассельские чаши, типология и классификация аттической керамики, чернофигурная керамика, Государственный Эрмитаж, Северное Причерноморье, классификация Х.А.Г. Брайдера, экспорт аттической керамики в эпоху архаики.*

In his article in *Bulletin Antieke Beschaving* 68 (1993), Professor H.A.G. Brijder established the typology of Cassel cups. Cassel cups and fragments in the State Hermitage museum allow us to come back to the question. The first aim of this article is to draw particular attention to several items which, being in some aspects unique, can contribute new data to the typology. The second aim is to contribute to our understanding of the distribution of the Cassel cups in the Ancient world, since most of the Hermitage cups and fragments were excavated in the Black Sea region, namely in the settlements of Olbia and Pantikapaion and on Berezan island.

В собрании Государственного Эрмитажа хранится более 40 аттических чернофигурных чаш и фрагментов, украшенных поясками с орнаментами. Средняя высота целых форм – 8–9 см, диаметр без ручек – 13.7–15. Такие чаши получили название “Кассельские” (*Cassel cups*) по экземпляру S.49.d из Касселя (Yfanides, 1990. S. 148). Они принадлежат к группе мелкофигурных чаш (Beazley, 1932. P. 167–204; 1956. P. 159–197; Haldenstein, 1983; Käser, Vierneisel, 1990). Большинство экземпляров из Государственного Эрмитажа происходит из раскопок в Северном Причерноморье: Ольвии, Пантикапее и на о. Березань.

Кассельские чаши были определены Дж. Бизли как “класс маленьких чаш, имеющих форму “*band-cup*”, но с отличием в декоре”, состоящим в “уменьшении использования черного цвета”, которым у “*band-cups*” покрывался низ тулова и венчик, а также в том, что поверхность Кассельских чаш декорируется поясками с растительными и геометрическими орнаментами, изредка – с маленькими силуэтными человеческими или звериными фигурками в зоне между ручками, а в нижней части тулова, у ножки – орнаментом в виде лучей, который мастера, изготовлявшие “*band-cups*” и “*lip-cups*”, не использовали (Beazley, 1932. P. 191, 192).

Кассельские чаши были выделены Дж. Бизли и Х. Пэйном в 1929 г. (Beazley, Payne, 1929. P. 253–272). Среди описанных Дж. Дропом в 1910 г. аттических чаш (Droop, 1910) они заметили одну, чья форма больше напоминала “*band-cup*” (“из его списка (...) мы исключаем чашу из Касселя (...) она принадле-

жит другой группе, которую мы назовем Кассельской”), дали характеристику новой группе: “форма такая же, как у “*band-cups*”, но декор другой: и венчик, и тулово на наружной стороне покрыты орнаментами” (Beazley, Payne, 1929. P. 270, 271) и список из 16 чаш, среди которых 3 происходили из Ольвии (Pharmakowsky, 1913. S. 205).

Хотя уже в 1910 г. Дж. Дроп определил Кассельские чаши как аттические, чаша 1890.7-31.30 в 1926 г. была опубликована с комментарием: “*Apparently not Attic; the style suggests late Laconian ware*” (CVA London 2. P. 6. Pl. 16, 8), а чаша Б.457 – “*probably not Attic, but South Italian imitation*” (CVA London 2. P. 6. Pl. 16, 7). В исследовании по лаконской керамике С. Стибб писал, что все существующие в декоре Кассельских чаш виды орнаментальных элементов находят параллели в декоре лаконских (Stibbe, 1972). Однако в 1993 г. Х.А.Г. Брайдер отметил: “Хотя Кассельские чаши, на первый взгляд, сопоставимы с лаконскими из-за орнаментальных поясков, покрывающих наружную поверхность, они – аттического происхождения. Вывод подтверждает использование формы “*band-cup*” в Кассельских чашах, а также особые типы орнамента, ведущие свое происхождение от чаш Сиана, непосредственных предшественников Кассельских чаш” (Brijder, 1993. P. 145). В этой работе была разработана наиболее подробная классификация Кассельских чаш и всех проблем, связанных с ними.

Х.А.Г. Брайдер подразделил Кассельские чаши на четыре типа в соответствии с характером их декора. Типу I присущ пояс язычков (*tongue band*) – на вен-

чике (изредка венчик черный), плющ (*ivy-wreath*) – в зоне между ручками, пояс с миртом (*myrtle-wreath*) – под зоной между ручками и лучи (*base-rays*) – в нижней части вокруг ножки (Brijder, 1993. P. 140). У чаш типа II венчик черный или с поясом язычков, в зоне между ручками помещен мирт, ниже располагается пояс с Z-образными элементами (Zs), ступенчатыми зигзагами (*stepped-zigzag lines*) или сетчатым орнаментом с точками в местах пересечений сетки (*net pattern*), вокруг ножки – лучи. У чаш типа III на венчике – пояс язычков (изредка венчик черный), орнамент, отличный от плюща или мирта, – в зоне между ручками (сетка или бутоны лотоса, соединенные стебельками), ниже – пояс с миртовым орнаментом и лучи вокруг ножки. Чаши типа IV имеют пояс язычков на венчике (изредка венчик черный), фигуры людей, животных или дельфинов между пальметтами – в зоне между ручками, ниже – пояс с миртом и лучи вокруг ножки (Brijder, 1993. P. 141).

В 1996 г. Х.А.Г. Брайдер дополнил списки по типам и подтвердил выдвинутое ранее утверждение о датировке: “Кассельские чаши следует датировать 540–510-и годами до н.э., большинство из них – 530–520-и годами до н.э.” (CVA Amsterdam 2. P. 103, 104). Он также сделал два дополнения к классификации 1993 г.: «несколько Кассельских чаш, включая Амстердам 4572, отклоняются от стандартной схемы декора из-за наличия черного венчика, как у “*band-cup*”»; “диагональные палочки в поясе под зоной могут быть осмыслены как упрощение орнамента в виде ступенчатого зигзага”.

Существенное внимание Кассельским чашам (хотя и без дополнения к классификации Х.А.Г. Брайдера) было уделено в публикациях археологических материалов о Кипр (Greek Geometric..., 1977), Тарквинии (Pierro, 1984), Клазомен (Tuna-Nörling, 1996), о Самос (Kreuzer, 1998) и др. Публикация археологических материалов, хранящихся в Государственном Эрмитаже, позволяет дополнить имеющийся корпус Кассельских чаш как количественно, так и качественно: в собрании представлены не только все четыре типа, но и редко встречающиеся варианты, позволяющие расширить и уточнить классификацию Х.А.Г. Брайдера.

Чаши типа I

Фрагмент О.1913.181 (CVA The State Hermitage museum 10. Pl. 38, 1–3) из раскопок некрополя Ольвии 1913 г. представляет собой половину тулова чаши с одной ручкой (рис. 1, 1). Он почти идентичен чашам RC 8563 и RC 5172 (Pierro, 1984. Cat. 20, 21. Pl. XLVII) из Тарквинии, двум чашам, опубликованным П. Мингаццини (Mingaz-

zini, 1930–1971. Pl. XCII, 5, 10), чаше S 1180 (CVA Bohum 1. Taf. 53, 3, 4), на которых совпадают все детали декора, а на чаше S 1180 из Бохума некоторые листики плюща даже окрашены охрой. Близкая аналогия – чаша X.248.16 (CVA New York 2. Pl. 20, 33a–c; 39), у которой, однако, мирт в нижней части тулова ориентирован вправо, в отличие от фрагмента из Государственного Эрмитажа и от большинства Кассельских чаш. На чаше Оксфорд 1934.297 (Boardman, 1974. Pl. 139) плющ без дополнительных цветов, но мирт ориентирован влево. Чаша 2260 (CVA München 10. Taf. 37, 1, 2) близка чаше из Государственного Эрмитажа, но пояс с язычками не имеет дополнительных цветов. Также близки фрагмент, опубликованный Я. Туной-Норлинг (Tuna-Nörling, 1996. Pl. 4, 42), фрагменты 210 (CVA Cambridge 2. Pl. 21, 23), Б.84.137 и Б.84.135 (CVA The State Hermitage Museum 8. Pl. 43, 1; 42, б) (рис. 1, 2, 3) из раскопок на о. Березань в 1984 г. Фрагмент О.1912.65 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 42, 1, 2) (рис. 1, 4) из разграбленной могилы № 15 последней четверти VI в. до н.э. (Скуднова, 1988. С. 106–108. Кат. 160, 14), раскопанной в 1912 г. в Ольвии, наиболее близок чашам X.248.16 (CVA New York 2. Pl. 20, 33a–c; 39) и RC 1765 (Pierro, 1984. Pl. XLVIII, 23), у которых даже мирт в нижней части тулова ориентирован вправо, что отличает их от большинства Кассельских чаш. Фрагменту Б.85.101 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 42, 8) из раскопок 1985 г. на о. Березань (рис. 1, 5) наиболее близки чаша X.248.16 (CVA New York 2. Pl. 20, 33a) и Оксфорд 1934.297 (Boardman, 1974. Pl. 139), а фрагменту Б.74.121 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 42, 5) из раскопок 1974 г. (рис. 1, б) – чаша 17589 (CVA Athens 3. Pl. 38, 4). Фрагмент Б.67.124 (CVA The State Hermitage museum 3. Pl. 21, 5) из раскопок на о. Березань 1967 г. (рис. 1, 7) отличается от большинства чаш типа I наличием черного венчика. Наиболее близкая аналогия – чаша О.1912.64 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 34, 1–6) из раскопок 1912 г. в Ольвии (разграбленная могила № 15) (рис. 1, 8), датированная около 530 г. до н.э. и происходящая из комплекса последней четверти VI в. до н.э. (Скуднова, 1988. С. 106–108. Кат. 160, 13). Этим фрагментам по схеме декора близок экспонат 88.829 (CVA Boston 2. Pl. 109, 11) и чаши Оксфорд 1934.297 (Boardman, 1974. Pl. 139), X.248.16 (CVA New York 2. Pl. 20, 33a) – за тем исключением, что венчик у них не черный. Таким образом, в собрании музея имеется восемь чаш и фрагментов типа I, из которых два относятся к нестандартной подгруппе с черным венчиком.

Рис. 1. Кассельские чаши, тип I (Государственный Эрмитаж): 1 – О.1913.181; 2 – Б.84.137; 3 – Б.84.135; 4 – О.1912.65; 5 – Б.85.101; 6 – Б.74.121; две чаши с черным венчиком: 7 – Б.67.124; 8 – О.1912.64.

Чаши типа II

Чаша Б.7450 (CVA The State Hermitage museum 3. Pl. 20) поступила в музей в 1932 г. из Ленинградского института лингвистики и истории (ЛИЛИ), куда попала в 1902 г. из Ольвии (Горбунова, 1983. С. 45) (рис. 2, 1). Наиболее близкая аналогия – чаша I.G. 22446 (CVA Adria 2. Pl. 37, 8), менее близкая – 1890.7-31.30 (CVA London 2. Pl. 16, 8; Greek Geometric..., 1977. Pl. 44, 2): на чаше 1890.7-31.30 в нижнем поясе ступенчатый зигзаг нарисован четко, на чаше I.G. 22446 некоторые палочки – прямые, некоторые содержат в форме намека на зигзаг, на чаше Б.7450 – только наклонные палочки. К близким также можно отнести чаши 2261 (CVA München 10. Taf. 37, 4–6) и 62.22 (CVA Boston 2. Pl. 99, 5, 6): их отличие состоит только в том, что язычки на них через один – черные и красные, а не только черные. Чаша О.1912.263 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 40, 1–6) (рис. 2, 2) – полная аналогия Б.7450. Она происходит из раскопок 1912 г. в Ольвии, из могилы № 64 конца VI в. до н.э. (Скуднава, 1988. С. 119, 120. Кат. 182, 4; Greeks on the Black Sea..., 2007. P. 104. Pl. 23). Чаша О.1914.40 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 41, 1–7) (рис. 2, 3) происходит из раскопок в Ольвии 1914 г., из могилы № 18 последней четверти VI в. до н.э. (Скуднава, 1988. С. 159, 160. Кат. 245, 10). От предыдущих чаш ее отличают следующие параметры: язычки на венчике не черные, а чередующиеся красные и черные, как на чашах 2261 (CVA München 10. Taf. 37, 4–6) и 62.66 (CVA Boston 2. Pl. 99, 5, 6); в нижней части тулова расположен пояс со ступенчатыми зигзагами, а не с наклонными палочками. Фрагмент Б.91.89 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 43, 4) происходит из раскопок на о. Березань 1991 г. (рис. 2, 4). Аналогии – чаши IG 22446 (CVA Adria 2. Pl. 37, 8), BS 1906.3064 (CVA Basel 1. Taf. 33, 4), 1890.7-31.30 (CVA London 2. Pl. 16, 8), чаши Б.7450 и О.1912.263 из Государственного Эрмитажа. Фрагмент Б.85.102 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 43, 5) происходит из раскопок на о. Березань 1985 г. (рис. 2, 5). Аналогии – чаши 2261 (CVA München 10. Taf. 37, 4, 6), D 863.1.25 (CVA Rennes. Pl. 19, 4), 198052 (CVA Varsovie 1. Pl. 41, 1, 6), 4572 (CVA Amsterdam 2. Pl. 117, 7, 8; 118, 1, 2), большинство чаш типа II из Государственного Эрмитажа. Фрагмент Б.69.155 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 43, 6) из раскопок на о. Березань 1969 г. (рис. 2, 6), несмотря на малые размеры, сохранил роспись в виде ступенчатого зигзага – одного из признаков типа II, как на чашах 62.66 (CVA Boston 2. Pl. 99, 5, 6) и MG 1476 (CVA Gioia del Colle 1. Pl. 26, 1). Два фрагмента Б.90.76 (CVA The State Hermitage museum 8.

Pl. 42, 3, 4) из раскопок 1990 г.¹ на о. Березань (рис. 2, 7) могут быть сопоставлены с чашами 2261 (CVA München 10. Taf. 37, 4, 6), 198052 (CVA Varsovie 1. Pl. 41, 1, 6), 4572 (CVA Amsterdam 2. Pl. 117, 7, 8; 118, 1, 2). Фрагмент ОГ.1904.27 (CVA The State Hermitage museum 10. Pl. 39, 2) из раскопок в Ольвии 1904 г. (рис. 2, 8) можно сопоставить с чашей 22446 (CVA Adria 2. Pl. 37, 8). Фрагменты Б.3766 (CVA The State Hermitage museum 10. Pl. 39, 3), время и способ поступления в музей которого неизвестны (рис. 2, 9), и Б.62.61 (CVA The State Hermitage museum 10. Pl. 39, 9) из раскопок на о. Березань 1962 г. (рис. 2, 10) близки предыдущему.

Несколько чаш, относящихся к типу II, представляют более редкую разновидность чаш с черным венчиком. Чаша О.1912.264 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 35, 1–7) (рис. 3, 1) происходит из раскопок 1912 г. в Ольвии, из могилы № 64, датированной концом VI в. до н.э. (Скуднава, 1988. С. 119, 120. Кат. 182, 5). Наиболее близкие аналогии – 4572 (CVA Amsterdam 2. Pl. 117, 7, 8; 118, 1, 2), 80-48 (CVA Limoge. Pl. 8, 7), MG 1477 (CVA Gioia del Colle 1. Pl. 26, 2), D. 863.1.25 (CVA Rennes. Pl. 19, 4), 198052 (CVA Varsovie 1. Pl. 41, 1, 6), а также М-1243 (CVA Pushkin State Museum 1. Pl. 59, 5), в то время как Катанья 4085 (Barresi, Valastro, 2001. Cat. 51) отличается тем, что в пояске помещен ступенчатый зигзаг, а не наклонные палочки, как на всех предыдущих чашах. Чаши О.1912.265 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 36, 1, 7) и О.1912.266 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 37, 1–7) также происходят из могилы № 64 (Скуднава, 1988. С. 119, 120. Кат. 182, 6, 7) (рис. 3, 2, 3). Они идентичны чаше О.1912.264, кроме того, к ним следует добавить чашу О.1911.149 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 38, 1–7) из могилы № 44 из раскопок 1911 г. в Ольвии (рис. 3, 4) (Скуднава, 1988. С. 76. Кат. 105, 3). Аналогии фрагменту ОГ.1905.111 (CVA The State Hermitage museum 10. Pl. 39, 6) из раскопок городища Ольвии (рис. 3, 5) – чаши Катанья 4085 (Barresi, Valastro, 2001. Cat. 51) и MG 1476 (CVA Gioia del Colle 1. Pl. 26, 1), также декорированные поясками со ступенчатым зигзагом.

Помимо рассмотренных стандартных чаш типа II и более редких чаш с черным венчиком в собрании имеются два экземпляра, заслуживающие особого внимания благодаря тому, что представляют очень редкую разновидность чаш типа II – с миртом с ягодами в зоне между ручками. Это чаши Б.82.125 (CVA The State Hermitage museum 3. Pl. 21, 1–4) из раскопок на о. Березань 1982 г. (рис. 3, 6) и П.1902.54 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 39, 1–7) из раскопок 1902 г. в Пантикапее (рис. 3, 7). Аналоги-

¹ В публикации чаши в CVA, The State Hermitage museum 8 – опечатка: 1976 г. вместо 1990.

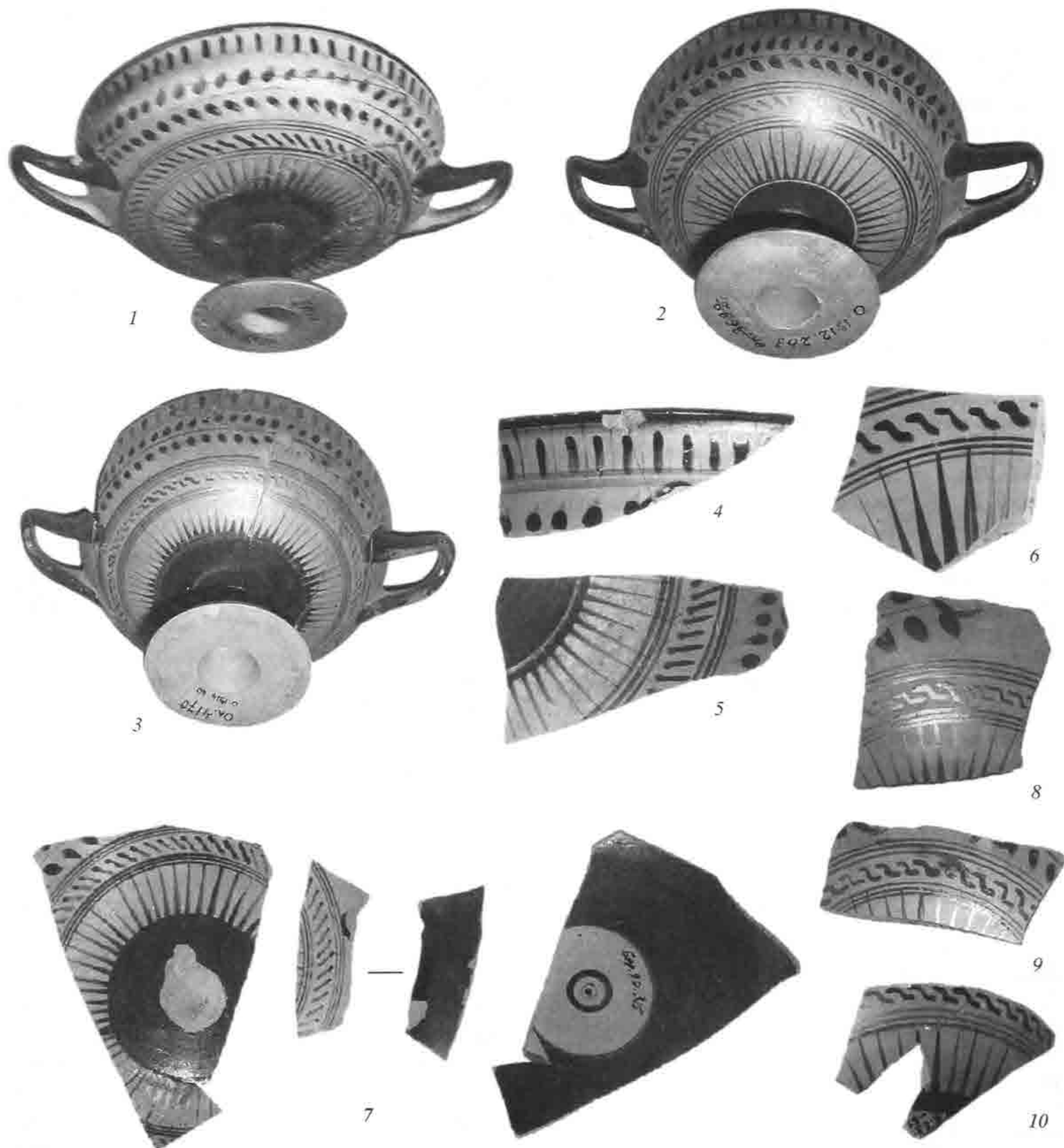

Рис. 2. Кассельские чаши, тип II (Государственный Эрмитаж): 1 – Б.7450; 2 – О.1912.263; 3 – О.1914.40; 4 – Б.91.89; 5 – Б.85.102; 6 – Б.69.155; 7 – Б.90.76; 8 – ОГ.1904.27; 9 – Б.3766; 10 – Б.62.61.

ей им является фрагмент М-627 (CVA Pushkin State Museum 1. Pl. 59, 6; Сидорова, 1992. Фиг. 11b) из раскопок 1953 г. на горе Митридат, имеющий на венчике гравировку “АФРОД”. Чаша Б.82.125 была опубликована в 1999 г. (Solovyov, 1999. P. 84. Fig. 70) и была продатирована концом VI в. до н.э., и в 2005 г.

(Соловьев, 2005. С. 88. Кат. 146), где ее уже продатировали 530 г. до н.э.

К разновидностям чаш типа II относится фрагмент Б.3472 (CVA The State Hermitage museum 10. Pl. 39, 5), подаренный музеем в 1901 г. Г.Е. Кизерицким (рис. 3, 8). Он является редкой разновидностью типа II и

Рис. 3. Кассельские чаши, тип II с черным венчиком (Государственный Эрмитаж): 1 – О.1912.264; 2 – О.1912.265; 3 – О.1912.266; 4 – О.1911.149; 5 – ОГ.1905.111; 6 – Б.82.125; 7 – П.1902.54; фрагмент с сетчатым орнаментом: 8 – Б.3472.

имеет сетчатый орнамент под зоной между ручками вместо традиционного ступенчатого зигзага или наклонных палочек. Наиболее близкие аналогии – чаша из Лейпцига без номера (CVA Leipzig 2. Taf. 30, б) и фрагмент BS 06.3064 (CVA Basel 1. Taf. 33, 4).

Таким образом, ко второй группе в собрании Государственного Эрмитажа относятся 18 экз., из которых 10 – стандартных, 5 – с черным венчиком, 2 – нестандартных с миртом с ягодами и 1 – с сетчатым узором.

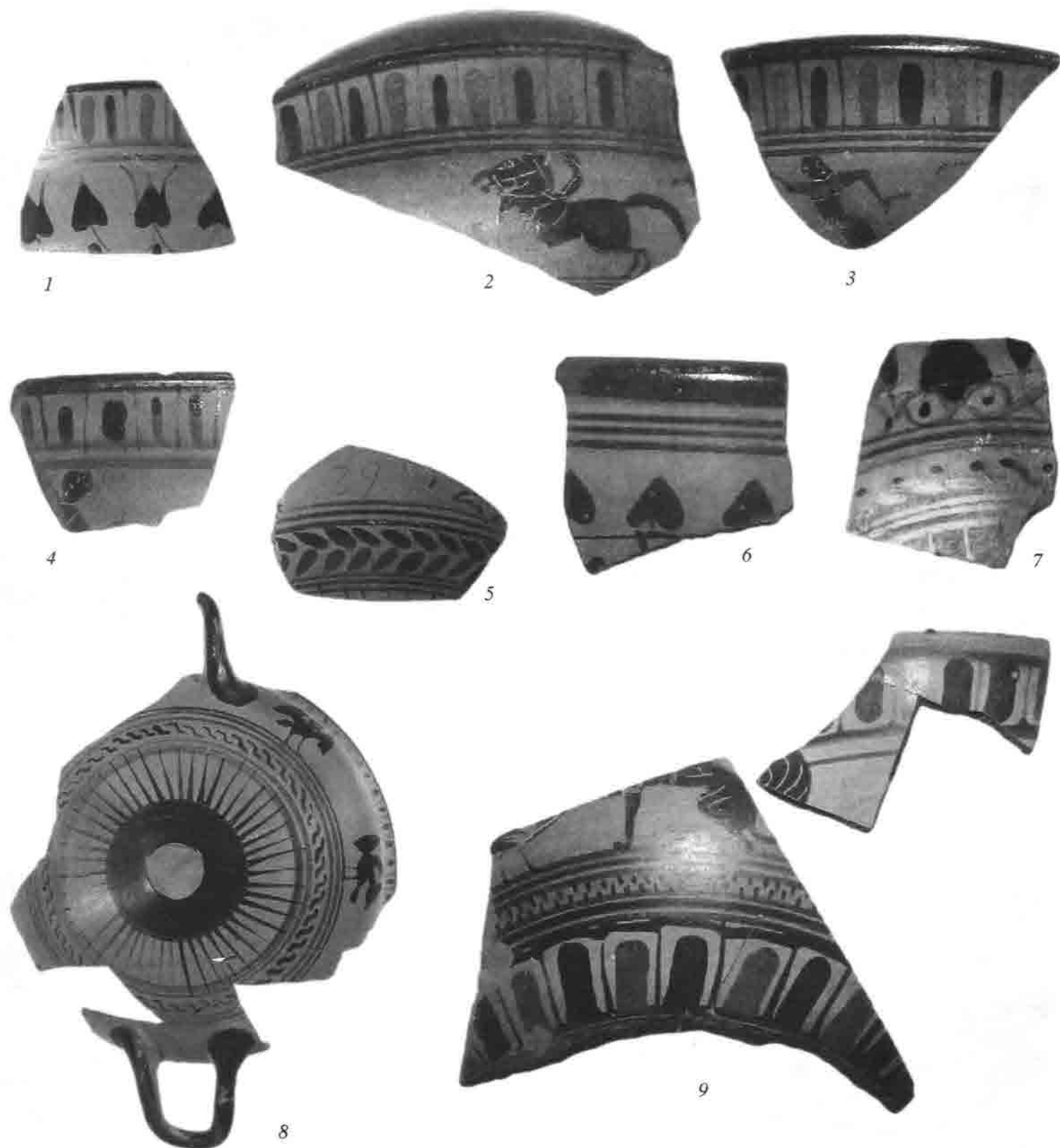

Рис. 4. Кассельские чаши, тип III, IV (Государственный Эрмитаж): 1 – Б.77.105 (тип III); 2 – П.1870.27; 3 – П.1870.103; 4 – Б.91.100; 5 – Б.70.144; нестандартный тип: 6 – Б.3485; 7 – ОГ.1905.110; 8 – Б.90.77; 9 – Б.86.91.

Чаши типа III

Фрагмент Б.77.105 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 42, 7) из раскопок 1977 г. на о. Березань (рис. 4, 1). В зоне между ручками помещен малораспространенный в декоре Кассельских чаш орнамент в виде пояса ориентированных вертикально вверх бу-

тонов и цветков, соединенных между собой дугообразными стеблями; под каждым бутоном или цветком между стеблями нарисовано по черной точке. Данный фрагмент близок чаше 2262 (CVA München 10. Taf. 36, 6), фрагменту, опубликованному Я. Туной-Норлинг (Tuna-Nörning, 1996. Cat. 43), и чаше Гамбург 1983.276 (Brijder, 1993. Pl. 27). В аналогиях,

однако, отсутствуют черные точки под цветками и бутонами, имеющиеся на фрагменте из коллекции Государственного Эрмитажа.

Чаши типа IV

В собрании Государственного Эрмитажа хранится четыре фрагмента Кассельских чаш, относящихся к типу IV, – необычной и малочисленной группе, характеризующейся наличием в зоне между ручками фигуративного изображения.

Фрагмент П.1870.27 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 44, 4) из раскопок в Пантикапее 1870 г. представляет часть тулова с венчиком (рис. 4, 2). На венчике расположен пояс с чередующимися черными и красными язычками, в зоне между ручками сохранилось изображение всадника на коне влево, за ним – фрагмент вытянутой руки (?) еще одного персонажа, возможно, бегущего за конем. Грива коня покрыта охрой; узда и поводья, линия между гривой и шеей коня, его глаз и ухо, а также внутренний контур левой задней ноги награвированы. У обнаженного всадника гравировками даны контур левой ноги и руки, нижний контур прически, а также глаз в виде двух черточек и рот в виде одной. Гравировки небрежные, угловатые, жесткие, без плавных обводов контуров. Из раскопок того же года происходит фрагмент П.1870.103 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 44, 5), на котором сохранилось изображение бегущего влево обнаженного мужчины (рис. 4, 3). Его грудь покрыта охрой, косточки ключиц и нижний контур груди обозначены гравировками в виде арок, глаза – гравировкой в виде кружочка, рот – черточки, также награвированы контуры гениталий и нижний контур волос. Фрагмент П.1870.103 наиболее близок предыдущему и, возможно, является составной частью той же чаши. Их роднит наличие гравировок в проработке фигур и цвета в пояске с язычками на венчике, а также три аккуратно проведенные тонкие линии под поясом язычков. Возможно, темный элемент за всадником на фрагменте П.1870.27 – кисть руки бегущего за ним персонажа: такие композиции характерны для “*band-cups*” Мастера бегунов (*Runners painter*), работавшего в 530-е годы до н.э., – в то же время, которым датируется основной массив Кассельских чаш. На фрагменте Т 487 (CVA Kassel 1. Taf. 29, 4; 30, 4) изображено преследование сатиром менады, но в отличие от пантикапейских фрагментов фигуры здесь силуэтные, без гравировок, а все язычки на венчике черные. На чашах IG 22447 (CVA Adria 2. Pl. 37, 9), В.457 (CVA London 2. Pl. 16, 7) и на фрагментах С.20 (CVA Como 1. Pl. 5, 3) и Агора Р 14053 (Moore, Philippides, 1986. Pl. 112. № 1746) гравировки использованы, но композиции другие. С точки зрения наличия гравировок и ис-

пользования цветного пояса язычков на венчике, наиболее близок фрагментам из Пантикапеи фрагмент Малибу 89.АЕ.99.1 (BADB 24289) и чаша Лейден I 1992/6.98 (Brijder, 1993. Pl. 30), на которых в зоне между ручками изображены комасты. Эти экземпляры должны быть датированы более ранним временем, чем все прочие Кассельские чаши типа IV.

Фрагмент Б.91.100 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 44, 6) из раскопок 1991 г. на о. Березань представляет обломок венчика с частью тулова (рис. 4, 4). В зоне между ручками сохранилось изображение головы и плеч мужского персонажа вправо. На левой стороне головы – четыре гравированные черточки вдоль нижнего контура прически; черточкой обозначен глаз, на одежде награвирован контур, отделяющий ее от шеи, и диагональная линия. Аналогиями могут быть близкие друг другу чаша В.457 (CVA London 2. Pl. 16, 7) и фрагмент IG 22447 (CVA Adria 2. Pl. 37, 9), на которых в зоне между ручками расположена сирена между двумя стоящими к ней лицом мужчинами. Возможно, фрагмент из Государственного Эрмитажа принадлежал чаше с аналогичной композицией, как и фрагмент С.20 (CVA Como 1. Pl. 5, 3), на котором сохранилась только фигура сирены (с фрагментом Б.91.100 его роднит наличие гравированных деталей у фигур и небрежно нарисованные язычки).

Фрагмент Б.70.144 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 44, 7) происходит из раскопок на о. Березань 1970 г. и представляет собой обломок средней части тулова чаши (рис. 4, 5). В зоне между ручками сохранилась коленопреклоненная человеческая фигура влево (нога и рука), переданная черным силуэтом без гравировок. Под ней расположен пояс с миртовой ветвью с листиками влево, ниже – лучи. Одна из возможных аналогий – фрагмент М-78 w 22 (CVA Pushkin State Museum 1. Pl. 59, 4) из раскопок в Пантикапее, на котором можно увидеть такой же узор в виде миртовой ветки (с как бы разбухшими листиками), а в зоне между ручками сохранилась нога мужского персонажа и пальметта у ручки. Другая вероятная аналогия – чаша Т 487 (CVA Kassel 1. Taf. 39, 4; 40, 4), на которой, как и на фрагменте из Государственного Эрмитажа, без гравировок изображены фигуры (сцена преследования сатиром женщины, оба персонажа изображены почти в позах коленопреклоненного бега), а под фризом с фигурами расположен пояс с миртовой ветвью влево с такими же листиками. Положение ноги и руки на фрагменте из Государственного Эрмитажа позволяет предположить, что, как и на чаше из Касселя, на нем могла быть изображена сцена преследования. Чаша Касель Т 487 не имеет

археологического происхождения, однако указание на то, что в музей она поступила в 1908 г. из собрания А. Фогеля (A. Vogell), позволяет предположить ее причерноморское происхождение.

Таким образом, в собрании музея имеется четыре фрагмента (два, скорее всего, от одной чаши), относящиеся к типу IV, из которых три – редкие, с гравировками.

Несмотря на то что четыре типа, выделенных Х.А.Г. Брайдером в целом позволяют классифицировать имеющиеся целые формы и фрагменты Кассельских чаш, обработка археологических памятников предполагает и работу с экспонатами, тип которых невозможно определить из-за того, что у них сохранились либо два-три пояска в нижней части, зачастую у Кассельских чаш трех типов совпадающие, либо пояс язычков на венчике, характерный для Кассельских чаш всех четырех типов. Таковы фрагменты Б.77.123 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 43, 8), Б.69.170 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 43, 7), Б.82.115 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 43, 3), Б.69.169 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 43, 2), Б.3473 (CVA The State Hermitage museum 10. Pl. 39, 1), П.1870.86 (CVA The State Hermitage museum 10. Pl. 39, 4).

В коллекции музея хранятся экземпляры, позволяющие внести изменения и дополнения в классификацию 1993 г., автор которой не был знаком с чашами из Государственного Эрмитажа, поскольку большинство из них прежде не публиковалось. Так, в классификации упущен часто встречающийся на чашах из Государственного Эрмитажа элемент – поясок орнамента в виде наклонных палочек. Две чаши из Государственного Эрмитажа с миртовой ветвью с ягодами вместе с аналогией из Государственного музея изобразительных искусств (ГМИИ) им. А.С. Пушкина составляют редкую разновидность чаш второй группы, по-видимому, неизвестную Х.А.Г. Брайдеру в 1993 г. Экспонаты из Причерноморья существенно дополняют группу чаш с черным венчиком, не позволяя говорить о них как о “нескольких”; помимо полностью черных поясков с язычками на венчиках нередко встречаются более аккуратно выполненные пояски с чередующимися черными и красными язычками; плющ в зоне между ручками также может иметь листья, покрытые охрой.

Однако дополнения к классификации Х.А.Г. Брайдера не исчерпываются только этими замечаниями. В Государственном Эрмитаже имеется четыре фрагмента, не вписывающихся в описанную выше классификацию. Они позволяют внести правку как в характеристику четырех типов, данную Х.А.Г. Брай-

дером, так и в общее представление о декоре Кассельских чаш.

Фрагмент Б.3485 (CVA The State Hermitage museum 10. Pl. 39, 8), подаренный Г.Е. Кизерицким в 1901 г. (рис. 4, б), представляет обломок верхней части чаши с венчиком. Профиль и декор фрагмента безоговорочно указывают на то, что он – обломок Кассельской чаши типа I. Однако на нем отсутствует пояс с язычками. По-видимому, мы имеем дело с неизвестным ранее типом декора или с производственным браком.

Фрагмент ОГ.1905.110 (CVA The State Hermitage museum 10. Pl. 39, 7) из раскопок 1905 г. в Ольвии представляет обломок нижней части тулова чаши (рис. 4, 7). На нем сохранилась часть цепи пальметт, чередующихся с листиками (?), под пальметтами расположены окружности с точками внутри (по-видимому, деградировавший вариант волют); ниже помещен поясок со ступенчатым зигзагом влево, под ним – лучи. Расположение в зоне между ручками орнамента, “отличного от плюща и мирта”, – одна из составляющих характеристики чаш типа III по Х.А.Г. Брайдеру. Однако исследователь говорит о чашах, украшенных в зоне между ручками либо цепью бутонов и цветов (как это было на рассмотренном фрагменте Б.77.105 из Эрмитажа и его аналогиях), либо сетчатым узором, как на чаше из галереи Zilverberg (Brijder, 1993. Pl. 26). Фрагмент из Государственного Эрмитажа украшен цепью пальметт. Единственной аналогией является чаша RC 8564 (Piergo, 1984. Pl. XLVIII, 24) из Тарквинии, на которой в зоне между ручками нарисована такая же цепь пальметт, но двойная. Уникальность фрагмента из Государственного Эрмитажа состоит еще и в том, что он не соответствует характеристике типа III по декору пояска под зоной между ручками. У всех, известных Х.А.Г. Брайдеру чаш, в этом месте располагался мирт, на основе чего исследователь и делал описание характеристики типа. Однако на данном фрагменте – это поясок со ступенчатым зигзагом, а ступенчатый зигзаг был выявлен Х.А.Г. Брайдером лишь на чашах типа II. Таким образом, описываемый фрагмент позволяет внести изменения в существующую с 1993 г. классификацию и характеризовать чаши типа III как имеющие под зоной между ручками чаши либо поясок с миртом, либо со ступенчатым зигзагом.

Третий из нетипичных фрагментов Кассельских чаш, находящийся в собрании Государственного Эрмитажа, – Б.90.77 (CVA The State Hermitage museum 8. Pl. 44, 1–3), который, на первый взгляд, относится к типу IV по Х.А.Г. Брайдеру. Он происходит из раскопок 1990 г. на о. Березань и представляет собой большой фрагмент тулова с местом крепления нож-

ки, одной целой ручкой и частью другой (рис. 4, 8). Фрагмент был опубликован С.Л. Соловьевым в 1999 г. и продатирован концом VI в. до н.э. (Solovyov, 1999. Fig. 85). На венчике расположен пояс с язычками, в зоне между ручками – фигуративная композиция, от которой сохранились силуэтные (без гравировок) изображения лебедя с распахнутыми крыльями вправо и сирены с распахнутыми крыльями, с телом – влево, а головой – вправо. Под фигурами расположен пояс со ступенчатым зигзагом влево, ниже – лучи. На оборотной стороне сохранилось изображение лебедя влево. Расстояние между фигурами позволяет предположить, что первоначальная композиция состояла из трех фигур на каждой стороне: сирены между двумя лебедями, ориентированными к центру. Подобные композиции из трех крылатых персонажей (сирен, лебедей, куриц, грифонов) часто встречаются на чашах Сиана Мастера Грифона-птицы (Brijder, 2000. Pl. 205 c, d; 208 a; 209; 217 c, d). Фигуративная композиция в зоне между ручками предполагает принадлежность фрагмента Б.90.77 к чашам типа IV по классификации Х.А.Г. Брайдера. Среди них близкими по композиции могут быть чаша В.457 (CVA London 2. Pl. 16, 7) и фрагмент IG 22447 (CVA Adria 2. Pl. 37, 9), на которых изображена сирена между двумя стоящими к ней лицом мужскими персонажами, фрагмент С.20 (CVA Como 1. Pl. 5, 3) с сохранившейся фигурой сирены и фрагмент из Кэмбриджа (CVA Cambridge 2. Pl. 21, 44) с сохранившейся верхней частью фигуры лебедя. Однако у чаш из Лондона и Адрии сирену обрамляют мужские фигуры, а не фигуры лебедей, а под фигуративным поясом располагается пояс с миртом, а не со ступенчатым зигзагом. На двух других фрагментах на телах сирены и лебедя много гравировок, в то время как на фрагменте из Государственного Эрмитажа они отсутствуют. По степени небрежности рисунка этому фрагменту близка чаша В.457 (CVA London 2. Pl. 16, 7), на которой, однако, изображены не птицы и сирены, а преследование сатиром женщины. При том, что декор венчика и тулова фрагмента из Государственного Эрмитажа соответствуют характеристике чаш типа IV, у него имеется и отличие. На всех образцах этого типа пояс под зоной между ручками декорирован миртом, в то время как на фрагменте Б.90.77 под фигуративной зоной располагается пояс со ступенчатым зигзагом – декором, по утверждению Х.А.Г. Брайдера, характерным лишь для типа II. Фрагмент Б.90.77, декорированный элементами, характерными для типа II и IV, позволяет внести изменения в существующую с 1993 г. классификацию и характеризовать чаши типа IV как имеющие под зоной между ручками пояс не только с миртом, но и со ступенчатым зигзагом.

Таким образом, в собрании Государственного Эрмитажа имеются три фрагмента Кассельских чаш, позволяющие внести существенные коррективы в классификацию Х.А.Г. Брайдера. Четвертый фрагмент требует более подробного рассмотрения.

Помимо разработки классификации в статье 1993 г. Х.А.Г. Брайдер убедительно показывает связь двух типов чаш Сиана с Кассельскими чашами. “Группа черных чаш Сиана с простым декором” (*simply decorated black Siana cups*), выделенная им же, состоит из следующих подгрупп: 1) черные чаши с орнаментальными поясками на венчике и в нижней части тулова; 2) “группа пояса с плющом” (*the Band-and-Ivy Group*), т.е. черные чаши с плющом в зоне между ручками и пояском с язычками в нижней части тулова. Если сопоставлять эти две подгруппы с Кассельскими чашами, то можно легко увидеть сходные приемы декора, а также почти все элементы орнамента Кассельских чаш, пусть и не всегда расположенные на привычных участках.

В качестве “промежуточного звена” в системе наследования традиций выступают гибридные экспериментальные чаши. В первую очередь следует назвать чашу Сент-Блейз 1725 (*Saint-Blaise cup*), которую датируют 565–555 гг. до н.э. (Brijder, 1993. Pl. 9). По форме она относится к чашам Сиана, а по декору – к Кассельским. На венчике расположен пояс с чередующимися черными и красными язычками, в зоне между ручками сохранились фигуры пантер и сирен с подробно гравированными деталями. Под фигурами расположен пояс с двойным рядом точек, под ним – пояс с язычками. Чаша из Сент-Блейз считается самой ранней из чаш такого типа. Второй пример чаш переходного типа – хорошо известная “прото-кассельская” (*Proto-Cassel cup*) чаша Вюрцбург L 450, имеющая форму ранней чаши типа “band-cup”, а по декору близкая Кассельским чашам типа IV. Венчик украшен поясом с чередующимися черными и красными язычками, тулово отделено от венчика поясом с тремя рядами точек. В зоне между ручками нарисованы пантеры и олени с подробно гравированными деталями. Под зоной между ручками расположен пояс с тройным рядом точек, под ним – пояс с цепью лотосов и пальметт, под ним – еще один пояс с тройным рядом точек. Чаша датируется 550–540 гг. до н.э. и является непосредственно промежуточным звеном, в то время как чаша из Сент-Блейз по своей форме все-таки относится к чаше Сиана. Как отмечает Х.А.Г. Брайдер, “язычки и пояс с точками (*dotted band*) на венчике повторяются в той же самой позиции на ранних Кассельских чашах”. Чаша Вюрцбург L 450 иногда именуется прото-кассельской, поскольку имеет все характеристики Кассельских чаш, но ее фигуры тщательно прорабо-

таны при помощи гравировок, а тулово несколько глубже. Третий пример – чаша Капитолийские музеи 490 (датируется около 540–530 гг. до н.э.), которая, как и чаша из Сент-Блейз, имеет те же два мотива под зоной между ручками. По форме это уже не прото-кассельская, а ранняя Кассельская чаша. На венчике расположен пояс с чередующимися черными и красными язычками, под ним – пояс с двойным рядом точек, в зоне между ручками – миртовый венчик с листиками влево, под ним – пояс с двойным рядом точек, а под ним – пояс с черными и красными язычками.

Как следует из трех примеров переходных чаш, тип IV Кассельских чаш демонстрирует поздний вариант схемы, впервые использованной на таких чашах переходного типа, как Сент-Блейз или Вюрцбург L 450 (Brijder, 1993. Pl. 10): в зоне между ручками изображены животные или люди, расположенные между пальметтами, что сопоставимо с композиционными схемами “*band-cups*”. Комбинация из пояса с язычками и пояса с точками также встречается на Кассельских чашах, например, на чаше Капитолийские музеи 490. Примечательно, что Х.А.Г. Брайдер писал по поводу чаши Вюрцбург L 450: “я больше не сомневаюсь в том, что она – аттическая” (Brijder, 1993. P. 135. Note 20). Чаша Вюрцбург L 450 многими исследователями отмечается как особое явление, в частности Дж. Бордман писал: “поздняя чаша Сиана из Вюрцбурга с ножкой мелкофигурной чаши, язычками Кассельских чаш на венчике и добротным фризом из животных в зоне между ручками, демонстрирующими происхождение от чаш Сиана” (Boardman, 1974. P. 62). Ни Дж. Бизли, ни Х.А.Г. Брайдер, ни Дж. Бордман не сомневаются в том, что эта чаша, как и чаши Капитолийских музеев и Сент-Блейз, аттические.

В связи со всем сказанным выше, следует вернуться к коллекции, хранящейся в Эрмитаже, и рассмотреть последний из четырех нестандартных экземпляров.

В собрании имеются два не соединяющихся, но принадлежащих одной чаше фрагмента с инвентарным номером Б.86.91 (CVA The State Hermitage museum 3. Pl. 8, 4) из раскопок 1986 г. на о. Березань (рис. 4, 9). Исходя из размеров и декора, можно реконструировать чашу, на венчике которой располагается пояс с чередующимися красными и черными язычками, а в зоне между ручками – фигуративный фриз, от которого частично сохранилась фигура сидящего сфинкса влево (на меньшем фрагменте – кусок крыла, на большем – задняя часть львиного тела с хвостом, лопатка с основанием крыла, левая лапа и фрагмент правой лапы, по-видимому, вытянутой вперед). Слева от сфинкса на большем фрагменте со-

хранились ноги и нижняя часть тела птицы, ориентированной вправо, к сфинксу. Под фигурами – пояс с двумя рядами точек (*dotted band*), под ним – пояс с чередующимися черными и красными язычками. Изображения сфинкса и птицы дополнены цветом и гравировками. На левое плечо и на левую ляжку сфинкса нанесено по красному пятну; на верхней части крыла награвировано пять параллельных дуг, обозначающих перья; на плече в основании крыла две черточки отделяют крыло от тулова; также имеются две горизонтальные черточки в верхней части левой передней лапы и одна – в нижней, в основании хвоста – две черточки, на левой ляжке – две дуги, одна – на животе. На теле птицы четко читается гравировка, нанесенная вдоль нижнего контура живота, об остальном судить сложно, так как поверхность росписи в этом месте повреждена.

Нижний, более крупный фрагмент был опубликован С.Л. Соловьевым как “аттический чернофигурный скифос” с номером Б.86.68 в 2006 г. (Solovyov, 2006. Pl. II, 4. P. 160), а в 2008 г. этот же фрагмент был опубликован им как “ионийская мелкофигурная чаша середины VI в. до н.э.” (Соловьев, 2008) на основе сравнения его с фрагментами лаконских чаш с о. Самос и из Афин, опубликованными Р.М. Куком и П. Дюпонтом в исследовании, посвященном восточно-греческой керамике (Cook, Dupont, 1998. P. 92–94. Fig. 11, 1). Однако приведенные примеры нельзя назвать аналогиями. По типу формы и декора чаша из Государственного Эрмитажа наиболее близка рассмотренной выше прото-кассельской аттической чаше Вюрцбург L 450 (Brijder, 1993. Pl. 10). Очень близкие орнаментальные пояски можно проследить на чашах Сиана Милет z.93.27.32 (Brijder, 2000. Pl. 255, f) и Сиракузы 78122 (Brijder, 2000. Pl. 240, b), чаше Сент-Блейз 1725 (Brijder, 1993. Pl. 9). Сфинкс, ноги птицы и пояс с орнаментом близки на чаше Амстердам 9599 (Brijder, 1983. Pl. 54, b), атрибутированной Х.А.Г. Брайдером выделенному им Мастеру Адельф. Также близких сфинксов и декор нижней части можно увидеть на чаше E 81-E 91 (CVA Athens 3. Pl. 38, 5). По форме и орнаментальному декору венчика и нижней части фрагменту из Государственного Эрмитажа очень близка упоминавшаяся выше чаша 490 (CVA Roma 1. Pl. 42, 3). Приведенные аналогии позволяют сделать вывод о том, что фрагмент Б.86.91 следует отнести к переходному типу чаш, которые иногда называют прото-кассельскими, и датировать, как и аналогии, приблизительно 550–540-ми годами до н.э. Сходство с работами Мастера Адельф, работавшего в те же годы, позволяет предположить, что и эта чаша была изготовлена им (факт, не противоречащий имеющимся данным об экспорте чаш Сиана на о. Березань). Количество дошедших до нас гибри-

ных чаш крайне мало, поэтому наличие чаши такого типа в коллекции музея с подтвержденным документами происхождением особенно ценно.

Дж. Бизли и Х. Пэйн датировали Кассельские чаши третьей четвертью VI в. до н.э. (Beazley, Payne, 1929. P. 270; Beazley, 1932), Дж. Бордман – 530–500-ми годами до н.э. (Boardman, 1974. P. 62). Отдельные экземпляры в различных публикациях датируются от середины до конца VI в. до н.э.: 550–525 гг. до н.э. (CVA Leipzig 2. Pl. 30, 6; CVA Roma 1. P. 19; CVA München 10. S. 58, 59; CVA Basel 1. S. 93; CVA Como 1. P. 5), 540–510 гг. до н.э. (Tuna-Nörling, 1996. P. 34), 540–520 гг. до н.э. (CVA Moscow 1. Pl. 59, 4–6; Pietro, 1984. P. 140, 141), 530–520 гг. до н.э. (CVA Boston 2. P. 41; CVA Rennes. P. 25), около 530 г. до н.э. (CVA Amsterdam 2. P. 103; CVA Kassel 1. S. 52; Скуднова, 1988), 530–520 гг. до н.э. (CVA Gioia del Colle 1. P. 27), 530–510 гг. до н.э. (Barresi, Valastro, 2001. Cat. 51; Mingazzini, 1930–1971. P. 332), 520–510 гг. до н.э. (CVA Limoges at Vannes. P. 9; CVA Varsovie 1. P. 23), 530–500 гг. до н.э. (Greeks on the Black Sea..., 2007. P. 104. Pl. 23; Горбунова, 1983. С. 45), 520–500 гг. до н.э. (CVA Athens 3. P. 47). Х.А.Г. Брайдер утверждает: “Кассельские чаши изготовлялись в течение короткого периода, приблизительно в 540–510-х годах до н.э., при этом большинство из них – в период 530–520-х годов до н.э.” (Brijder, 1993. P. 142). К такой датировке склоняется и большинство современных исследователей, ее подтверждают чаши из Государственного Эрмитажа, происходящие из датированных погребений Северного Причерноморья.

Кассельские чаши, происхождение которых известно, были найдены в Тарквинии (Pietro, 1984), Адрии (CVA Adria 2), Клазоменах (Tuna-Nörling, 1996), на о. Самос (Kreuzer, 1998), о. Кипр (Greek Geometric..., 1977), в Даскелионе (Görkay, 1999. Tabl. 6–8) и др. Из 40 чаш Государственного Эрмитажа 35 имеют происхождение: 12 происходят из Ольвии (9 – из погребений, 3 – с городища), 19 и прото-кассельская – с о. Березань (из поселения, а Б.82.125 с необычной миртовой ветвью – из погребения) и 3 – из Пантикапея² (2 найдены на горе Митридат, П.1902.54 – там же, в гробнице № 129). Мы можем предположить, что пять чаш, происхождение которых не зафиксировано в музейной документации, возможно, происходят с территории Северного Причерноморья (по поводу одной из них в инвентаре записано “куплено в Ольвии в 1902 г.”), а три были подарены музеем Г.Е. Кизерицким. 14 из Березанских чаш были найдены в юго-западной части раскопок: 9 – на участке “Б” (1982, 1984, 1985, 1990 и

1991 гг.), 5 – на участке “Г” (1967, 1969, 1970 гг.), 1 – в яме 30 (1974 г.); 3 происходят из других мест; 1 – из погребения; 3 из 12 Ольвийских чаш происходят с территории городища, 9 – из некрополя (О.1911.149 – из детской могилы № 44, О.1912.64 и О.1912.65 – из разграбленной могилы № 15; О.1912.263, О.1912.264, О.1912.265 и О.1912.266 – из могилы № 64; О.1913.181 – из некрополя без указания могилы; О.1914.40 – из могилы № 18). Могилы № 15 и 18 были датированы В.М. Скудновой последней четвертью VI в. до н.э. (1988. С. 106), могила № 44 – последней третью VI в. до н.э. (1988. С. 76), могила № 65 – концом VI в. до н.э. (1988. С. 119). Принятая датировка Кассельских чаш – 540–510 гг. до н.э., большинство – 530–520 гг. до н.э., в совокупности с датировками погребений Северного Причерноморья, демонстрирует отсутствие значительного разрыва между временем изготовления и помещения чаш в погребение. Сохранность чаш хорошая, следы античной починки отсутствуют, т.е. в случае с Ольвийским некрополем время использования чаш было недолгим или же они покупались специально для помещения в погребение. Кроме того, на материалах из собрания Государственного Эрмитажа и ГМИИ им. А.С. Пушкина, а также из опубликованных отчетов о раскопках разных лет в Пантикапее, Ольвии, на о. Березань следует признать, что Северное Причерноморье было одним из главных направлений экспорта чаш этого типа.

Автор выражает искреннюю признательность С.Л. Соловьеву – хранителю Березанской коллекции, Ю.И. Ильиной – хранителю Ольвийской коллекции, а также Д.Е. Чистову – хранителю Пантикапейской коллекции за разрешение изучать и публиковать материалы из их хранений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
- Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945–1958 гг. // Сообщ. ГМИИ им. А.С. Пушкина. 1992. № 10.
- Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Соловьев С.Л. Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье: К 120-летию раскопок на острове Березань: Каталог. СПб., 2005.
- Соловьев С.Л. “Дом колониста” в археологическом контексте архаической Березани // ТГЭ. 2008. № XLI.
- Barresi S., Valastro S. Vasi attici figurati, vasi sicelioti: Le collezioni del Museo Civico di Castello Ursino a Catania. Catania, 2001 (I materiali archeologici; V. 1).

² Возможно что П.1870.27 и П.1870.103 – фрагменты одной и той же чаши, хотя П.1870.27 происходит из описи А 1793, а П.1870.103 – из А 1765 Археологической комиссии.

- Beazley J.D.* Little-Master Cups // JHS. 1932. № 52.
- Beazley J.D.* Attic Black-figure Vase-painters. Oxford, 1956.
- Beazley J.D., Payne H.G.G.* Attic Black-figured Fragments from Naucratis // JHS. 1929. № 49.
- Boardman J.* Athenian Black Figure Vases. L., 1974.
- Brijder H.A.G.* Siana Cups I and Komast Cups. Amsterdam, 1983.
- Brijder H.A.G.* Simply Decorated, Black Siana Cups by the Taras Painter and Cassel Cups // BABESCH. 1993. № 68.
- Brijder H.A.G.* Siana Cups III, The Red-black Painter, Griffin-bird Painter and Siana Cups Resembling Lip-cups. Amsterdam, 2000.
- Cook R.M., Dupont P.* East Greek Pottery. L.; N.Y., 1998.
- Droop J.P.* The Dates of Vases called "Cyrenaic" // JHS. 1910. № 30.
- Görkay K.* Attic Black-figure Pottery from Daskyleion // Asia Minor Studien. 1999. № 34.
- Greek Geometric and Archaic Pottery found in Cyprus / E. Gjerstad, Y. Calvet, M. Yon, V. Karageorghis, J.P. Thalmann. Stockholm, 1977.
- Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage: Catalog of an exhibition at the J. Paul Getty Museum. June 14–September 3. Los Angeles, 2007.
- Haldenstein J.T.* Little Master Cups. Studies in 6th century Attic Black-figure Vase Painting: Dis. Univ. of Cincinnati, 1982. Ann Arbor, 1983.
- Käser B., Vierneisel K.* Kunst der Schale. Kultur des Trinkens. München, 1990.
- Kreuzer B.* Die Attische schwarzfigurige Keramik aus dem Heraion von Samos. Bonn, 1998 (Samos; Bd. XXII).
- Mingazzini P.* Catalogo dei Vase della Collezione Augusto Castellani. Roma, 1930–1971.
- Moore M., Philippides M.* The Athenian Agora. V. XXIII. Attic Black-Figure Pottery. New Jersey, 1986.
- Pharmakowsky B.* Archäologische Funde in Jahre 1912, Russland // AA. 1913.
- Pierro E.* Ceramica "Ionica" non figurate e Coppe attiche a Figure nere. Roma, 1984 (Materiali del Museo Archeologico Nazionale de Tarquinia; VI).
- Solovyov S.L.* Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Leiden, 1999 (Colloquia Pontica; V. 4).
- Solovyov S.L.* A propos of Chian Pottery on Berezan // Cahiers du CVA. Fasc. 1. Les clients de la ceramique greque: Actes du colloque de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 30–31 janvier 2004. Paris, 2006.
- Stibbe C.M.* Lakonische Vasenmaler des sechsten Jahrhunderts v Chr. Amsterdam, 1972.
- Tuna-Nörling Y.* Attische Keramik aus Klazomenai. Saab-rücken, 1996.
- Yfanides K.* Antike Gefasse: Kataloge der Staatlichen Kunstsammlungen // Kassel. № 16. Velsungen, 1990.

КОРИНФСКИЕ ВАЗЫ С ОРНАМЕНТАЛЬНЫМИ РОСПИСЯМИ БЕЛОГО СТИЛЯ

© 2012 г. А.Г. Букина

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (bukina@genuinepearl.spb.ru)

Ключевые слова: Древняя Греция, Северное Причерноморье, коринфская расписная керамика, белый стиль, Государственный Эрмитаж.

The author of the article considers the classification of Corinthian pottery vessels of the 6th century BC painted in the so-called ‘White style’. The term ‘White style’ is summarized as it had been developed in the archaeological publications from 1930s to 1990s. The author analyses 13 pieces belonging to the State Hermitage collection intending to demonstrate the basic method of dating of the vases of such style.

В течение второй половины VIII – первой половины VI в. до н.э. гончарными мастерскими Коринфа выпускалось такое количество керамических сосудов высокого качества, что их находят среди греческих глиняных ваз при раскопках по всему Средиземноморью. Основные усилия исследователей коринфской керамики традиционно направлены на изучение ваз с росписью в чернофигурном стиле, хотя в гончарном производстве Коринфа значительная доля принадлежала вазам с чернолаковым декором, а также расписным вазам с орнаментальным декором. В античных центрах Северного Причерноморья подобные коринфские сосуды преобладают над чернофигурными.

Особенность коринфских ваз с орнаментальным декором как предмета исследования – значительная консервативность в наборе орнаментов и в принципах расположения элементов росписи на поверхности вазы. Проследить хронологию стилистического развития собственно декора на них сложнее, чем на вазах с фигурными росписями (Risser, 2001. P. 4). Иными словами, при датировке коринфских ваз с орнаментальным декором следует опираться на археологический контекст находки аналогичных сосудов (прежде всего, происходящих из раскопок поселений и некрополей Коринфии, где можно ожидать минимальных расхождений между временем производства и использования вазы), а также на сопоставление формы изучаемого сосуда с хронологически определенными типами формы, надежно датированными по сосудам, отличающимся по декору.

В большинстве современных публикаций орнаментальные росписи на коринфских вазах зрелого периода (конец VII – IV в. до н.э.) подразделяются на три типа, каждый из которых обладает собст-

венными стилистическими и хронологическими параметрами: вазы с декором линейного стиля (Букина, 2010а); вазы с декором белого стиля, рассматриваемые в настоящей статье; вазы с декором шаблонного стиля (Risser, 2001). Также в рамках отдельного класса рассматриваются мелкие парфюмерные сосуды (в подавляющем большинстве – круглые арибаллы), украшенные так называемым четырехлистковым орнаментом и его вариациями (Campbell, 1941. P. 39–46).

Чтобы представить, что обычно подразумевается под вазами белого стиля, необходимо вспомнить, как выглядели вазы с чернофигурным декором – с анималистической или повествовательной росписью, прославившие гончарные мастерские Коринфа. Это были сосуды, выполненные из местной светлой глины. Цвет черепка у ваз VI в. до н.э. варьировался от коричневатого-розоватого до цвета слоновой кости, часто с зеленоватым оттенком. В большинстве случаев вазы перед росписью ничем не облицовывали, а просто писали фигуры и узоры лаком (гончарной краской из обогащенной оксидом железа глины) и минеральными красками (белой и охрами разных оттенков). Декор носил фризовый характер (фигуры размещали в горизонтальных клеймах или полосах, ограниченных сверху и снизу рядами орнаментов); орнаментами покрывали плечики и низ тулова вазы, а также ее второстепенные части (крышку, венчик, ручки, поддон и т.п.). При этом черепок – светлый, иногда почти белый – выступал в качестве фона росписи. Вазы белого стиля отличаются от чернофигурных тем, что на них фигурные фризы “опущены”, а орнаменты на второстепенных частях сосудов исполнены. При этом белый фон (в силу величины свободных от росписи пространств, доминирующих над расписными)

выделяется как самодовлеющий декоративный элемент.

Понятие белого стиля (*linear patterns in "white style"*, *linear patterns in white style*, *the "white style"* – без дальнейшей расшифровки) впервые появилось в фундаментальном сочинении Х. Пэйна, опубликованном в 1931 г., в котором автор заложил основы современной системы классификации керамики древнего Коринфа (Payne, 1931. P. 322, 323, 335). Он поместил все сосуды, расписанные в белом стиле, в каталог ваз первого и второго поздних коринфских периодов (в хронологической системе Х. Пэйна это соответствует 575–550 гг. до н.э. и времени после 550 г. до н.э.). Характерно, что Х. Пэйн определил как экскалейптон белого стиля один сосуд, находящийся в собрании Государственного Эрмитажа (ГЭ); его декор в настоящее время рассматривается как исполненный в шаблонном стиле (Шкорпил, 1914. С. 68. Рис. 21; Отчет..., 1914. С. 39. Рис. 68).

М. Кэмпбелл в диссертации 1941 г. изучала памятники белого стиля (*the "white style"*) как частный случай в рамках исследования ваз шаблонного стиля, поскольку она распространяла последний термин на все орнаментальные росписи поздних коринфских ваз. Кроме того, исследовательница характеризовала белый стиль как особый “вариант” распространенного в коринфской вазописи линейного декора. Росписи белого стиля, полагала М. Кэмпбелл, впервые появились на сосудах первого позднего коринфского периода (Campbell, 1941. P. 96, 97). В то же время, часть ваз, на которых ею были прослежены закономерности его декоративных схем, датированы в работе М. Кэмпбелл концом среднего коринфского периода, т.е. до 575 г. до н.э. (Campbell, 1941. P. 99), другая часть – второй половиной VI в. до н.э. (Campbell, 1941. P. 98).

Термин “белый стиль” (*the "white style"*) был зафиксирован для описания коринфских ваз во втором томе каталога находок из святилищ Геры Акраи и Лимении в Перакоре близ Коринфа, вышедшем под редакцией Т. Данбебина (Pagachora..., 1962). При этом Р. Хоппер, автор одного из разделов каталога, отметил, что вазы белого стиля особенно трудно датировать, в частности, невозможно разделить сосуды первого и второго поздних коринфских периодов, т.е. изделия, созданные в 560–550-х годах до н.э. и после 550 г. до н.э. (Pagachora..., 1962. P. 133).

При классификации находок из Северного некрополя Коринфа в публикации 1964 г. Х. Палмер впервые дала специальное определение системе декорации белого стиля, согласно которому она “состоит из широких поясов в цвете глины, под-

черкнутых здесь и там узкими поясками орнамента” (Blegen et al., 1964. P. 101). В наиболее развитых экземплярах, как отмечает Х. Палмер, главным образом датирующихся поздним коринфским периодом, орнаменты сложны, и пурпур использован обильно. Можно также выделить вазы белого стиля, украшенные только узкими двойными рядами точек между парой полос. Такие сосуды из Северного некрополя Коринфа, по наблюдениям Х. Палмер, датируются временем, более ранним, чем сосуды, украшенные обильно, – от конца среднего до начала позднего коринфского периода, т.е. примерно 570–560-ми годами до н.э. (Blegen et al., 1964. P. 101).

При подготовке к печати неоконченной работы А. Стилвелл, посвященной керамике из находок в коринфском квартале гончаров (Stillwell, Benson, 1984), Дж.Л. Бенсон использовал термин “белый стиль” (*the White Style*) в применении к сосудам как VI, так и V вв. до н.э. Например, он проследил признаки белого стиля на чаше, датируемой по контексту находки второй половиной VI в. до н.э. (Stillwell, Benson, 1984. Cat. 1630). Роспись этой чаши (с широкой орнаментальной полосой, заполненной переплетающимися S-образными элементами), на наш взгляд, следует классифицировать как исполненную в шаблонном стиле. Тем не менее, Дж.Л. Бенсон предположил, что “декор показывает трансформацию белого стиля около конца VI – начала V в. до н.э. во что-то менее сдержанное и более похожее на народное искусство” (Stillwell, Benson, 1984. P. 298). На нескольких образцах, датированных V в. до н.э., Дж.Л. Бенсон нашел “необычно развитые (и поздние?) примеры белого стиля” (Stillwell, Benson, 1984. Cat. 937, 1697). Характерно, что касаясь проблемы датировки вазы, расписанной в ординарном белом стиле первой половины VI в. до н.э. (близко к описанию Х. Палмер), и колеблясь между возможностью отнести ее к среднему или к первому позднему коринфскому периоду, исследователь констатировал: “...Ясно, что чисто стилистические наблюдения слишком ненадежны в области белого стиля” (Stillwell, Benson, 1984. Cat. 1608. Note 1).

В отечественную специальную литературу понятие “белого стиля” было введено С.П. Борисковской. В ее работах 1960–1970-х годов (часть материалов была опубликована уже в 1990–2000-е годы) можно проследить все упомянутые выше принципиальные особенности употребления термина: С.П. Борисковская обозначала как вазы белого стиля сосуды с линейными и точечными орнаментами (обычно, орнамент занимает на них меньшую площадь, чем светлый, белый, фон незаписанной вазы). Часть

из этих сосудов в настоящее время должна быть отнесена к памятникам шаблонного стиля. Все они датировались исследовательницей начиная от первого позднего периода (вторая четверть VI в. до н.э.) и вплоть до первой четверти V в. до н.э.

Определенный итог развития стилистических дефиниций, относящихся к орнаментальному декору (белого стиля, в частности), был подведен в этапном труде Д.А. Эмикса, посвященном архаической вазописи древнего Коринфа (Амух, 1989). Автор не уделил специального внимания формулировке соответствующих понятий, однако, опираясь на длительную традицию профессионального употребления, зафиксировал термин “белый стиль” (*the “White-Style”*) как самостоятельный, четко отделив его от таких понятий, как “линейный” (*simple linear decoration*) и “шаблонный” (*“conventionalizing”*) (Амух, 1989. Р. 450, 456, 473, 483). Упоминаемые Д.А. Эмиксом памятники белого стиля в основном датированы первым поздним коринфским периодом (в его хронологии, признанной в настоящее время за стандарт, он соответствует 560–550-м годам до н.э.). Так, в связи с развитием формы и декора амфорисков, автор замечает, что после чернофигурного декора среднего коринфского периода в первый поздний период на амфорисках “предсказуемо появился белый стиль (*Linear White Style*)” (Амух, 1989. Р. 497). Однако Д.А. Эмикс также отметил целый ряд памятников, служащих “продолжением [сосудов] белого стиля” и датируемых уже второй половиной VI в. до н.э. (Амух, 1989. Р. 450).

В последнее время свой вклад в уточнение понятий, связанных с орнаментальными стилями коринфской расписной керамики, внесла М. Ризер. Ей принадлежит важный в этом отношении труд – том, входящий в серию публикаций материалов из раскопок Коринфа, в котором суммированы материалы по коринфской керамике шаблонного стиля (Risser, 2001). Стремясь выявить хронологические и художественно-типологические рамки рассматриваемого явления, М. Ризер пришла к необходимости дать определение белому стилю (*“the White style”*). Определение И. Ризер исключительно развернуто и касается всех его (как типологических, так и хронологических) параметров: “Это стиль, в котором второстепенный декор продолжает появляться в обычных зонах сосуда, но те зоны, которые в других случаях заняты фигурным декором, оставлены в цвете глины. Белый стиль особенно характерен для форм с выпуклыми стенками, таких как эксалейптроны и некоторые пиксиды. [Будучи особенно характерным для первого позднего коринфского периода,] белый стиль продолжает существовать

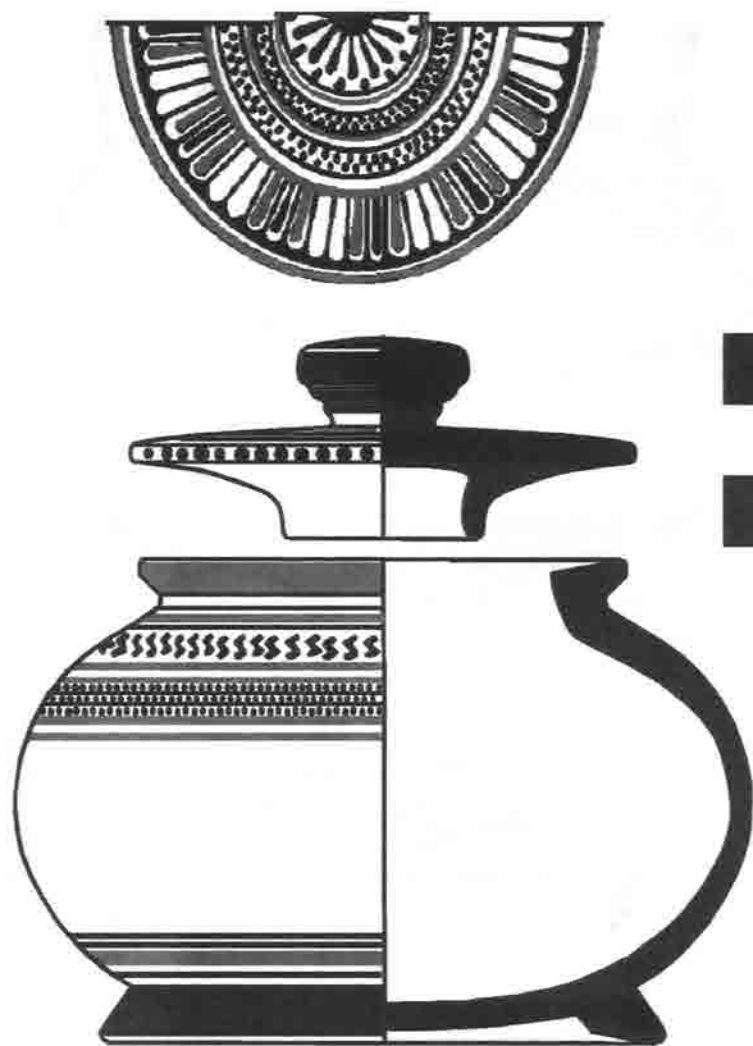

Рис. 1. Пиксида. 580–570-е годы до н.э.

после середины VI в. до н.э., однако основной тенденцией в этот период является усиленная орнаментация ваз и, как следствие, возникновение шаблонного стиля” (Risser, 2001). Очевидно, что М. Ризер рассматривает белый стиль как явление преимущественно первой половины – середины VI в. до н.э.

Исходя из этого определения, среди экспонатов ГЭ можно выделить 13 коринфских ваз и фрагментов, декорированных в белом стиле.

Наиболее ранний из этих памятников, на наш взгляд, – пиксида (круглая коробочка с крышечкой), приобретенная служащими Императорской Археологической комиссии (ИАК) в Очакове и переданная в ГЭ в 1903 г. (высота – 6,8 см, максимальный диаметр тулова – 10,4; Б.3427, инв. № ГР. 8087) (рис. 1). По словам продавца, ваза была найдена в с. Викторовка Одесского уезда Херсонской губ. (Опись предметам древности, случайно приобретенным ИАК в 1901 г. и переданным в Императорский Эрмитаж при отношении от 25 октября 1903 г. за № 2063). Судя по форме пиксиды, она, очевидно, может быть датирована средним

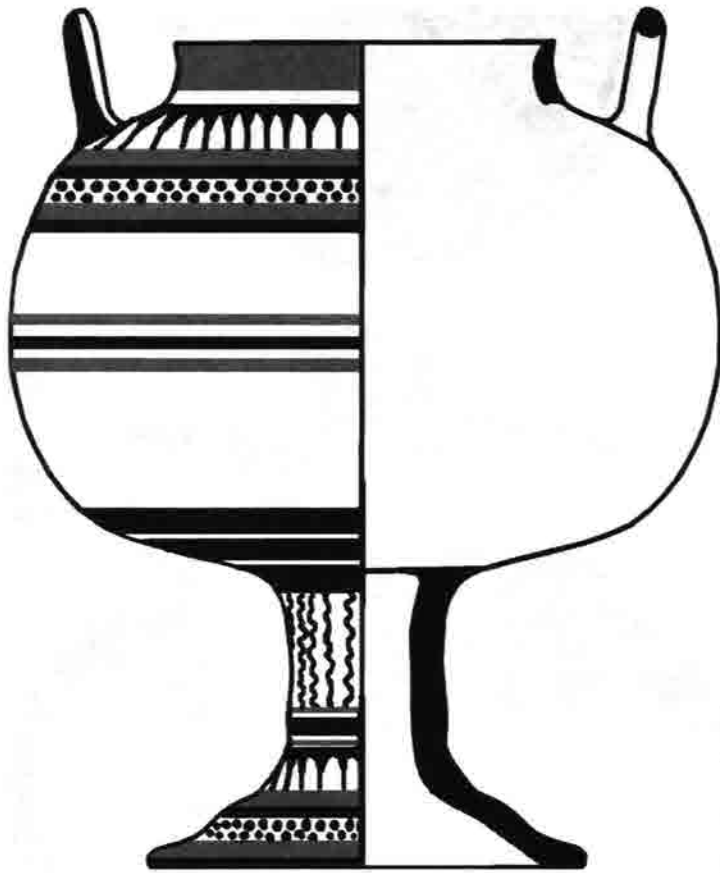

Рис. 2. Пиксида. 580–570-е годы до н.э.

коринфским периодом (около 595–590 – около 570 гг. до н.э.). Ваза принадлежит к разновидности пиксид с выпуклыми стенками – тип В по классификации Д. Каллиполитис-Фейтманс (Callipolitis-Feйтmans, 1973; Амух, 1989. Р. 448, 449; Dehl-von Kaenel, 1995. Kat. 1071). Д. Каллиполитис-Фейтманс полагала, что в начале среднего коринфского периода (около 590 г. до н.э.) ранний вариант формы пиксиды с отчетливо покатыми плечиками и высоко расположенным максимальным диаметром сменился другим с более симметричным профилем, равномерно выпуклыми стенками и максимальным диаметром по середине высоты. Профиль пиксиды из ГЭ, очевидно, демонстрирует некоторую промежуточную стадию этой эволюции. В то же время богатый декор вазы (особенно крышки), по общему мнению упомянутых выше исследователей, сближает ее с сосудами, которые они датируют первым поздним коринфским периодом (около 570 – около 550 гг. до н.э.). Тем не менее, мы полагаем, что особенности формы позволяют отнести пиксиду к более раннему времени, а сходный по сложности орнаментальный декор нередок на чернофигурных вазах среднего коринфского периода.

То же самое можно сказать о датировке пиксиды, поступившей в музей в 1900 г. из коллекции керченского собирателя А.В. Новикова (высота с

ручками – 15.8 см, максимальный диаметр тулова – 13.3, высота ножки – 5.4; Б. 2207/1, инв. № ГР. 7416) (рис. 2). Коринфские пиксиды на высокой ножке редки, чаще всего они датируются в пределах среднего коринфского периода (Амух, 1989. Р. 456; Dehl-von Kaenel, 1995. Kat. 1074). Тулово рассматриваемой вазы с выпуклыми стенками имеет симметричную кривую профиля – датирующий признак. Нам не известны иные столь же ранние крупные исключительно сохранные коринфские сосуды из раскопок Пантикапея или Нимфея, где также пополнялась коллекция А.В. Новикова. Мы полагаем, что этот сосуд не был найден в Северном Причерноморье, а, скорее всего, попал к прежнему владельцу с антикварного рынка (возможно поэтому пиксида была снабжена крышкой неподходящего типа, хотя и коринфского производства, с которой поступила в ГЭ).

Тем не менее, в музее хранятся два маленьких фрагмента, которые, скорее всего, относятся к подобным сосудам и имеют причерноморское происхождение. Один из них был найден в 1985 г. при раскопках поселения на о. Березань (Букина, 2010б. Кат. 188). Другой происходит из раскопок Б.В. Фармаковского городища Ольвии; в 1933 г. он был передан ГЭ Государственной Академией Истории Материальной культуры (ГАИМК) (Опись 1905 г. № 155. Инв. № Ол. 5889). На обоих обломках сохранилось по фрагменту шахматного орнамента и части пурпурного пояска, которые располагались при переходе от плечиков к самому выпуклому месту округлого тулова предполагаемых пиксид. Поскольку о степени симметричности их профилей судить невозможно, мы должны датировать эти памятники в пределах первой половины VI в. до н.э. (от среднего до первого позднего коринфского периода).

В пользу изменения датировки сосудов белого стиля с богатой орнаментацией, на наш взгляд, свидетельствует также анализ формы еще одной пиксиды, поступившей в ГЭ в 1928 г. из неизвестной частой коллекции через Музейный фонд (высота с ручками – 11.2 см, максимальный диаметр тулова – около 13; Б. 4388, инв. № ГР. 11133) (рис. 3). Ваза сохранила принадлежавшую ей крышку редкой формы, снабженную плоской петлей вместо обычной шишечки, что не совсем характерно для коринфских пиксид (Косубала, 1999. Р. 31). Немногочисленные опубликованные аналогии (Boardman, Hayes, 1966. Cat. 192; Dehl-von Kaenel, 1995. Kat. 1460–1464) датированы от среднего до первого позднего коринфского периода. Отметим особо аналогичную форму пиксиды с такой же крышкой у чернофигурной вазы из собрания в

Палермо. Судя по стилистическим особенностям чернофигурных изображений, этот экземпляр связывают с концом среднего или началом первого позднего коринфского периода, т.е. со временем около 570 г. до н.э. (Giudice et al., 1992. Cat. C65). Аналогичной формы крышку (при сходном наборе орнаментальных элементов на ней) можно наблюдать у пиксиды из собрания музея в г. Цешине: эту чернофигурную вазу датируют поздней фазой среднего коринфского периода, т.е. не позднее 570 г. до н.э. (Papusci-Władyka, 1989. № 54). Иными словами, мы полагаем, что ваза из ГЭ, расписанная в белом стиле и имеющая крышку с петлеобразной ручкой, могла быть создана как в 560–550-е годы до н.э., так и на 10 лет раньше. Возможно, к этому же расширенному периоду следует отнести пиксиду белого стиля без крышки, находящуюся в музее Эшмола (the Beazley Archive Database, rec. 550014), аналогичную хранящейся в ГЭ как по форме, так и по декору.

Несколько более поздней считается фрагментированная маленькая пиксида с росписью белого стиля, найденная в 1991 г. при зачистке выемки в помещении жилого дома на о. Березань (высота – 4.8 см; инв. № Б. 91.43; Букина, 2010б. Кат. 187) (рис. 4). От всех предыдущих она отличается значительно более плоскими плечиками и прямыми стенками нижней части тулова. Необходимо отметить, что среди фрагментов керамики, обнаруженной вместе с пиксидой, был обломок стенки коринфского круглого арибалла с чернофигурным изображением быка, атрибутированным вазописцу первого позднего коринфского периода (Букина, 2010б. Кат. 19). Поэтому мы предлагаем считать временем создания березанской маленькой пиксиды 560–550-е годы до н.э. Хотя сохранность вазы не позволяет точно восстановить ее первоначальную форму, возможной аналогией ей является очень близкая по очертаниям тулова пиксида с вертикальными ручками, найденная при раскопках Северного некрополя в Коринфе. Этот сосуд был включен в состав погребального инвентаря, очевидно, “немногим позже середины VI в. до н.э.” (Blegen et al., 1964. № 224, б).

Вероятно, еще позже, чем пиксида, происходящая с о. Березань (хотя все же до середины VI в. до н.э.), был изготовлен амфориск, поступивший в ГЭ из ГАИМК (высота – 9.6 см; нв. № Ол. 3386 (О. 1911.187); Boriskovskaya, 1967. S. 427. Taf. 11, 1; Скуднова, 1988. Кат. 109, 21) (рис. 5). Этот сосуд был найден в погребении (могила 50) при раскопках некрополя Ольвии в 1911 г. (Опись 1911 г. № В379). Амфориск отличается толстыми стенками; он сформован не очень тщательно и имеет неправиль-

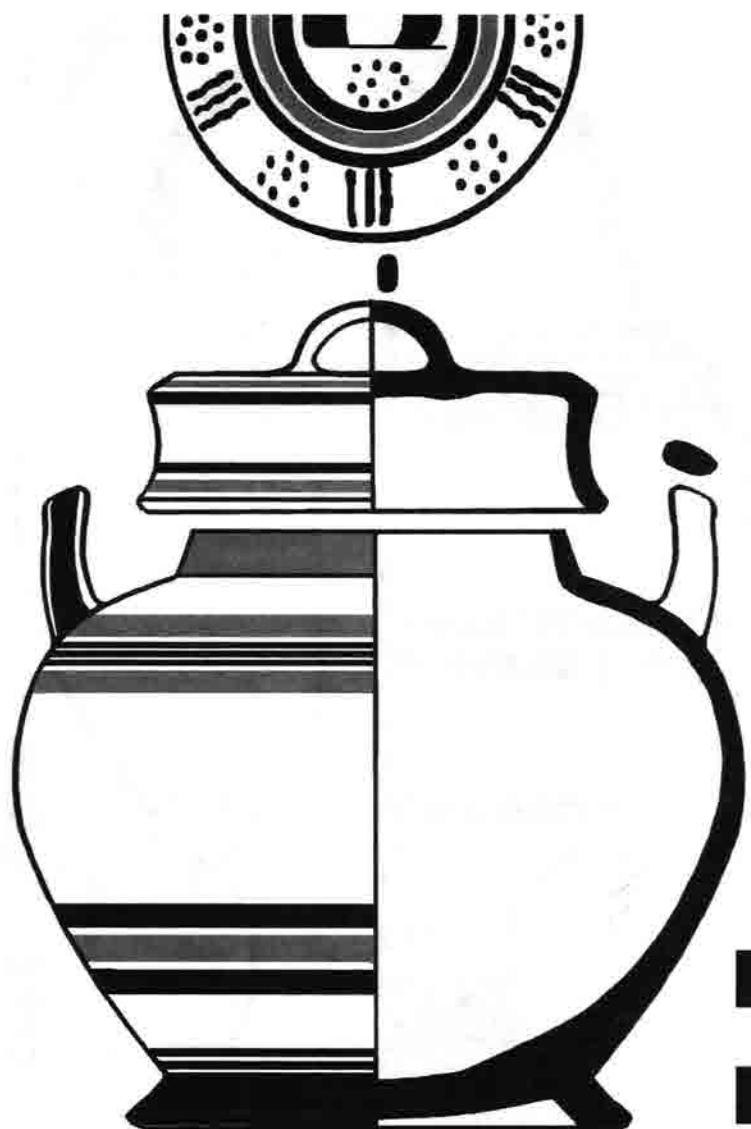

Рис. 3. Пиксида. 570–550-е годы до н.э.

Рис. 4. Пиксида. 560–550-е годы до н.э.

ную форму. Тем не менее, по ряду особенностей она находит соответствие с формами нескольких амфорисков, декорированных в линейном стиле (Dehl-von Kaenel, 1995. Kat. 995, 996, 1006). Подобные памятники в настоящее время датируют в пределах первого позднего коринфского периода. Можно предполагать, что изготавливая амфориск, хранящийся в ГЭ, гончар находился под впечатлением от этих более качественных сосудов. Ближайшая аналогия рассматриваемому предмету, на наш

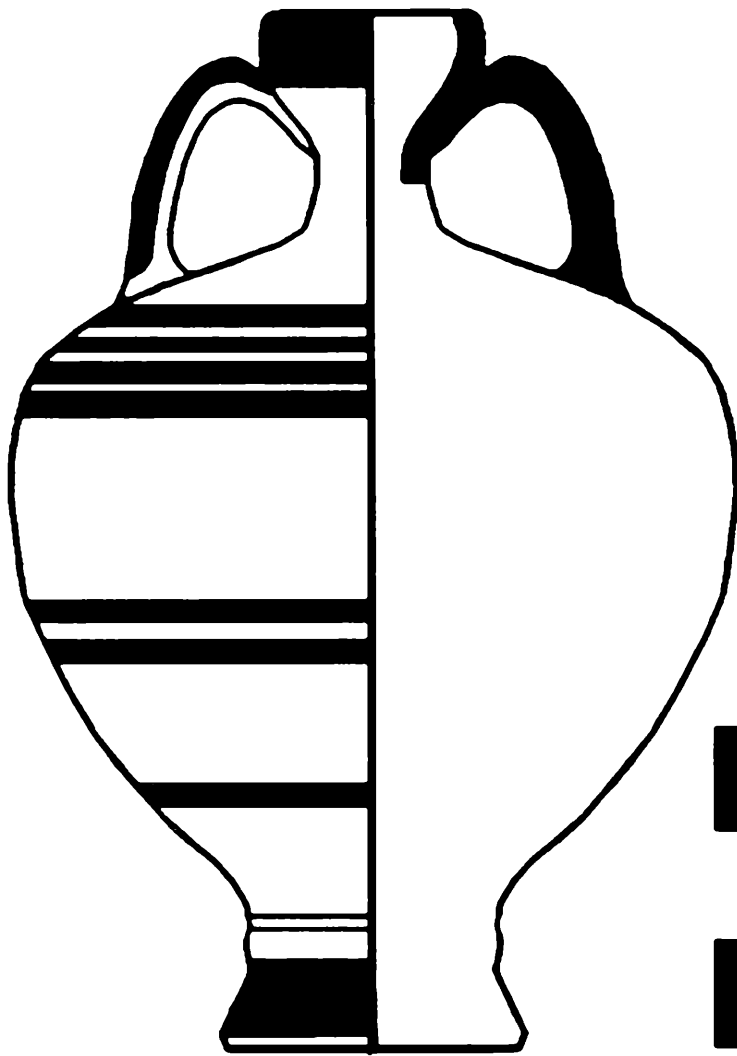

Рис. 5. Амфориск. 550-е годы до н.э. (?).

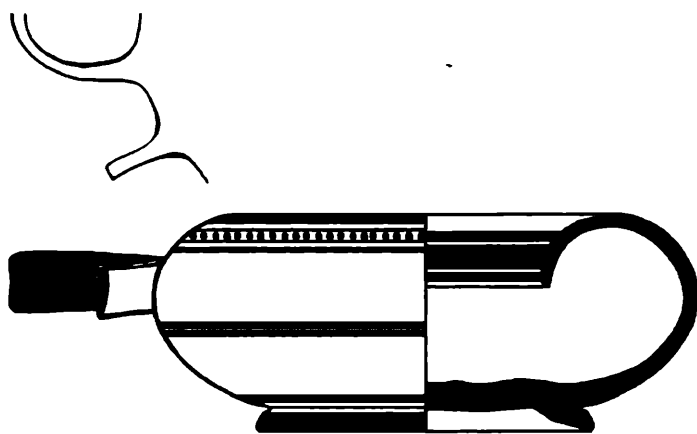

Рис. 6. Эксалеиптрон. 570–550-е годы до н.э.

взгляд, – амфориск из коллекции де Брандис, датированный серединой VI в. до н.э. (Rubinich, 2006. Cat. 4). Это также согласуется с общей датировкой могилы, в которой он был найден: В.М. Скуднова отнесла комплекс погребения к третьей четверти столетия (1988. Кат. 109). Возможно, подобному сосуду принадлежал фрагмент, обнаруженный в 1991 г. при раскопках полуземлянки LXV на о. Бе-

резань (Букина, 2010б. Кат. 191). С другой стороны, незначительные размеры и характер формы названного фрагмента также позволяют предполагать, что он мог быть частью стенки эксалеиптрона, декорированного в белом стиле.

Эксалеиптронами в современных исследованиях, посвященных коринфской керамике, называют сосуды в виде широких чаш с выпуклыми стенками с одной горизонтальной ручкой в форме буквы “Ω”, на кольцевом поддоне; края эксалеиптронов загнуты вокруг устья внутрь. По-видимому, в Коринфе такие сосуды использовались в основном в домашнем обиходе (возможно, при отправлении домашних культов) (Risser, 2001. P. 97, 175, 176). В Коринфской области зафиксированы единичные экземпляры, входившие в погребальный инвентарь, хотя в погребениях VI–V вв. до н.э. за пределами Коринфии (как в Греции, так и в итальянских колониях) эксалеиптроны встречаются часто. (Risser, 2001. P. 97). Несколько памятников из Коринфа, Аргоса и Форики (Аттика) можно интерпретировать как вотивы (Williams, 1981; Risser, 2001. P. 97). Судя по обстоятельствам находок эксалеиптронов коринфского производства разной степени сохранности, хранящихся в ГЭ, их основная функция была известна и преобладала при использовании сосудов на о. Березань, в Ольвии и Нимфее (хотя фрагменты чаш подобного типа также найдены в нимфейском святилище Деметры). В Ольвии, кроме того, их клали в погребения, и именно с погребальным контекстом связаны находки эрмитажных эксалеиптронов коринфского производства, происходящих из Пантикапея, Мирмекия и античных поселений Таманского п-ва. Все эти предметы декорированы в шаблонном стиле. Единственный целый эксалеиптрон с росписью белого стиля, представленный в ГЭ, был получен в 1928 г. через Музейный фонд, в связи с чем нам ничего неизвестно о его происхождении (высота – 4.2 см, максимальный диаметр тулова – 10.1; Б. 4390, инв. № ГР. 11135) (рис. 6). По-видимому, рассматриваемый памятник следует датировать в пределах первой половины VI в. до н.э., о чем свидетельствуют особенности его формы. Наиболее близкие в этом отношении сосуды можно отметить среди находок как из коринфского квартала гончаров (Stillwell, Benson, 1984. Cat. 1619), так и из святилища Малофора в Селинunte (Dehl-von Kaenel, 1995. Kat. 1559).

Еще два сосуда с росписью белого стиля, хранящиеся в ГЭ, представляют собой миниатюрные плоскодонные кувшинчики с трехлопастным венчиком (ойнохои), которые, как считается, были предназначены для хранения благовонного масла и, вероятнее всего, имели вотивное назначение

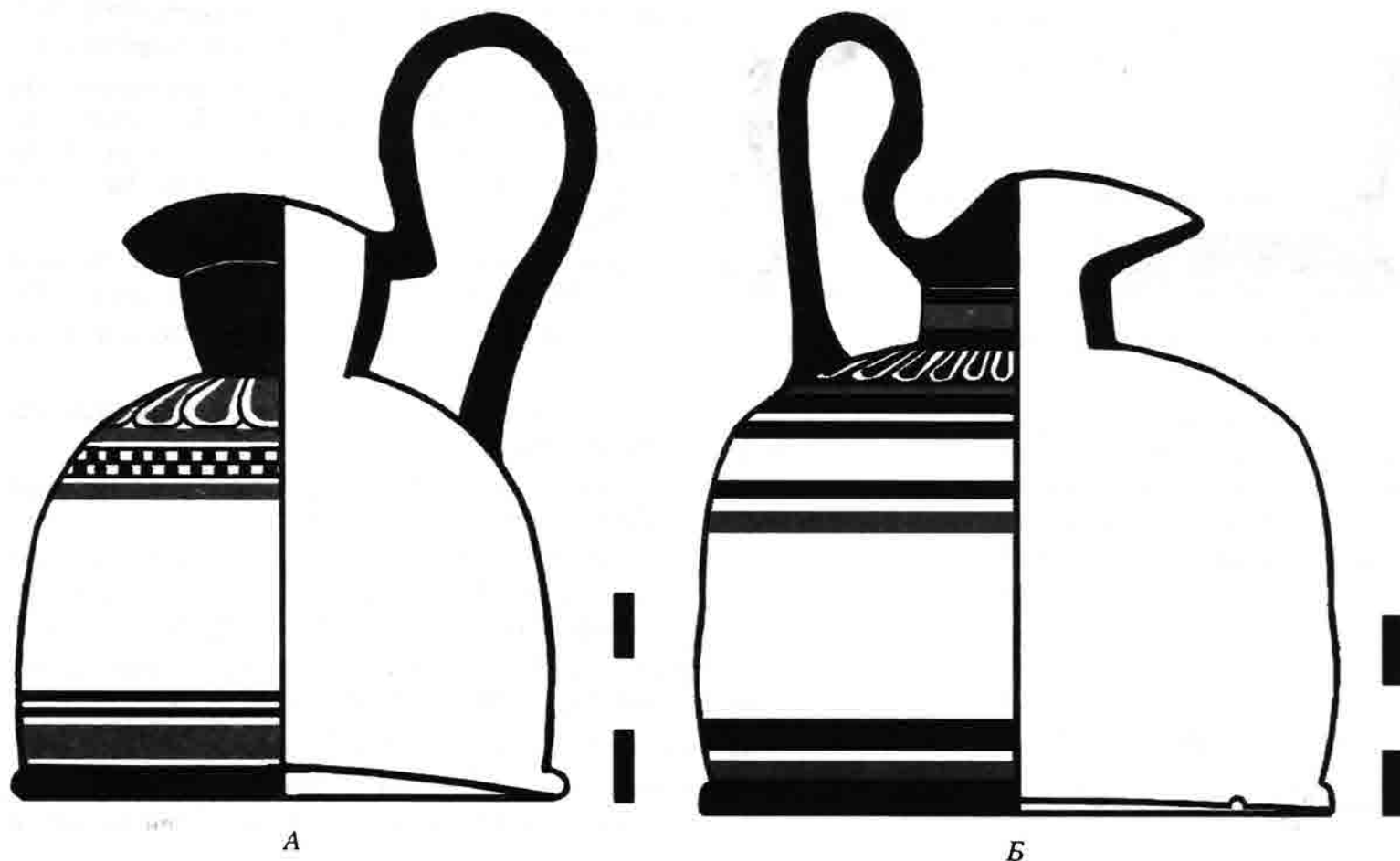

Рис. 7. Ойнохоя. 550–500-е годы до н.э.: А – из раскопок некрополя на о. Березань; Б – из коллекции Строгановых.

(Атух, 1989. Р. 482–484). Один из них (высота – 11.2 см; инв. № Б. 24) был найден при раскопках некрополя на о. Березань (Капошина, 1956. Рис. 12; Boriskovskaya, 1967. S. 427; Букина, 2010б. Кат. 208) (рис. 7, А). Очень близкий по форме сосуд, хотя и с более скромным декором (без лепестков на плечиках), происходит из раскопок святилища Геры в Перахоре (Perachora..., 1962. Pl. 112, 2613). Обе ойнохои, очевидно, следует датировать от второй четверти до второй половины VI в. до н.э. Еще один аналогичный сосуд, принадлежащий ГЭ, поступил в 1926 г. из коллекции Строгановых (высота с ручкой – 12.2 см, диаметр дна – 9.5; пост.; Б. 4219, инв. № ГР. 9720) (рис. 7, Б).

Последний из рассматриваемых экземпляров – небольшой фрагмент выпуклой стенки сосуда, имевшего овальное тулово с более пологой верхней частью (плечики) и плоскую вертикальную ручку (или ручки) на плечиках (инв. № Ол. 14841). Фрагмент поступил в ГЭ в 1936 г. из ГАИМК и был найден в Ольвии в 1906 г., очевидно, при раскопках городища (Опись 1906 г. № 1327). Он мог принадлежать кувшину, похожему на предыдущие, но более крупных размеров (высота сохранившаяся – 5.5 см, максимальный диаметр тулова сохранившийся – около 14–15). Сосуд мог быть сопоставим с плоскодон-

ной ойнохоей, найденной при раскопках в Северном некрополе в Коринфе; погребение, из которого происходит ваза, датировано второй четвертью VI в. до н.э. (Blegen et al., 1964. Cat. 188, 4). В то же время профиль сохранившейся нижней части ручки напоминает характерные по направлению профили ручек коринфских амфор раннего типа (амфора с выделенным горлом), и мы предпочитаем реконструировать сосуд именно таким образом (рис. 8). Для сохранившихся амфор с выделенным горлом, в отличие от более поздних, характерны фризные росписи с фигурами животных, а не сюжетные сцены в клеймах; стилистические особенности этих росписей позволяют датировать их не позднее среднего коринфского периода (Атух, 1989. Р. 494, 495). Иными словами, датировка ольвийского фрагмента в случае, если он принадлежал амфоре, может быть повышена на четверть столетия.

Таким образом, группа сосудов с росписью белого стиля, принадлежащая ГЭ в основном состоит из памятников, происходящих из Северного Причерноморья (как из раскопок, так и из коллекций, составленных в этом районе). Она ясно показывает, что сосуды с декором этого типа составляли часть гончарной продукции Коринфа, ввозившейся в античные центры Северного Причерноморья (пре-

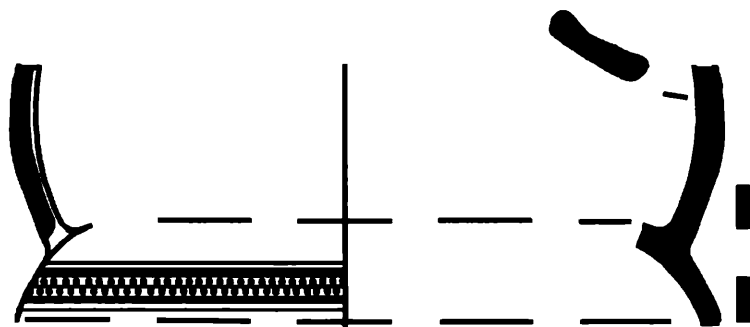

Рис. 8. Фрагмент амфоры (?). 580–550-е годы до н.э. (?).

имущественно на о. Березань и в Ольвию) в течение VI в. до н.э. Доля ваз белого стиля определенно не была значительной (около 2% всех находок коринфской расписной керамики, поступивших в ГЭ из документированных раскопок).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Букина А.Г. Коринфские вазы с орнаментальными росписями линейного стиля (по материалам собрания Государственного Эрмитажа) // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2010а. № 3 (1).
- Букина А.Г. Коринфская художественная керамика // Борисфен-Березань. Вып. 2. СПб., 2010б (ТГЭ; Т. 54).
- Капошина С. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956. Вып. 50.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1911 г. Пг., 1914.
- Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии / Ред. С.П. Борисковская. Л., 1988.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // Изв. ИАК. 1914. Вып. 56.
- Амх Д.А. Corinthian Vase-Painting of the Archaic Period. Berkeley; Los Angeles, 1989.
- Blegen C.W., Palmer H., Young R.S. Corinth. Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. V. XIII. The North Cemetery. Princeton, N.J., 1964.
- Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra, 1963–1965: The Archaic Deposits 1. L., 1966 (BSA; Supplement 4).
- Boriskovskaya S.P. On Trade Connections between the Greek Cities of the Northern Black Sea Coast in the Archaic Period // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostok – 16. Jhrg – Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1967. H. 7/8.
- Callipolitis-Feytmans D. Origine de la Pyxis Convexe et sans Anses à Corinthe // Archaiologike ephemeris. 1973.
- Campbell M.T. Later Corinthian Pottery: Doctoral thesis. Bryn Mawr, P.A., 1941.
- Dehl-von Kaenel Ch. Die archaische Keramik aus dem Malophoros-Heiligtum in Selinunt. Berlin, 1995.
- Giudice F., Tusa S., Tusa V. La collezione archeologica del Banco di Sicilia. Palermo, 1992.
- Kocybala A. The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Lybia. Final Reports. V. VII. The Corinthian Pottery / Ed. D. White. Philadelphia, 1999.
- Papuci-Władyka E. Corinthian and Italo-Corinthian Pottery from the Polish Collections. Warsaw; Kraków, 1989.
- Payne H.G.G. Necrocorinthia. Oxford, 1931.
- Perachora. The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archaeology at Athens (1930–1933). V. 2. Pottery, Ivories, Scarabs and others Objects from the Votive Deposit of Hera Limenia / Eds T.J. Dunbabin, H.G.G. Payne. Oxford, 1962.
- Risser M.K. Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. V. VII. P. 5. Corinthian Conventionalizing Pottery. Princeton, N.J., 2001.
- Rubinich M. Ceramica e coroplastica dalla Magna Grecia nella collezione de Brandis. Udine, 2006 (Catalogue e monografie archeologiche dei civici musei di Udine; 8).
- Stillwell A.N., Benson J.L. Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. V. XV. P. 3. The Potters Quarter: the Pottery. Princeton, N.J., 1984.
- Williams Ch.K. II. The City of Corinth and Its Domestic Religion // Hesperia. 1981. V. 50.

“КОЛЛЕКТИВНЫЕ” ПОГРЕБЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ У п. ЗАОЗЕРНОЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

© 2012 г. Е.А. Попова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(popova318@mail.ru)

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, античная культура, городище “Чайка”, некрополь, погребальный обряд, греки, поздние скифы, тавры.

The necropolis near the village of Zaozernoje in northwestern Crimea is located 1.5 km away from Chaika fortified settlement. The group of kurgans stands on the territory of an ancient stone quarry. It has burial structures of three types which hold so-called collective burials. The structures contain from 3 to 13 bodies, with the burials dating to different times. The earliest burials date to the end of the 4th – 3d cc. BC. The structures were used throughout the period of existence of the Greek settlement, until the third quarter of the 2nd c. BC. Afterwards they were used by the new population, the so-called Late Scythians, during the 1st c. BC – 1st c. AD. The second and third types of the crypts are connected with burial traditions of the Bosporean population. The diversity of the burial rites shows that the population at Chaika was polyethnic.

Некрополь у п. Заозерное находится в 1.5 км от античного городища “Чайка” в Евпатории (рис. 1).

Долговременное функционирование кладбища (последняя четверть IV в. до н.э. – 30-е годы I в. н.э.), неоднородность этнического состава населения и полная смена его в последней четверти II в. до н.э. обусловили сложную картину погребальной обрядности. Немалую роль в усложнении интерпретации значительной части объектов сыграли многократные разрушительные ограбления могильника. Несмотря на все эти обстоятельства, прослеживаются отдельные группы с традиционными чертами погребального обряда. В настоящей статье речь пойдет о группах так называемых коллективных погребений, различавшихся по типам погребальных сооружений: простые ямы, каменные ящики и каменные склепы.

Простые ямы представлены одним сохранившимся сооружением. Яма находилась в кург. 13, имевшем полусферическую форму диаметром – 12 м, высотой – 0.3–0.4. Насыпь состояла из суглинка с включениями каменной крошки, насыщенной фрагментами керамической посуды (следы тризны), среди которой был найден фрагмент синопского солена.

Погребение находилось в вырубленной в скале могильной яме, расположенной в южном поле кургана. Сверху ее прикрывал завал камней (рис. 2, А). Яма, ориентированная с востока на запад, имела прямоугольную форму со слегка скругленными углами. Ее размер – 2.17 × 0.95 × 0.52 м. В яме нахо-

дилось множество лежавших в беспорядке костей – не менее чем от 10 костяков (рис. 2, Б). Погребения совершались многократно, причем костяки от предыдущих захоронений сдвигались к южному борту ямы; последние погребения потревожены грабителями. Из вещей сохранилось лишь свинцовое пряслице. По найденным в насыпи фрагментам керамики захоронение датируется приблизительно IV–III вв. до н.э.

Каменных ящиков, сохранившихся настолько, что по ним можно было бы определить тип сооружения, – два. Первый ящик происходит из кург. 19 диаметром 11–15 м, высотой – 0.27–0.73. Насыпь – суглинок с каменной крошкой и мелкими камнями. Сооружение представляло собой ящик, стенки которого сложены из необработанных каменных плит, поставленных “на ребро”. Его длина – 2.7 м, ширина – 1.3. Ящик был ориентирован по оси запад–восток, дном ему служила скала. У северной стенки, по-видимому ярусами, лежали фрагменты четырех черепов, так как они находились на разных глубинах (рис. 3). Следовательно, погребения совершались несколько раз. Кости скелетов разбросаны по всей могиле. Судя по размерам сооружения и количеству костяков – это каменный ящик с так называемым коллективным погребением. Инвентарь отсутствует, так как могила была ограблена. В насыпи среди небольших камней найдено пять черепов, кости скелетов перемешаны. Погребение находилось выше центрального захоронения, т.е. было впускным.

Второй ящик находился в кург. 39. Это было почти полностью разрушенное захоронение. Дном

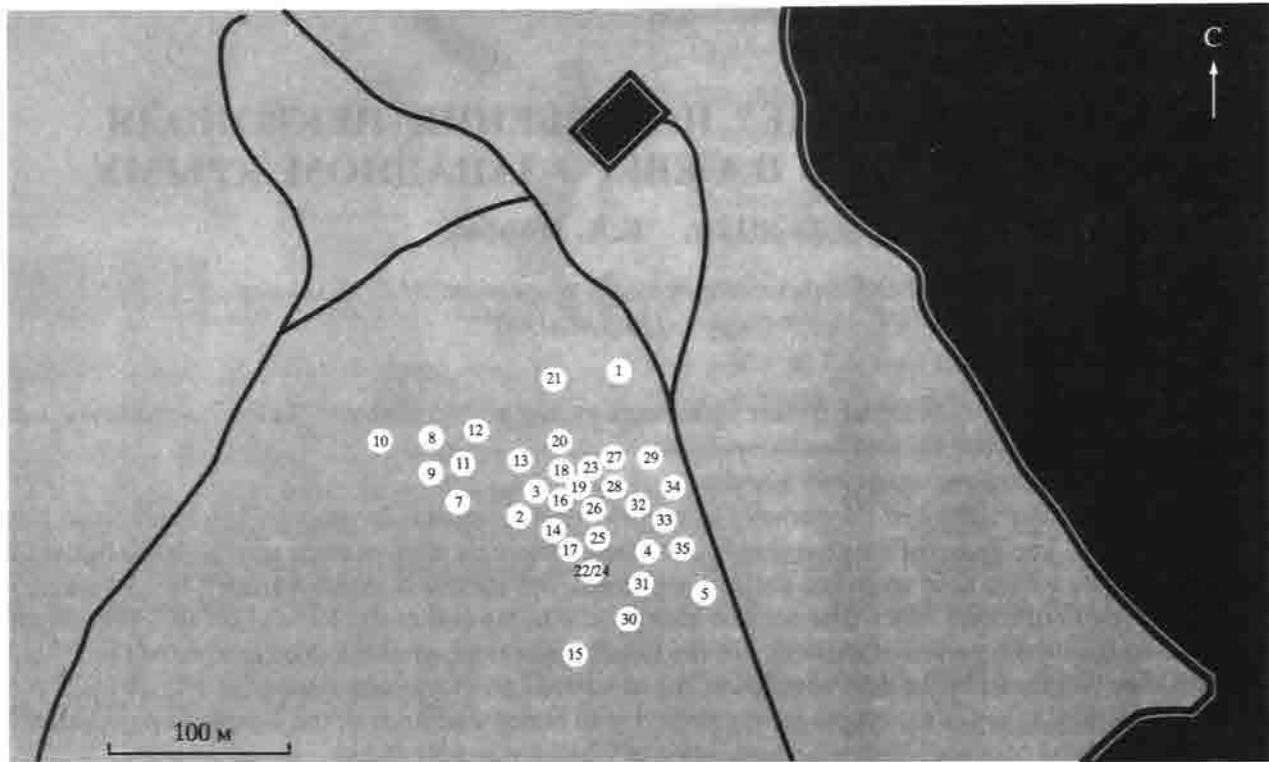

Рис. 1. План курганной группы некрополя у п. Заозерное.

ящику служила скала. От сооружения осталось три камня, поставленных “на ребро”. Размер ящика приблизительно равен 1.6×0.7 м. На дне находился скелет подростка со скрещенными в голених ногами, правая рука была вытянута, левая лежала на тазовых костях. Погребение было ориентировано головой на юг. Слева от костяка, у ноги лежал фрагмент чернолаковой миски с граффито на донце (видимо, сокращение имени), датируемой последней четвертью IV в. до н.э. (Егорова, 2004. С. 145). Вокруг костяка и над ним – завал беспорядочно лежащих человеческих костей. Над завалом – скопление очень больших фрагментов стенок херсонесской амфоры и ручка с клеймом астинома Эскина, деятельность которого датируется 315–300 гг. до н.э. (Кац, 1994. Табл. IV, 1–7, I. С. 76, 85).

Наиболее многочисленный тип сооружения в некрополе – склепы, различавшиеся по конструкции. Они располагались в Центральной и Восточной частях. Склепы Центральной части, сохранившиеся лучше других, находились в кург. 16, 30, 31а, а также в бортах каменоломни; Восточной – в кург. 36, 38–41. Склепы в бортах каменоломни с коллективными погребениями открыты на участках 1984 и 1985 гг.

Склеп 1984 г. Вырублен в борту каменоломни, проходившем около кург. 16 в направлении ССЗ–ЮЮВ. Высота стенки борта – 0.6 м. Основной объем склепа вырублен в материковой скале. Он заглублен относительно уровня дна каменоломни на 0.9 м. Ширина склепа – 1.7 м, длина – 1.9, высота –

1.4. Стены подземной части склепа не имели подтески, а выше он был надстроен плитами. Западной стеной служил борт каменоломни. Перед входом находилась небольшая входная яма. Вход размером 0.7×0.4 м располагался на юге и был закрыт закладной плитой, плотно пригнанной к верхним камням. Все сооружение перекрывалось набросом из мелких камней, среди которых было обнаружено значительное количество керамики, в основном стенки красноглиняных и светлоглиняных амфор, лепной и чернолаковой посуды, что само по себе свидетельствует о разновременности захоронений. Чернолаковая посуда датируется не ранее середины IV в. до н.э. – это чернолаковый аск и чернолаковая чашечка с граффито на донце в виде лигатуры АГ (Егорова, 2004. С. 149). Красноглиняное рыбное блюдо и красноглиняный флакон датируются серединой IV – III в. до н.э. Наличие среди керамического материала стенок светлоглиняных амфор свидетельствует о времени не ранее середины I в. до н.э.

В склепе было совершено несколько разновременных погребений. Кости погребенных покрывают дно склепа почти сплошным слоем толщиной 0.15–0.2 м (рис. 4). В западной части, заглубленной по отношению к основной, лежал костяк взрослого человека плохой сохранности головой на север. Он был засыпан слоем разрозненных костей также плохой сохранности. В восточной части перед входом сверху лежал костяк взрослого человека, вытянуто, головой на север. Кроме того, здесь были отмечены остатки детского костяка, лежавшего головой на юг.

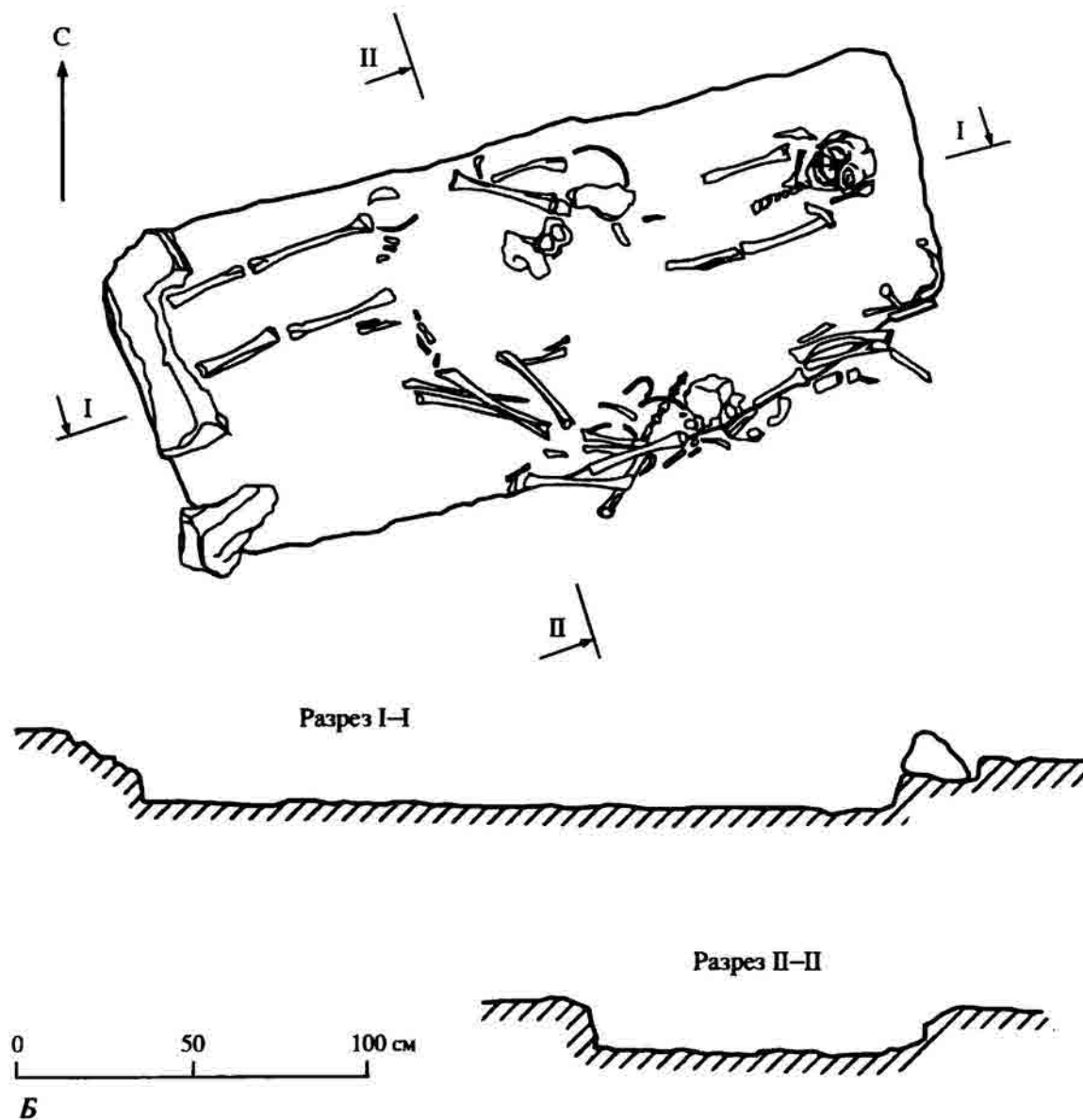

Рис. 2. Кург. 13. Погребение в яме. А – каменный заклад; Б – план.

Рис. 3. Кург. 19. Погребения в каменном ящике.

Среди костей найдено 42 бусины и бисер, детский бронзовый браслет, большое бронзовое кольцо, 3 железных ножа, 3 железные черешковые стрелы, железная пряжка, фрагмент лепного светильника “сапожок”, пряслице. Бусы датируются от IV в. до н.э. до I в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 29, 65, 73). Материал в самом склепе тяготеет к I в. до н.э. – I в. н.э.

Склеп был сооружен в конце IV – начале III в. до н.э., после чего в него подзахоранивали покойников в I в. до н.э. – I в. н.э. Ранний инвентарь был выброшен наружу, недалеко от склепа: все описанные находки раннего времени явно принадлежали погребениям склепа.

На участке каменоломни 1985 г., в западном борту каменоломни было открыто два склепа.

Склеп 1. Перед входом находилась входная яма размером 1.7 × 1.5 м, глубиной – 0.95. Погребальная камера отделена от входной ямы небольшой

пологой ступенькой. Высота камеры – 1.05 м. Вход в нее закрывали три плоских камня, стоявших “на ребре”. В склепе было обнаружено два погребения. Первый костяк находился возле входа, вытянуто на спине, руки – вдоль тела, голова – на юг. Практически все кости *in situ*. Кисть левой руки находилась под тазом, ноги слегка согнуты в коленях и отнесены влево. Инвентарь отсутствует. Лишь в слое заполнения под костями обнаружены две клешни краба, видимо, остатки погребальной пищи или тризны.

За этим погребением, в юго-западном углу склепа, у стенки и частично прислонясь к ней, лежали остатки еще одного погребенного, явно перемещенного, так как кости перемешаны с камнями. Кроме того, после снятия первого погребения на дне склепа была обнаружена еще одна челюсть, указывающая на то, что в склепе был третий погребенный, однако больше ничего от его костяка найти не удалось. В заполнении склепа было два фрагмента лепных сосудов. Склеп, по-видимому, использовали трижды, причем первое захоронение было выкинуто (от него осталась только челюсть), а второе при подзахоранивании третьего покойника было сдвинуто и почти уничтожено.

Склеп 2. Склеп сооружен в углу каменоломни. Он был ограблен, перекрытие утрачено. Его северной и западной стенками служили борта каменоломни. С восточной стороны построена стенка из трех камней. С южной – вход в склеп, к которому вел дромос длиной 1 и шириной 0.4–0.45 м. Стенки дромоса сложены из необработанных камней, лежащих на суглинке с камнями.

Основной объем склепа представлял собой углубление в скале, прямоугольное в плане размером 1 × 0.5 и глубиной 0.4 м. Стенки склепа внутри выложены камнями (для укрепления, так как скала рыхлая). В заполнении встречаются крупные камни, обломки человеческих костей и находки в полном беспорядке: несколько невыразительных фрагментов амфор и лепных сосудов, лепной светильник сапожок, глиняное пряслице и грузик из ножки канфара; несколько бронзовых предметов, среди которых – браслет с подвижными концами или с раздвижным замком. Данный тип браслетов был широко распространен в античном мире, особенно в I в. до н.э. Помимо этого здесь была найдена подвеска-ведерко, имевшая, возможно, магическое значение (для хранения заклятий?). Подобные подвески были популярны среди населения античных государств и варварского мира с начала нашей эры (Корпусова, 1983. С. 59).

Находки железных вещей представлены обломками ножей, кольцевидной пряжкой, втулкой неболь-

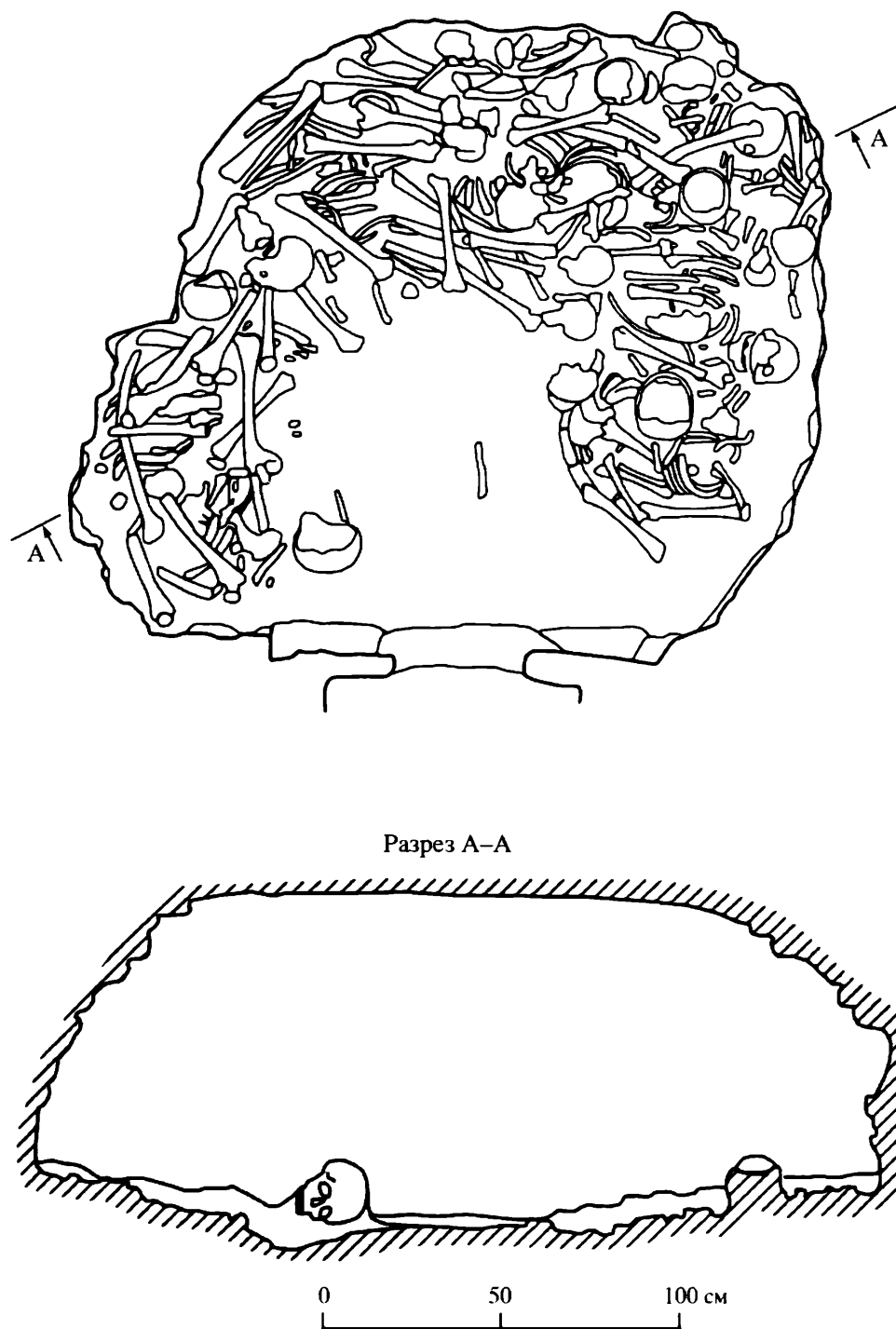

Рис. 4. Склеп в борту каменоломни. План склепа с остатками скелетов.

шого копья и тремя черешковыми трехлопастными стрелами, типичными для I в. до н.э. – I в. н.э.

В склепе найдено 235 бусин, из которых 108 – из египетского фаянса, 6 – из сердолика, 1 – пронизка из янтаря, остальные – из стекла. Бусы встречаются на протяжении всего эллинистического времени (Столярова, 1993. С. 49).

У входа в склеп 2 было обнаружено множество фрагментов керамики. В основном это обломки гераклейских и херсонесских амфор, а также кувшинчиков, чернолакового лекифа, лепных горшков. В заполнении каменоломни найден бронзовый пер-

стень со щитком, изображение на котором не очень четкое, но по виду напоминает черепаху либо скарабея (?). Такие перстни датируются IV–III вв. до н.э. (Петренко, 1978. С. 61).

Кург. 16 – самый большой на некрополе. Его диаметр – 28 м, высота: 1.49 м – с севера, 1.87 – с юга, 1.44 – с запада, 2.39 – с востока. Разница в высотах свидетельствует о разновременности насыпок.

Склеп 1. Основное сооружение – склеп, частично вырубленный в скале, частично сложенный из крупных блоков. Почти полностью сохранилось перекрытие. Склеп пристроен к борту каменолом-

Рис. 5. Кург. 16. Склеп с ложным сводом. План, разрез.

ни, как и стенка дромоса. Вход в склеп – с северо-востока, около него лежала закладная плита. Погребальная камера размерами 1.82×1.32 м имела четырехугольную форму. Отверстие, перекрытое плитами, было пятиугольной формы, размером 0.9×0.9 м (рис. 5). Ряд блоков, положенных с угла на угол со стен погребальной камеры, образовал отверстие, закрытое плитами перекрытия. Дромос длиной 1.55 м был сильно нарушен, поскольку и с его стороны склеп подвергнулся ограблению. Дно дромоса заметно понижалось к входу в камеру. Внизу при входе в камеру находился порог в виде каменной полукруглой плиты.

На дне погребальной камеры в полном беспорядке лежали человеческие кости, перемешанные и разбросанные по всей камере (рис. 6). Склеп был полностью ограблен и не раз. Сохранились девять черепов и кости скелетов. Из инвентаря остались 2 бронзовых браслета, 53 стеклянные бусины, 2 пряслица и 2 лепных светильника с одним рожком и сплошной ручкой. Датируются находки I в. до н.э. – I в. н.э.

Архитектура склепа сближает его с так называемыми уступчатыми боспорскими склепами с ложными сводами (Савостина, 1984. С. 7). По всей видимости, первоначально его не перекрывала

насыпь, так как он был пристроен к бортам каменоломни и, подобно склепу кург. 30, имел панцирь (Мошинский, 1988. С. 129). Склепы третьего типа встречались и на Центральном участке, но в основном были сконцентрированы в восточной части некрополя.

Кург. 31а. Находился рядом с кург. 31, практически слившись с ним. В центре насыпи диаметром 10 м, на месте грабительской ямы, находилось полностью разрушенное каменное сооружение, прослеживающееся лишь по подтеске в скале для его северной стены. К сооружению вел дромос, соединявшийся с каменным кольцом. Дромос имел уклон под тупым углом в сторону погребального сооружения. Каменное кольцо представляло собой крепиду для укрепления насыпи, о чем свидетельствует характер кладки, выведенной на одно лицо и беспорядочной с внутренней стороны, что не позволило бы ей стоять самостоятельно. Объединение крепиды со стенками дромоса говорит об одновременном сооружении склепа и насыпи.

Склеп ограблен. Значительная часть находок происходит из северо-восточного сектора, среди них встречаются и обломки человеческих костей. Вещи хронологически подразделяются на два основных периода: конец IV – начало III в. до н.э. и около I в. до н.э. Отдельные находки в насыпи относятся, скорее всего, к остаткам костяка, лежавшего в юго-западном секторе. Находки приблизительно датируются I в. н.э. Прежде всего, это бронзовая фибула с небольшим коротким приемником и прогнутой ленточной стенкой. Такие фибулы распространены в Северном Причерноморье именно в это время (Амброз, 1966. С. 25. Табл. 4, 6–8). Кроме того, в комплекс находок входил светильник сапожок и железная стрела – вещи, соответствующие тому же времени.

Кург. 36. Состоял из двух слившихся насыпей, одна из которых – каменистая, высотой около 1 м. Под ней находилось погребальное сооружение – каменный склеп. Размеры – 2.25 × 1.25 м, склеп ориентирован с запада на восток. Его нижняя часть заглублена в скалу, а стенки надстроены большими камнями. Поскольку курган был ограблен, верхняя часть склепа разрушена и следов перекрытия нет. К склепу вел дромос длиной 1.6 м, составленный из необработанных камней, поставленных “на ребро”. Дромос наклонно спускался с южной стороны склепа (рис. 7).

Погребения в склепе почти не сохранились, остались лишь фрагменты нескольких костяков, расположенных не в анатомическом порядке. У южной стенки находились пять черепов. По остаткам костей можно судить о том, что в склепе было захоро-

Рис. 6. Кург. 16. Остатки скелетов на дне.

нено семь человек (взрослые и дети). Погребения совершены ярусами. Зачищено четыре уровня. Из инвентаря осталась только бронзовая сережка колечком.

Под второй насыпью находилось разрушенное погребение, представлявшее углубление в скале, окруженное каменным кольцом. На дне лежали потревоженные кости двух костяков. Судя по размерам подтески (4 × 3 м), можно предположить, что это остатки комплекса “склеп – каменное кольцо – коллективные погребения”. Однако стенки склепа полностью разобраны в древности. Ориентировка широтная.

Кург. 38. Под небольшой каменистой насыпью высотой 1 м, диаметром 10–12 м находился каменный склеп размером 1.9 × 1.1 м, ориентированный с юго-запада на северо-восток. Склеп представлял основное сооружение. Камера была углублена в скалу и надстроена стенками, сложенными из тща-

Рис. 7. Кург. 36. Склеп.

тельно отесанных изнутри и грубо обколотых снаружи квадров (Яценко, 1978. С. 57). К склепу вел дромос длиной около 2 м. Вокруг сооружения было устроено каменное кольцо.

В склепе погребено около 30 человек. Поскольку по неизвестной причине он сохранился лучше других, в нем было зачищено пять слоев погребенных. В нижней части, у самого раннего костяка, лежала чернолаковая тарелка II в. до н.э. – самая ранняя вещь в склепе. Остальные предметы инвентаря – лучковые железные фибулы, железная черешковая стрела, бусы – датируются I в. до н.э. – I в. н.э. (Яценко, 1978).

Кург. 39. Диаметр – 15.5–16.5 м, высота – около 1. Насыпь – каменная, плотно залегавшая по всей поверхности. Курган ограблен. Все погребения нарушены попавшими на них тремя грабительскими ямами. Погр. 3, по-видимому, семейная усыпальница – содержало захоронения взрослых, подростков и детей. Сооружение полностью разрушено грабителями, осталось пять камней от стенки погребального сооружения. Рядом со стенкой лежало лепное пряслице. В грабительской яме находились кости, по крайней мере, пяти погребенных.

В насыпи содержалось большое количество фрагментов керамики, преимущественно от мегарских чаш, датирующихся не ранее второй четверти II в. до н.э. Особый интерес представляют находки оружия: железного наконечника копья и дротика. Аналогиями им служат копья, происходящие из погребения в мавзолее Неаполя Скифского II–I вв. до н.э., и дротики из погребений рядового населения некрополя Неаполя Скифского (Сымонович, 1983. С. 101; Пуздровский, 2007. Рис. 27). Высота насыпи – 0.63–0.96 м, диаметр – 15.5–16.5. Насыпь

представляла собой плотно залегающие по всей поверхности кургана камни. Курган был ограблен, прослеживаются три большие грабительские ямы, попавшие на погребения. Курган возведен на скале, изрезанной выработками, что само по себе примечательно, так как говорит о том, что он возводился на месте разработок каменоломни. В юго-восточном секторе, под каменной насыпью, лежала амфора херсонесской глины, возможно формой подражающая типу веретенообразных фасосских амфор, выпускавшихся с середины III в. до н.э. по третью четверть I в. н.э. (Монахов, 2003. С. 74. Табл. 51). С боков она была обложена камнем, низ отбит и также заложен камнем. Амфора была не впущена в насыпь, а помещена на это место до ее возведения. Таким образом, можно предположить, что возведение насыпи происходило не ранее последней четверти III в. до н.э.

Сделать какие-либо определенные выводы относительно материалов кургана из-за грабительских разрушений трудно. Однако можно предположить, что это были две семейные усыпальницы типа каменных склепов и ящиков – погр. 1 и 3, содержавшие захоронения взрослых, подростков и детей, в каждом – не менее пяти-шести человек. Погребение с оружием – единичный случай в некрополе.

Кург. 40. Диаметр – 16–17 м. В поле кургана – склеп, ориентированный с северо-запада на юго-восток. Для постройки склепа использована скала, стенки которой надстроены крупными камнями. Размеры склепа – 2.15 × 1.15 м. От дромоса сохранился лишь небольшой фрагмент одной стенки. В заполнении находилось большое количество человеческих костей, лежавших в беспорядке на разных уровнях. Кроме того, здесь было зафиксировано несколько фрагментов керамики, возможно от перекрытия. На пальце руки костяка – пластинчатый железный перстень. Среди костей на полу – 21 бусина. Бусы в основном датируются I в. н.э.

Кург. 41. Диаметр – 15–17 м, высота – около 0.5. Под дерном по всей поверхности наблюдалось плотное залегание камней. Почти в центре находился склеп размером 2.3 × 1.3 м. Дном и частично стенками служила скала. Стенки надстроены крупными камнями. Склеп ориентирован с северо-запада на юго-восток; по периферии окружен каменным кольцом. Курган ограблен, грабительская яма точно попала на погребение. В склепе обнаружены человеческие кости, лежавшие настолько беспорядочно, что определить количество погребенных не представлялось возможным. Тем не менее очевидно, что здесь находилось несколько костяков. Среди костей лежал фрагмент синопской керамики с клеймом астинома Гиритта, датирующийся Н.Ф. Федосеевым

339 г. до н.э. (Fedoseev, 1999. Tabl. 1, 30). Среди находок – фрагменты керамики IV–III вв. до н.э. и стеклянная амфоровидная подвеска I в. до н.э. – I в. н.э.

Таким образом, склепы некрополя у п. Заозерное делятся на три типа: склепы, вырубленные в скале каменоломни или пристроенные к ее бортам, с входной ямой; склепы с ложным сводом; склепы, заглубленные в скалу, с надстроенными стенками, наклонным дромосом и каменным кольцом вокруг.

Рассмотренный материал некрополя у п. Заозерное демонстрирует разнообразие погребальных традиций, связанных как с этническими, так и с социальными различиями в среде населения городища “Чайка”. Самым сложным представляется вопрос о его этнической принадлежности. О том, что в IV–III вв. до н.э. в состав греческой общины входили представители таврского населения, свидетельствуют находки кизил-кобинской керамики (Беловинцева, Попова, 2007. С. 135–137). Поэтому устройство каменных ящиков также, видимо, надо связывать с таврским этносом. Простая яма может свидетельствовать о низком социальном статусе погребенных.

Склепы, вырубленные в скале, находят аналогии в херсонесском некрополе и в некрополе поселения недалеко от Херсонеса (Белов, 1978. С. 48; Щеглов, 1975. С. 109–116). Устройство таких склепов связывают с греческим населением городища “Чайка”, после чего они были использованы новыми жителями – так называемыми поздними скифами.

Второй тип склепов – с ложными сводами – также традиционен для греческого обряда; склепы и этого типа использовались поздними скифами.

На Восточном участке некрополя у п. Заозерное сконцентрированы курганы, содержавшие одинаковые по конструкции и обряду гробницы, – склепы третьего типа.

Рассматриваемые объекты ранее интерпретировались как каменные склепы, сооруженные греками в IV–III вв. до н.э., а затем использованные поздними скифами в I в. до н.э. – I в. н.э. (Яценко, 1974. С. 214; 1978. С. 73). Кроме того, прежде не обращалось достаточного внимания на наличие материалов второй половины III – первой половины II в. до н.э. Преобладание в насыпях материалов IV–III вв. до н.э., действительно, создавало впечатление устройства всех погребальных сооружений в это время. Поэтому шли поиски могильника II в. до н.э. Рассмотрение большого количества материалов позволяет с определенностью говорить о наличии артефактов II в. до н.э. И.В. Яценко, публикуя находки из склепа кург. 38, датировала некоторые

вещи II в. до н.э., при этом лишь в предположительной форме высказывая мысль о том, что “они были позаимствованы из инвентарей его более ранних погребений” (1978. С. 73).

Практически во всех курганах под насыпями находились погребения младенцев в амфорах IV–III вв. до н.э., что также наводило на мысль об устройстве курганов в это время. Однако зачастую эти погребения совершались раньше склепов и уже не были видны при сооружении насыпи. Поэтому одним из главных вопросов был и остается вопрос датировки погребений в склепах (если бы склепы не были ограблены). В связи с этим особую ценность приобретают находки из насыпей. В них присутствуют остатки тризны – керамика, как правило, позволяющая хотя бы суммарно определить хронологические рамки использования склепов.

Больше всего предметов погребального инвентаря сохранилось в кург. 38. Особого внимания заслуживает то, что самыми ранними вещами в нем были светильник и чернолаковая тарелка, датирующиеся началом II в. до н.э. (Яценко, 1978. С. 59–63; Егорова, 2004. С. 148). Но перемешанность содержимого склепа не позволяет определенно идентифицировать все предметы инвентаря со скелетами. И.В. Яценко провела тщательную идентификацию в тех случаях, когда это представлялось возможным (1978. С. 57–73). Почти все предложенные ею датировки не вызывают возражений, большая часть вещей относится к I в. до н.э. – I в. н.э. Однако особое внимание следует обратить на упомянутые артефакты II в. до н.э., связанные с самым ранним захоронением. С достаточной долей вероятности можно утверждать, что склеп кург. 38 был сооружен в начале II в. до н.э.

Самая ранняя находка непосредственно из склепа – фрагмент керамики с клеймом в склепе кург. 41.

Однако дата, определяемая по черепице, не может служить датой захоронения, поскольку для устройства погребального сооружения использовалась, несомненно, черепица из разрушенных домов. Разрушение херсонесской крепости датируется рубежом IV–III вв. до н.э. или началом III в. до н.э. Таким образом, *terminus post quem* захоронения в склепе кург. 41 – первая четверть III в. до н.э.

В кург. 40 – пластинчатый железный перстень имеет широкую датировку – IV–III вв. до н.э. Бусы отсюда же относятся к I в. до н.э. – I в. н.э. Однако, как уже говорилось выше, находки из насыпей позволяют заполнить образовавшуюся хронологическую лауну. Так, в насыпи кург. 36 найден фрагмент чернолаковой ойнохой, датирующейся не

ранее третьей четверти III в. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 294. Fig. 35, 477). В насыпи этого же кургана сохранилось большое количество (более 10) фрагментов мегарских чаш, датирующихся не ранее второй четверти II в. до н.э. Не ранее чем ко II в. до н.э. относятся также и краснолаковые сосуды, фрагменты которых присутствуют в насыпи кург. 36. В насыпи кург. 38 находился амфориск, датируемый III–II вв. до н.э. (Яценко, 1978. С. 73). Кург. 36, по-видимому, был насыпан около середины III в. до н.э. и использовался до конца позднескифского периода.

Весьма проблематичным представляется датирование захоронений по типам бус. Поскольку бытование многих типов этих украшений имеет широкие хронологические рамки, в которые входит вторая половина III – II в. до н.э., нельзя исключать наличия захоронений этого времени в склепах, где они встречаются. Амфоровидная подвеска была датирована I в. до н.э. – I в. н.э., тогда как такие подвески появляются уже в середине III в. до н.э.¹ Поэтому склеп кург. 41, скорее всего, был сооружен около первой четверти III в. до н.э.

В настоящее время представляется возможным утверждать, что и в течение II в. до н.э. некрополь продолжал функционировать (и прекратить поиски могильника этого времени в других местах). Было показано, что кург. 36 и 38 содержат керамику этого времени. Вероятнее всего, и в остальных склепах на этом участке совершались погребения до окончания греческого периода на городище. Несколько склепов, в которые захоранивалось большое количество умерших, было вполне достаточно для небольшого поселения, каким стала “Чайка” в середине III в. до н.э. и оставалась до третьей четверти II в. до н.э. Но разрушительные неоднократные ограбления некрополя уничтожили значительную часть захоронений.

Традиция устройства каменных склепов с так называемыми коллективными погребениями прослеживается с раннего времени в Восточном Крыму, на Боспоре. Э.В. Яковенко, рассматривая захоронения в курганах Восточного Крыма как рядовые скифские, подразумевала под “коллективными” захоронениями неоднократные повторные погребения – своего рода семейные усыпальницы (1970. С. 133, 134). Такой обряд погребения, по ее мнению, был обусловлен оседлым образом жизни скифов в степной части полуострова с конца V в. до н.э. Конструкция рассмотренных ею погребальных сооружений практически аналогична описанным выше объектам некрополя у п. Заозерное: это каменные склепы с наклонными дромосами, содержащими по

несколько костяков (Астанино, Ильичево, Ленино). Подобные погребения открыты и в Акташском могильнике (Бессонова и др., 1988. С. 17–23), где они датируются IV–III вв. до н.э. А.А. Масленниковым опубликованы аналогичные захоронения в каменных склепах у поселения “Стоячий камень” в Восточном Крыму. В основном они датируются III в. до н.э. (Масленников, 1995. С. 51). Наиболее поздние аналогии сооружениям подобного типа некрополя у п. Заозерное открыты Е.А. Катюшиным под Феодосией и датируются концом II в. до н.э. – I в. н.э. (1996. С. 21–31). Основные признаки полностью совпадают: под невысокими каменными насыпями – склепы с дромосами, все сооружение окружено каменным кольцом. В склепе более 10 погребенных, причем не в анатомическом порядке: черепа сдвинуты к западной стенке. Инвентарь – простой: керамика, бусы, бронзовые серьги. Е.А. Катюшин, опубликовавший материалы могильника, считает, что установленный на могильнике Сары-Кая погребальный обряд целиком соответствует обычаям, свойственным восточнокрымским памятникам, восходящим к кругу памятников более раннего времени, известных в Восточном Крыму (1996. С. 26, 27). При этом он совершенно справедливо отмечает, что находки из могильника не позволяют атрибутировать этническую принадлежность погребенных, так как «они совершенно обычны для одновременных “варварских” могильников Крыма» (Катюшин, 1996. С. 26).

В связи с некрополем у п. Заозерное этот вопрос приобретает особую остроту, поскольку описанные погребальные традиции появляются здесь еще во время присутствия на городище “Чайка” греческого населения. Материалы кург. 40 и 41 свидетельствуют о том, что такие погребальные сооружения устраиваются на некрополе уже в начале III в. до н.э. и продолжают использоваться в течение III в. и во II в. до н.э., а затем – в I в. до н.э. – I в. н.э. Как показали материалы греческого поселения, оно существовало до третьей четверти II в. до н.э. (Попова, 2007. С. 19), затем наступил перерыв в жизнедеятельности городища, длившийся около 10–15 лет, после которого сюда пришло новое население, судя по материалам некрополя, прекрасно знакомое с традициями погребения покойников в семейных склепах рассматриваемого типа. Это подтверждает предположение Е.А. Поповой о приходе на городище “Чайка” группы населения с Боспора (1998. С. 194). А.П. Мошинский обратил внимание на такую черту погребального ритуала, присутствующую на некрополе у п. Заозерное, как тризна до возведения насыпи, также характерную для курганов Боспора (1988. С. 133). Устройство склепов с ложными сводами относится к боспорским погре-

¹ Благодарю за консультацию Е.К. Столярову.

бальным традициям. Напрашивается вывод о том, что и этнически эти группы людей были тождественны. Что же это был за этнос? Основным населением в конце IV – II в. до н.э. было греческое, о чем свидетельствует облик материальной культуры на поселении. Пришедшее новое население принято считать поздними скифами. Материалы некрополя указывают на появления склепов третьего типа после первого разрушения на греческом поселении, т.е. в начале усадебного периода. Поскольку аналогии им находятся в Восточном Крыму, напрашивается вывод о переселении сюда группы боспорского населения. Связать этот факт с определенными историческими событиями и объяснить причину перемещения населения пока не удастся. Однако по поводу его этнической принадлежности можно высказаться довольно определенно. В свое время возникла дискуссия относительно определения этноса, оставившего в Восточном Крыму погребения в каменных гробницах: некоторые исследователи считали их таврами, некоторые – скифами (Катюшин, 1996. С. 27). И.Н. Храпунов констатировал факт “неуловимости” этнических признаков инструментами археологии, предложив называть древнее население Горного и Предгорного Крыма таврами, как оно называлось греками (1993. С. 3–8).

А.А. Масленников, также опираясь на сообщения древних авторов, в частности Страбона (Strabo. XI, 2, 10), говорил о населении Восточного Крыма II–I вв. до н.э. как о “боспорянах” (1978. С. 88). По-видимому, этот термин и следует употреблять в отношении населения городища “Чайка” этого времени, соглашаясь с И.В. Яценко, что некрополь у п. Заозерное отражает смешанный в этническом отношении состав жителей (1974. С. 215). Условный термин, предложенный А.А. Масленниковым, касается позднескифского периода “Чайки”. Для населения греческого периода возможна большая конкретизация, например, очевидно, что в IV–III вв. до н.э. здесь преобладал греческий этнос, присутствовали представители таврского населения. Однако решение проблемы определения этнической принадлежности населения, хоронившего умерших в некрополе у п. Заозерное, станет возможным лишь после более полного исследования всех его материалов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проектов № 07-01-18041е, 08-01-18047е, 09-01-18028е.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978 (САИ; Вып. Г1-12).
- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966 (САИ; Вып. Д1-30).
- Белов Г.Д.* Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // АСГЭ. 1978. Вып. 1.
- Беловинцева Н.И., Попова Е.А.* Находки кизил-кобинской керамики с городища “Чайка” // Материалы исследований городища “Чайка” в Северо-Западном Крыму. М., 2007.
- Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.
- Егорова Т.В.* Чернолаковая керамика из некрополя у поселка Заозерное // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.
- Катюшин Е.А.* Курганный могильник I в. до н.э. – II в. н.э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
- Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994.
- Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. Киев, 1983.
- Масленников А.А.* Раскопки некрополя эллинистического времени у с. Золотое // КСИА. 1978. Вып. 156.
- Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. 1995. Вып. 8.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Каталог-определитель. Саратов, 2003.
- Мошинский А.П.* Погребальный обряд некрополя IV–III вв. до н.э. у поселка Заозерное (Крым) // СА. 1988. № 4.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М., 1978 (САИ; Вып. Д4-5).
- Попова Е.А.* О северо-причерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам квартала Запад-II городища “Чайка”) // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Попова Е.А.* Греческое поселение на городище “Чайка” во второй половине III – II в. до н.э. // Материалы исследований городища “Чайка” в Северо-Западном Крыму. М., 2007.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Савостина Е.А.* Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- Столярова Е.К.* Стекланные и каменные бусы из позднескифских погребений некрополя у городища “Чайка” // Памятники бронзового и железного веков в окрестностях Евпатории. М., 1993.
- Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя Скифского). Киев, 1983.

- Храпунов И.Н.* Об этнической принадлежности кизилкобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Щеглов А.Н.* Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. 1975. Вып. 143.
- Яковенко Э.В.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- Яценко И.В.* Археологические раскопки в предместье Евпатории // Вопросы истории. 1974. № 4.
- Яценко И.В.* Скифские захоронения I в. н.э. в греческом склепе близ Евпатории // Вестн. МГУ. Сер. история. 1978. № 6.
- Fedoseev N.F.* Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire: Colloque international organisé à Istanbul, 25–28 mai 1994. Aix-en Provence, 1999.
- Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. V. XXIX. Princeton, N.J., 1997.

ПОСТЗАРУБИНЕЦКИЕ ПАМЯТНИКИ ТИПА РАХНЫ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С САРМАТСКИМИ ДРЕВНОСТЯМИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ЮЖНОГО БУГА И ДНЕСТРА

© 2012 г. С.В. Воронятов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (S.voroniatov@gmail.com)

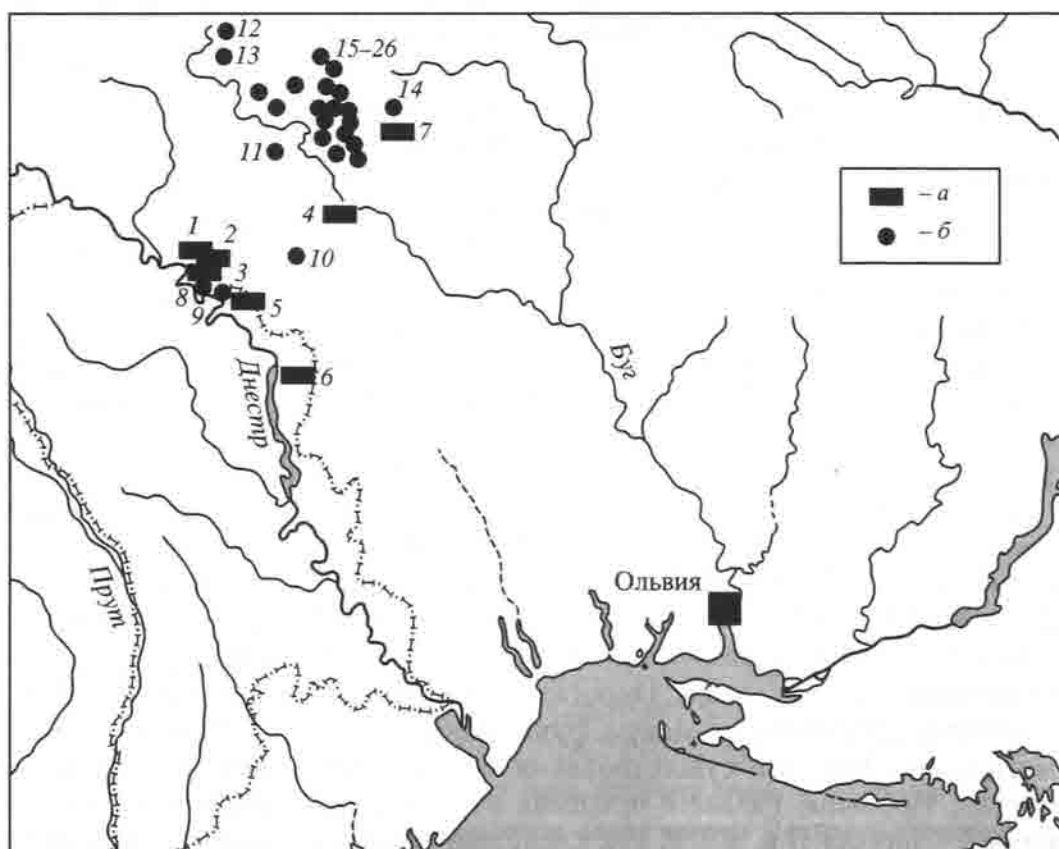
Ключевые слова: *постзарубинецкие памятники типа Рахны, сарматы, фибула, данническая зависимость, металлургический центр, селище, могильник, курган.*

The article considers the possible correlation between post-Zarubintsy sites of the Rakhny type (1st – 2nd cc. AD) with the Sarmatian antiquities of the Southern Bug – Dniester interstream area (Porogi, Grushka, Pisarevka, Severinovka, Gordeevka, Mokra). Detailed analysis of objects of personal attire from the post-Zarubintsy settlements of Maryanovka, Rakhny, Nosovtsy, Parkhomovka and the burial site at Rakhny showed that many categories of the items have analogies in the Middle Sarmatian culture. This could indicate close contacts between the sedentary and the nomadic populations of the Southern Bug and Dniester regions in the 1st – beginning of the 2nd cc. AD. It is possible that the post-Zarubintsy population paid tribute to the Sarmatians. The remains of metallurgical centers that were investigated near Uman' could reflect the results of such contacts between the nomads and the post-Zarubintsy population. Tribute to nomad tribes was often paid in metal. The artifacts which are considered in the present article could have found their way to the sedentary population as a result of such contacts.

Последовательность открытия и введения в научный оборот материалов постзарубинецких памятников типа Рахны и сарматских погребений междуречья Южного Буга и Днестра (рис. 1) до сегодняшнего дня диктует отдельный характер их изучения.

Обнаруженные в 1950–1960-х годах зарубинецкие памятники в Южном Побужье и Поднестровье (Хавлюк, 1971. С. 84–96; 1975. С. 7–19) привели исследователей лишь к мысли о расширении ареала зарубинецкой культуры в широком ее понимании, бытовавшем в то время. Открытие мало-

Рис. 1. Сарматские и постзарубинецкие памятники типа Рахны бассейнов Южного Буга и Днестра. 1 – Пороги; 2 – Писаревка; 3 – Севериновка; 4 – Гордеевка; 5 – Грушка; 6 – Мокра; 7 – Могильно; 8 – Бронница; 9 – Григоровка; 10 – Луги; 11 – Бортники; 12 – Михайловка; 13 – Винницкие хутора; 14 – Умань I, II; 15–26 – Адамовка, Гнатовка, Дмитренки, Кочуров, Кочуров II, Кунка, Карбовский хутор, Марьяновка, Новосовцы, Рахны, Сокольцы, Степашки, Чечелевка, Голики, Вовчок, Довжок, Головеньки. Условные обозначения: а – сарматские памятники; б – памятники типа Рахны. (Карту памятников типа Рахны в большем масштабе см.: Хавлюк, 1975. Рис. 1.)

численных сарматских захоронений (Грушка, Пороги, Гордеевка, Севериновка, Писаревка, Мокра) в 1980-е – начале 1990-х годов на рассматриваемой территории (Гросу, 1986. С. 258–261; Загоруйко, Прилипко, 1989. С. 17, 18; Симоненко, Лобай, 1991; Berezanskaja, Kokowski, 1997–1998. S. 9–28; Кашуба и др., 2001–2002. С. 180–252) не вызвало мыслей о возможном соотношении с памятниками оседлого населения, хотя подобный опыт был уже известен на примере древностей Среднего Поднепровья (Шукин, 1972. С. 43–52; Максимов, 1978. С. 45–55).

Причины отсутствия подобной работы сегодня понятны: количество открытых сарматских памятников с 1990-х годов не увеличилось, они единичны; их характер слишком ярк и специфичен (Щербакова, Кашуба, 1993; Dal Mille al mille, 1995. P. 146–151; Раритети..., 2007. С. 48–66), чтобы предположить какую-либо связь с оседлым населением; некоторые из них впервые и полноценно опубликованы лишь недавно (Simonenko, 2008. S. 78, 79. Taf. 127–130); полевые исследования памятников типа Рахны после 1970-х годов более не проводились; важные, в контексте соотношения с сарматскими древностями, памятники Умань I и II со следами мощного металлургического производства (Бидзиля и др., 1983. С. 41–48) в свое время не были включены в археологический контекст южнобужской постзарубинецкой группы и остались лишь упомянутыми (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 41).

Теперь, когда немногочисленные сарматские материалы можно использовать в полной мере, появилась возможность определить их место в системе древностей бассейнов Южного Буга и Днестра. Эта необходимость также обусловлена возрастающим интересом к поиску археологических соответствий теоретическим моделям взаимодействия кочевого и оседлого населения, разработанным А.М. Хазановым и Н.Н. Крадиным (Хазанов, 2002. С. 354–361; Крадин, 1992. С. 27–29; 2000. С. 317, 320; Раев, 2008. С. 55–57; Воронятов, 2009. С. 57–60).

Наличие вещей с относительно узким диапазоном бытования в комплексах сарматских погребений и немногих исследованных, но во множестве известных постзарубинецких памятников (25 на карте П.И. Хавлюка или около 80 по современным данным), позволило разработать хронологию и тех, и других (Шукин, 1986. С. 27, 28. Рис. 2–4; Симоненко, Лобай, 1991. С. 60, 61. Рис. 31; Berezanskaja, Kokowski, 1997–1998. S. 11, 12; Kašuba, Kurčatov, 2005. S. 185. Abb. 11). Можно констатировать факт относительной синхронности совершения сарматских погребений в Грушке, Порогах, Гордеевке, Севериновке, Писаревке и Мокре, функционирования могильника Рахны и существования селищ Марьяновка, Носовцы, Рахны в пределах второй половины I – начала II в. н.э. И как следствие из этого

можно предполагать, что известные по разведкам постзарубинецкие поселения бассейнов Южного Буга и Днестра также хронологически хотя бы частично соответствуют этому интервалу времени. Другими словами, сарматы и обитатели поселков типа Рахны сосуществовали в одном регионе. Какой характер носило присутствие кочевников на рассматриваемой территории при отсутствии исследованных на данный момент полноценных сарматских могильников, и какое отражение это присутствие находит в археологическом материале, связанном с оседлым населением? Попыткой ответить на эти вопросы является настоящая статья.

Следует оговорить сложность сравнения инвентаря названных сарматских захоронений (8 комплексов) и постзарубинецкого материала. Роскошный облик сарматских вещей затрудняет его сравнение даже с синхронными сарматскими древностями Поднепровья и междуречья Днестра и Прута. Чего стоит одно мужское погребение в Порогах или отдельные раритетные вещи: серьги из Гордеевки или перстень для стрельбы из лука из Писаревки. Поэтому попытаемся взглянуть на материал памятников типа Рахны в сопоставлении не только с инвентарем южнобужских и днестровских захоронений кочевников, но и с точки зрения материалов среднесарматской культуры в целом.

Фибулы. Могильник Рахны дает обильный на фибулы материал (Хавлюк, 1975. Рис. 7). Кроме глазчатых фибул “основной” и “прусской” серий А59–61, появление которых на данной территории следует рассматривать в отрыве от сарматской проблематики, в погребениях могильника привлекают внимание несколько чуждых классической зарубинецкой культуре фибул. Речь идет о сильнопрофилированной фибуле с тремя биконическими бусинами из погр. 9 (рис. 2, 1), фибуле с широким орнаментированным щитком типа А204 из погр. 4 (рис. 3, 2) и фибуле типа А242–Ауцисса из пахотного слоя могильника (рис. 3, 3). Две фибулы, также западных типов, найдены и на селище Марьяновка: сильнопрофилированная фибула А236 (рис. 2, 3) и обломок фибулы А69 (рис. 2, 2). Все эти застеежки находят ближайшие аналогии в сарматских памятниках. Типологический ряд А68–69 (40–90-е годы н.э.) хорошо представлен его подражаниями в комплексах из Писаревки, Гордеевки, Грушки и Порогов (рис. 2, 4, 6, 9), находящихся в непосредственной близости от памятников типа Рахны. Есть подобные фибулы в материалах женского погребения в Чугунно-Крепинке в Донецкой обл. (рис. 2, 5) и в погр. 1 кург. 11 (рис. 2, 11) могильника Семеновка Одесской обл. (Simonenko, 2008. Taf. 63, 122.2, 126, 128, 132).

Фибула А236 (20–70-е годы н.э.) из Марьяновки находит аналогию в сарматском комплексе Константиново (Simonenko, 2008. Taf. 17.3), исследованном А.А. Бобринским на рубеже XIX–XX вв.

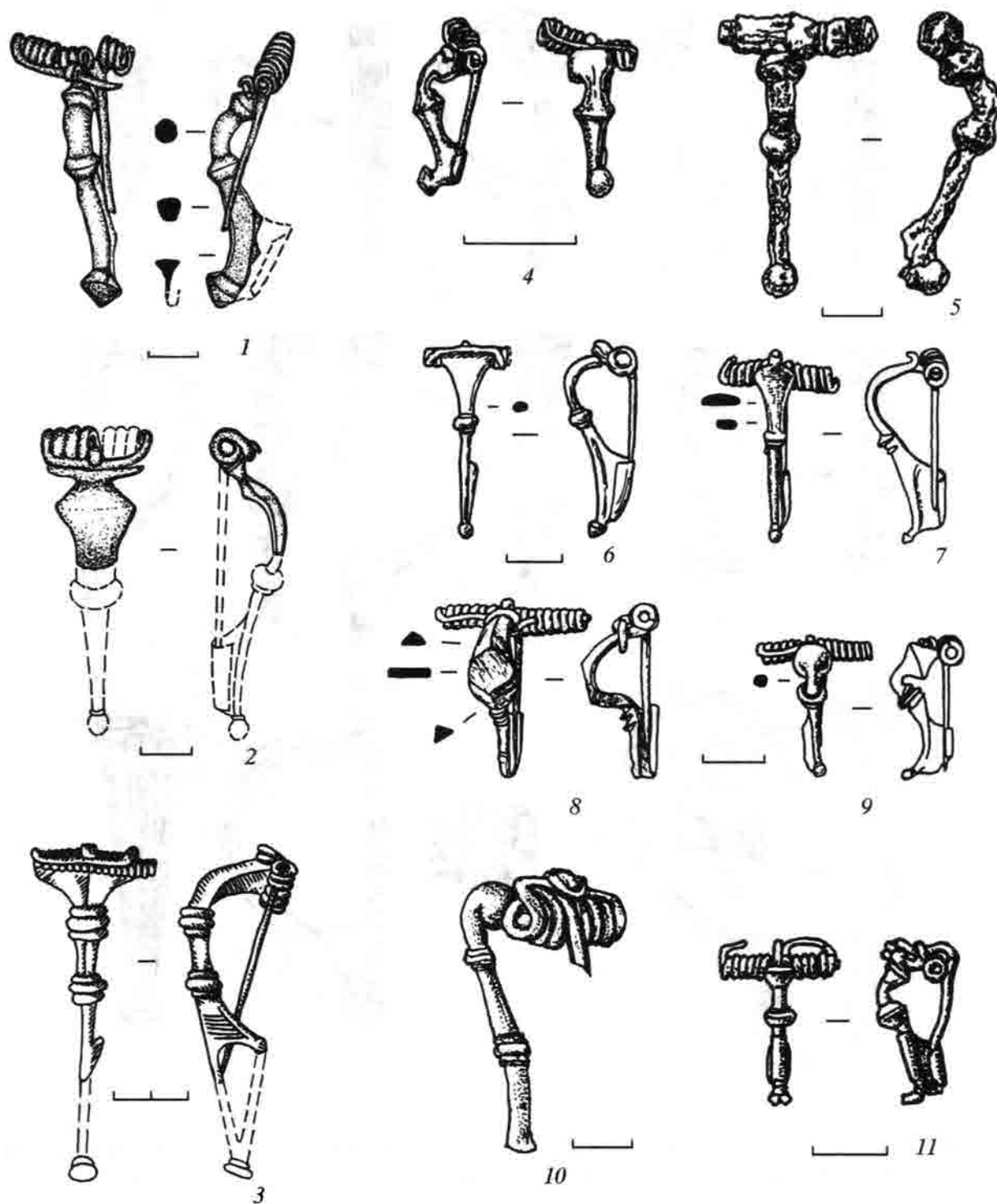

Рис. 2. Сильнопрофилированные фибулы западных типов. Памятники типа Рахны: 1 – мог. Рахны, погр. 9; 2, 3 – сел. Марьяновка. Сарматские могильники: 4 – Писаревка, кург. 1, погр. 8; 5 – Чугунно-Крепинка, кург. 2, погр. 1; 6 – Гордеевка, кург. 29, погр. 2; 7 – Пороги, кург. 1, погр. 2; 8, 9 – Пороги, кург. 1, погр. 1; 10 – Константиново, к. 361; 11 – Семеновка, кург. 11, погр. 1 (3 – по: Хавлюк, 1975; 4–11 – по: Simonenko, 2008; номера без указания источника здесь и далее – рисунки автора).

Наличие двух рифленых бусин на ножке константиновской фибулы (рис. 2, 10) сближает ее с экземпляром из Марьяновки.

Редкий, но выразительный орнамент в виде двух линий прочеканенных квадратов¹ на широком

щитке фибулы (рис. 3, 2) из погр. 4 могильника Рахны можно сравнить с орнаментом на фибуле того же типа (рис. 3, 6) из погр. 1 кург. 45 могильника Усть-Каменка в Поднепровье (Simonenko, 2008. Taf. 49). При несколько различающихся формах щитков и размерах орнаментальных квадратов, мотив декора одинаков – две параллельные линии квадратов на всю длину щитка.

Такого же типа фибула (рис. 3, 1) была найдена в пахотном слое могильника Рахны. Обращает на

¹ Во всех ранее опубликованных работах (Хавлюк, 1971. Рис. 7, 6; 1975. Рис. 7, 6; Шукин, 1986. Рис. 3, 5) орнамент на щитке фибулы передан в виде двух параллельных пунктирных линий, что не отражает в полной мере действительность.

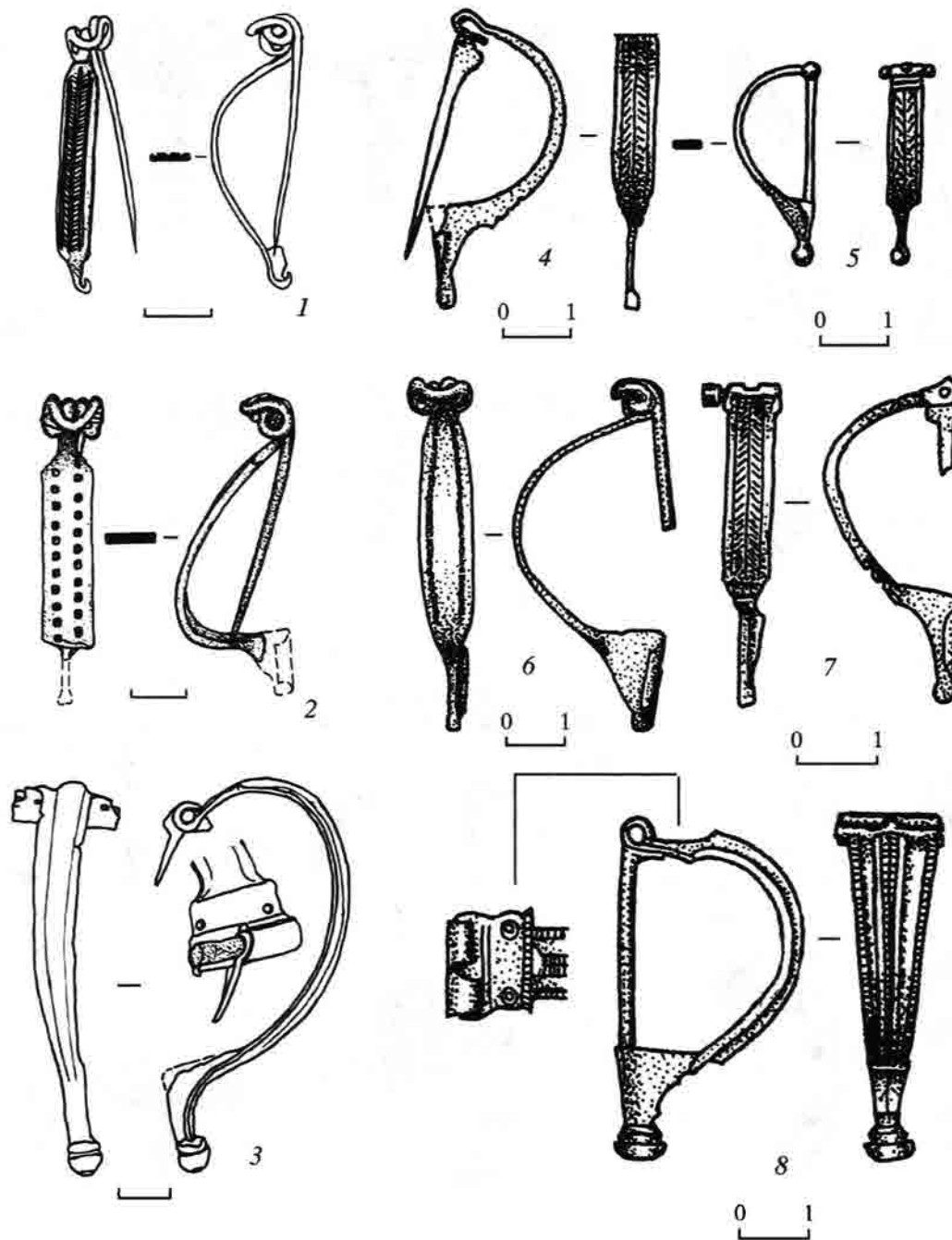

Рис. 3. Шарнирные фибулы и фибулы с орнаментированным щитком. Постзарубинецкие памятники: 1, 3 – мог. Рахны, пахотный слой; 2 – мог. Рахны, погр. 4. Сарматские могильники: 4 – Усть-Каменка, кург. 58, погр. 1; 5 – Давыдов Брод; 6 – Усть-Каменка, кург. 45, погр. 1; 7 – Подгородное, гр. 9, кург. 9, погр. 1; 8 – Усть-Каменка, кург. 69, погр. 1 (4–8 – по: Simonenko, 2008).

себя внимание орнамент щитка в виде двух полос, заполненных наклоненными к центру щитка линиями, так что суммарно обе полосы дают орнамент в виде “елочки”. Этот тип декора можно наблюдать на щитках римских шарнирных фибул типа Ауцисса (тип 2 по А.К. Амброзу), которые были обнаружены в сарматских комплексах I в. н.э. в Поднепровье (Simonenko, 2008. Taf. 25.2, 51.2, 67.2; Амброз, 1966. С. 27. Табл. 4, 17, 18): погр. 1 кург. 58 могильника Усть-Каменка, погр. Давыдов Брод и погр. 1 кург. 9 группы 9 могильника Подгородное (рис. 3, 4, 5, 7). Как уже отмечалось, в пахотном слое могильника Рахны была найдена и сама фибула типа А242–

Ауцисса, датирующаяся первой половиной I в. н.э. (рис. 3, 3). Она по классификации А.К. Амброза (тип 1) типологически ближе к фибулам (рис. 3, 8) из погр. 1 кург. 69 и погр. 1 кург. 70 могильника Усть-Каменка в Поднепровье (Simonenko, 2008. Taf. 52, 55; Амброз, 1966. С. 26. Табл. 4, 9–16). Этого же типа фибулы встречаются и в сарматских памятниках Венгрии (Párducz, 1941. S. 52. Taf. X.1a–c).

Кольца-амулеты. Кроме параллелей в западных и римских типах фибул, в материалах памятников типа Рахны находятся и более близкие средне-сарматской культуре предметы. Речь идет о кольцах-амулетах с шишечками, которые, вероятно, в

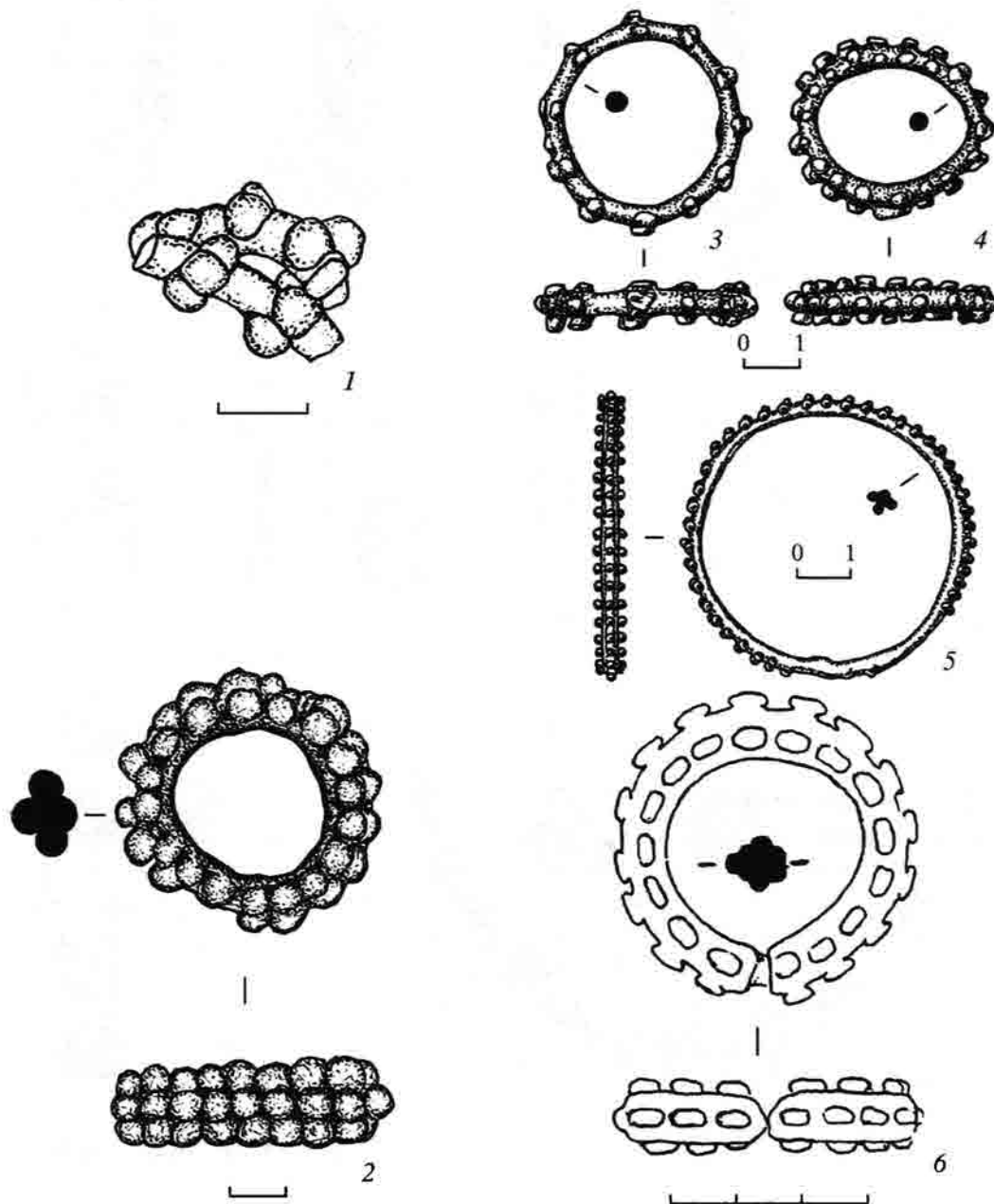

Рис. 4. Кольца-амулеты. Постзарубинецкие памятники: 1 – мог. Рахны, пахотный слой; 2 – пос. Пархомовка. Сарматские и позднескифские могильники: 3, 4 – Чугунно-Крепинка, кург. 2, погр. 1; 5 – Писаревка, кург. 1, погр. 8; 6 – Битакский, скл. 155 (3–5 – по: Simonenko, 2008; 6 – по: Пуздровский, 2007).

большинстве случаев не имели прямого функционального назначения².

Фрагмент поврежденного кольца с выступами (рис. 4, 1) был найден в насыщенном вещами пахотном слое могильника Рахны. Кольцо находит аналогии в сарматском комплексе (рис. 4, 3, 4) женского погребения в Чугунно-Крепинке (Simonenko, 2008.

² В 2004 г. при раскопках могильника Бельбек IV в Крыму в погр. 336 были расчищены четыре кольца с выступами, в два из которых были вставлены стеклянные бусины меньшего диаметра (Журавлев, Фирсов, 2007. С. 238. Рис. 9, 3–6; 10, 1, 2; цв. вклейка). Один из авторов публикации считает, что есть веские основания связывать происхождение подобных колец с фракийским влиянием (Журавлев, 2006. С. 98–103).

Taf. 63). Кольца с более частым и тесным расположением шишечек есть в погребальных комплексах Липовец и Ружечевка в Поднепровье, в погр. 1 кург. 9 могильника Белолесье Одесской обл. и на рассматриваемой территории Поднестровья (рис. 4, 5), в женском погр. 8 кург. 1 могильника Писаревка (Simonenko, 2008. Taf. 72.2, 82, 120, 128).

Второе кольцо происходит из заполнения постзарубинецкого жилища многослойного памятника Пархомовка³. Оно отличается массивностью выступов, примыкающих друг к другу (рис. 4, 2).

³ Информация об этом памятнике не издана и содержится в рукописном архиве П.И. Хавлюка (см. также: Гавритухин, 2009. С. 12, 13).

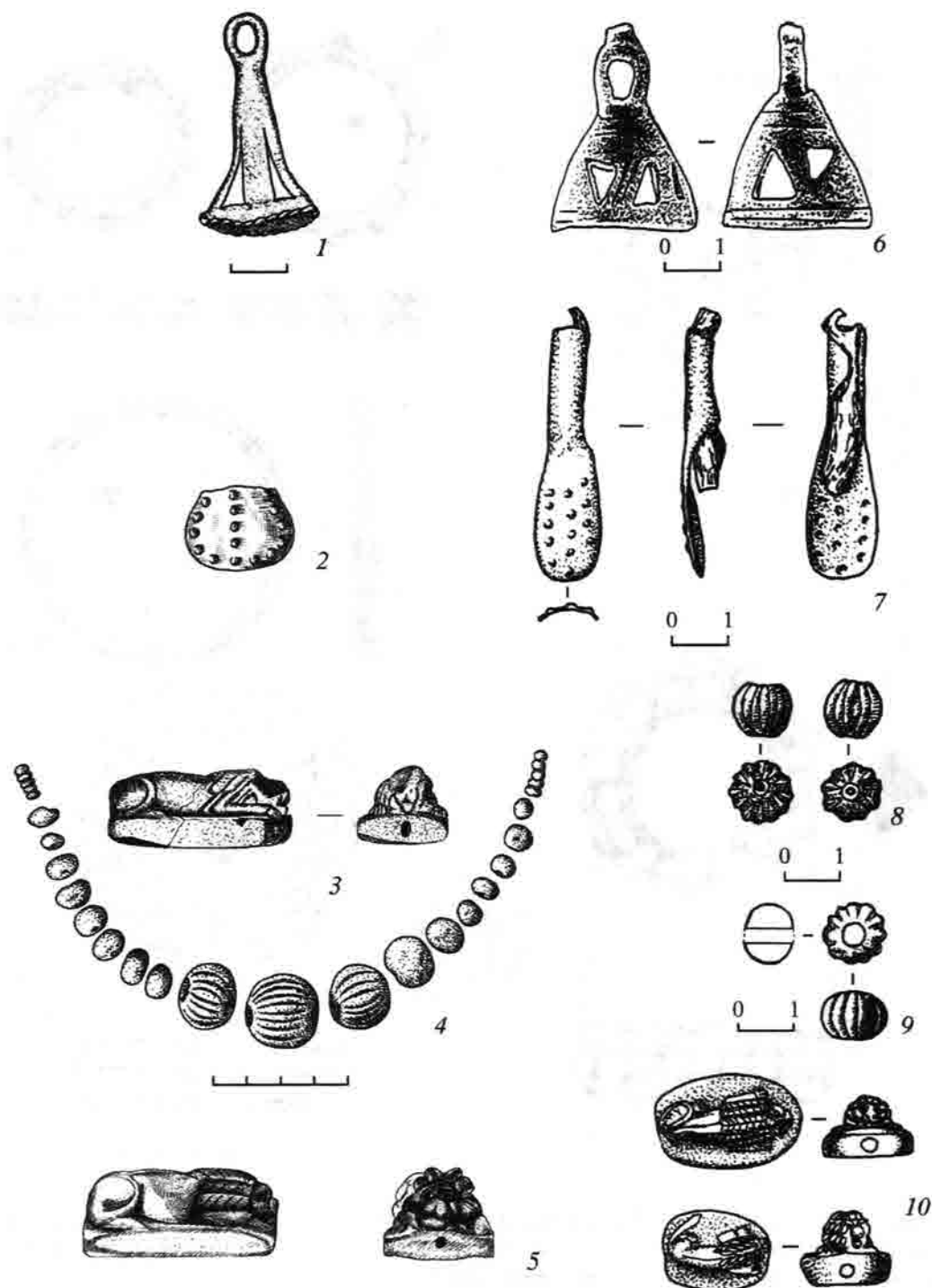

Рис. 5. Колокольчики, бусы из египетского фаянса и наконечники ремешков. Постзарубинецкие памятники: 1 – сел. Марьяновка; 2 – неизвестный памятник; 3 – сел. Рахны; 4 – мог. Рахны, погр. 4; 5 – сел. Носовцы. Сарматские могильники: 6 – Усть-Каменка, кург. 5, погр. 1; 7 – Подгородное, гр. 9, кург. 7, погр. 3; 8 – Усть-Каменка, кург. 69, погр. 1; 9 – Писаревка, кург. 1, погр. 8; 10 – Усть-Каменка, кург. 6, погр. 1 (2, 3, 5 по: Хавлюк, рукописный архив; 4 по: Хавлюк, 1975; 6–10 – по: Simonenko, 2008; 2, 4, 5 – без масштаба).

Этому изделию в качестве аналогии больше подходит экземпляр из склепа 155 Битакского могильника Крыма первых веков н.э. (рис. 4, б) – кольцо с массивной основой, но с четко разделенными выступами овальной формы (Пуздровский, 2007. С. 315. Рис. 42). Амулеты, выделяющиеся своей массивностью, есть и в сарматских комплексах Венгрии (Párducz, 1941. Taf. XVI, 37; XXVI, 3, 5). Однако же, учитывая многослойность поселения Пархомовка и неизученность его комплексов, нель-

зя быть уверенным, что данный амулет не относится к позднелатенскому времени или ко времени появления вельбаркских памятников (Balke, 1999. S. 67–74) в Южном Побужье.

Колокольчики. Ажурную пирамидальную подвеску (рис. 5, 1) с селища Марьяновка (Хавлюк, 1971. С. 86. Рис. 3, 17) сложно назвать колокольчиком, но петля для подвешивания и треугольные прорези на корпусе сближают ее с предметами, которые в сарматских погребениях первых веков

н.э. фигурируют как бронзовые колокольчики. В инвентаре территориально близкого погребения в Гордеевке присутствует бронзовый колокольчик, но он довольно крупный и без прорезей (Berezanskaja, Kokowski, 1997–1998. S. 26). Уместней сравнить марьяновскую находку с соразмерными экземплярами, такими как колокольчики из поднепровских комплексов Липовец и Запрудье или с более близким именно наличием треугольных прорезей бронзовым колокольчиком (рис. 5, б) из погр. 1 кург. 5 могильника Усть-Каменка (Simonenko, 2008. Taf. 42.3, 72.2, 76). Присутствуют подобные предметы и в материалах сарматских памятников Румынии (Vichir, 1977. P. 182, 189. Pl. 18, 5; 22, 5–7).

Подвеску из Марьяновки из-за плетеного нижнего ободка и ее скорее пирамидальности, а не кололоидности, можно назвать типом, родившимся под сарматским влиянием из полых конических подвесок, известных в лесных культурах рубежа эр (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 88. Рис. 42, 12, 13).

Подковообразные подвески. Лишь в сарматских комплексах Венгрии и Румынии (Párducz, 1941. Taf. XXVIII, 9; XXIX, 29; Vichir, 1977. Fig. 1, a, b) до недавнего времени удавалось найти достаточно убедительные аналогии (рис. 6, 7, 8) двум бронзовым подковообразным подвескам (рис. 6, 1, 2) из кремаций 1 и 12 могильника Рахны. В свое время М.Б. Шукин нашел эту аналогию и отнес подвески к категории находок, позволяющих достаточно четко определять дату комплексов концом I – II в. н.э. (1986. Рис. 4; 1989. С. 76, 77). Сегодня такого типа подвеска, но сделанная из золота, известна в материалах богатого погребения у с. Косика Нижнего Поволжья (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. С. 176. Рис. 20, 11; I tesori della steppa..., 2005. P. 145). Возможно, такая же подвеска присутствует в сарматском комплексе из Владимировки Кировоградской обл., там она определена как бронзовая серьга с некоторыми утраченными деталями (Simonenko, 2008. Taf. 88, 12). Говоря о несарматских памятниках, стоит отметить, что подковообразные подвески хорошо представлены в позднескифских могильниках Крыма (Пуздоровский, 2007. Рис. 126, 1–11).

Бусы из египетского фаянса. Получившие широкое распространение в Северном Причерноморье в первых веках н.э. изделия из египетского фаянса были очень популярны у сарматских женщин. Попали они и к оседлому населению Южного Побужья. В тексте публикации П.И. Хавлюка фигурируют пронизь в виде лежащего на подставке льва, типы 64–69 по Е.М. Алексеевой (1975. С. 44, 45), с селища Носовцы (Хавлюк, 1971. С. 89) и три округло-ребристые бусины (тип 16а по Е.М. Алек-

сеевой) из египетского фаянса в составе низки бус (рис. 5, 4) в погр. 4 могильника Рахны (Хавлюк, 1975. С. 14. Рис. 8, 3).

В архиве П.И. Хавлюка удалось ознакомиться с рисунком двух пронизей в виде лежащего льва⁴ (рис. 5, 3, 5). Первая из них найдена в верхней части заполнения одной из ям на селище Рахны, вторая – в Носовцах (Обломский, 2010. С. 29, 118).

Ближайшие сарматские памятники, где присутствуют бусы из египетского фаянса, – женское погребение в Писаревке с ожерельем из бус и амулетов, одиночное погребение в с. Могильно и погр. 10 кург. 1 у с. Мокра. Среди бус писаревского комплекса – ребристая бусина голубого цвета (тип 16г; рис. 5, 9) из египетского фаянса (Tesori delle steppe, 1995–1996. P. 134, 199; Simonenko, 2008. Taf. 130, 18). Пронизи-скарабеи (13 шт.) входили в состав браслета, найденного на запястье левой руки костяка в погребении у с. Мокра (Кашуба и др., 2001–2002. С. 196. Рис. 6), 6 пронизей-скарабеев и 2 ребристые бусины сопровождали погребенную в Могильно (Сымонович, 1966. С. 114–116. Рис. 45). Бусины данного типа были также обнаружены в погр. 20 кург. 14 могильника Семеновка Одесской обл. (вместе с пронизью в виде скарабея) и в составе низки бус (тип 16а; рис. 5, 8) из различных фигурок египетского фаянса в погр. 1 кург. 69 могильника Усть-Каменка (Simonenko, 2008. Taf. 53, 122). Следует упомянуть сарматское погребение Стефанешти на территории Румынии, в инвентаре которого находилось ожерелье, одновременно содержащее ребристую бусину, плакетку скарабея и фигурку лежащего на подставке льва (Vichir, 1977. P. 180. Pl. 16). Экземпляр типа 68б есть и в комплексе сарматского памятника Молдавии – могильник Селиште на Реуте (Гросу, 1990. Рис. 10, 17).

Пронизи в виде скарабеев и львов в большом количестве найдены и в погребениях сарматских памятников Среднеднепровского региона: Подгородное, Калантаево, Ружичевка и Усть-Каменка (Покровська, Ковпаненко, 1961. Рис. 8; Махно, 1961. Рис. 19; Simonenko, 2008. Taf. 22, 43, 45, 46, 51, 82).

Браслеты и гривны. Аналогии бронзовым браслетам и гривнам из материалов могильника Рахны (рис. 6, 3–6) также находятся в сарматских памятниках первых веков н.э. Сохранившийся конец фрагментированного и деформированного браслета из пахотного слоя могильника Рахны (рис. 6, 3) имеет вид расплющенной лопасти, которую будет справедливо сравнить с концами в виде змеиных головок браслетов некоторых сарматских памятни-

⁴Сегодняшнее местонахождение предметов неизвестно.

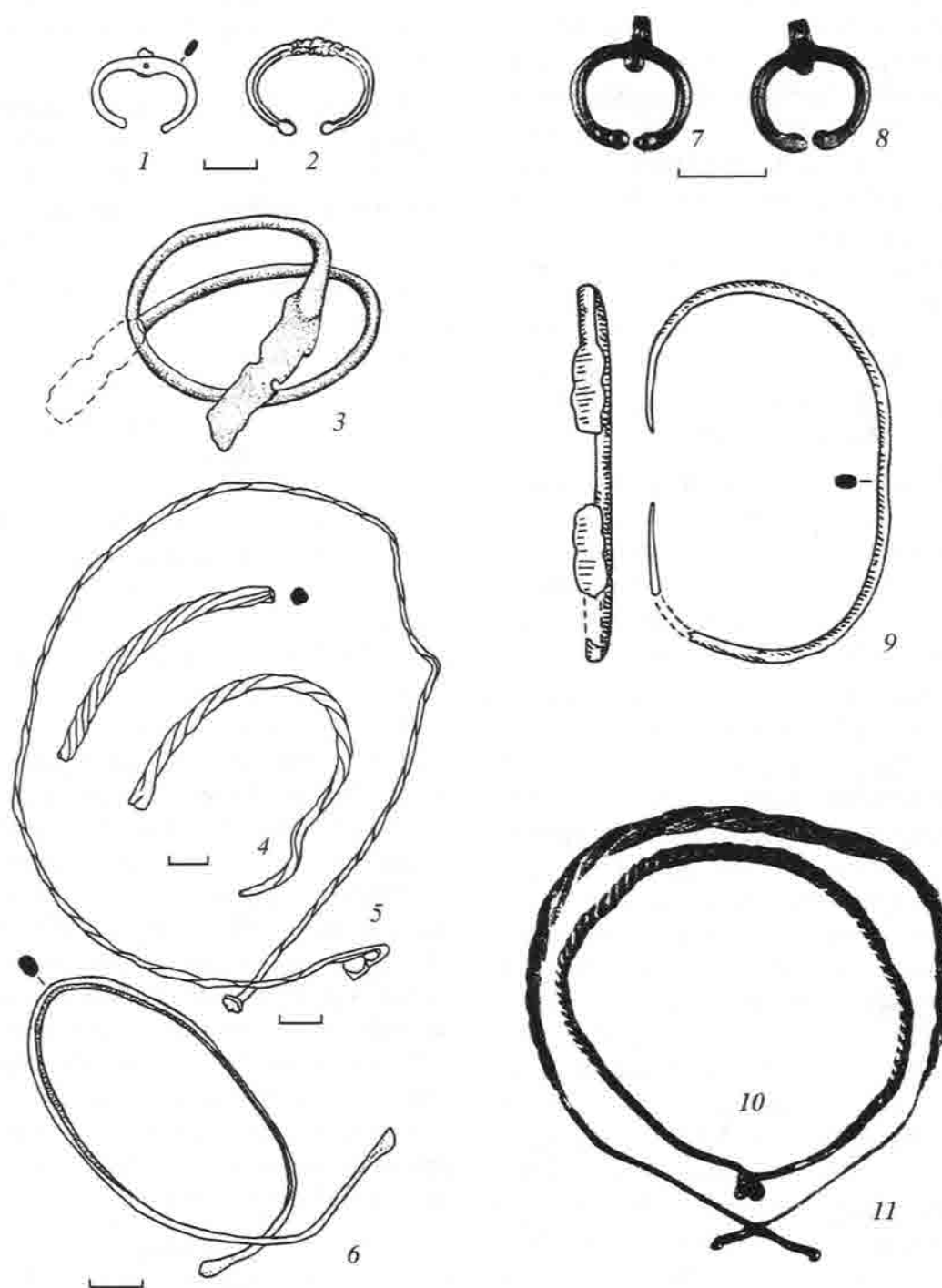

Рис. 6. Подвески, браслеты и гривны. Постзарубинецкие памятники (мог. Рахны): 1 – погр. 12; 2 – погр. 1; 3 – пахотный слой; 4 – погр. 4; 5 – погр. 10; 6 – погр. 5. Сарматские и дакийские памятники: 7, 8 – Рымничелу, погр. 14; 9 – Трушешть; 10 – деп. Хунедоара; 11 – Сынгер (2 – по: Щукин, 1986; 7-9 – по: Bichir, 1977; 10, 11 – по: Popescu, 1941).

ков: бронзовый браслет из погр. 10 кург. 1 у с. Мокра Рыбницкого р-на Молдавии, браслеты в погр. 2 и 5 могильника Калантаево Черкасской обл., браслет в погр. 18 могильника Аккермень II в Запорожской обл. (Кашуба и др., 2001–2002. С. 196. Рис. 6; Simonenko, 2008. Taf. 20, 21.1, 139.2). Но наиболее похожим на экземпляр из Рахны выглядит бронзовый браслет (рис. 6, 9) из Трушешти в Румынии (Bichir, 1977. P. 182, Pl. 18, 10).

Витую бронзовую гривну (рис. 6, 5) из погр. 10 могильника Рахны, по всей видимости, можно объединить в одну группу изделий с фрагментами гривны (рис. 6, 4) из погр. 4 того же могильника. Различаются они лишь количеством стержней. Подобрать аналогию в сарматских древностях таким предметам сложнее, чем браслетам.

Возможно, более близкая аналогия – серебряные гривны интересующего нас времени (рис. 6, 10, 11)

с территории доримской Дакии (Popescu, 1941. Fig. 13). Скрученные из одного и более стержней, они имеют окончания в виде маленьких шайб, сходящихся в простой замок (рис. 6, 5, 10), или в виде каплевидных утолщений, имеющих также и на концах бронзового браслета (рис. 6, 6, 11) из погр. 5 могильника Рахны.

Наконечник ремешка. Среди рисунков материала постзарубинецких памятников Южного Побужья в рукописном архиве П.И. Хавлюка – изображение фрагмента предмета в виде лопасти с точечным орнаментом (рис. 5, 2). Этот рисунок, как и в случае с пронизями в виде лежащего льва из египетского фаянса, не сопровождается надписью о местонахождении и материале находки, не было изображения в профиль и масштаба. Можно было бы игнорировать столь неинформативный и “сиротливый” рисунок, но, учитывая особенности манеры П.И. Хавлюка публиковать материал выборочно, была сделана попытка атрибутировать предмет, изображенный на рисунке. С определенной долей осторожности можно предположить, что речь идет о фрагменте бронзового наконечника органического ремешка, аналогия которому известна (рис. 5, 7) в инвентаре погр. 3 кург. 7 сарматского могильника Подгородное в Поднепровье (Simonenko, 2008. Taf. 25, 1a). Форма изделий и орнаментальная композиция на них сближают эти предметы.

Керамические изделия. Кроме проведенных сопоставлений в предметах личного убора, существуют параллели и в других сферах материальной культуры постзарубинецкого и сарматского населения.

Такой, казалось бы, малозначительный предмет, как пряслице из Марьяновки (рис. 7, 1), также может быть привлечен в данном исследовании. П.И. Хавлюк при его публикации высказал мысль, что своей пирамидальностью оно напоминает язгыские пряслица (1971. С. 86. Рис. 3, 14). Это наблюдение ценно и справедливо. Не касаясь тонких этнических определений, следует сказать, что пирамидальная форма пряслиц, действительно, чужда формам в классической зарубинецкой культуре и на памятниках постзарубинецких групп. В сарматских же комплексах марьяновскому пряслицу находят убедительные аналогии. Перечислим лишь некоторые из них: пряслица (рис. 7, 6, 7) из женских погребений Писаревки и Севериновки в Поднепровье, пряслица (рис. 7, 5) из погр. 3 кург. 70 могильника Усть-Каменка в Поднепровье (Simonenko, 2008. Taf. 55, 127, 129).

Из-за специфики керамического материала в сарматских погребальных памятниках, заключающейся в том, что кочевники широко использовали

импортную посуду, происходящую из причерноморских центров, вероятность обнаружить в сарматской могиле керамические изделия постзарубинецких гончаров чрезвычайно мала. Такие случаи известны лишь для предшествующего времени классической зарубинецкой культуры (Кубишев и др., 1987. С. 57, 58). Поэтому для памятников, оставленных оседлым населением бассейнов Южного Буга и Днестра, можно лишь отметить наличие в их материалах фрагментов такой же импортной посуды, которая сопровождала погребенных сарматов: на поселении Пархомовка найден фрагмент краснолакового сосуда; формообразующие обломки амфор I в. н.э. обнаружены на селищах Марьяновка (рис. 7, 2–4; ср.: рис. 7, 8) и Носовцы; серолощенные кубкообразный сосуд и миска импортного происхождения были использованы в погр. 3 и 8 могильника Рахны (Хавлюк, 1975. С. 12, 13. Рис. 6).

После сделанных наблюдений о схожести многих элементов материальной культуры постзарубинецкого населения Южнобужско-Днестровского региона и сарматов следует сделать вывод о том, что выявленные параллели не могут быть случайными и объясняться лишь территорией и временем бытования тех или иных типов вещей. Налицо результаты тесного контактирования оседлого и кочевого населения рассматриваемого региона. Иначе сложно проследить пути проникновения многих категорий предметов к обитателям постзарубинецких селищ типа Рахны. Лишь в случае с сильнопрофилированными фибулами западных типов можно предполагать тот же, что и у глазчатых фибул А59–61, путь, связанный с прибалтийским культурным импульсом I в. н.э. в Поднепровье (Ščukin, 2000. P. 345, 346).

Какой характер контактов был возможен между двумя абсолютно разными в стратегии хозяйства и образе жизни группами населения? Ответ на этот вопрос вытекает из понимания сути получения прибавочного продукта в кочевом обществе. Помимо скотоводства номады были вынуждены искать дополнительные виды источников средств существования. И внешнеэксплуататорская деятельность по отношению к окружающему их оседлому населению была одним из важных источников (Хазанов, 2002. С. 354; Раев, 2008. С. 55–57). По мнению исследователей, носители зарубинецкой культуры не избежали участи сарматских данников (Симоненко, Лобай, 1991. С. 79; Щукин, 1994. С. 234).

Если допустить зависимость обитателей поселений рассматриваемого региона от сарматов, то следует подумать – что от них, кроме продуктов земледелия, присущего зарубинецкой культуре,

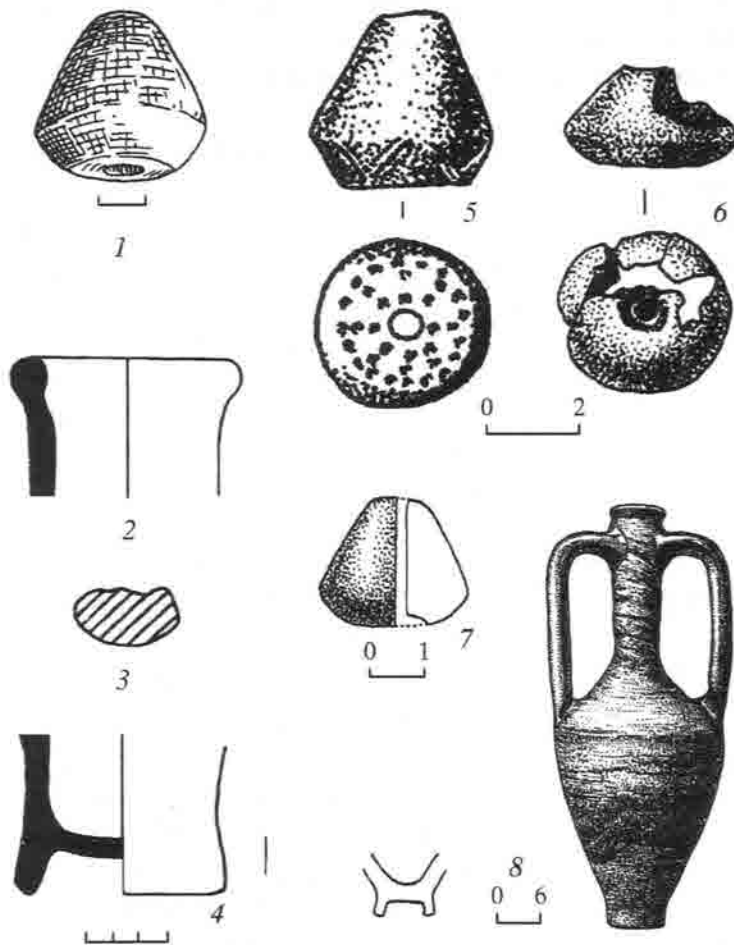

Рис. 7. Пряслица и амфоры. Постзарубинецкие памятники: 1–4 – сел. Марьяновка. Сарматские памятники: 5 – Усть-Каменка, кург. 70, погр. 3; 6 – Севериновка, кург. 1, погр. 3; 7 – Писаревка, кург. 1, погр. 8; 8 – Пороги, кург. 1, погр. 1 (1–4 – по: Хавлюк, 1971; 5–8 – по: Simonenko, 2008).

можно было получить. Подсказкой могут быть памятники со следами мощного металлургического производства около г. Умань. Публикации керамического материала с этих памятников отсутствуют. Они лишь упоминаются в исследованиях о постзарубинецком периоде, основанных на анализе керамического комплекса постзарубинецких групп (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 41). Памятники, которые трудно назвать простыми жилыми поселениями, а можно лишь – специализированными ремесленными поселками, появляются с концом классического периода жизни зарубинецкой культуры, и их организация, при кардинальной ломке всей ее структуры, вызывает вопросы (Воронятов, Еременко, 2006. С. 90).

К таким памятникам относятся металлургический центр Лютеж в Поднепровье (Бидзиля, Пачкова, 1969. С. 51–74) и следы крупнейшего металлургического комплекса под Уманью в Южном Побужье (Бидзиля и др., 1983. С. 41–48). По поводу появления лютежского центра уже было сделано предположение о том, что производство металлур-

гического сырья и изделий из него зарубинецкими мастерами могло быть инициировано сарматами, под натиском которых происходят коренные изменения в этнополитической ситуации середины I в. н.э. в Среднем Поднепровье (Воронятов, Еременко, 2006. С. 90–93; ср.: Симоненко, 2010. С. 12). И учитывая, что в результате миграции с Днестра зарубинецкое население появляется в Южном Побужье и на Среднем Днестре (Шукин, 1994. С. 233), где обнаружены следы еще более мощного металлургического производства, остается предположить, что перемещение населения было следствием депортационной политики кочевников.

Если ремесленный поселок Лютеж возник в местности, богатой залежами болотной руды, то памятники Умань I и II географически привязаны к выходам железистых кварцитов (Бидзиля и др., 1983. С. 61). Такая топография могла быть результатом хорошо продуманных планов переселения. Земли с зависимым населением, пригодные для земледелия и добычи металлургического сырья, близкие к степям междуречья Южного Буга и Днестра, открывающим речной и сухопутный пути к причерноморским торговым центрам, могли представлять для номадов идеальную экономическую базу на долгие годы.

Называя уманьские памятники крупнейшим центром черной металлургии региона (Бидзиля и др., 1983. Рис. 7, 3), исследователи предполагали, что избыточное количество металла, производимого на них, могло иметь спрос только в ближайших экономических центрах Северо-Западного Причерноморья – в античных городах, в частности, в Ольвии (Бидзиля и др., 1983. С. 67). Но, учитывая предложенную модель даннических отношений постзарубинецкого населения и кочевников, можно предположить, что если металлургическое сырье “уманьской марки” появлялось на рынке Ольвии, то происходило это при полном контроле сарматов (Симоненко, Лобай, 1991. С. 80), не стесненных в его использовании для собственных нужд. Кочевники не были посредниками, они могли быть хозяевами коммерческой схемы целиком.

О тесных связях Ольвии и степных варваров в I в. н.э. написано немало работ. Варианты реконструкций этих связей по археологическим, нумизматическим и письменным источникам интересны и во многом убедительны (Карышковский, 1982. С. 66–82; Шукин, 1982. С. 35–37; 1994. С. 212–218; Симоненко, Лобай, 1991. С. 83–89; Виноградов Ю.Г., 1994. С. 165–169; Русяева, 1995. С. 24–37; Крыжицкий и др., 1999. С. 298–307; Виноградов Ю.А., 2006. С. 183–198). Возможно, будет обоснованным

вписать в воссоздаваемую картину и обитателей поселков, оставивших памятники типа Рахны.

Из изложенной гипотезы взаимоотношений кочевого и оседлого населения в бассейнах Южного Буга и Днестра следуют прояснения некоторых до сих пор малопонятных археологических ситуаций.

Совершение сарматских погребений на рассматриваемой территории в курганах эпохи бронзы может объясняться тем, что земли для появившихся здесь в связи с переселяемыми “зарубинцами” кочевников были пока чужими и они использовали существующие курганные могильники эпохи бронзы (Плетнева, 1982. С. 17). Так же толкует Б.А. Раев впускные погребения “зубовско-воздвиженского” типа в Подонье. Исследователь называет это время периодом “освоения территории” мигрантами-номадами (Раев, 2008. С. 57).

Малое количество захоронений может иметь несколько объяснений. Первое – территория недостаточно исследована, и в будущем могут быть еще открыты как отдельные погребения, так и целые некрополи. Второе – пребывание кочевников в рассматриваемых краях могло иметь эпизодический характер с целью сбора дани, и смерть погребенных и их похороны случались во время таких походов. Но этим объяснениям как будто противоречит социальный статус захороненных во впускных могилах. Во всех случаях речь идет о персонах, занимавших высокое положение в кочевом обществе. Оспариваемая С.А. Яценко гипотеза об отождествлении погребенного мужчины в Порогах с сарматским царем Инисмеем (Симоненко, Лобай, 1991. С. 66) или условное определение похороненной в Гордеевке как “принцессы” (Berezanskaja, Kokowski, 1997–1998. S. 9) заставляют обратить внимание на то, что при сегодняшней неизвестности полноценных сарматских могильников мы имеем дело с территорией, предназначенной исключительно для погребения знатных особ. Своеобразный “сарматский Геррос” одного клана (Симоненко, 1999. С. 116).

Не исключается также, что люди, совершавшие территориально обособленные захоронения, преследовали цель избежать их разграбления. Попытка провести церемонию похорон тайно с использованием уже существующих курганов, не привлекающих внимание своей сложившейся естественностью в ландшафте, – возможный вариант объяснения впускных сарматских могил как вида обряда и оторванности от днестровско-прутского массива сарматских памятников. Если действительно ставилась задача произвести захоронения скрытно и в дальнейшем не привлекать к ним внимания, то можно привести пример погребений в знаменитом некрополе Тиллятепе в Афганистане. Ярчайшие по богатству инвентаря захоронения не

имели никаких надмогильных сооружений (Сарианиди, 1989. С. 46, 47), чему, вероятно, и обязаны своей непоколебимостью. Однако эти рассуждения уже касаются только кочевников и могут послужить темой специального исследования (Воронятов, 2011. С. 25–28).

Возвращаясь к рассмотренному инвентарю памятников типа Рахны, следует отметить, что среди приведенных аналогий из сарматских могильников Поднепровья, Подолии, Молдавии, Румынии, Венгрии и Крыма количественно и качественно ведущее место занимают аналогии из одиночных комплексов и могильников Поднепровья. Речь идет о таких крупных некрополях так называемой восточной волны, как Усть-Каменка и Подгородное (Симоненко, 2000. С. 136–138). Их связь с памятниками типа Рахны может объясняться тем, что кочевники, оставившие именно эти могильники, осуществляли предполагаемое переселение зарубинецких племен на территорию бассейнов Южного Буга и Днестра. В процессе этой операции и происходили контакты, археологически выразившиеся наличием рассмотренных типов вещей в материалах памятников типа Рахны. Учитывая, что исследователи не исключают вхождения сарматов Поднепровья в кочевую орду во главе с Фарзоем и позже с Инисмеем (Симоненко, Лобай, 1991. С. 88), можно предполагать включение некоторых событий и процессов в ту историческую картину, которую когда-то попытался описать М.Б. Щукин (1986. С. 26–38).

К выводам о синхронности конца классической зарубинецкой культуры и возникновения царства Фарзоя, связанного с Ольвией (Щукин, 1986. С. 30, 31), по итогам проведенной работы можно добавить несколько более частных наблюдений. 1. Разрушение структуры зарубинецкой культуры следовало бы связывать именно с появлением кочевников, оставивших сарматские могильники “восточной волны”, по А.В. Симоненко (2000. С. 136–138), а не с появлением сарматских памятников в Среднем Поднепровье вообще. 2. С этими же сарматами предположительно увязывается депортация зарубинецкого населения в Южное Побужье и Поднепровье и совершение на той же территории захоронений сарматской знати с ярко выраженными восточными чертами в инвентаре.

Выражаю искреннюю признательность коллективу Винницкого областного краеведческого музея (Украина) в лице научного сотрудника М.Е. Потупчик, главного хранителя Г.С. Гальчевской и директора Е.И. Высоцкой за предоставленную возможность работать с постзарубинецкими и сарматскими материалами фондов музея и за возможность ознакомиться с рукописным архивом П.И. Хавлюка. Также благодарю заведующего сектором охра-

ны культурного наследия Винницкой обл. М.В. Потупчика за консультацию о современном состоянии полевых исследований постзарубинецких древностей в области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 1. М., 1975 (САИ; Вып. Г1-12).
- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // М., 1966 (САИ; Вып. Д1-30).
- Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако Д.П., Паньков С.В.* История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н.э. – III в. н.э.). Киев, 1983.
- Бидзиля В.И., Пачкова С.П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. 1969. № 160.
- Виноградов Ю.А.* Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). СПб., 2006.
- Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2.
- Воронятов С.В.* Прикубанье и Поднепровье на рубеже эр: некоторые параллели в моделировании взаимоотношений кочевого и оседлого населения // Пятая Кубанская археолог. конф. Краснодар, 2009.
- Воронятов С.В.* Погребения сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра (вторая половина I – начало II в. н.э.) // Проблемы сарматской археологии и истории. Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов н/Д., 2011.
- Воронятов С.В., Еременко В.Е.* Металлургический центр Лютеж, сарматы и образование горизонта Лютеж–Рахны–Почеп: попытка интерпретации // Производственные центры: источники, “дороги”, ареал распространения. СПб., 2006.
- Гавритухин И.О.* Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009 (Тр. ГЭ; XLIX).
- Гросу В.И.* Сарматское погребение в Поднепровье // СА. 1986. № 1.
- Гросу В.И.* Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской обл. // ВДИ. 1993. № 3.
- Журавлев Д.В.* Об одной группе “браслетов” или кельтский мираж в Крыму // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Окоц. Керчь, 2006 (Матер. VII Боспорских чтений).
- Журавлев Д.В., Фирсов К.Б.* Новые раскопки могильника Бельбек IV // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
- Загоруйко В.Т., Прилипко В.П.* Похороненная знатной сарматки з кургану біля села Северинівки Ямпільського району // Тез. доповідей сьомої Вінницької обл. краєзнавчої конф. Вінниця, 1989.
- Карышковский П.О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.
- Кашуба М.Т., Курчатова С.И., Щербакова Т.А.* Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) // На окраинах античного мира. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2001–2002 (STRATUM plus; № 4).
- Крадин Н.Н.* Некоторые аспекты взаимодействия кочевников Евразии и земледельческих цивилизаций // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992.
- Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В. и др.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999.
- Кубишев А.И., Покляцкий О.В., Симоненко О.В.* Про взаємовідносини сарматів з населенням зарубинецької культури // Археологія. 1987. № 58.
- Максимов Є.В.* Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія. 1978. № 28.
- Махно Є.В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та Сарматського часу в с. Усть-Кам'янка // АП. 1961. Т. IX.
- Обломский А.М.* Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга // Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.). М., 2010 (Раннеславянский мир; Вып. 12).
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н.э. М., 1991.
- Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Покровська Є.В., Ковпаненко Г.Т.* Могильник біля с. Калантаєво // Археологія. 1961. Т. XII.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Раев Б.А.* Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. II. М., 2008.
- Раритети Вінницького обласного краєзнавчого музею. Вінниця, 2007.
- Русяева А.С.* Ольвіско-сарматські відносини у другій половині I ст. н.э. // Археологія. 1995. № 4.
- Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.

- Симоненко А.В.* Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники “восточной волны” в Северном Причерноморье // Нижневолжский археолог. вестн. Вып. 3. Волгоград, 2000.
- Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.
- Симоненко О.В.* Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. 1999. № 1.
- Сымонович Э.А.* Погребение I–II вв. н.э. в с. Могильно в Подолии // КСИА. 1966. Вып. 107.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
- Хавлюк П.І.* Пам’ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. 1971. № 4.
- Хавлюк П.І.* Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. 1975. № 18.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.
- Щербакова Т.А., Кашуба М.Т.* Сармато-аланские древности (Курганные захоронения близ с. Мокра). Тирасполь, 1993.
- Щукин М.Б.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. 1972. Вып. 14.
- Щукин М.Б.* Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. 1982. Вып. XLVII.
- Щукин М.Б.* Горизонт Рахны–Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986.
- Щукин М.Б.* Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1.
- Щукин М.Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.
- Balke B.* Unikatowa bransoleta znad Mogielanki // COMHLAN. Studia z archeologii okresu przedrzymskiego I rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane Teresie Dąbrowskiej w 65. rocznicę urodzin. Warszawa, 1999.
- Berezanskaja Z.S., Kokowski A.* Sarmacka księżniczka z miejscowości Gordeevka na Ukrainie // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sec. F. V. LII, LIII. Lublin, 1997–1998.
- Bichir Gh.* Les sarmates au Bas-Danube // Dacia. XXI. București, 1977.
- Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero.* Milano, 1995.
- I tesori della steppa di Astrakhan.* Milano, 2005.
- Kašuba M., Kurčatov S.* Ein Grabhügel der sarmatischen Elite von Mokra am mittleren Dneestr // Prähistorische Zeitschrift. Bd. 80. H. 2. Berlin; N.Y., 2005.
- Párducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, I // Archaeologia Hungarica. Budapest, 1941.
- Popescu D.* Objets de parure géto-daces en argent // Dacia. VII–VIII. București, 1941.
- Ščukin M.* Three ways of the contacts between the Baltic and the Black Sea littorals in the Roman Period // Die spätrömische Keiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel – und Osteuropa. Łódź, 2000.
- Simonenko A.V.* Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // A. Simonenko, I.I. Marčenko und N.Ju. Limberis. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien. Bd. 25. Mainz, 2008.
- Tesori delle steppe. Cimimeri, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari.* Milano, 1995–1996.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: АРХЕОМЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ (по материалам памятников Волго-Камья и Поочья)

© 2012 г. В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова

Институт археологии РАН, Москва (v_zavyalov@list.ru)

Ключевые слова: *Великое переселение народов, Волго-Камье, кузнечный инвентарь, рязано-окские могильники.*

The technical and technological characteristics of the blacksmithing inventory from sites dating to the Great Migration period in the Volga-Kama and Oka regions testify that the new types of iron artifacts which appeared on these territories during the time in question differ from local artifacts in both morphology and technology, and can serve as an additional source for the study of ethnic and cultural contacts.

В середине I тыс. н.э. на территории расселения финно-угорских племен происходит значительная активизация межэтнических взаимодействий, связанная с появлением пришлого населения. В Волго-Камье это и оседлые племена носителей именьковской культуры, и номады, оставившие курганные захоронения, известные по Тураевскому, Суворовскому и другим могильникам. В Поочье (культура рязано-окских могильников) – это военизированные группы, оказавшие “заметное влияние на культуру местного населения и военно-политическую историю всего региона” (Ахмедов, Казанский, 2004. С. 172–178).

Судьба пришлых этносов была различной. Если кочевники, пришедшие в Волго-Камье, вступили во взаимодействие с местным населением, в результате чего возникли такие археологические культуры, как ломоватовская, полемская, неволинская, то племена именьковской культуры, просуществовав до рубежа VII–VIII вв., покинули занимаемую территорию под натиском переселявшихся в Волго-Камский регион болгарских племен, не оставив сколько-нибудь существенного вклада в культуру местных народов.

В Поочье наблюдается несколько иная картина. Здесь следствием пребывания военизированных групп стало появление в культуре местного населения воинской субкультуры (Ахмедов, 2001. С. 118), которая, однако, не повлияла коренным образом на этнополитическую ситуацию в регионе.

Накопленный к настоящему времени богатый аналитический материал по кузнечному производству финно-угров позволил поставить вопрос о

влиянии пришлого населения на местное производство. В результате многолетних исследований были выявлены производственные традиции, характерные для финно-угорского населения Поволжья и Предуралья. Установлено, что вплоть до IX в. н.э. в железообработке здесь не применялись в широких масштабах сложные технологические приемы. Изделия отковывались либо целиком из железа, либо из сырцово-стали, в редких случаях применялись цементированная сталь и термическая обработка.

В рассматриваемое время в составе железных изделий из финно-угорских памятников появляются новые типы вещей. Технологические характеристики таких изделий, полученные в результате металлографического анализа, позволяют говорить об истоках производственных традиций и соответственно о характере и направлении межэтнических контактов.

Волго-Камье

Оружие. В середине I тыс. н.э. на многих памятниках Волго-Камья появляются длинные двулезвийные мечи. Мечи имеют стандартную форму: прямой широкий обоюдоострый клинок (ширина полотна – 5, длина клинка у сохранившихся экземпляров – 85–90 см). Переход в черенок выделен покатыми или скошенными плечиками. По мнению А.М. Хазанова, этот тип мечей связывается с алано-сарматской традицией (1971. С. 20). В настоящее время нами проведен металлографический анализ девяти таких мечей.

С технологической точки зрения их можно разделить на три группы. К первой отнесены три изде-

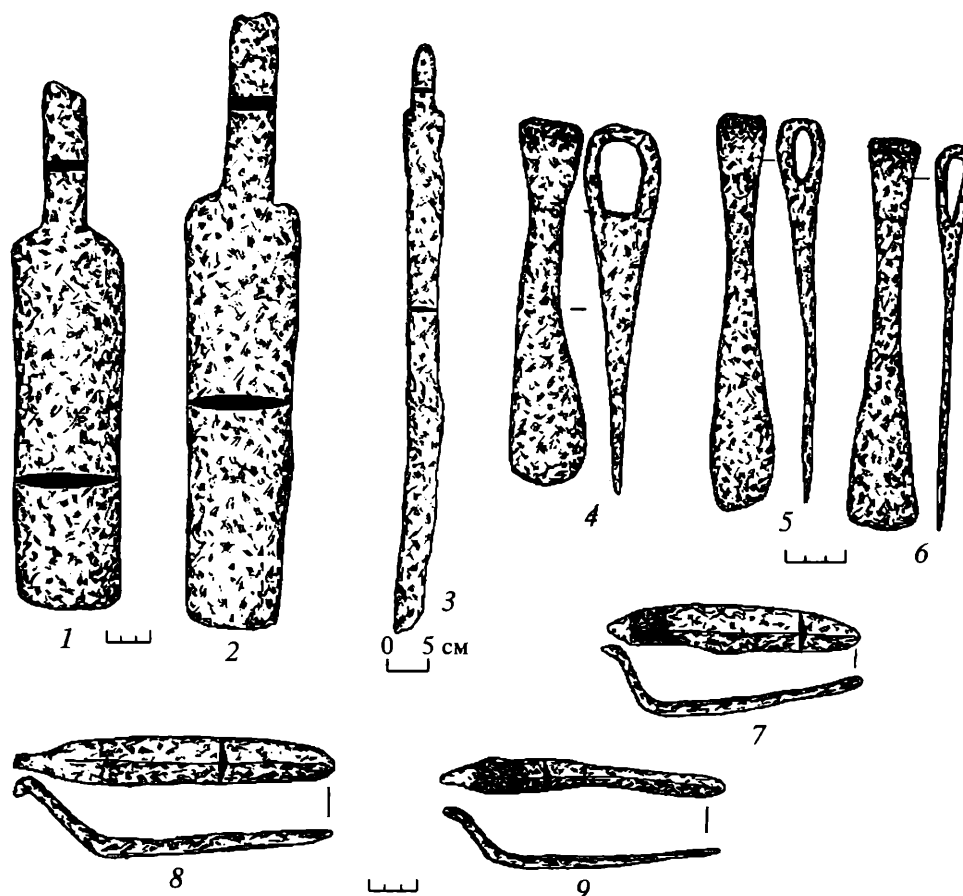

Рис. 1. Инокультурные железные изделия из памятников Волго-Камского региона. 1–3 – мечи (1 – Усть-Брыскинский могильник; 2 – могильник Тюм-Тюм; 3 – Варнинский могильник); 4 – длиннолезвийный топор (Щербетьское селище); 5, 6 – секировидные предметы (могильник Тюм-Тюм); 7–9 – “косы” (7 – Усть-Брыскинский могильник, 8, 9 – Рождественский могильник).

лия. Это мечи из могильников азелинской культуры: Усть-Брыскинский (рис. 1, 1), Тюм-Тюм (рис. 1, 2), Гремячинский.

В результате микроскопического исследования образцов, отобранных с поперечного сечения лезвий указанных мечей, было установлено, что металл всех изделий имеет структуру заэвтектоидной стали, практически свободной от шлаковых включений. Исследованные поковки характеризуются высококлассным исполнением всех технологических операций (Терехова и др., 1997. С. 140). Аналитические данные позволяют говорить, что мечи изготовлены из особого материала: литой (тигельной) стали (Завьялов и др., 2009. С. 109). Наиболее близкие аналогии исследованным экземплярам как по типологическим, так и по технологическим признакам имеются в позднесарматском некрополе II–III вв. н.э. Лебедевка VI. Они также выполнены из заэвтектоидной стали, свободной от неметаллических включений. Нет сомнения, что рассматриваемые клинки происходят из центров, обладавших секретом производства тигельной (литой) стали (Индия, Иран). Появление подобных изделий на территории Волго-Камья обусловлено многоступенчатым характером контактов, в которых опреде-

ленную роль играли, по-видимому, сарматы (Розанова, Терехова, 2000. С. 137).

Еще три меча из тигельной стали происходят из памятников неволинской культуры (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010. С. 186) (анализы С.Е. Перевощикова).

Ко второй группе относится меч, происходящий из Варнинского могильника полемской культуры (рис. 1, 3), который, как показал металлографический анализ, оказался откованным из однородной высокоуглеродистой стали, полученной путем сквозной цементации железной заготовки с последующей термообработкой. При этом использован хорошо продуманный прием, позволивший избежать хрупкости клинка: закалке подвергалось только лезвие клинка, в то время как сердцевина оставалась незакаленной.

Технология изготовления описанных изделий нехарактерна для кузнечных традиций финно-угорского мира. Описанные выше мечи – продукция мастеров-оружейников из специализированных ремесленных центров, они поступали к финно-угорским племенам в результате сложных торговых операций.

В третью группу включены четыре меча, которые по типологическим признакам не отличаются от описанных выше, но при этом изготовлены в простых технологиях. Они откованы либо целиком из железа (меч из Мокинского могильника), либо из заготовки, сваренной из нескольких полос железа или сырцово-стали (мечи из Усть-Брыскинского, Мокинского и Калашниковского могильников). Подобные мечи, не имеющие четкого технологического стереотипа, но при этом изготовленные по стандартной форме, были широко распространены в позднеимперский период и эпоху Великого переселения народов на территории Европы (Viborski, 1978; Viborski et al., 1982). Возможно, мечи третьей группы, являвшиеся престижным оружием, связанным с профессиональными воинами, были привнесены в финно-угорскую среду пришлым населением, но не исключено, что они изготовлены местными мастерами в подражание привозным образцам.

Проушные топоры. Другая категория железных предметов, распространившихся на памятниках Волго-Камья с IV–V вв., – проушные топоры: выделяются длиннолезвийные и коротколезвийные.

Длиннолезвийные топоры получают наибольшее распространение на памятниках именьковской культуры. Эти орудия оригинальны и по форме, и по конструктивным особенностям. Они имеют вытянутое тело, округлый обух и проушину с прямым срезом со стороны лезвия (рис. 1, 4). Общая длина изделий колеблется от 18 до 20.5 см, длина лезвийной части – от 13 до 15.5, размеры проушины: длина – 3–4, ширина – 1.5–3. Как установлено, лезвие топора ковалось из отдельного бруска и приобретало форму клина. Затем к лезвию путем кузнечной сварки приваривалась петлеобразная пластина, и таким образом получался обух топора. Отличительный признак таких топоров – плоский срез в верхней части клиновидного лезвия. Выделяются эти изделия и по технологическим особенностям. В большинстве случаев лезвие было изготовлено из неравномерно науглероженной стали, состоящей из феррито-перлитных, ферритных и сорбитных участков (микротвердость феррита – 105–122 кг/мм², феррито-перлита – 181–236 кг/мм²) и подвергалось закалке, причем исключительно мягкой (структура сорбита – микротвердость 254–383 кг/мм²). Обращает на себя внимание низкая микротвердость ферритных структурных составляющих, что свидетельствует об особом сорте используемого железа.

Секировидные предметы (рис. 1, 5, 6). Внешне на описанные топоры похожи так называемые секировидные предметы, которые также происходят в основном из памятников именьковской культуры, но встречаются и в финно-угорских могильниках

(Останина, 1997. С. 71, 72). Как и длиннолезвийные топоры, секировидные предметы не встречаются на финно-угорских памятниках до середины I тыс. н.э. В отличие от топоров они имеют слишком маленькую проушину и в целом производят впечатление незавершенных изделий, что не позволяет считать возможным их практическое использование. Размеры этих поковок: длина корпуса колеблется от 17 до 21.5 см, проушина либо круглая диаметром 1.5–2, либо узкая каплевидная – 1×3. Проушина формовалась двумя способами. В одном случае заготовка изделия сгибалась на оправке, образуя проух. Затем концы ее, составляющие тело изделия, сваривались. В другом случае проушное отверстие пробивалось. Еще один вариант секировидных предметов – изделия из Тураевского, Тарасовского и Суворовского могильников. Отличительной чертой этого варианта было то, что проушное отверстие формовалось петлевым загибом одного конца заготовки.

Изделия изготовлены либо из железа, либо из сырцово-стали с последующей мягкой закалкой. Структурные составляющие – феррит (микротвердость – 105–122 кг/мм²), феррито-перлит (221–236 кг/мм²), сорбит (254–350 кг/мм²).

Любопытно, что при изготовлении и длиннолезвийных топоров, и секировидных предметов использовалась мягкая закалка, которая в последнем случае, возможно, имела не практическое, а ритуальное значение. На наш взгляд, секировидные предметы были полуфабрикатами, которым придали форму топора.

Археологические данные свидетельствуют о том, что продукция ремесленников именьковской культуры распространялась у населения ряда финно-угорских культур, находившихся в непосредственном контакте с “именьковцами” (Розанова, Терехова, 2000. С. 138, 139). Показательны в этом отношении материалы могильника Тюм-Тюм. Так, в одном из погребений этого некрополя (№ 94) найдено 12 секировидных предметов. Причем из них была сооружена своего рода емкость: предметы были сложены в виде прямоугольного в плане колодца, внутри которого помещалось множество других вещей, а сверху были положены конская сбруя и бронзовый котел (Ошибкина, 1979. С. 76). По-видимому, в составе богатого погребального инвентаря секировидные предметы несли какую-то ценностную нагрузку, возможно, связанную с самим металлом. В этом смысле особенно показателен массивный экземпляр из могильника Тюм-Тюм длиной 31 см при диаметре проушины 1.5. Совершенно очевидно, что при таком несоответствии массивного тела изделия и миниатюрной проушины предмет не мог использоваться в качестве орудия.

Секировидные предметы встречены также и в могильниках мазунинской культуры. Эти изделия, по мнению Т.И. Останиной, происходят с территории именьковской культуры. Возможно, что назначение предметов не было известно мазунинским племенам: два секировидных предмета оказались сломанными, вероятно, при попытке их эксплуатации (Останина, 1997. С. 72).

Сельскохозяйственные орудия. В середине I тыс. н.э. на памятниках Волго-Камья появляются специализированные сельскохозяйственные орудия – серпы, наральники. По мнению Р.Д. Голдиной и П.Н. Старостина, земледелие в Прикамье получает распространение под влиянием именьковских племен. Наиболее ранние серпы обнаружены в погребениях азелинской и мазунинской культур (Старостин, 2001. С. 112, 113; Останина, 1997. С. 72).

Необходимо отметить, что в именьковской культуре присутствуют два варианта серпов: с крутой дугой и коротким черенком и пологие с длинным черенком. Металлографически исследованы семь серпов именьковской культуры. Три орудия откованы из железа. При изготовлении серпов применялись такие приемы, как пакетирование заготовки и наварка стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой. Причем использован наиболее рациональный вид термообработки для этой категории изделий – закалка с отпуском (структура – сорбит с мартенситной ориентировкой).

К сожалению, ранние серпы из финно-угорских памятников пока еще не стали объектом металлографического исследования. Из материалов второй половины I тыс. н.э. опубликованы анализы трех серпов и трех кос из Верх-Саинского I городища неволинской культуры (Перевошиков, 2002. С. 54, 55). Два серпа изготовлены с использованием приема цементации, третий откован из пакетного металла. Косы имели наварное стальное лезвие, которое было подвергнуто резкой закалке. Отметим, что технология наварки очень редко встречается в рассматриваемое время. Есть все основания связывать наварку со специализированным ремеслом, стоящим на более высокой ступени развития. Присутствие в исследованной коллекции кос с наварными лезвиями может объясняться тем, что данные артефакты относятся к более позднему времени (площадка Верх-Саинского городища использовалась и в первой половине II тыс. н.э.).

Таким образом, целый ряд орудий, появившихся на территории Волго-Камья в эпоху Великого переселения народов, можно связывать с распространением в регионе именьковской культуры. Этот вывод не только основан на наборе морфологических

признаков, но и подтверждается технологическим анализом. Известно, что именьковская культура не имеет местных корней. Ее памятники распространяются на территории Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья в конце IV – VII в. По поводу происхождения этой культуры высказывались различные гипотезы. В частности, довольно долго ее возникновение связывали или с племенами гордещкой археологической культуры (Смирнов, Трубникова, 1965), или с приходом тюрков (Мажитов, 1959), или с синтезом тюркских и финно-угорских племен (Старостин, 1967. С. 31). В настоящее время преобладающая точка зрения – гипотеза о связи этой археологической культуры с переселением в Предуралье племен из ареала пшеворской и черняховской культур (Матвеева, 2002. С. 93; Седов, 2002. С. 248, 249).

Наши материалы косвенным образом свидетельствуют в пользу гипотезы о судьбе именьковского населения, высказанной Г.И. Матвеевой и В.В. Седовым. По мнению этих исследователей, в конце IV в. в результате гуннского нашествия часть населения из ареала черняховской и пшеворской культур переселяется на Среднюю Волгу. Именно с ними связывают возникновение своеобразной именьковской археологической культуры. Именьковские памятники существуют здесь до VIII в. и исчезают с приходом на эти земли болгар. Часть именьковских племен уходит на запад в Днепровское Левобережье, где при их непосредственном участии возникает волынцевская археологическая культура (Матвеева, 1981; 1986; Седов, 2002). Близость именьковских материалов к черняховским и пшеворским исследователи видят в керамическом комплексе, погребальном обряде, домостроительстве, хозяйственном укладе, в том числе в присутствии сходных категорий изделий: серпов, наральников, топоров.

Мы со своей стороны обратим внимание на конструктивные особенности именьковских длиннолезвийных топоров, параллели которым находим в черняховских материалах (Вознесенская, 1972. С. 19. Рис. 5). И именьковские, и черняховские топоры имели сходную конструктивную схему: тело топора представляло собой клин, к которому с помощью кузнечной сварки приваривалась петлеобразная пластина, образующая обух и проушное отверстие. Черняховские и именьковские топоры совпадают и по размерам.

Особую категорию представляют описанные секировидные предметы. Ни в рассматриваемый период, ни в более раннее время мы не находим им аналогий. Между тем близкие по форме артефакты известны среди славянских древностей Цент-

ральной Европы (Великоморавское государство). Здесь в VIII–X вв. они встречаются довольно часто, иногда в больших скоплениях (по несколько сотен экземпляров). Исследователи называют их “славянскими секировидными гривнами” и полагают, что они были железным полуфабрикатом и в то же время служили единицей обмена (Pleiner, 1961. Pl. 17, 19, 22).

Так называемые косы (рис. 1, 7–9). Среди предуральских древностей середины I тыс. н.э. встречаются изделия своеобразной формы. Это обоюдоострый, подтреугольный в сечении клинок и расположенная под тупым углом к нему пятка или черенок с крючком на конце (Перевошиков, 2002. С. 45). Предметы имеют стандартную форму и близки по размерам: длина клинка составляет 14.5–19 см, ширина – около 3, высота пятки – 5.5–6, угол наклона пятки – 120–125°. Необычная форма поковок и отсутствие аналогий привели к неоднозначной трактовке их функционального назначения. Так, В.Ф. Генинг относил их к сельскохозяйственным орудиям – “косам” (1963). “Серпами” их называют А.Н. Лепихин и А.Ф. Мельничук (2000). С.В. Ошибкина считала их скобелями (1979), Н.А. Мажитов – предметами домашнего обихода типа кочедыка (1968). В последнее время С.Е. Перевошиков и Р.Д. Голдина на основании результатов металлографических анализов пришли к выводу, что рассматриваемые изделия – это метательное оружие (Голдина, 1999; Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010. С.184; Перевошиков, 1997; 2002; Перевошиков, Пастушенко, 2006).

Обращает на себя внимание факт распространения этих предметов в воинских курганных погребениях Тураевского, Тарасовского, Суворовского могильников, которые датируются второй половиной IV – V в. Поскольку подобные предметы ни в предшествующее, ни в последующее время не зафиксированы, а курганный обряд в VI в. исчезает на данной территории, происхождение так называемых кос следует связывать именно с носителями курганного погребального обряда.

Известно, что данные предметы попадают и в местную финно-угорскую среду. Но ареал их не выходит за пределы контактной зоны финно-угорского и пришлого населения. Они известны в погребениях азелинской и мазунинской культур. В некоторых случаях они входили в состав жертвенных комплексов вместе с другими инокультурными предметами. Три предмета происходят из Гляденовского костыща (верхний слой).

Металлографически исследованы 13 предметов (Перевошиков, 1997; 2002; Семькин, 1993; Терехова и др., 1997. С. 138; Кондрашин, 2002. С. 204).

Как показал микроскопический анализ, все изделия изготовлены либо из сырцової, либо из качественной стали. При этом клинок был или цельнометаллическим, или откован из пакетной заготовки, сваренной таким образом, что на оба лезвия выходила наиболее углеродистая полоса. Большая часть этих изделий подвергнута термообработке. С технологической точки зрения можно уточнить, что рабочей частью предметов были оба лезвия. Исходя из этого, можно предположить, что этот предмет предназначался для ударно-режущих действий.

Итак, в период Великого переселения народов в Среднем Поволжье, Нижнем и Среднем Прикамье появляется пришлое население со специфическим набором кузнечного инвентаря, который не всегда можно отождествить с определенной этнокультурной общностью. Несмотря на тесные контакты, установившиеся у местных племен с носителями иных культурных традиций, технологические инновации не наблюдаются. Фиксируется лишь заимствование финно-угорским населением самих инокультурных предметов.

Что касается Верхнего Прикамья, то здесь этнокультурные контакты принимали более сложные формы. Как уже говорилось выше, на основе синтеза местного и пришлого населения возникают новые археологические культуры. Исследователи считают, что в формировании этих культур принимало участие население из Зауралья. В основном ядре пришельцев большинство исследователей видят носителей западного варианта саргатской общности (Голдина, 1999. С. 276). Кузнечные изделия саргатской культуры исследованы Н.М. Зиняковым, который провел металлографический анализ коллекции из 72 железных предметов (1997). К сожалению, разделение изделий по хронологическим периодам проведено не было и все они датированы в рамках довольно продолжительного времени – V в. до н.э. – III–IV вв. н.э. Исходным сырьем для кузнецов саргатских племен служила сырцовая сталь (Зиняков, 1997. С. 113, 114). В качестве термообработки использовалась исключительно твердая закалка. Процесс сознательного науглероживания железа еще не нашел своего развития, т.е. “саргатцы” не знали не только специального получения цементированной стали, но и цементации готового изделия. По мнению Н.М. Зинякова, в саргатской культуре железо, без сомнения, было дорогим и престижным материалом (1997. С. 115). Таким образом, уровень железообработки саргатских племен был ниже, чем у народов Предуралья, которые, как уже отмечалось, не только освоили процесс химико-термической обработки черного металла, но и проводили первые попытки овладения приемами

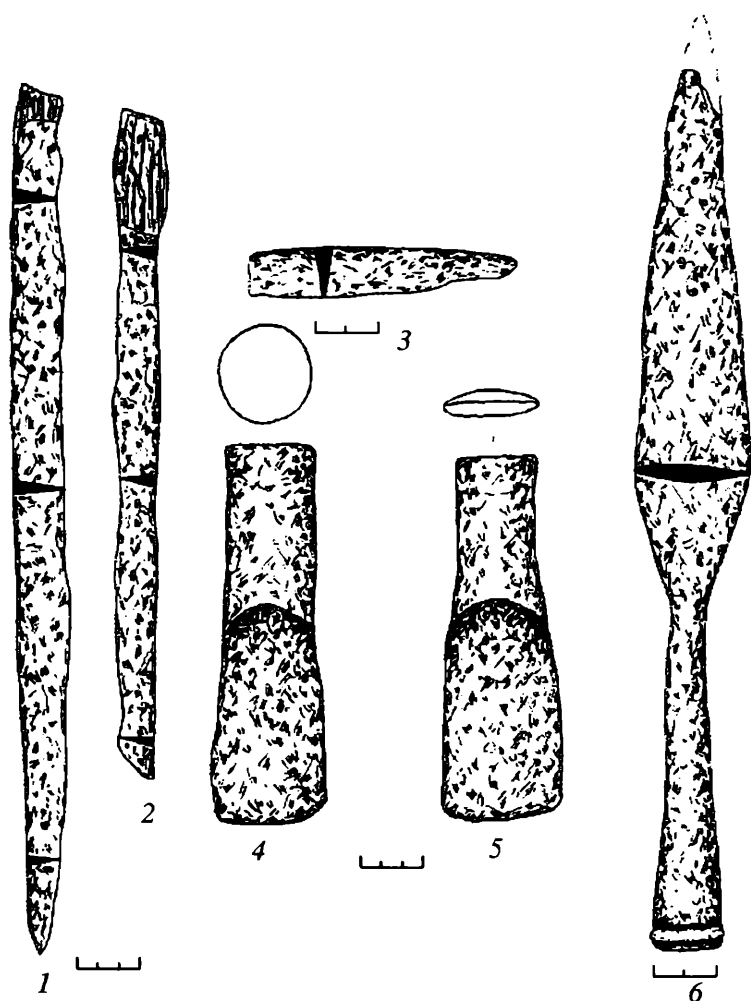

Рис. 2. Инокультурные железные предметы из могильников Поочья. 1, 2 – однолезвийные мечи (Никитинский); 3 – нож (Кошибеевский); 4, 5 – топоры-кельты (Никитинский); 6 – наконечник копья (Польно-Ялтуновский).

технологической сварки. Какого-либо воздействия со стороны саргатских племен на местную железообработку трудно ожидать.

Поочье

Накопленные к настоящему времени данные археометаллографических исследований позволяют обратиться еще к одному региону финно-угорского мира – Поочью. Мы имеем в виду культуру рязано-окских могильников, в материалах которых прослеживаются связи с Прикамьем (Воронина и др., 2005. С. 6). Нами была исследована коллекция железных предметов, происходящих из Кошибеевского (раскопки А.А. Спицына), Польно-Ялтуновского (раскопки В.И. Шитова), Никитинского (раскопки Р.Ф. Ворониной) могильников.

Как установлено, кузнечное ремесло местного населения в эпоху переселения народов развивалось в традициях, характерных для всего финно-угорского мира: изделия отковывались в основном либо целиком из железа, либо из сырцово-цементированной стали и приемы термообработки

использовались крайне редко, технологическая сварка не применялась.

На этом фоне выделяется ряд изделий, изготовленных в иных технологических традициях. Это, прежде всего, такое престижное оружие, как короткий однолезвийный меч. Металлографическое исследование двух экземпляров таких мечей из Никитинского могильника (рис. 2, 1, 2) показало, что они изготовлены из качественной высокоуглеродистой стали и являются продукцией развитых специализированных мастерских. По мнению Э. Окшотта, специалиста по истории оружия, однолезвийные мечи (саксы) получили наибольшее распространение именно в эпоху Великого переселения народов (2006. С. 139).

Еще одно изделие, а именно нож (рис. 2, 3) из Кошибеевского могильника (погр. 75, раскопки А.А. Спицына), демонстрирует технологию, несвойственную местным производственным традициям. Нож выполнен в технологии сварки стальной лезы с высоким содержанием углерода в основу из фосфористого (твердого) железа. Подобная технологическая схема нехарактерна для рассматриваемого периода. В более раннее время она практиковалась лишь в античных производственных центрах. Но широкое распространение технологическая сварка, как уже отмечалось, получает лишь в средневековом городском ремесле (Терехова и др., 1997. С. 83).

В материалах рязано-окских могильников зафиксирован такой примечательный факт, как использование цветного металла в железообработке, – это также редкое явление вплоть до эпохи средневековья. На наконечниках копий из могильников Кораблино, Заречье, Польно-Ялтуново на конце втулки обнаружены кольца из цветного металла. Они играли как декоративную, так и функциональную роль (закрепляли раструб втулки). По данным И.Г. Равич, спектральный анализ кольца наконечника копья из Польно-Ялтуновского могильника (рис. 2, 6) показал, что использовалась латунь – сплав на медной основе с примесью цинка (12%). Применение сплавов с лигатурой цинка зарегистрировано в большинстве украшений из Никитинского могильника (Сарачева, 2005. С. 120). Исследователи связывают распространение латунных сплавов с прибалтийской зоной цветной металлообработки (Черных, Барцева, 1972. С. 91). В эту же зону, как полагает Т.Г. Сарачева, были вовлечены и носители культуры рязано-окских могильников (2005. С. 121).

На связи культуры рязано-окских могильников с культурами Балтийского региона, возможно, также указывают некоторые конструктивные особенности в производстве топоров-кельтов, типичного орудия финно-угорского мира. Такие же орудия были ши-

роко распространены в это время и в Балтийском регионе.

Финно-угорские топоры-кельты, как показало металлографическое исследование большого количества таких изделий, состоят из двух конструктивных элементов: клина и втулки, которые соединялись с помощью кузнечной сварки. Место их соединения хорошо видно во втулке и представляет собой круглую плоскую площадку (рис. 2, 4).

В материалах рязано-окских могильников наряду с такой схемой выявлен другой конструктивный прием. Особенность его в том, что топор-кельт отковывался из единой заготовки, которую сворачивали на оправке. Один конец оставался полым и служил втулкой, из второго – с помощью кузнечной сварки и проковки формовалась рабочая часть (лезвие). Эта конструкция выявляется как визуально, так и под микроскопом. В последнем случае на образце, отобранном с продольного сечения лезвия кельта, виден сварной шов, проходящий по осевой линии. Визуально во втулке прослеживается сварной шов, параллельный лезвию изделия (рис. 2, 5). Нигде в остальном финно-угорском мире не фиксируются топоры-кельты, имеющие такую конструкцию.

Возможно, подобные орудия попадали в Среднее Поочье из ареала с иными производственными традициями. В качестве такового можно рассматривать Прибалтийский регион.

Итак, технико-технологическая характеристика кузнечного инвентаря из различных памятников Волго-Камья и Поочья, относящихся к периоду Великого переселения народов, свидетельствует о том, что появившиеся в это время на различных территориях новые типы железных предметов выделяются на фоне местных изделий из черного металла не только морфологически, но и технологически и могут служить дополнительным источником по изучению этнокультурных контактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов И.Р.* Воинское погребение из могильника Борок II // ТАС. 2001. Вып. 4. Т. 2.
- Ахмедов И.Р., Казанский М.М.* После Агитлы. Киевский клад и его культурно-исторический аспект // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
- Вознесенская Г.А.* Техника обработки железа и стали // Т.Б. Барцева, Г.А. Вознесенская, Е.Н. Черных. Металл черняховской культуры. М., 1972.
- Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В.* Никитинский могильник. М., 2005 (Тр. отдела охранных раскопок; Т. 3).
- Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // ВАУ. Вып. 5. Ижевск; Свердловск, 1963.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Голдина Е.В., Голдина Р.Д.* “Дальний” импорт Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск, 2010.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. М., 2009.
- Зиняков Н.М.* Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997.
- Кондрашин В.В.* Кузнечные изделия Тураевского могильника // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.
- Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.* Гляденское костыше в трудах А.П. Смирнова и новейшее их изучение // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000.
- Мажитов Н.А.* Курганный могильник в деревне Новотурбаслы // Башкирский археолог. сб. Уфа, 1959.
- Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М., 1968.
- Матвеева Г.И.* О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
- Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы в I тыс. н.э. Куйбышев, 1986.
- Матвеева Г.И.* К вопросу о характере взаимоотношений различных этнических групп на территории Южного Приуралья в первой половине I тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.
- Окшотт Э.* Археология оружия. М., 2006.
- Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997.
- Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. 1979. Вып. 158.
- Перевоицков С.Е.* Еще раз о “косах-горбушах” // Проблемы межэтнических взаимодействий сопредельных национальных и административных образований (на примере региона Среднего Прикамья): Тез. докл. Сарапул, 1997.
- Перевоицков С.Е.* Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002.

- Первошиков С.Е., Пастушенко И.Ю.* “Косы-горбуши” в средневековых памятниках Прикамья // Российские немцы: история и современность. Ижевск, 2006.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Культурные контакты азелинских племен (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Матер. науч. конф. М., 2000.
- Сарачева Т.Г.* Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Р.Ф. Воронина, О.В. Зеленцова, А.В. Энговатова. Никитинский могильник. М., 2005 (Тр. отдела охранных раскопок; Т. 3).
- Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Семыкин Ю.А.* Характеристика технологии изготовления кузнечной продукции Большетарханского могильника // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1993.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура. М., 1965 (САИ; Вып. ДІ-14).
- Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры. М., 1967 (САИ; Вып. ДІ-32).
- Старостин П.Н.* Именьковская культура // Очерки по археологии Татарстана. Казань, 2001.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Черных Е.Н., Барцева Т.Б.* Сплавы цветных металлов // Т.Б. Барцева, Г.А. Вознесенская, Е.Н. Черных. Металл Черняховской культуры. М., 1972.
- Biborski M.* Miecze z okresu wpływów rzymskich na obszarze kultury przeworskiej // MA. 1978. XVIII.
- Biborski M., Kaczanowski P., Kędyerski Z., Stępiński J.* Metallographische Untersuchungen als Kriterium einer identification römischer Schwerter // Archaeologia Interregionalis. Ancient Iron Manufacture Centers in Northern Central Europe. Kraków; Warszawa, 1982.
- Pleiner R.* Slovanské sekerovité hřivny // SA. 1961. IX (1, 2).

О КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ЗОЛОТЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА БРУТ 1 В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

© 2012 г. Т.А. Габуев

*Государственный музей искусства народов Востока, Москва
(gabuev@arcaucasica.ru)*

Ключевые слова: аланы, Иран, Сасаниды, Византия, полихромный стиль гуннской эпохи, гранаты, зернь.

In 1989 kurgan № 2 was excavated near the village of Brut in North Ossetia. Inside the kurgan was a catacomb dating to the 5th c. AD and a cache of gold objects inlaid with garnets. We assume that all the objects are of Iranian origin. The centerpiece of the assemblage is a sword with gold-overlaid hilt and sheath. The style of the objects is polychrome. The objects show two stylistic peculiarities: 1) bezel and cloisonné inlays on the same item, and 2) cloisonné in combination with seeded ornament. Objects which have such stylistic peculiarities have been found in the Caucasus, the Urals-Kama region, Kazakhstan, Central Asia and the Middle East, and are of Iranian origin. The garnets from Brut have been identified as andradites. Andradite deposits exist in Armenia, which was part of the Sassanid Empire, and hence the material for crafting the precious objects was available.

К числу наиболее интересных аланских памятников следует отнести курганы 2 и 7, раскопанные в 1989–1990 гг. около с. Брут в Северной Осетии. Они содержали катакомбные погребения эпохи Великого переселения народов, датируемые первой половиной – серединой V в. н.э. Погребальные камеры катакомб были ограблены в древности, но в курганах имелись тайники, содержавшие скопления драгоценных предметов, выполненных из золота с гранатовыми вставками. Культурной атрибуции этих предметов посвящена данная статья.

Центральное место в скоплении предметов из кургана 2 занимает меч с золотыми обкладками ножен и рукояти. Остальные предметы комплекса – кинжал, рукоять нагайки, подвеска от меча, оголовье конской уздечки, пряжки и наконечники ремней, составляющие как поясной, так и обувной гарнитуры, группировались вокруг него. Все предметы сделаны из золота или золотого листа и инкрустированы гранатовыми вставками.

Меч со сплошными золотыми обкладками ножен и рукояти (рис. 1). Меч длинный (115 см), с длинной обкладкой рукояти (35 см). Клинок меча железный двулезвийный, линзовидный в сечении с рукоятью-штырем. Короткий железный черенок рукояти, вложенный в золотую обкладку, не соответствует общей длине рукояти, что согласуется с наблюдением С.И. Безуглова о том, что штыри слабо отражают общую длину рукояти, и она на 6–11 см оказывается длиннее (2000. С. 171).

Говоря о рукояти брутского меча, следует иметь в виду, что большинство рукоятей мечей гуннского времени не дошли до нас целиком, что связано с их сохранностью – многие короткие железные рукояти-штыри не имели обкладок. Это затрудняет решение вопроса об установлении их реальной длины. Но там, где мы можем судить о длине рукояти, на территории практически всей Европы, включая Восточную, они короткие, во всяком случае уступают рукояти меча из Брута. В то же время европейские мечи, если и были равны брутскому по длине клинка, то превосходили его по ширине. Исключение составляют меч из погребения № 110 рязано-окского могильника Борок II (Ахмедов, 2001. С. 111, 112, 114. Рис. 3, 17) и два меча из могильников Цебельды в Абхазии (Воронов, Шенкао, 1982. С. 131. Рис. 4, 9, 10). Эти мечи, как и меч из Брута, имели очень длинные рукояти, что следует рассматривать как редкое явление. В этом смысле показательны мечи из могильников Абхазии, где помимо двух указанных выше все остальные мечи (24 шт.) имели короткие рукояти (Воронов, Шенкао, 1982. С. 131. Рис. 4).

Итак, меч из Брута отличается от синхронных ему мечей: он длинный, узкий и с очень длинной рукоятью, составляющей 30% от общей длины, а европейские длинные мечи – более широкие и с короткой рукоятью. Поиск аналогий брутскому мечу обращает наше внимание на вооружение Востока и

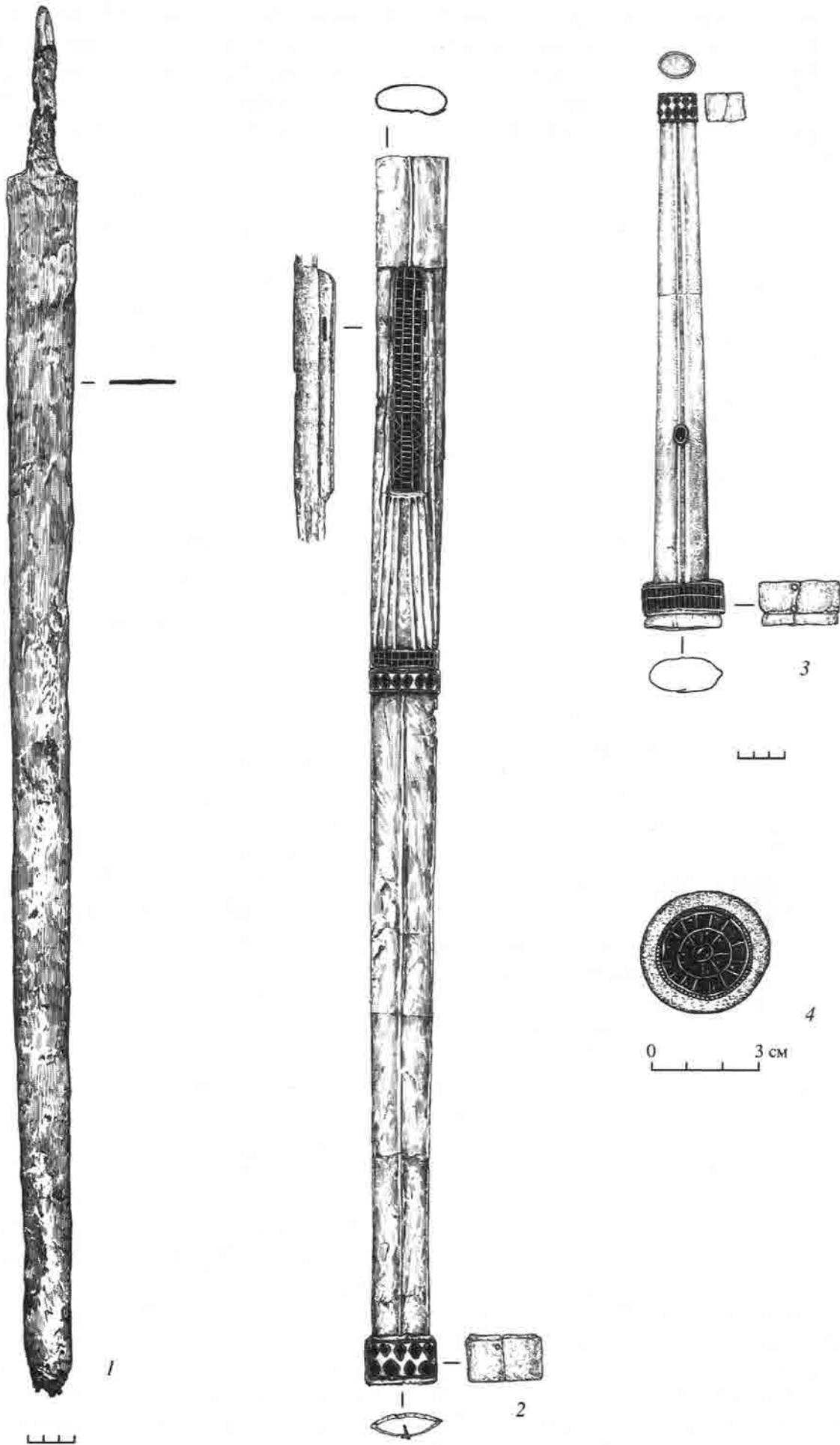

Рис. 1. Находка меча из кургана 2 у с. Брут.

в первую очередь на изображения воинов, выполненных в разном материале. Существует множество изображений азиатских мечей, представленных разными формами этого вида оружия. Железные мечи разнятся как по длине и ширине клинка, так и по длине и форме рукояти; мы остановимся только на изображениях мечей, аналогичных брутскому.

Длинные узкие мечи с длинными рукоятями изображены четыре раза на костяной Орлатской пластине, обнаруженной в погребении I–II вв. н.э. недалеко от Самарканда (Plyasov, Rusanov, 1997–1998. P. 130). В Восточном Туркестане многочисленные изображения подобных мечей, относящиеся к V–VII вв., зафиксированы на фресках Кызыла и Кумтуры (подборку изображений см.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, 1995. С. 390, 391. Табл. 49, 1–3, 5, 8, 12). В Средней Азии эти мечи, судя по изображению царя на терракоте из Пенджикента, доживают до VII–VIII вв. (Belenitsky, 1968. P. 150. Fig. 103. P. 245).

Изображения мужских фигур с мечами, в том числе имеющими длинные рукояти, встречаются в Афганистане на рельефах как кушанского (Шоторак – II в. н.э.), так и сасанидского времен (Хаир Ханэ – IV–V вв.), а также в живописных изображениях, таких как 38-метровая фигура Будды из Бамиана (V в.) и фигура бога луны из Фундукистана (VI – начало VII в.) (Trousdale, 1975. Fig. 55, 57, 58, 64). На серебряной чаше позднекушанского времени (III в.) со сценой охоты из Британского музея мечи с длинными рукоятями изображены дважды (Trousdale, 1975. Fig. 61).

В Центральной и Передней Азии изображения мечей с длинными рукоятями встречены в парфянское и сасанидское время. К парфянскому времени относятся многочисленные изображения из Пальмиры (Ghirshman, 1962. Fig. 90, 91; Trousdale, 1975. Fig. 65; *Sculptures of Palmira*, 1986. Fig. 449, 456), а к раннесасанидскому (III в.) – изображения из Бишапура (Trousdale, 1975. Fig. 67), из Накш-и Рустама с изображением Варахрана II (Луконин, 1969. Рис. 16), а также граффити из Персеполя с изображением Папака (Луконин, 1969. Рис. 25, 1). К этому же времени относятся и изображения на монетах Шапура I Сасанида (241–272 гг.) (Trousdale, 1975. Fig. 74; *Иран в Эрмитаже*, 2004. № 57); на рельефах Накш-и Раджаба мечами с длинными рукоятями вооружены придворные этого правителя (Луконин, 1961. Табл. VII). В позднесасанидское время длинные рукояти на мечах зафиксированы на серебряном блюде из Эрмитажа с изображением Хосрова II (591–628 гг.), сидящего на тахте (Тревер, Луконин, 1987. Илл. 18, 19), и на серебряной тарелке из Кизвина в Иране с изображением того же правителя,

но сидящего на троне (Iran Bastan Museum, Tehran) (*Silver Vessels of the Sasanian period*, 1981. P. 115, 235. Pl. 34). Еще одно изображение сидящего на тахте Хосрова II с аналогичным мечом, но вытканное на ковре, хранится в г. Леон во Франции (Ghirshman, 1962. Fig. 289).

Итак, аналогичные брутскому мечи встречаются на Востоке очень широко. Очень важно в данном случае то, что эта форма мечей характерна для Ирана, причем как в предшествующее находке из Брута время, так и в последующий период. Поскольку эта форма мечей не характерна для Европы, мы можем предположить, что ее появление в Центральном Предкавказье в гуннское время связано с восточным влиянием, скорее всего с Ираном эпохи Сасанидов.

Еще одним указанием на то, что весь комплекс драгоценных вещей из кургана 2 мог поступить к аланам из Ирана, является ювелирный стиль, в котором выполнены вещи. Золотые брутские вещи – это произведения искусства, выполненные в технике, названной в науке “полихромным стилем гуннской эпохи”. Не останавливаясь на вопросе о происхождении этого стиля, отметим, что гипотез о его генезисе было высказано много (см.: Засецкая, 1994. С. 68–75), и в настоящий момент наиболее распространено мнение о его ближне- и средневосточном происхождении (см., например: Перен, 2005. С. 43). Кроме того, есть мнение, что широкому бытованию данного полихромного стиля способствовало распространение общеевропейской аристократической “княжеской” моды, пришедшей в Европу в гуннское время из Восточного Средиземноморья (Причерноморья), т.е. непосредственно или опосредованно из Византии (см., например: Казанский, Перен, 2005; Мастыкова, Казанский, 2005).

И.П. Засецкая, рассмотрев в нескольких работах вещи полихромного стиля, выделила шесть стилистических групп, его характеризующих (1982; 1994). В первые три группы вошли вещи с отдельно напаянными гнездами со вставками из граната, сердолика или стекла. Предметы по-разному украшены (или не украшены) накладным орнаментом из зерни, скани или разных форм штампованных накладок. В группы четыре и пять вошли вещи с перегородчатой инкрустацией (стиль клуазоне), также имеющие свои особенности. В группу шесть – вещи, украшенные разными стилями инкрустации: и в отдельно напаянных гнездах, и в перегородках; при этом имеются и разные формы накладного орнамента. Следует отметить, что шестая группа, по И.П. Засецкой, – самая малочисленная. К ней она отнесла всего несколько предметов, происходящих с широкой территории Румынии (фибулы из Шим-

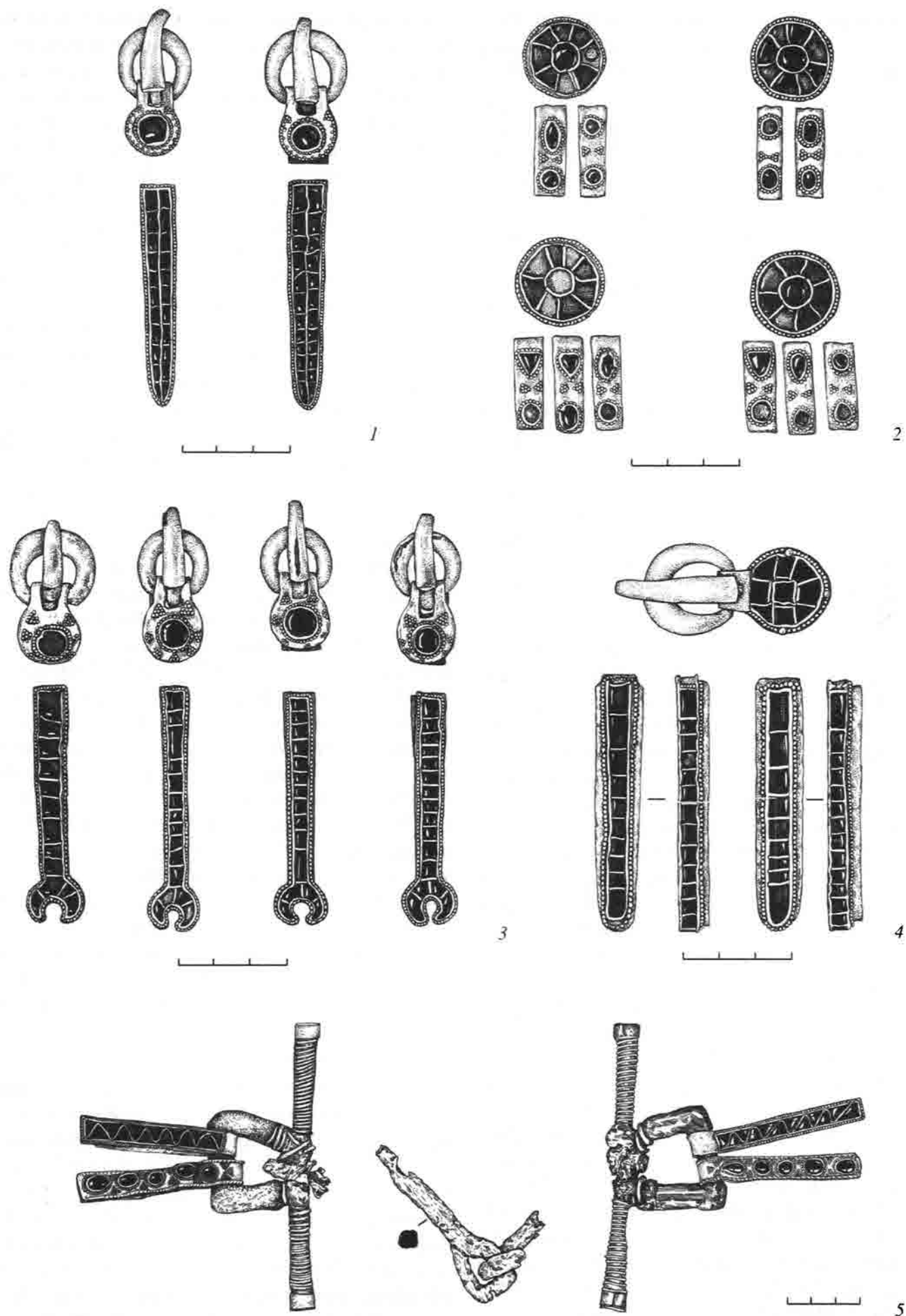

Рис. 2. Находки из кургана 2 у с. Брут.

леул Сильваней и наконечники из Апахиды), Черниговской (фибула из Нежина) и Орловской обл. (фибулы из Поршино) (Засецкая, 1982. С. 30).

В вещевом комплексе кургана 2 у с. Брут обнаружены предметы разных стилей, украшенные инкрустацией в отдельно напаянных гнездах и в перегородках, но, что самое важное, найдены вещи шестой стилистической группы по И.П. Засецкой, характеризующиеся сочетанием этих основных приемов. К этой группе из драгоценных вещей из кургана 2 относятся рукоять и ножны меча, а также элементы конской узды – золотые накладки на псалии, круглые бляхи с подвесками, украшавшими перекрестья ремней уздечки (рис. 1, 2, 3; 2, 3, 4). С формальной точки зрения, данные предметы можно объединить с упомянутыми выше находками, относящимися к шестой стилистической группе, но по набору вещей брутский комплекс от них отличается. Подобное сочетание стилистических признаков не наблюдается на указанных выше категориях вещей, найденных в других комплексах. Констатируем это как некоторую особенность.

Еще одной особенностью можно считать сочетание стиля клуазоне с зернью. Среди брутских находок к таким предметам относятся рукоять и ножны меча, бусина, ограничивающая движение меча по портупейному ремню, наконечники ремней от обувной гарнитуры, круглые бляхи, украшавшие перекрестья ремней уздечки, наконечники ремней от конской узды, поясная пряжка с двумя наконечниками и одна из накладок на псалии (рис. 1, 2–4; 2, 1–5). И.П. Засецкая, характеризуя выделенную ею четвертую стилистическую группу, указала, что для нее иногда возможно сочетание перегородчатой инкрустации и зерни. Из приведенной И.П. Засецкой подборки памятников сочетание клуазоне с зернью отмечено на щитке янтарного навершия меча из Новогригорьевки в Запорожье, на четырехугольной бляшке из разрушенного погребения у с. Федоровка Куйбышевской обл., а также на предметах, найденных у д. Муслюмово в Пермской обл. и у оз. Боровое в Казахстане (Засецкая, 1975. С. 76, 55–58, 43–51; 1994. Табл. 3, 8; 34, 15; 43, 2–5. Рис. 26, 27). К этой же группе следует отнести и наконечник ремня из кургана 2 могильника Утамыш в Прикаспийском Дагестане (Котович и др., 1980. С. 57. Рис. 10, б). Кстати, такие наконечники с перегородчатой инкрустацией встречены в погребениях у Федоровки и Муслюмово, но наконечник из Федоровки (Засецкая, 1994. Табл. 34, 11), в отличие от наконечников из Утамыша и Муслюмово, не имеет зерни.

Предмет из Новогригорьевки, интерпретируемый И.П. Засецкой как навершие меча, скорее всего является бусиной-ограничителем, ограничи-

вающей движение меча по портупейному ремню. На это указывает петля на тыльной стороне предмета. Столь редкая деталь гарнитуры меча свидетельствует о восточном облике системы подвески этого вида оружия. Данный предмет, как и бляшку из Федоровки и богатый комплекс из Муслюмова, И.П. Засецкая датирует временем хронологической группы Ib – первой половиной V в. (1994. Рис. 30). Если для комплекса из Новогригорьевки эта дата не вызывает возражений, то для погребения из Федоровки она, видимо, несколько завышена, так как обнаруженные в нем пряжки не имеют хоботковидных язычков – одного из важных маркеров этого времени. В целом же комплекс из Федоровки датируется гуннским временем, но, скорее всего, его начальной фазой.

Возможно, этим же временем можно датировать и комплекс из Муслюмова. Как и комплекс из Утамыша, он отнесен В.Ю. Малашевым к выделенной им хронологической группе IV (середина – вторая половина IV в.). При этом автор оговаривает, что облик предметов сближает комплекс из Муслюмова и с предшествующей хронологической группой IIIb, но наличие полихромного стиля, по-видимому, позволяет отнести его к гуннскому времени (Малашев, 2000. С. 204). Таким же образом В.Ю. Малашев датирует и предметы из погребения Тугозвонovo на Алтае. Среди них имеется кинжал, украшенный зернью, сочетающейся как с перегородчатой инкрустацией, так и со вставками в отдельно напаянных гнездах (Уманский, 1978. С. 139–141). Все эти комплексы В.Ю. Малашев рассматривает как хронологический пласт, сочетающий вещи, генетически связанные с предгуннской эпохой и имеющие соответствия, в первую очередь стилистические, в гуннское время (Малашев, 2000. С. 204). В то же время есть мнение, что комплексы из Муслюмова и Тугозвонovo относятся к догуннскому периоду (Безуглов, Захаров, 1989. С. 58).

Вне зависимости от того, кто из этих авторов прав и относятся ли эти комплексы к догуннскому или раннегуннскому времени, они в любом случае предшествуют широкому распространению этого ювелирного стиля в Европе. Ранняя дата и указанные стилистические особенности не позволяют рассматривать находки из приведенных выше комплексов как “княжескую моду” на полихромное украшение предметов гуннского и постгуннского времени, пришедшую с Запада. Их отдаленное положение от регионов максимального распространения этой моды, а главное, хронологическое несоответствие позволяют искать источники поступления вещей полихромного стиля в других местах. В этой

связи остановимся на еще одном восточном комплексе из Борового.

Комплекс из Борового относится к более позднему времени, И.П. Засецкой он датируется концом V – первой половиной VI в. (1994. С. 126). Для нашей темы он интересен двумя моментами. Во-первых, тем, что найденные в нем предметы позволяют реконструировать парадный кинжал, который имеет аналогии среди находок, сделанных в могильнике Керим-ло в Корее, и на изображениях оружия, найденных в Восточном Туркестане. Рассматривавшие данную находку авторы указывают на ее средневосточное или даже иранское происхождение (Амброз, 1986. С. 70; Anazawa, Manome, 2000. P. 71–85). Во-вторых, предметы, относящиеся к украшению кинжала из Борового, выполнены в технике, сочетавшей перегородчатую инкрустацию, вставки в отдельно напаянных гнездах и зернь, т.е. набор стилистических приемов, зафиксированный среди находок из Брута и Тугозново.

Все вышесказанное позволяет предположить, что комплекс вещей из кургана 2 имеет не “западное”, а “восточное” происхождение, и что, видимо, именно Иран выступал одним из центров распространения подобных предметов. Говоря об Иране, следует иметь в виду, что о ювелирном искусстве этого государства эпохи Сасанидов мы знаем очень немного. Великолепная торевтика никак не проливает свет на интересующие нас вопросы. Других предметов, имеющих бесспорное иранское происхождение, известно немного. Чаще всего о ювелирном искусстве Сасанидов судят по находкам, происходящим с территорий, подверженных их политическому и культурному влиянию, т.е. несколько опосредованно. Тем не менее некоторые находки из Грузии позволили И.А. Бажану и М.Б. Щукину выдвинуть интересную гипотезу о происхождении полихромного стиля клуазоне (1990). По их мнению, появление полихромных изделий в Закавказье начинается с момента установления непосредственных контактов с Сасанидами после завоевания Шапуром Армении в III в., а истоки искусства Сасанидов следует искать в традициях ахеменидского и парфянского искусства при влиянии Месопотамии и восточноримских провинций (Бажан, Щукин, 1990. С. 94).

С.И. Безуглов и А.В. Захаров связывают распространение в предгуннское время вещей в стиле клуазоне с Закавказьем. Эти авторы приводят подборку предметов данного стиля второй половины III – IV в., проанализировав полихромную пряжку из Недвиговки на Нижнем Дону (Безуглов, Захаров, 1989. С. 56–59), о которой будет сказано ниже.

Более широкий диапазон во времени и пространстве, а соответственно и более широкий круг памятников, содержащих изделия с перегородчатой инкрустацией, рассмотрены в работах Н. Адамс (Adams, 2000. P. 13–70) и В.Ю. Малашева (Малашев, Яблонский, 2008. С. 68–72). Выводы этих авторов о регионе формирования этого стиля, а также о центрах производства вещей совпадают с мнениями исследователей, указывающих в качестве таковых на Ближний и Средний Восток. В этих работах приведена подборка изделий, выполненных в стиле клуазоне. Остановимся только на тех изделиях, где эта техника сочетается с зернью.

К ранним вещам (рубеж эр – первые века н.э.), сочетающим перегородчатую инкрустацию с зернью, относятся отдельные предметы из Тиля-тепе (Sarianidi, 1985. P. 112. № 60; P. 88. № 88; P. 229. № 28) и медальон из Афганистана, хранящийся в частной коллекции (De l'Indus à l'Oxus..., 2003. P. 165, 166. № 136а, б). В памятниках Таджикистана вещи в подобной технике и этого же времени представлены серьгами из могильника БМ-VII и городища Саксанохур (Древности Таджикистана, 1985. С. 85. № 267, 268, 322), серьгами из Тулхарского (Мандельштам, 1966. Табл. LIX, 6, 9) и Бабашовского (Мандельштам, 1975. С. 190. Табл. XLII, 1) могильников, а также пряжкой из Дальверзин-тепе (Les trésors de Dalverzine-tépe, 1978. № 80). Из Таджикистана происходит и серьга, но более позднего времени (III–IV вв.) (Древности Таджикистана, 1985. С. 124. № 414). Зафиксирована подобная серьга и в Пенджикенде (Узбекистан). Еще три серьги, сочетающие перегородчатую инкрустацию с зернью (вставки как граната, так и зеленого стекла), приведены в статье Н. Адамс. Две из них происходят из Хатры в Ираке и датируются первой половиной III в. н.э., третья – из коллекции *Ariadne Galleries* в Нью-Йорке – отнесена к этому же времени или по крайней мере к этой же ювелирной традиции (Adams, 2000. P. 21, 58. Pl. III, 6–8).

Если ранние вещи сочетают клуазоне с зернью, но имеют в основном голубую цветовую гамму, то более поздние вещи выполнены в красной гамме. Так, серьга III в. н.э. из могильника Миздакхан в Узбекистане имеет вставки из сердолика (Культура и искусство..., 1991. С. 195. № 314), а серьга из Пенджикента (Узбекистан), датированная В.И. Распоповой VI–VII вв., украшена красными камнями (какими, в публикации не указано) (1980. С. 110, 111. Рис. 74, 2). На перстне IV–V вв. из могильника Джалпак-Дебе в Киргизии красные камни (в публикации не указано, какие) сочетаются с пастой голубого цвета (Памятники культуры..., 1983. С. 41. № 110). Этим же временем датируются и два височ-

ных украшения из могильника Шамши в Киргизии. Они также имеют сочетание перегородчатой инкрустации с зернью, но сами вставки отсутствуют (Памятники культуры..., 1983. С. 446. № 142, 143).

На уже упоминавшейся золотой пряжке из разрушенного погребения в с. Недвиговка на Нижнем Дону, выполненной в интересующей нас технике, мы встречаем сочетание зерни и красных гранатов со вставками светло-зеленой пасты (Безуглов, Захаров, 1989. С. 44, 45. Рис. 2, 17). Авторы публикации датируют комплекс вещей из этого погребения второй половиной III – началом IV в. н.э., при этом они отмечают, что для данной территории в это время подобные пряжки неизвестны (Безуглов, Захаров, 1989. С. 56, 60). Следует отметить, что пряжки, не имеющие подвижного язычка, но имеющие неподвижный выступ (или выступы), на юге России характерны для времени до рубежа н.э. и имеют совершенно другой облик (Степи европейской части..., 1989. С. 174, 188). В позднесарматское, как и в несколько предшествующее и последующее время, пряжки с неподвижным выступом для южно-русских степей нехарактерны. По внешнему облику пряжка из Недвиговки напоминает синхронный ей золотой предмет с перегородчатой инкрустацией, но без зерни, из погребения в Уреки в Грузии (Левкинадзе, 1975. С. 198. Рис. 6а). Неизвестно, был ли он пряжкой, – по изображению в публикации это неясно. находка, как и весь комплекс вещей из Уреки, И.А. Бажаном и М.Б. Щукиным была датирована концом III – первой половиной IV в. (1990. С. 89–92) и связывалась с иранской ювелирной традицией.

Если предмет из Уреки не является точной аналогией пряжки из Недвиговки, то золотая пряжка из Дальверзин-тепе в Узбекистане (I в. до н.э. – I в. н.э.), сочетающая перегородчатую инкрустацию с зернью, напоминает ее главной конструктивной деталью – наличием неподвижного выступа (Les trésors de Dalverzine-tépé, 1978. № 80). Эта деталь указывает на то, что в обоих случаях мы имеем не весь предмет, а только его половину. Вторая часть пряжки должна была иметь петлю или какое-то другое приспособление, надевающееся на неподвижный выступ первой части пряжки. Таким образом, пряжка или застежка пояса состоит из двух основных симметрично расположенных элементов, по-разному соединяющихся друг с другом. Парадные пояса с подобными пряжками (не обязательно круглыми) были широко распространены на Востоке. Мы видим их на многих изображениях, таких как парфянский рельеф из Ирака (The arts of Persia, 1995. P. 56), скульптуры первых веков н.э. из Хатры в Месопотамии (Ghirshman, 1962. Fig. 100, 105,

110), скульптура из музея г. Шанлыурфа (г. Эдесса античного времени) в Восточной Турции¹. На изображениях на рельефах и серебряных блюдах Ирана подобные пряжки встречаются на протяжении практически всего сасанидского времени (Орбели, Тревер, 1935. № 4, 5, 7, 14; Гиршман и др., 1971. С. 70; Луконин, 1977. С. 164, 165, 178, 209; Тревер, Луконин, 1987. Илл. 6, 7, 10, 11, 14, 15, 20, 21, 24, 25). Возвращаясь к пряжке из Недвиговки на Нижнем Дону, следует заключить, что она была восточного, скорее всего иранского происхождения, поскольку именно Иран эпохи Сасанидов демонстрирует парадные пряжки, состоящие из двух элементов в основном круглой формы.

Имеется еще одна золотая пряжка II–III вв. н.э. из Ирана, состоящая из трех, а не из двух элементов, и не имеющая перегородчатой инкрустации, но сочетающая зернь со вставками в отдельно напаянные гнезда (Иванов и др., 1984. Рис. 57). Эти отличия не противоречат сказанному выше и свидетельствуют скорее всего о многообразии форм этого вида застежек для Ирана. На последнее указывают круглорамчатые пряжки с подвижным язычком и с обоймой в виде полумесяца с заостренными углами, подборка которых приведена в статье М.М. Казанского и которые характеризуются как иранские (2002. С. 193–197). Среди этих пряжек имеется один экземпляр гуннского времени из погребения 1 кургана 18 в Уфе со щитком, декорированным перегородчатой инкрустацией и, возможно, зернью. Утверждать последнее мы не можем, так как из публикации неясно, была ли это реальная зернь или ее имитация (Пшеничнюк, 1968. Рис. 3, 5).

Итак, все вышеприведенные примеры вещей, имеющие такие важные признаки, как сочетание перегородчатой инкрустации с зернью, а также довольно редкое сочетание перегородчатой инкрустации и с зернью, и со вставками в отдельно напаянные гнезда, происходят с Кавказа, из Урало-Камского региона, Казахстана, Центральной Азии и Среднего Востока. Это указывает на восточное и во многих случаях на иранское их производство, что в свою очередь может указывать на то, что вещи из кургана 2 могильника Брут 1 могли быть изготовлены в Иране. Есть еще один важный нюанс, который, правда, косвенно указывает на правильность высказанной гипотезы. Это характеристика гранатовых вставок, украсивших вещи из этого кургана.

В сентябре 2000 г. во время монтажа выставки “Золото князей варваров” в Музее националь-

¹ Выражаю искреннюю благодарность моему коллеге сотруднику ГМИНВ М.Н. Бутырскому за предоставленную фотографию.

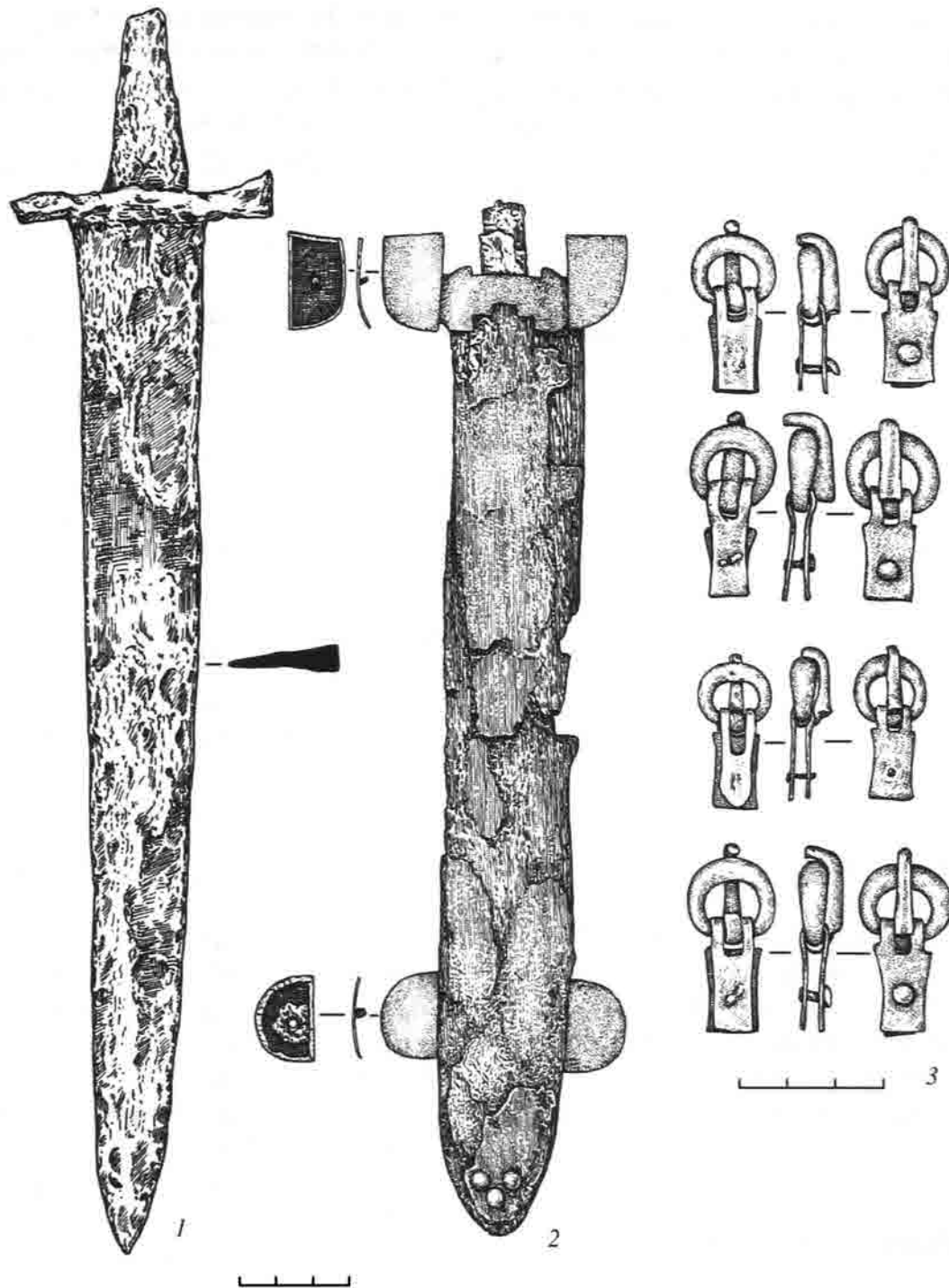

Рис. 3. Находки из кургана 7 у с. Брут.

ных древностей в Сен-Жермен-ан-Ле (Франция) Д. Смитом (Muséum National d'Histoire Naturelle) было проведено исследование гранатовых вставок на вещах из кургана 2 могильника Брут 1, представленных на выставке. Исследование проводилось с помощью Mobile Raman Microscope (MRM), позволяющего проводить анализы без разрушения материала. Исследование химического состава гранатов показало, что гранаты, использованные в изделиях, найденных в Северной Осетии, имеют состав главных минералобразующих элементов, позволяющих отнести их к андрадиту. Как отметил Д. Смит в своем

заключении, состав гранатов, использовавшихся в изделиях из коллекций французских музеев, соответствует пироповому и альмандиновому члену ряда, а андрадит никогда раньше не был зарегистрирован в изделиях рассматриваемого стиля ювелирного искусства. В недавно вышедших публикациях также констатируется, что проведенные исследования европейских предметов V–VI вв. зафиксировали индийские и цейлонские альмандины и родолиты, которые к VII в. заменяются чешскими пиропами (Перен, 2005; Calligaro et al., 2006–2007). В то же время на территории Армении известно более тридцати месторож-

дений андрадитов. К числу наиболее крупных относится Гехинское месторождение. Это почти мономинеральная зона, состоящая в основном из граната, простирающаяся почти на 2 км при ширине 5–20 м (Сейранян, 2004. С. 327). В победной надписи Шапура I (умер в апреле 273 г.) Армения указана среди областей и провинций, входивших в состав державы Сасанидов (Луконин, 1969. С. 62). А с 70-х годов III в. н.э. сын Шапура I Нарсе управлял Арменией и носил титул “великий царь армян” (Луконин, 1979. С. 6, 7). Таким образом, искомый материал для изготовления драгоценных “даров” аланам у Сасанидов имелся.

Кроме вещей из кургана 2 о влиянии Ирана могут говорить кинжал с архаической системой подвески из брутского кургана 7 (рис. 3, 1) и пряжки со щитками, у которых прогнуты боковые грани (рис. 3, 2). В то же время, как показано М.М. Казанским и А.В. Мастыковой, в V в. на Северном Кавказе в Западной Алании с центром в Пятигорье в большом количестве встречены вещи в стиле перегородчатой инкрустации, которые могли проникать из Византии через горные перевалы Северо-Западного Кавказа (2001). Итак, как представляется, полихромный стиль, в том числе и клуазоне, был широко популярен, и попадание на Северный Кавказ драгоценных предметов, выполненных в этой технике, было связано в том числе и со стремлением двух крупнейших противоборствующих держав, какими в это время были Сасанидский Иран и Византия, решать свои политические задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К.* Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножках // СА. 1986. № 4.
- Ахмедов И.Р.* Военское погребение из могильника Борок II // ТАС. Вып. 4. Тверь, 2001.
- Бажан И.А., Шукин М.Б.* К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазоне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. 1990. № 30.
- Безуглов С.И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000.
- Безуглов С., Захаров А.* Богатое погребение позднеарматского времени близ Танаиса // Изв. Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов н/Д., 1989.
- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К.* Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. М., 1995.
- Гиришман Р., Минорский В., Сангви Р.* Персия. Бессмертное царство. Лондон, 1971.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Засецкая И.П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.
- Засецкая И.П.* Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). СПб., 1994.
- Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С.* Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековые периоды. М., 1984.
- Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций. Каталог выставки. СПб., 2004.
- Казанский М.М.* Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии // Первобытная археология. Человечество и искусство. Новосибирск, 2002.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001.
- Казанский М.М., Перен П.* Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований // КСИА. 2005. Вып. 218.
- Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М.* Утамьшские курганы // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 1. М., 1991.
- Леквинадзе В.А.* Богатое погребение конца IV в. из Уреки (Грузия) // СА. 1975. № 4.
- Луконин В.Г.* Иран в эпоху первых сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961.
- Луконин В.Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
- Луконин В.Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Луконин В.Г.* Иран в III в. н.э. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднеарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднеарматское время. М., 2008.
- Мандельштам А.М.* Кочевники на пути в Индию. Л., 1966 (МИА; № 136).
- Мандельштам А.М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Тр. Таджикской археолог. экспедиции. Т. VII. Л., 1975.
- Мастыкова А.В., Казанский М.М.* О происхождении “княжеского” женского костюма варваров гуннского

- времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения. М., 2005 (Тр. ГИМ; Вып. 145).
- Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. М.; Л., 1935.
- Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л., 1983.
- Перен П. О происхождении гранатов на вещах инкрустационного стиля из базилики Сен-Дени во Франции // КСИА. 2005. № 218.
- Пшеничнюк А.Х. Уфимский курганный могильник // Археология и этнография Башкирии. № 3. Уфа, 1968.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Сейранян В.Б. История изучения и использования камнесамоцветного минерального сырья на территории армянского нагорья (с древнейших времен – до начала XX в.): Дис. ... д-ра геолого-минералог. наук. М., 2004.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).
- Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.
- Уманский А.П. Погребение эпохи “Великого переселения народов” на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
- Adams N. The development of early garnet inlaid ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert. Budapest; Napoli; Roma, 2000 (Varia Arhaeologica Hungarica; IX).
- Anazawa W., Manome J. The inlaid gold dagger from Kerim-loo and its Western connections // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert. Budapest; Napoli; Roma, 2000 (Varia Arhaeologica Hungarica; IX).
- Belenitsky A. Asie Centrale. Genève, 1968.
- Calligaro T., Perin P., Vallet F., Poirot J.-P. Contribution à l'étude des grenats mérovingies (Basilique de Saint-Denis et autres collections du Musée d'Archéologie nationale, collections publiques et objets de fouilles récentes). Nouvelles analyses gemmologiques et géochimiques effectuées au Centre de Restauration des Musées de France // Antiquités nationales. 2006–2007. T. 38.
- De l'Indus à l'Oxus Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.
- Ghirshman R. Iran. Parthes et Sasanides. Paris, 1962.
- Ilyasov J.Ya., Rusanov D.V. A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk road art and archeology. V. 5. Kamakura, 1997–1998.
- Les trésors de Dalverzine-tépé. Leningrad, 1978.
- Sarianidi V. Bactrian Gold. Leningrad, 1985.
- Sculptures of Palmyra // Memoirs of the Ancient Orient Museum. V. 1. Tokyo, 1986.
- Silver Vessels of the Sasanian period. V. I: Royal Imagery. The Metropolitan Museum of Art. N.Y., 1981.
- The arts of Persia (Persian translation). Tehran, 1995.
- Trousdale W. The Long Sword and Scabbard Slide in Asia // Smithsonian Contribution to Anthropology. № 17. Washington, D.C., 1975.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ИНВЕНТАРЕ ГАЛИАТСКОГО СКЛЕПА 1935 г. В ДИГОРСКОМ УЩЕЛЬЕ (СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ)

© 2012 г. А.А. Кадиева

Государственный Исторический музей, Москва (adelgeida85@mail.ru)

Ключевые слова: *раннее средневековье, Северная Осетия, Дигория, с. Галиат, аланы, поясные наборы, оружие, предметы конской сбруи.*

The article covers the elements of the belt sets and horse bridle from the Alanic crypt excavated by E.I. Krupnov near the village of Galiat (Digorskoye gorge, North Ossetia) in 1935. The mixed inventory from the crypt allowed nonetheless to identify two belt sets and to determine the assemblages of origin for the weapons and the horse harness. On the basis of analogies the material has been assigned to two periods: late 7th – early 8th and middle – first quarter of the 8th c. The older artifacts from the crypt are belt-ends with imitation seeded ornament, plain round plates and plates with cruciform-and-rhombic ornamentation. The youngest finds from the burial are the saber and the arch-shaped stirrups, which show an affinity with antiquities of the Saltovo-Mayaki culture. The plates decorated with converging loops and the horseshoe-shaped plates also date to that time. In the light of the above, the optimum absolute date for the Galiat crypt is the second – third quarter of the 8th century.

В 1935 г. Северо-Кавказской экспедицией Государственного Исторического музея (ГИМ) под руководством Е.И. Крупнова был раскопан подземный склеп близ селения Галиат (Дигорское ущелье, Республика Северная Осетия–Алания), который справедливо считается знаковым комплексом в среде исследователей древностей Восточной Европы предсалтовского и салтовского времени. Две монеты (византийский солид Ираклия и Ираклия Константина 613–630 гг. и арабский дирхем 701 г.), найденные среди вещевого материала, позволяют датировать комплекс достаточно узко. Благодаря этому памятник постоянно привлекал к себе пристальное внимание специалистов по хронологии.

А.К. Амброз датировал памятник второй половиной VIII – первой половиной IX в. (1971. С. 130). Впоследствии Галиатский склеп 1935 г. был включен в две существующие на сегодняшний день хронологические схемы древностей Восточной Европы, и в обоих случаях памятник стал эпонимным для хронологических горизонтов, выделенных авторами. Так, И.О. Гавритухин отнес склеп к горизонту Галиата–Романовской, датировав его 690–710 – 720–740 гг. А.В. Комар включил описываемый памятник в горизонт Галиат–Геленовка и датировал его 725–740 гг. Оба автора рассматривали вещи из комплекса в совокупности, поскольку многие предметы были смещены со своих мест и,

по мнению Е.И. Крупнова, определение их принадлежности к конкретному костяку не представлялось возможным.

Тем не менее параллели, проводимые с комплексами, раскопанными после открытия Галиатского склепа, позволяют по-новому взглянуть на материал интересующего нас памятника. В данной статье приводятся только аналогии в рамках аланской культуры Северного Кавказа и ее донского варианта, поскольку в этих пределах они наиболее близки к инвентарю Галиатского склепа и, следовательно, наиболее информативны. Широкий круг более отдаленных аналогий приведен в работах А.В. Комара (1999) и И.О. Гавритухина (2005).

Предметы из Галиата неоднократно фигурировали в различных публикациях, однако все археологи, обращавшиеся к материалу Галиатского склепа, пользовались лишь фотографиями из статей автора раскопок (Крупнов, 1938; 1940) и прорисовками с них. Плохое качество печати обусловило серьезные расхождения в изображениях предметов, что часто порождало ошибки при поисках аналогий и дальнейшей интерпретации материала.

По названным выше причинам публикация погребального инвентаря Галиатского склепа на современном научном уровне стала необходимой. Рамки данной статьи не позволяют привести здесь все предметы комплекса, поэтому представляется целе-

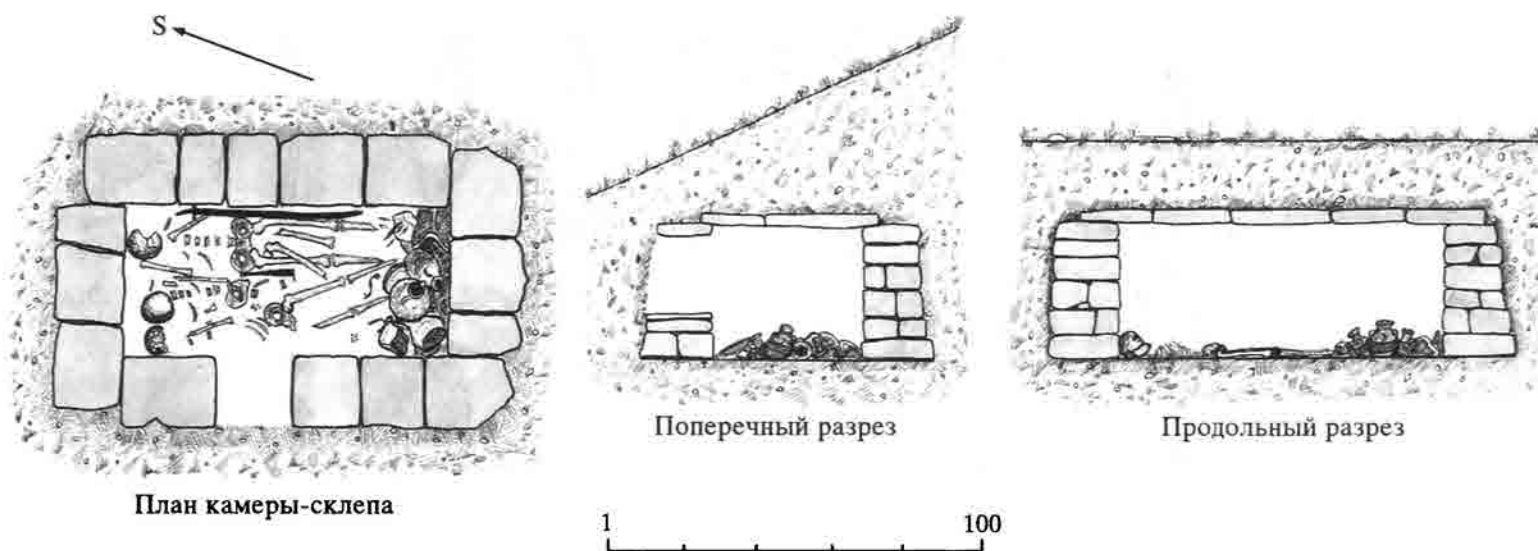

Рис. 1. Реконструкция Галиатского склепа (по: Крупнов, 1940. С. 139. Рис. 3).

сообразным обратиться к наиболее информативной его части, а именно к поясным наборам мужских костяков, вооружению и конскому снаряжению.

Погребальный памятник представляет собой прямоугольную камеру, сложенную из камня местных пород и перекрытую сланцевыми плитами (рис. 1). В северо-восточной стене камеры располагался лаз. В камере вытянуто на спине лежали три костяка: два мужских и один женский. В ногах у них находились два седла, а также керамические и деревянные сосуды. Нумерация костяков идет от юго-западной (противоположной лазу) стены. Вещи в склепе перемешаны проникавшей внутрь землей и грызунами, поэтому сначала следует рассмотреть вещи по категориям.

К предметам вооружения относится сабля (рис. 2, 1), лежавшая вдоль туловища мужского костяка 1 у левой руки. Клинок изогнут, направление черенка рукояти совпадает с направлением оси клинка. Перекрестье напускное прямое с ромбовидным расширением в центре. На клинке сабли прослеживались остатки ножен: фрагменты деревянной обкладки и небольшие куски бересты. По тупому краю сабли в части, близкой к рукояти, имеются значительные утраты.

Галиатская сабля традиционно считается одним из самых ранних предметов данного вида вооружения (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 62). В.Н. Каминский отнес ее к типу I, типобразующим элементом которого является прямое брусковидное перекрестье, близкое к перекрестьям аланских мечей (1991. С. 77). Этот же автор отмечает, что ромбовидное расширение перекрестья в средней части появляется только в IX в. (Каминский, 1991. С. 78). Мнение о брусковидности перекрестия галиатской сабли сложилось из-за того, что на фотографии,

приведенной в публикации Е.И. Крупнова 1940 г., рассмотреть форму предмета невозможно.

Кроме сабли в склепе был обнаружен втульчатый наконечник копья (рис. 2, 2). Судя по чертежу (рис. 1), этот предмет находился между мужскими костяками 1 и 2 около их пояса, однако автор раскопок связывает его со вторым костяком. Наконечник лежал острием по направлению к головам погребенных. Размеры склепа не позволяют разместить в таком месте целое копьё, заставляя предположить, что древко было сломано.

Перо копья узкое ланцетовидное без нервюры. Сечение наконечника линзовидное. Кончик пера обломан. Аналогичное копьё встречено в могильнике Директорская Горка (Абрамова, 1982. С. 139. Рис. 3, 41). Копьё относится к типу 2 по А.В. Крыганову (1987. С. 100, 251. Рис. 42, 3), который определяет период его бытования VII–VIII вв. и отмечает, что к IX в. эти копьё выходят из употребления.

Среди находок – наконечники стрел (18 шт.) (рис. 2, 3), 5 из них обнаружены в ногах, 3 – у туловища и таза первого костяка, около сабли, 4 – у голени первого костяка справа, остальные разбросаны в ногах всех трех костяков. Все наконечники трехлопастные черешковые с упором, на некоторых частично сохранились древки стрел.

Еще Е.И. Крупнов отметил сходство галиатских наконечников со стрелами из Дзивгиса и Фаскау (Уварова, 1900. Табл. LXXIV, 13; CXXI, 6). Подобные стрелы были найдены в катакомбе 29 могильника Клинь-Яр (Флёров, 2000. Рис. 37, 16), датированной концом VII – началом VIII в.

В публикации автора раскопок рассматриваемого памятника упомянуты два деревянных ушка стрел, до сегодняшних дней не сохранившиеся (Крупнов,

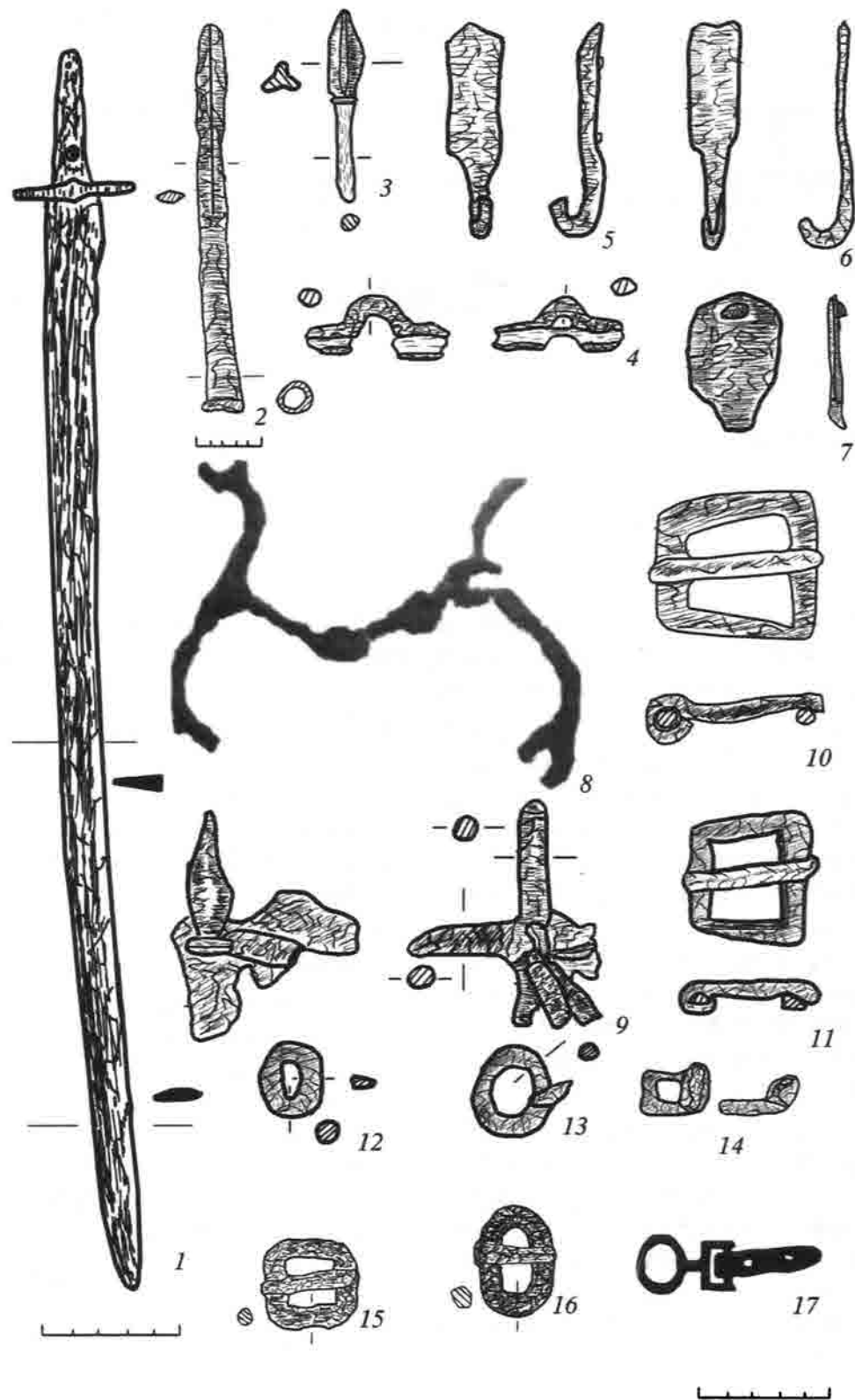

Рис. 2. Оружие и предметы конской сбруи: 1 – сабля; 2 – наконечник копья; 3 – наконечник стрелы; 4 – скобы от колчана; 5, 6 – колчаные крюки; 7 – фрагмент железного предмета; 8 – удила (по: Крупнов, 1940. Без масштаба); 9 – удила; 10, 11, 13–16 – пряжки; 12 – кольцо; 17 – ременный распределитель (по: Крупнов, 1940. Без масштаба). 1, 2, 5–16 – железо; 3, 4 – железо, дерево; 17 – бронза, кожа.

1940. С. 153. Табл. 4, 23). Кроме них были обнаружены многочисленные высохшие и изогнутые деревянные древки стрел.

В Галиатском склепе найдены также две железные скобы от колчана (для продевания португейного ремня) с широкими пластинами овальных

очертаний, крепившимися при помощи заклепок, между которыми сохранились куски дерева (рис. 2, 4). Одна из скоб найдена у пояса первого костяка, вторая – у него же в ногах.

Скобы относятся к типу 2 по А.В. Крыганову (1987. С. 277. Рис. 16, 5). Автор отмечает, что в

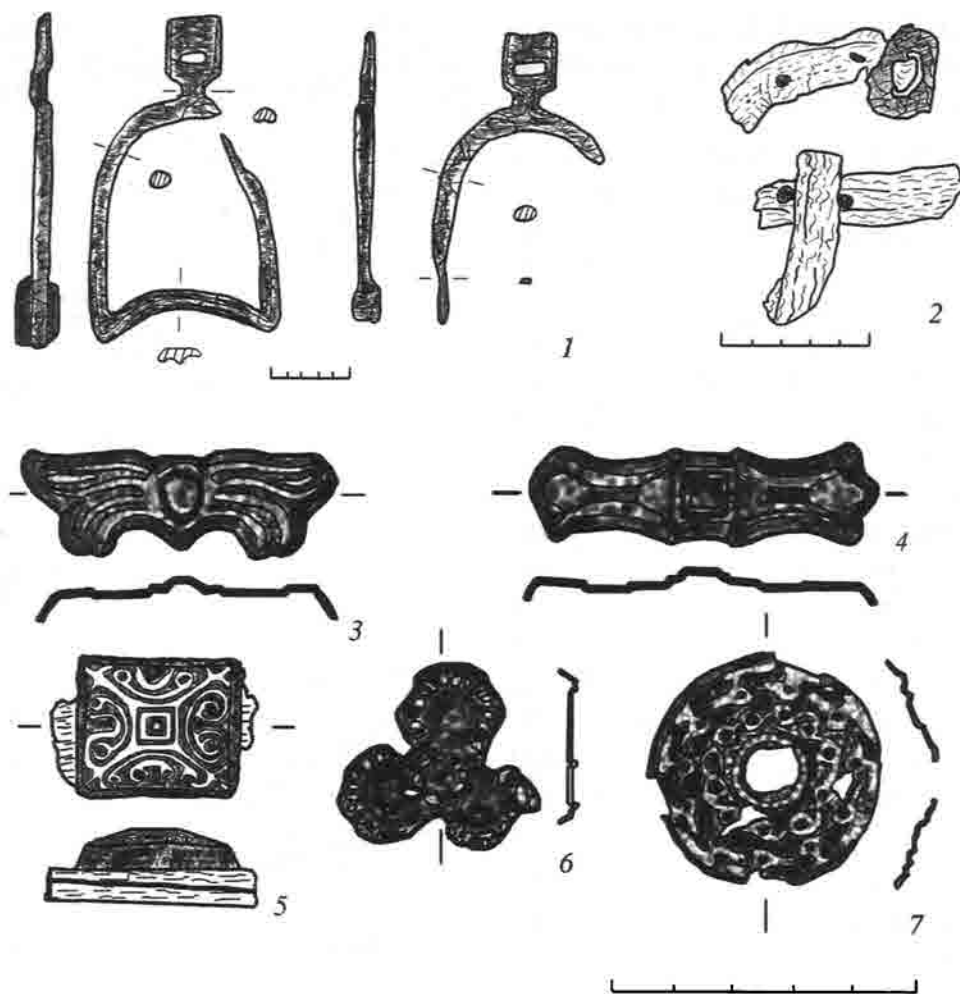

Рис. 3. Детали конской сбруи: 1 – стремена; 2 – ремни; 3–7 – сбруйные бляшки. 1 – железо; 2 – железо, кожа; 3, 4, 6, 7 – серебро, золото, бронза; 5 – серебро, золото, бронза, кожа.

южнорусских степях они бытовали на протяжении VII–X вв., но в памятниках VII–VIII вв. встречаются лишь единожды в Арцибашево (Крыганов, 1987. С. 46). Кроме того, подобные скобы найдены в Дмитриевском могильнике в погр. 45, 87, относящихся к раннему периоду бытования могильника, и в погр. 55, включенном в переходную стадию (Плетнева, 1989. С. 72. Рис. 33).

К инвентарю погребения относятся и два железных колчанных крюка, служащих для подвешивания колчана к поясу с подпрямоугольными щитками. Верх одного из крюков завершен выступом в виде треугольника (рис. 2, 5), второго – в виде небольшого выреза (рис. 2, 6). На оборотной стороне обоих крюков видны следы шпеньков для крепления. Один из крюков находился под седлом, другой – в углу камеры. Крюки относятся к группе I типу 1 по А.В. Крыганову (1987. С. 277. Рис. 17, 3, 5). Датировок автор не привел.

Еще одна находка – предмет железный плоский, пятиугольной формы (рис. 2, 7). На оборотной стороне – след шпенька для крепления. Согласно интерпретации автора раскопок, это также фрагмент

колчанного крюка (Крупнов, 1940. С. 160). Он найден между первым и вторым костяками на уровне ступней ног.

Таким образом, судя по наличию двух колчанных крюков и большого количества наконечников стрел, в Галиатский склеп были положены, как минимум, два колчана. Наличие всего двух скоб для продевания портупей не противоречит этому предположению, поскольку среди памятников VII–VIII вв. на территории Восточной Европы известны колчаны с одной скобой – тип I по А.В. Крыганову (1987. С. 255. Рис. 14, 1).

Из предметов конского убора следует обратить внимание на пару железных стремян (рис. 3, 1). Они имеют арочную форму и выделенную петлю, шейки узкие с загнутыми краями, а сохранившаяся подножка у одного из стремян сильно вогнута (изгиб подножки в форме трапеции). Вторая пара аналогичных стремян фрагментирована, однако по форме сохранившихся частей подножек тип стремян легко восстанавливается. Подобные стремяна широко распространены на Северном Кавказе, в степях юга России и в Подунавье. Для террито-

рии Северо-Западного Кавказа И.О. Гавритухин и А.В. Пьянков относят их ко второй четверти–середине VIII в. (2003. С. 240. Табл. 73, 9, 10).

В Галиатском склепе также были обнаружены две пары удил. Одни из них – однокольчатые с S-видными псалиями, завершающимися ответвлениями в виде полумесяца на противоположных концах (рис. 2, 8). На сегодняшний день от этих удил сохранились лишь отдельные фрагменты, но их облик можно восстановить по изображению в публикации Е.И. Крупнова (1940. С. 156. Табл. V, 30). Точные аналогии этим удилам в синхронных древностях Восточной Европы нам неизвестны, однако удила с псалиями S-видной формы встречаются достаточно часто в могильниках VIII–IX вв. (Ковалевская, 1981. С. 92). Ближайшая аналогия галиатским – удила из Борисовского могильника (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 240. Табл. 73, 14). Помимо описанных выше в склепе были обнаружены два фрагмента удил со стержневидными псалиями (рис. 2, 9). Поводья крепились к кольцам удил при помощи зажимов. Подробнее рассмотреть конструкцию предмета из-за коррозии не удастся.

Отметим две целые массивные железные пряжки (рис. 2, 10, 11) трапециевидной формы: округлую и подтреугольную в сечении. Язычки обеих пряжек прогнуты. Крупные размеры и массивность пряжек, а также расположение их в ногах погребенных, куда были сложены седла с упряжью, позволяют нам соотнести эти предметы с конской сбруей.

Местонахождение следующих предметов неясно, но они, очевидно, также относятся к конской сбруе. Это овальное железное кольцо (рис. 2, 12), одна из сторон которого имеет подтреугольное сечение; круглая с остатками язычка (рис. 2, 13) и небольшая прямоугольная железные пряжки (рис. 2, 14). На одной из сторон последней сохранились железные окислы, возможно, остатки щитка. Также к этой группе принадлежат прямоугольная (рис. 2, 15) и овальная железные пряжки (рис. 2, 16). Кроме того, сохранились четыре фрагмента рамок двух меньших железных пряжек прямоугольной формы и язычок одной из них.

Бронзовый ременной распределитель с петлей на штыре (рис. 2, 17) не попал в коллекцию ГИМ, но был опубликован автором раскопок (Крупнов, 1940. Табл. VII, 46). В петле распределителя закреплен ремень, относящийся к конской сбруе.

В Галиатском склепе в ногах погребенных лежали два деревянных седла. Благодаря редкости находок деревянных частей седел эти предметы заняли важное место во всех созданных на сегодняшний день классификациях восточноевропейских и ази-

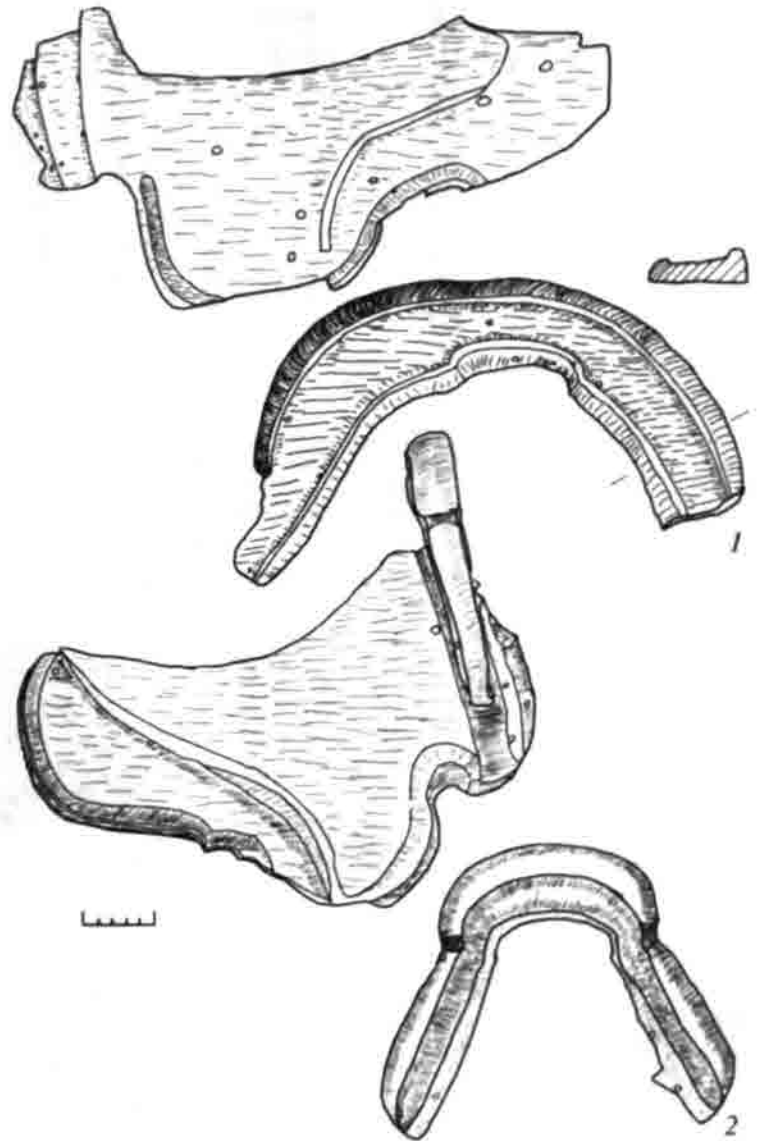

Рис. 4. Седла: 1 – “длинное”; 2 – “короткое”. Дерево.

атских седел (А.А. Гавриловой, С.И. Вайнштейна, А.К. Амброза и А.В. Комара). Подробный анализ литературы на эту тему приведен в работе последнего (Комар, 2008).

По форме ленчика А.В. Комар определил седла как длинное и короткое (2008. С. 242). У первого сохранилась только задняя лука (рис. 4, 1), у второго – передняя (рис. 4, 2). Лопasti длинного седла более широкие, чем лопasti короткого. Передняя лука последнего – аркообразной формы с уплощенным верхом и перехватом в верхней трети, по краю луки проходят валики. Луки обоих седел посажены наклонно. Аналогии галиатским седлам приведены Е.И. Крупновым в первых публикациях памятника (1940. С. 144, 145). В их числе указаны фрагмент седла из катакомбы 21 могильника Чми (раскопки Д.Я. Самоквасова), седло из катакомбы 5 могильника Архон (раскопки Е.Г. Пчелиной). Кроме того, к аналогиям галиатских седел можно отнести седло из подкурганной катакомбы 17 могильника Чир-

Юрт (Магомедов, 1975. С. 276) и два седла из собрания Государственного Эрмитажа, одно из которых, возможно, происходит из Кенкольского могильника в Киргизии (Степанова, Торгоев, 2008. С. 354).

Важно отметить, что интерпретация А.В. Комаром галиатских седел как парадных на основе крупных размеров задней луки, якобы мешающей джигитовке, вызывает возражения, поскольку крупная лука необходима всаднику-копейщику, погребению которого, вероятно, и принадлежит седло. А.В. Комар указывает на три сохранившиеся луки (одна передняя и две задние) интересующих нас седел. На самом деле задней луки длинного седла, указанной в таблице на рис. 1 под № 4, не существует. Данному седлу принадлежит задняя лука, указанная в той же таблице под № 2 и отнесенная автором к короткому седлу (2008. С. 250).

В комплексе находок из склепа – несколько обрывков ремней конской сбруи (рис. 3, 2). Они представляют собой сложенные вдвое ремни шириной 1.7–1.75 см, прошитые двумя параллельными швами и пронизанные бронзовыми штифтами. В одном случае сохранились два перекрещивающихся ремня, из которых один вставлен в другой через две вертикальные прорези. Очевидно, так оформлялись перекрестья ремней оголовья. В другом случае на конце обрывка ремня было закреплено овальное железное кольцо размерами 3.3x1.9 см. Ремень перехлестнут через него и закреплен бронзовым штифтом.

Наиболее многочисленная категория находок – штампованные бляшки от конской сбруи и поясных ремней. Все бляшки были изготовлены по следующей технологии: на серебряную пластину техникой тиснения наносилось изображение, затем пластинка обтягивалась золотой фольгой, и с оборотной стороны предмет заполнялся пастообразной массой, в которую утапливались бронзовые штифты, прикреплявшие бляшку к коже ремня. Микрохимическое и гистохимическое исследование пастообразной массы показало, что бляшки заполнены глиной с примесью воска и смолы (анализ сделан в Отделе реставрации ГИМ зав. сектором Р.А. Турищевой).

Техника заливки тисненых золотых и серебряных бляшек недорогими материалами известна на территории Восточной и Северной Европы. Чаще всего для заполнения применялся свинцово-оловянистый сплав. Впервые подобный метод заливки зафиксирован в раннеаварских памятниках (Дайм, 2002. С. 288). В.В. Мурашева при анализе предметов из Супрутского клада, выполненных в данной технике, привела представительную подборку аналогий (2008. С. 13; там же см. литературу). При этом исследовательница отметила, что для древностей

салтово-маяцкой культуры характерно иное заполнение бляшек. В пользу этой точки зрения говорит морфологическое сходство заполнения галиатских бляшек с заполнением поясных бляшек из Песчанки, Камунты и других кавказских памятников, однако полное ее подтверждение невозможно до проведения химического анализа этих предметов.

Рассмотрим бляшки в форме раскинутых крыльев (рис. 3, 3). Найдено шесть целых и пять обломков бляшек. За исключением трех обломков, обнаруженных у тазовых костей костяков 2 и 3 и на поверхности земли, остальные бляшки локализируются рядом с седлами. Обломок бронзовой бляшки такой же формы был найден в катакомбе 2 могильника Хулам в Балкарии (Чеченов, 1987. С. 161. Рис. 31, 11), датированной VIII–IX вв.

Бляшки вытянутой формы с выпуклой подквадратной серединой и симметричными лопастями с завершением в виде трех полукруглых выступов (рис. 3, 4). Всего найдено 23 бляшки, из которых 1 – у головы первого костяка, 2 – у его же колен, 1 – в ногах, еще 2 бляшки обнаружены у таза второго костяка, остальные – вокруг седел. Обращают на себя внимание отпечатки пальцев, которыми покрыты лопасти бляшек.

Бляшки прямоугольные выпуклые (рис. 3, 5) с орнаментом в центре в виде двух вписанных друг в друга квадратов, возможно, имитирующих вставку. От углов внешнего квадрата расходятся линии, заканчивающиеся разветвлениями на концах и делящие бляшку на четыре части. В каждой из частей располагается орнамент в виде дугообразно изогнутых линий с завершениями в виде окружностей на обоих концах, при этом орнамент не симметричен. На одной из них сохранились остатки кожаного ремня с бронзовыми заклепками, относящегося к конской сбруе. Всего бляшек подобного типа обнаружено 19 шт., из них 1 найдена у таза второго костяка, 1 – на туловище первого костяка, 1 – в ногах второго костяка, еще 1 – между его голенищами. Остальные лежали около седел.

Данные бляшки отнесены И.О. Гавритухиным к группе индикаторов синхронизации (далее ИС) 13 (2005. С. 401). Точные аналогии им неизвестны, хотя ряд авторов отмечают их стилистическую близость с предметами из различных комплексов (Гавритухин, 2005. С. 401; Комар, 2006. С. 156. Рис. 37, 38, 39). Однако без визуального изучения приводимых аналогий ни подтвердить, ни опровергнуть эти точки зрения не представляется возможным.

Бляшки в виде трех спаянных окружностей (рис. 3, 6) с рубчато-выпуклым орнаментом в центре и по краям. Найдены две целые бляшки и один

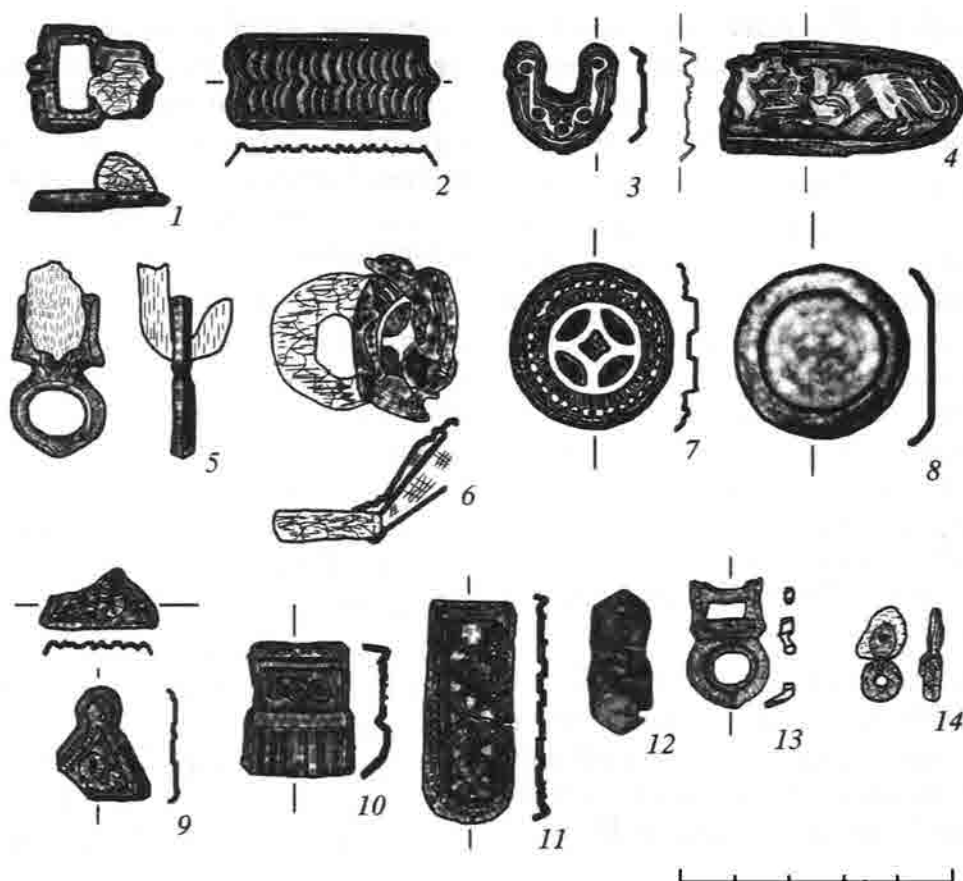

Рис. 5. Детали поясных наборов: 1–5 – поясной набор 1; 6–14 – поясной набор 2. 1 – бронза, железо; 2–4, 7–11 – серебро, золото, бронза; 5 – бронза, кожа; 6 – железо, серебро, золото, бронза; 12 – материал неизвестен; 13 – бронза; 14 – железо, бронза, кожа.

обломок. Все лежали у седла. Они относятся к группе ИС-28 по И.О. Гавритухину. Ближайшие аналогии – золотая трехлопастная бляшка из разграбленных могил Камунты (Уварова, 1900. Табл. СХХV, 10) и серебряная сбруйная трехлопастная бляшка от конской упряжи из катакомбы 29 могильника Клинь-Яр (Флёров, 2000. С. 45. Рис. 39, 5), датированной VII – началом VIII в.

Бляшки округлые выпуклые штампованные с двумя рядами орнамента по окружности (рис. 3, 7). Внутренний круг составлен из кружков, соединенных косыми линиями, внешний – из стилизованных изображений водоплавающих птиц, возможно, уток. Клювы птиц приоткрыты. Одна из бляшек сохранилась полностью, от второй осталась половина. Целая бляшка обнаружена в ногах костяка 1, обломок – у седла 1. Ближайшая аналогия – две находки из катакомбы 6 могильника Архон (Шестопалова, 1997. С. 12, 16. Рис. 28, 39; 36, 61). На архонских бляшках также по кругу изображены водоплавающие птицы, перемежающиеся орнаментальными включениями подтреугольной или “сердцевидной” форм. Очевидно, что в обоих случаях бляшки служили обкладкой какого-то деревянного предмета либо, что менее вероятно, были заполнены изнутри стеклянной пастой. Все эти предметы можно

с большой долей вероятности отнести к конской сбруе.

Далее обратимся к принадлежностям поясных наборов. Пряжка бронзовая с прямоугольной рамкой и геральдическим щитком (рис. 5, 1). На щитке образовалась железная накипь.

Ременной распределитель бронзовый округлый с подпрямоугольной рамкой с вогнутыми короткими сторонами (рис. 5, 5). В рамке распределителя сохранился фрагмент сложенного вдвое кожного ремня.

Подобные распределители характерны для древностей предсалтовского и салтовского времени. Например, аналогичный предмет найден в катакомбе Б могильника Чми (Хайнрих, 1995. С. 211. Табл. IX, 8) вместе с пряжкой, на которой изображен лучник, стреляющий во льва. Этот сюжет типичен для салтовских древностей, и авторская датировка серединой VIII – серединой IX в. не вызывает возражений.

Пряжка железная округлой формы, овальная в сечении, с бронзовой заклепкой для крепления к ремню (рис. 5, 6). К пряжке прикипела одна из круглых блях с “крестовидно-ромбической” композицией.

Ременный распределитель выпуклый, имеющий четко выраженную обратную сторону (рис. 5, 13). Распределители схожей формы характерны для поясов VII в. Подобные изделия найдены в катакомбе XVII могильника Чми (Амброз, 1971. С. 118. Рис. 12, 47) и в погр. 52 могильника Борисово (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 245. Табл. 78, 85).

Маленькое железное колечко с сохранившейся бронзовой скобой, при помощи бронзовой заклепки крепившей предмет к округлому куску кожи. Вокруг скобы и по краю куска кожи сохранились следы швов (рис. 5, 14).

Бляшки с орнаментом в виде двух соединяющихся дужек (рис. 5, 2). В Галиатском склепе, согласно Е.И. Крупнову (1940. С. 143–144), встречены два вида этих украшений: с полукруглыми завершениями с одного конца (9 шт., из которых 2 найдены на груди первого костяка, 1 – у таза второго костяка, 1 – у правой ступни второго костяка, 5 – на коротком седле); с угловатыми завершениями (8 шт. целых и 23 обломка, из которых 1 найден у бедра третьего костяка, 2 – у самой северо-северо-западной стены, 2 – у лаза, остальные – под седлами и около них). Однако детальный осмотр бляшек заставляет усомниться в существовании второго вида, поскольку все эти предметы, имеющиеся на сегодняшний день в коллекции музея, склеены из неподходящих друг к другу фрагментов. Таким образом, вполне вероятно, что в Галиатском склепе находились только бляшки первого вида.

Эти бляшки отнесены И.О. Гавритухиным к группе ИС-27, при этом исследователь отмечает, что подобный орнамент как элемент более сложной композиции имеет широкое географическое распространение (2005. С. 403), а тисненные бляшки, покрытые таким орнаментом полностью, составляют особую кавказскую группу.

Бляшки данного вида находят наибольшее число аналогий из всех поясных бляшек Галиатского склепа. Подобные бляшки меньших размеров найдены у пояса погребенного в катакомбе 4 могильника Песчанка (Владимиров, 1901. С. 128. Рис. 11, 12) вместе с пятью стеклянными перстнями. Серебряные бляшки, покрытые тонкой золотой фольгой и украшенные таким же орнаментом, что и описанные выше, были обнаружены в катакомбе 2 могильника Хулам (Чеченов, 1987. С. 163. Рис. 33, 28), где также обнаружены пять индикаций монет Ираклия (610–641 гг.) и Константа II (641–668 гг.). В этом же погребении найдены тесло-мотыжка, пара аркообразных стремян, бронзовая серьга с трехбусинной подвижной колонкой, фрагменты стеклянных браслетов – инвентарь, характерный для периода не ранее IX в., что позволяет вслед за автором раскопок

датировать сооружения катакомбы не ранее второй половины VIII в. Кроме того, аналогичные бляшки (но с отверстием у края) известны из катакомбы 52 Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 84), относящейся к поздней группе погребений, но здесь они, по мнению С.А. Плетневой, принадлежат конскому оголовью. Вместе с бляшками в этой катакомбе находились меч с брусковидным перекрестьем, тесло-мотыжка и аркообразные стремяна с прямой подножкой. Серебряная бляшка со схожим орнаментом найдена в Восточном Кугульском склепе 2 (Рунич, 1979. С. 245. Рис. 2, 12) вместе с пятью индикациями византийской монеты Тиверия III (698–705 гг.).

Две бляшки в виде подковок, орнаментированные косыми линиями с окружностями на концах (рис. 5, 3). Одна располагалась на туловище первого костяка, другая – в ногах. Ближайшая аналогия – три золотые бляшки из катакомбы 6 Архонского могильника (Шестопалова, 1997. Рис. 31, 46, 47/1; 35, 56). Здесь бляшки со схожим орнаментом венчают направленные в разные стороны птичьей головы, что позволяет предположить, что подобные ременные украшения носились ответвлениями вверх. Две бронзовые штампованные накладки этого типа были обнаружены в катакомбе 1 могильника Кич-Малка 1 (Коробов, 2010. С. 71. Рис. 8, 3, 4). Стилистически схожие с галиатскими литые бляшки происходят из катакомбы 7 могильника Песчанка (Владимиров, 1901. С. 133. Рис. 43; 44).

География распространения подковообразных бляшек охватывает достаточно широкий регион, включающий Северный Кавказ, Крым и Среднее Поволжье. Этот тип поясных украшений, по мнению А.В. Комара, характерен для горизонта Столбище–Старокорсунская, который исследователь датирует 740–790 гг. (1999. С. 123).

У пояса первого костяка найден наконечник ремня с изображением сцены терзания (рис. 5, 4), отнесенный И.О. Гавритухиным к группе ИС-33 (2005. С. 404). У этого предмета под серебряную пластину, обложенную золотой фольгой, помещена тонкая пластина из бронзы. Форма наконечника полукруглая. В поле, ограниченном бортом наконечника, изображен крылатый зверь, терзающий существо с головой копытного животного и рыбицей туловищем.

Зверь, развернутый головой влево, припал на передние лапы (изображена только одна). На передней и правой задней лапах видны птичьи когти, левая задняя лапа передана нечетко. На передней лапе видно расширение, пересеченное двумя штрихами, возможно, изображающее браслет. Львиный хвост волнообразно изогнут, задран вверх и завер-

шается трехчастной кисточкой. Крыло передано двумя диагональными прямыми и одним полукруглым штрихом. На туловище видны концентрические полукруглые линии, передающие лопатку. Шея волнообразно изогнута. Туловище животного покрыто диагональными вдавленными штрихами. Пасть зверя приоткрыта, видны два клыка (верхний и нижний). Четко прослеживаются глаз и одно прижатое ухо. Над головой виден выступ в виде кольца на стержне, возможно, таким образом переданы рога.

Терзаемое животное развернуто головой вправо, мордой к терзающему зверю. Пасть животного раскрыта. Четко видны два уха и глаз. Голова животного “сидит” на тонкой шее. Туловище завершается двумя тонкими диагональными штрихами, вероятно, передававшими рыбий хвост.

Сцена терзания, изображенная на наконечнике, полностью повторяется на аналогичном предмете из катакомбы 5 могильника Песчанка (Владимиров, 1901. С. 130. Рис. 28), где обнаружено также пять темно-синих стеклянных перстней. Последние предметы распространяются на Северном Кавказе во второй половине VIII – начале IX в. (Мамаев, 2010. С. 399). Происхождению сюжета на поясных наконечниках со сценами терзания из Галиата и Песчанки посвящена отдельная работа (Кадиева, 2010).

Четыре круглые орнаментированные бляшки (рис. 5, 7). Одна из них крепилась к железной округлой пряжке (рис. 5, 6). На лицевой стороне бляшек виден ободок из ложной зерни, ободок с рифлением и выпуклый круг с вписанной в него “крестовидно-ромбической” композицией. Одна бляшка найдена в ногах первого костяка, остальные – около седел. И.О. Гавритухин выделил подобные накладки в группу ИС-25 (2005. С. 402) и рассматривал накладку из Галиата как дериваты украшений, изготавливающихся в византийских мастерских для варварской верхушки. Из катакомбы 1 могильника Мокрая Балка, датированной VI – первой четвертью VII в., происходит бронзовая накладка на ремень со схожим орнаментом (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 55, 59. Рис. 13, 10). Из катакомб 109 и 114 того же могильника происходят инкрустированные пастой поясные накладки с напаянной зернью и крестообразными перегородками в центре (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 195, 204. Рис. 120, 44; 129, 6). Последняя катакомба датируется второй четвертью VII – рубежом VII–VIII в. Вероятно, подобные накладки служили образцом для изготовителя галиатских бляшек. Фрагмент аналогичной галиатским, но сделанной из медного сплава бляшки обнаружен в катакомбе 3 могильника Конхуторский 2 (Коробов, Кадиева, 2010. С. 91. Рис. 7, 20) вместе с фрагмен-

том серебряной серьги с опрокинутой пирамидкой из зерни, что позволяет датировать это погребение второй четвертью VII – началом VIII в.

Три круглые неорнаментированные бляшки (рис. 5, 8) находились у короткого седла. Предметы относятся к группе ИС-26 по И.О. Гавритухину. Три подобные серебряные бляшки обнаружены в дромосе катакомбы 29 могильника Клин-Яр и соотнесены автором раскопок с конской упряжью (Флёров, 2000. С. 140. Рис. 39, 16–18). Однако на чертеже погребения местонахождение бляшек точно не определено, и поэтому авторская интерпретация их не очень убедительна. Для Дмитриевского могильника характерны пояса с круглыми гладкими бляшками (Плетнева, 1989. С. 164. Рис. 86), но все они относятся к поздней стадии функционирования могильника (IX–X вв.).

Бляшки треугольной формы с петлей на вершине (рис. 5, 9). Найдены два обломка. По краям бляшки окантованы орнаментом, имитирующим сканную косичку. В центре – такая же косичка, изогнутая трижды. Бляшки с подобным орнаментом встречаются в Приазовье, в погребении у хут. Крупской (Атавин, 1996. С. 239. Табл. 2, 15, 16), датированного началом второй трети VII в. Треугольные штампованные бляшки белого металла с ложной зернью по краям найдены в могильнике Директорская Горка (Абрамова, 1982. С. 139. Рис. 3, 20).

Подтрапециевидные бляшки с выпуклой нижней частью (рис. 5, 10) с тисненым орнаментом в виде концентрических кругов. Из пяти найденных бляшек две лежали у таза первого костяка, одна – у его же голени, остальные – в ногах у седла. Наиболее близкой аналогией может служить гладкая поясная накладка из Западного Кугульского склепа 5 (Рунич, 1979. С. 244. Рис. 8, 9), датированного VI–VII вв.

Четыре поясных наконечника, окантованные пояском из ложной зерни, внутри которого находятся два ряда ложнозерненных треугольников, направленных вершинами друг к другу (рис. 5, 11). В центре наконечника, в пространстве между вершинами треугольников расположены еще четыре треугольника, направленные вершинами к концу наконечника, пятый треугольник этой линии направлен вершиной в противоположную сторону. Все предметы носят следы длительного употребления – ложнозерненные треугольники порой затерты так, что едва различимы. Предметы обнаружены: один у левой голени первого костяка, один у правой ступени второго и два рядом с коротким седлом.

Ближайшие аналогии данным изделиям – наконечники ремней из погребения у хут. Крупской (Атавин, 1996. С. 239. Табл. 2, 5) и Васильевки

(Комар, 2006. С. 86. Рис. 19, 33). Кроме того, на Кавказе известны литые наконечники ремней с орнаментом в виде ряда треугольников из зерни в могильниках Агойский аул, Чми и Борисово (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 245. Табл. 77, 54; 78, 84). Все они датированы VII в. Исключение – бронзовый штампованный наконечник ремня из могильника Директорская Горка, датированный началом VIII в. (Абрамова, 1982. С. 142. Рис. 6, 22).

Две горизонтально-симметричные позолоченные бляшки с перемычкой в центре (рис. 5, 12) найдены около седел. На настоящий момент они утрачены (вероятно, распались), но их изображение сохранилось в публикации (Крупнов, 1938. С. 117. Рис. 3, 10). Качество изображения не позволяет отнести эти предметы к какому-либо определенному типу, но с уверенностью можно говорить о щитовидной форме окончаний и наличии боковых выступов в центральной части. Прорези на бляшках на изображении не видны. Насколько можно судить по дошедшим до нас сведениям, горизонтально-симметричные накладки из Галиата, в целом, вписываются в северокавказскую серию этих предметов, выделенную И.О. Гавритухиным и А.М. Обломским (1996. С. 27). Большинство исследователей средневековой восточноевропейской хронологии относят эти предметы к VII в. Бляшки этого вида могли относиться как к поясному набору, так и к деталям обуви.

Для датировки склепа необходимо распределить вещи по комплексам в тех случаях, где это возможно. Судя по аналогиям, предметы из Галиатского склепа относятся к двум хронологическим периодам: VII – начало VIII в. и середина–вторая половина VIII в. Таким образом, поясные принадлежности и предметы конской сбруи можно разделить на два набора.

Пояс, состоящий из бляшек, покрытых рифленным орнаментом в виде двух сходящихся дужек, бляшками подковообразной формы и наконечником со сценой терзания (рис. 5, 2–5). К этому же поясу, вероятнее всего, относилась прямоугольно-рамчатая пряжка (рис. 5, 1).

Пояс с четырьмя наконечниками с имитацией зерни, трапезиевидными, треугольными, круглыми гладкими бляшками и круглыми бляшками с крестовидно-ромбической орнаментацией (рис. 5, 7–14). К этому поясу относится овальная железная пряжка, соединенная с одной из бляшек (рис. 5, 6).

Поясной наконечник со сценой терзания (рис. 5, 4) найден на поясе первого костяка, возможно *in situ*. Таким образом, первый пояс мы соотносим именно с ним. К этому же костяку относятся

сабля, одно из седел (скорее всего, короткое)¹, колчан со стрелами и дирхем, найденный под первым седлом.

Второй пояс соотносится со вторым костяком. Этому же погребенному принадлежат копье, колчан со стрелами и длинное седло.

Сбруйные ремни стилистически делятся на два набора: с вытянутыми (рис. 3, 4) бляшками и накладками в форме раскинутых крыльев (рис. 3, 3); с прямоугольными бляхами (рис. 3, 5), бляшками из трех окружностей (рис. 3, 6) и выпуклыми бляхами с изображением водоплавающих птиц (рис. 3, 7). Оба набора, по всей вероятности, были положены у ног мужских костяков рядом с седлами. Судя по аналогиям, первый набор несколько моложе второго. К первому набору, видимо, относятся удила с S-видными (рис. 2, 8), ко второму – более архаичные со стержневидными псалиями (рис. 2, 9). Установить принадлежность сбруйных наборов к конкретным погребенным из-за их близкого расположения и смещения предметов вследствие деятельности грызунов не представляется возможным. Однако важно отметить, что дирхем 701 г. был обнаружен под первым седлом, которое, вероятнее всего, относится к мужскому костяку 1.

Верхний временной предел захоронения ограничивают сабля (рис. 2, 1) и аркообразные стремяна (рис. 3, 1), тяготеющие к древностям салтово-маяцкой культуры, которые указывают на период не ранее середины–третьей четверти VIII в. Необходимо отметить, что аркообразные стремяна положены с двумя сбруйными наборами: как с более поздним, так и с архаичным.

Важный хронологический репер – наконечник ремня со сценой терзания. Как уже говорилось выше, аналогичный сюжет известен на предмете из катакомбы 5 могильника Песчанка. Уникальность декоративного сюжета заставляет датировать их очень близким временем – серединой VIII в. Бляшки с орнаментом в виде сходящихся дужек (рис. 5, 2) и подковообразные накладки (рис. 5, 3) также относятся к этому периоду.

К ранним предметам комплекса, по-видимому, конца VII – начала VIII в., относятся поясные наконечники с имитацией зерни (рис. 5, 11), круглые гладкие бляхи (рис. 5, 8) и бляхи с крестовидно-ромбической орнаментацией (рис. 5, 7).

¹ В двух статьях Е.И. Крупнова, посвященных Галиатскому склепу (1938; 1940), седла называются “первое” (здесь – короткое) и “второе” (здесь – длинное). Возможно, первым считали седло, лежащее ближе к задней стенке склепа (по крайней мере, костяки нумеровали в соответствии с этим принципом).

В целом, можно признать пояс 1 более поздним, относящимся, вероятно, ко времени второй–третьей четверти VIII в., чем пояс 2, стиль гарнитуры которого близок вещам конца VII – первой четверти VIII в.

При описании положения погребенных Е.И. Крупнов отмечает, что костяки 3 и 2 были сдвинуты к юго-западной стене камеры таким образом, что ножные кости мужского костяка 2 легли на первый костяк, а их место пересекли ножные кости женского скелета. Исходя из этого, точка зрения автора раскопок, согласно которой первым в склеп был положен мужчина с саблей, лежащий у дальней стены, а последней – женщина, похороненная у лаза (Крупнов, 1938. С. 120), не вызывает возражений. Погребенные Галиатского склепа были положены в камеру в течение небольшого временного промежутка. При последующих захоронениях смещались только ноги предыдущих погребенных, не нарушая целостности скелета, т.е. органические ткани на костях еще не разложились.

Вероятнее всего, в склепе были захоронены сын и умершие вскоре вслед за ним родители, хотя, разумеется, возможны и иные родственные связи между погребенными.

Итак, наиболее подходящей абсолютной датой для Галиатского склепа представляется вторая–третья четверть VIII в. Наличие двух пар арочных стремян в сочетании как с архаичным, так и с модернизированным набором сбруйных бляшек не позволяет отнести склеп к более раннему периоду, а наличие поясного набора с бляшками, близкими находкам VII в., ограничивает верхний временной предел захоронения.

Выражаю искреннюю благодарность И.Р. Ахмедову, Е.Ю. Новиковой, А.П. Мошинскому и И.О. Гавритухину за ценные советы, данные во время подготовки данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П.* Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. 1982. № 2.
- Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3.
- Атавин А.Г.* Погребения VII – начала VIII вв. из восточного Приазовья. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая балка (дневник раскопок). М., 2001.
- Владимиров И.А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1898 г. в Нальчикском округе Терской обл. // ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
- Гавритухин И.О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремешковой гарнитуры) // Хазары. Иерусалим; М., 2005.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 (Раннеславянский мир; Вып. 3).
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Древности VIII–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.
- Дайм Ф.* История и археология авар // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
- Кадиева А.А.* Два поясных наконечника со сценами терзания из могильников Галиат и Песчанка // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2010.
- Каминский В.Н.* Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I–XIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 1991.
- Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В.* Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир; М., 1997.
- Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (Археология СССР).
- Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. № 2. Киев, 1999.
- Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк, 2006.
- Комар А.В.* К вопросу о развитии восточноевропейского седла в VII – первой половине VIII вв. // Древности Юга России. М., 2008.
- Коробов Д.С.* Катакомбное захоронение в могильнике Кич-Малка 1 близ Кисловодска // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 2010.
- Коробов Д.С., Кадиева А.А.* Могильник Конхуторский 2 близ Кисловодска // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 2010.
- Крупнов Е.И.* Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов // ВДИ. 1938. № 2 (3).
- Крупнов Е.И.* Из итогов археологических работ (по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1935 г.) // ИСОНИИ. Т. IX. Орджоникидзе, 1940.
- Крыганов А.В.* Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VIII–X вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1987.
- Магомедов М.Г.* Костяные накладки седла из верхнечирюртовского могильника // СА. 1975. № 1.
- Мамаев Х.М.* О дате Верхнеалкунской катакомбы 1939 г. (к вопросу о хронологии могильника Мамисондон) // Албегова З.Х., Верещинский-Байбалов Л.И.

- Раннесредневековый могильник Мамисондон. М., 2010 (Матер. охранных археолог. исследований; Т. 11).
- Мурашева В.В.* Супрутский клад. М., 2008.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье М., 1989.
- Рунич А.П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4.
- Степанова Е.В., Торгоев А.И.* К атрибуции двух седел из собрания Государственного Эрмитажа // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа): Тез. докл. Владикавказ, 2008.
- Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII.
- Флёров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V–VIII в. М., 2000.
- Хайрих А.* Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
- Чеченов И.М.* Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. Нальчик, 1987.
- Шестопалова Э.Ю.* Альбом к отчету о раскопках Архонского катакомбного могильника в Алагирском районе РСО–Алания в 1997 г. // Архив ИА РАН. 1997. Р-1. № 22131.

ПРИРОДНАЯ СРЕДА, ПОЧВЫ И АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДИЩА КОРОБОВЫ ХУТОРА В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛ. (проблемы комплексного изучения)

© 2012 г. Ю.Г. Чендев*, В.В. Колода**

* Белгородский государственный университет

** Харьковский национальный педагогический университет, Украина
(koloda_v@mail.ru)

Ключевые слова: *городище, древняя почва, искусственный ландшафт, природная среда, роменская культура, салтовская культура.*

At the archaeological site of Korobovy Khutora (far south forest-steppe of the Central-Russian Upland) we have studied the artificially modified relief and the soils, and reconstructed the appearance of the relief and the landscape for different periods of the settlement's existence. Comparison of the contemporary and the buried soils has shown that at the beginning of the Early Iron Age the soil cover still retained the features of steppe soil formation that had existed in the Bronze Age. In the early Middle Ages (Saltovo and Romny archaeological cultures) and in later periods the territory was covered with broad-leaf forests. The article offers a reconstruction of the surface relief profile for the southwestern front of the settlement at different periods of its existence.

В настоящее время все большее внимание уделяется междисциплинарному исследованию археологических памятников, когда наряду с археологами в раскопках принимают участие специалисты естественно-научного профиля (Александровский, Александровская, 2005; Геннадиев, 1990; Чендев, Колода, 2004; Пархоменко, 2007 и др.). Такое сотрудничество часто приводит к интересным результатам и открытиям, которые в отсутствие указанной интеграции вряд ли бы состоялись. “Секрет” заключается в благотворном взаимовлиянии методологических и методических подходов к исследованию памятников археологии специалистами разных научных направлений. При этом сами объекты исследования становятся “уникальным калейдоскопом”, состоящим из фрагментов былых биосфер (с остатками пород, почв, растительности), материальных культур древних обществ и их сочетаний в виде следов древнего природопользования.

Один из памятников, в изучении которого принимают участие представители естественных наук и используются междисциплинарные методы, – городище Коробовы Хутора, расположенное в Змиевском р-не Харьковской обл. Украины. Городище расположено на возвышенности правого коренного берега р. Северский Донец, между селами Гайдары и Коробовы Хутора (рис. 1).

Археологический комплекс Коробовы Хутора известен ученым более 100 лет. Он состоит из

городища (площадью около 1.5 га) и значительно по размерам селища (площадью около 30 га), занимающего склоны разветвленной балки и лежащую к западу возвышенность, полукругом охватывающую городище с юго-запада, запада и севера (рис. 2). Территория поселения (городища и селища вместе взятых) покрыта западинами, являющимися в подавляющем большинстве случаев заплывшими котлованами раннесредневековых жилищно-хозяйственных комплексов. Территория селища террасирована; на элементах современного рельефа (склоны, края оврагов, террасы) кое-где прослеживаются древние дороги и тропы, соединяющие между собой городище, берег реки и отдельные части обширного селища.

Городище впервые упоминается в работе Д.И. Багаля в начале XX в. (1905. С. 35), а первое описание памятника создал в 1920-е годы Н. Фукс (1930. С. 104, 105). В послевоенные годы его обследовал Б.А. Шрамко, открывший во время первого посещения городища (1953 г.) многослойное селище на северо-запад от городища на правом берегу ручья. Верхний слой содержал артефакты салтовской культуры, а нижний – позднего этапа бронзового века (Шрамко, 1953. С. 20). В следующем сезоне исследователь осуществил небольшие по объему раскопки лишь на городище (Шрамко, 1954. С. 13–20). Через год, в 1955 г., памятник посетила С.А. Плетнева, отметившая сложность местной топографической

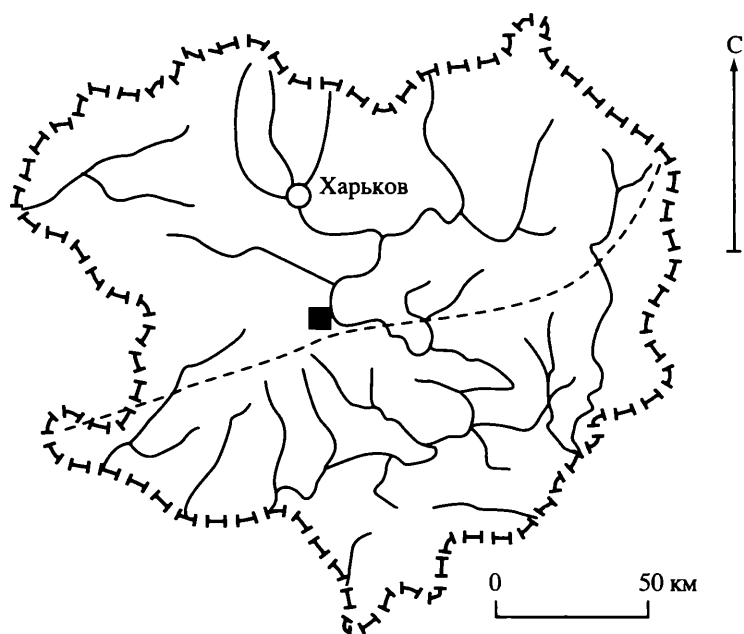

Рис. 1. Схема местоположения городища Коробовы Хутора (пунктиром показана граница между лесостепью и степью).

ситуации для организации исследований (1955. С. 7–10. Рис. 6). В ее отчете селище даже не упоминается. В 1970 г. Скифо-славянская экспедиция под руководством Б.А. Шрамко выявила "...селище Коробовы Хутора № 2, в отличие от одноименного поселка бронзового века...", открытое еще в 1953 г. На "новом" селище и были проведены разведочные работы с закладыванием шурфов, один из которых был расширен до небольшого по площади раскопа (Шрамко, 1970. С. 18–25). В середине 1980-х годов на памятнике побывал Г.Е. Афанасьев, ограничившийся его осмотром и зачисткой разреза вала, который провел Б.А. Шрамко в 1954 г. (Афанасьев, 1987. С. 107–110. Рис. 4, 1). В 1998–1999 гг. работы на памятнике осуществляла экспедиция под руководством В.К. Михеева. Основное внимание отводилось работам на городище, но и на селище был заложен один небольшой раскоп (Михеев, 1998; 1999).

С 2003 по 2007 г. работы на памятнике проводила Средневековая археологическая экспедиция Харьковского национального педагогического университета (далее ХНПУ) под руководством В.В. Колоды. За это время создан инструментальный план городища и большей части селища, проведены исследования на городище (центральный двор цитадели и защитные сооружения западных оборонительных линий), определена площадь селища и проведены его планомерные исследования. Выяснилось, что открытые Б.А. Шрамко селища 1 и 2 являются одним раннесредневековым памятником – селищем значительных размеров (Колода, Свистун, 2003. С. 41). Площадь поселка ограничена на востоке и северо-востоке берегом Север-

ского Донца, с севера и запада – ручьем, который вытекает из естественного озерца в 500 м западнее городища; южная часть поселка размещается в верховьях глубокого оврага, выходящего к правому берегу Северского Донца севернее городища, а юго-западная часть совпадает с отрогом этого же оврага (по нему протекает еще один ручей, который пересыхает в летний сезон).

К настоящему времени многолетними раскопами исследовано около 20% площади двора цитадели городища и менее 1% площади селища. Несмотря на такие объемы, все же можно сделать некоторые выводы относительно общей истории памятника (Колода, 2008а):

- территория памятника использовалась древним населением для собственных жилищно-хозяйственных потребностей неоднократно, в связи с чем можно выделить несколько основных этнокультурных периодов: скифоидный (конец V – IV в. до н.э.), салтовский (середина VIII – середина X в. н.э.) и роменский (вторая половина X – середина XI в. н.э.); кроме того, здесь выявлены артефакты городищной (VII в. до н.э. – V в. н.э.), пеньковской (VI – начало VII в. н.э.) и слобожанской (конец XVII – XIX в.) археологических культур;

- согласно этому выделяются и строительные периоды в создании защитных сооружений: ранний железный век (скифоидный период) и раннее средневековье (салтовский и, возможно, роменский периоды);

- население скифского времени использовало для проживания преимущественно городище, салтовское (большой частью аланское) население – преимущественно большие площади селища, а северяне-роменцы – исключительно городище;

- основой хозяйства оседлого населения во все выделенные периоды было пашенное земледелие и приселищное животноводство, дополнявшееся рыболовством, охотой и ремеслами; среди последних уверенно можно говорить о ведущей роли металлургии и металлообработки; кроме того, применялись обработка дерева, кости, рога, прядение и ткачество. По находкам для раннесредневекового населения фиксируются торговые отношения с Крымом, Приазовьем и Поволжьем;

- полученные во время полевых исследований материалы конца I – начала II тыс. н.э. целиком подтверждают общую концепцию этнокультурного развития лесостепного региона Северского Донца, суть которой – мирное сосуществование и взаимная комплиментарность славянского и разноэтнического салтовского населения. Со второй половины VIII до середины X в. это происходило при

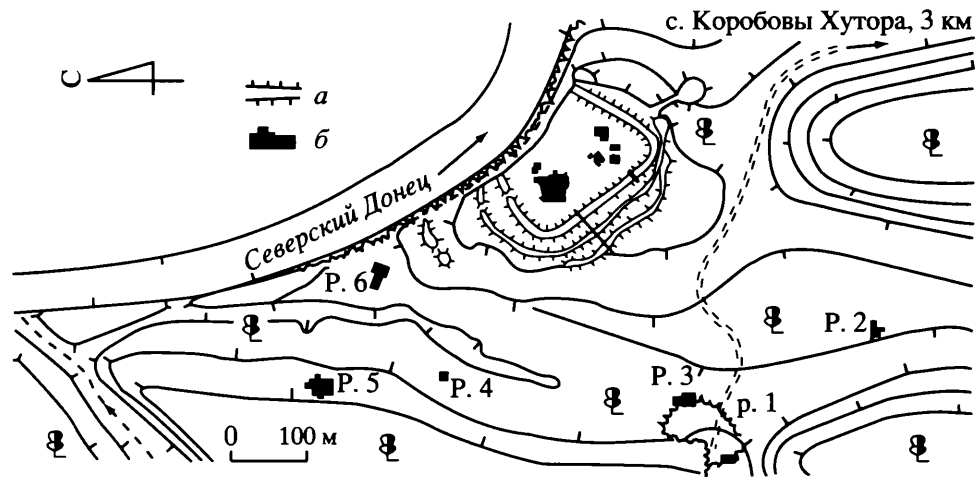

Рис. 2. Общий план-схема поселения Коробовы Хутора. Условные обозначения: а – валы; б – раскопы.

военно-политическом доминировании северокавказских алан; по возвращении большинства из них на родину во второй половине X в. доминирование перешло к славянам северянского племени. В этническое сообщество последних были инкорпорированы и остатки бывшего полиэтничного населения салтовской культуры.

К настоящему моменту полевые исследования на памятнике прекращены и настал черед обработки материала и ознакомления научной общественности с фактическими и аналитическими работами. Частично это делалось с помощью информационных изданий (Колода, 2004; 2005; 2007), часть керамического материала и домостроительство проанализированы в соответствующих публикациях и статьях (Квитковский, 2008; Колода, 2008б; в). С привлечением данных климатологии, почвоведения и палеоботаники проанализированы и опубликованы данные о средневековом земледелии жителей селища в салтовский период его существования (Колода, Горбаненко. 2010. С. 94–104, 162–164).

В сезоне 2010 г. усилиями совместной экспедиции Харьковского национального педуниверситета и Национального исследовательского университета «БелГУ» (Белгородский государственный университет) проведены дополнительные исследования на городище. Предыдущими работами археологов и почвоведов установлена причастность населения салтовской культуры к созданию внешних линий укреплений и верхней части насыпи вала цитадели (центрального укрепления) городища Коробовы Хутора. Предположение о более древнем происхождении указанных оборонительных укреплений оставалось под вопросом, ответ на который был дан только в ходе проведения повторных исследований памятника в апреле–мае 2010 г. В более общем плане одной из целей проведенного исследования стало изучение этапов антропогенного изменения

рельефа местности, на которой находилось городище, так как именно создание искусственных укреплений в виде трех линий обороны по системе «ров–вал» (рис. 3) кардинально изменило древний (изначальный) рельеф исследуемой территории. В частности, современный перепад высот между ровом внешней (третьей) линии и валом внутренней линии обороны городища составляет 15–20 м.

Дополнительной задачей была попытка реконструкции палеоклимата на территории данного археологического памятника и его окружи, что позволило бы более точно реконструировать сельскохозяйственную деятельность его жителей в различные периоды их обитания.

Схематично изменения климата на территории лесостепи центра Восточно-Европейской равнины за последние 4800 лет можно представить в следующем виде. На основании палеопочвенных и палеоботанических реконструкций в суббореальный период голоцена (4800–2800 лет назад) климат характеризовался большей засушливостью по сравнению с современными условиями. Южная граница лесостепной зоны располагалась севернее своего современного положения (Александровский, Александровская, 2005; Геннадиев, 1990; Иванов, 1992). Климат колебательно изменялся с общим трендом к увлажнению, особенно отчетливо проявившемуся во второй половине рассматриваемого интервала (Александровский, Александровская, 2005; Серебрянная, 1992; Спиридонова, 1991). В субатлантическом периоде голоцена (последние 2800 лет развития природной среды) сложились современные климатические условия, в которых происходит формирование современных ландшафтов (Геннадиев, 1990; Иванов, 1992; Спиридонова, 1991; Чендев, 2008). В последнее время появились предпосылки для более дробного деления суббореального и субатлантического периодов голоцена в Центральной лесостепи на климатические

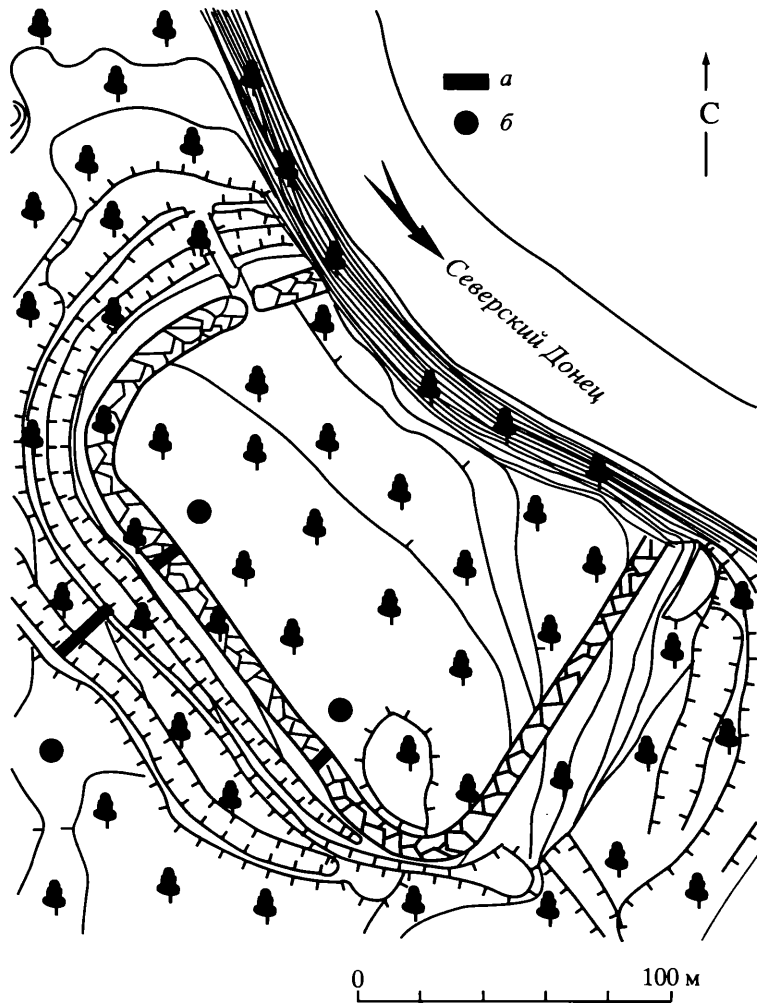

Рис. 3. План городища Коробовы Хутора с местами исследования почв в археологических раскопах (а) и почвенных разрезах (б). Горизонталы проведены через 5 м.

фазы. В частности, в субатлантическом периоде голоцена предлагается выделять скифо-сарматский аридный эпизод (III–II в. до н.э. – II–III в. н.э.) (Александровский, Александровская, 2005; Чендев, Александровский, 2002), малый климатический оптимум голоцена (VIII–IX – XII–XIII вв. н.э.) как более засушливый по сравнению с предыдущим и последующим климатическими этапами (Александровский, Александровская, 2005; Чендев, 2008), малый ледниковый период (XV – середина XIX в.) как более холодный по сравнению с предыдущим и последующим климатическими этапами субатлантического периода, который, в частности, мог характеризоваться максимальными темпами облесения лесостепного ландшафта (Александровский, Александровская, 2005).

Изучение городища Коробовы Хутора проводилось с использованием широкого комплекса научных методов, наиболее важные из которых – метод археологического датирования (метод аналогий), типологический, сравнительно-статистический, картографический и почвенно-археологический. Почвенная составляющая исследования заключа-

лась в изучении свойств почв, сопряженных с датированными земляными насыпями (погребенных под ними и формирующимися на них), а также на прилегающих территориях с естественным или слабо измененным антропогенными воздействиями почвенным покровом. Методика почвенно-археологических исследований изложена в ряде публикаций (Александровский, Александровская, 2005; Геннадиев, 1990; Чендев, 2008).

В физико-географическом отношении исследуемая территория соответствует крайнему югу Среднерусской возвышенности – границе между лесостепью и степью (рис. 1). Участок ландшафта, на котором располагается городище, представляет собой пересеченную балками правобережную часть долины Северского Донца, поросшую дубово-широколиственным лесом. На высоких платообразных водораздельных участках почвообразующими породами являются тяжелые лёссовидные суглинки четвертичного периода, которые залегают на древнеаллювиальных песках неогена (Генезис..., 1988). Пески выклиниваются на склонах речной долины и вкост секущих ее балок. Таким образом, почвы водоразделов формируются на суглинках, а склоновые почвы – на песках. На территории городища почвенный покров представлен комбинацией серых лесных почв суглинистого и супесчаного гранулометрического состава.

Почвы, погребенные под валом внутренней линии обороны, были изучены в двух местах: на южном участке городища – в углубленном и зачищенном раскопе, который в 1954 г. изучался экспедицией Б.А. Шрамко, и на северном участке городища – путем углубления и зачистки раскопа, исследованного в 2006 г. отрядом Г.Е. Свистуна в рамках Средневековой экспедиции ХНПУ (рис. 3).

Мощность насыпей земляного вала (рис. 4) от его поверхности до погребенных почв в обоих случаях составляла 2.5 м, из которых верхние 0.7 представляли собой смесь опесчаненного суглинка, обугленных фрагментов деревьев и обломков камней, остатков крепостных укреплений периода салтовской культуры, а нижняя часть состояла из чередования прослоев серого гумусированного суглинка и светло-желтого песка, в которой были встречены фрагменты скифской керамики.

Гранулометрический состав погребенных почв среднесуглинистый в верхней части и тяжелосуглинистый – в нижней. Погребенные почвы идентифицированы как черноземы выщелоченные. Их профили имеют хорошую сохранность и отражают почвообразовательный процесс до момента погребения. Палеочерноземы характеризуются гумусовыми профилями (сумма горизонтов с

индексом А1 – в нашем случае А1 + А1В + ВА1) мощностью 43–50 см, общей мощностью почвенных профилей (от поверхности до материнской породы) 120–140 см, наличием слепышин – ходов степных землероев, заполненных почвенным материалом. Облик палеопочв (и, в частности, прерывистость слепышинами) свидетельствует о том, что их формирование происходило под лугово-степной растительностью. Однако ряд признаков говорит о том, что к моменту погребения данные почвы уже находились на начальной стадии изменения под лесной растительностью. Такими признаками являются глянцевые органо-минеральные пленки на поверхности почвенных агрегатов в средней части почвенного профиля, в так называемых горизонтах вымывания (горизонты В), наличие мелких железисто-марганцевых примазок, отражающих периодическое поверхностное переувлажнение, которое возникает в лесной обстановке. Кроме того, в палеочерноземе, изученном в раскопе на северном участке городища, в горизонтах А1В и ВА1 был обнаружен слабый белесоватый налет пылеватых частиц кварца и полевых шпатов – первичных признаков подзолообразования, развивающегося в почвах под лесом.

В целом, по набору свойств лесные условия сильнее изменили палеочернозем, изученный на северном участке (сочетание слабого подзолообразования с полной выщелоченностью почвенного профиля от карбонатов). В палеочерноземе на южном участке кроме намечающихся признаков лесного почвообразования еще сравнительно неглубоко от поверхности (с глубины 90 см) встречаются карбонаты в форме журавчиков и мицелия. По-видимому, лес занял данный участок позднее по сравнению с лежащей к северу приводораздельной частью городища. Поэтому палеочернозем на северном участке нами идентифицирован как сильно выщелоченный, а палеочернозем на южном участке – как обычный выщелоченный.

Время создания нижней части насыпи вала внутренней линии обороны городища Коробовы Хутора, на наш взгляд, следует отнести к скифской эпохе. На это указывают встречающаяся здесь керамика скифского времени, а также сходство признаков погребенных почв с ранее исследованными палеочерноземами под скифской основой вала городища Мохнач, расположенного в 20 км к северу от городища Коробовы Хутора. Палеочерноземы городища Мохнач также относятся к выщелоченным на начальной стадии деградации под лесом, их гранулометрический состав – средне-тяжелосуглинистый, мощность гумусовых профилей составляет 40 см, мощность почвенных профилей – 130, верхний уро-

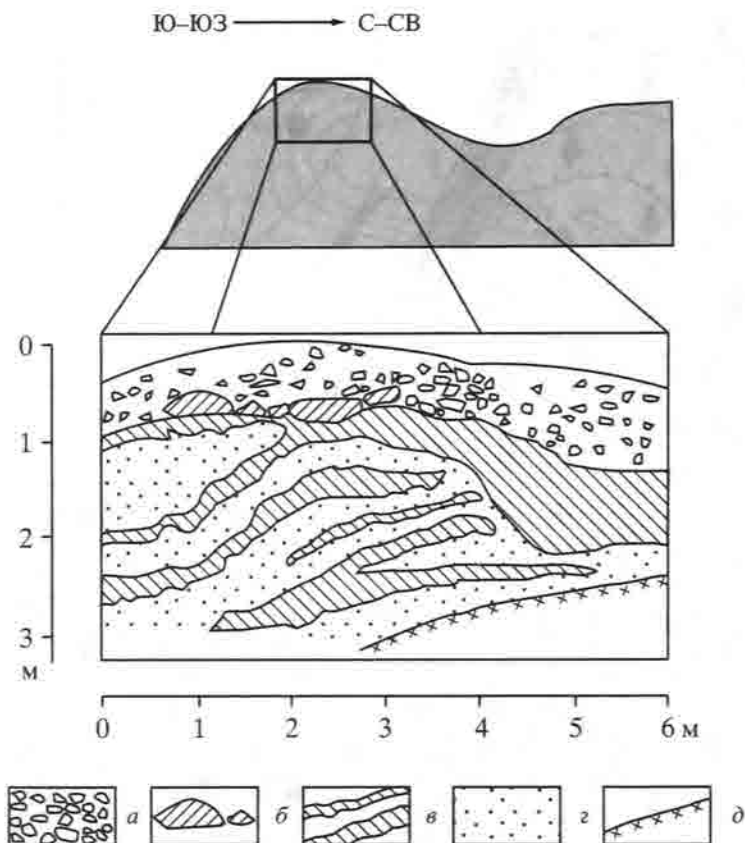

Рис. 4. Строение насыпи вала внутренней линии обороны городища Коробовы Хутора (северный раскоп). Условные обозначения: а – обломки камней – остатков крепостных укреплений салтовского периода; б – обугленные остатки деревьев; в – серые гумусированные суглинки; г – пески и супеси; д – поверхность погребенной почвы.

вень залегания карбонатов фиксируется на глубине 100 см (Свистун, Чендев, 2002–2003; Чендев, 2008).

За пределами вала внутренней линии обороны на внутренней части городища в условиях идентичности рельефа (очень пологий водораздельный склон) и почвообразующих пород (чехол тяжелых лёссовидных суглинков, подстилаемый древнеаллювиальными песками) были изучены современные почвы, идентифицированные как темно-серые лесные.

Характер эволюционной трансформации профиля чернозема в серую лесную почву демонстрирует парное сравнение профилей почвы, погребенной под валом, и ее фонового аналога (рис. 5). В результате эволюции под лесом за последние 2400 лет глубина залегания карбонатов понизилась с 90 до 220 см, мощность почвенного профиля (до горизонта ВС) возросла более чем в 2 раза, в средней части профиля возникла мощная зона осветления (оподзоливания), обусловленная выносом глины и остаточным накоплением белесых частиц кварца и полевых шпатов, горизонты В (вымывания глины) сместились вниз, возросла их мощность и заметно тяжелее стал их гранулометрический состав.

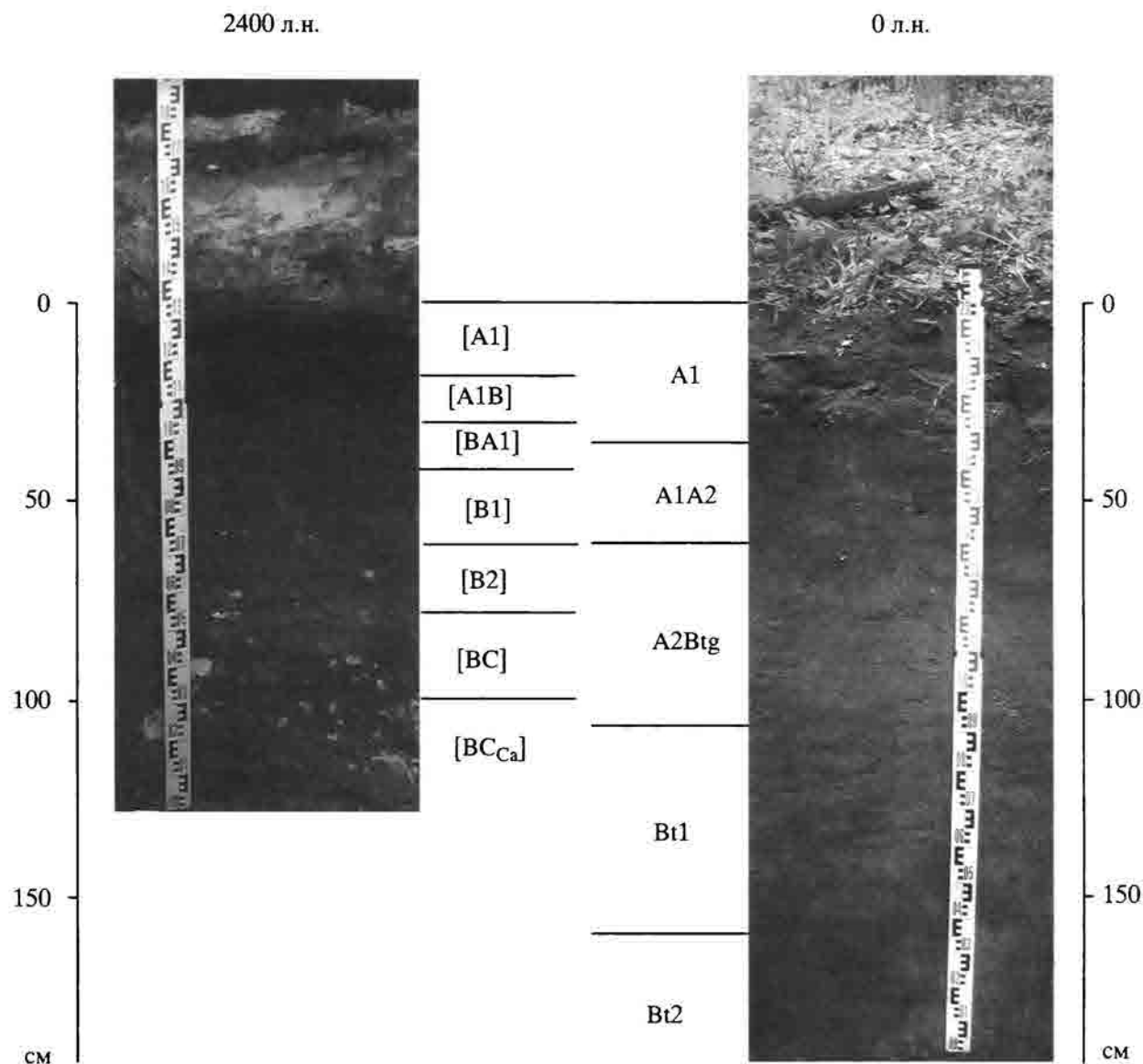

Рис. 5. Строение почвы, погребенной под валом внутренней линии обороны городища Коробовы Хутора, и современной почвы рядом с валом.

Дополняет сведения о характере пространственно-временных смен почв и растительности на исследуемой территории изучение почв, сопряженных с валом второй линии обороны городища на его юго-западном склоне (рис. 3; 6). Склон сложен песками, на которых формируются серые лесные почвы.

В археологическом раскопе, пересекающем вал, как и в раскопах через вал внутренней линии обороны, было установлено двухъярусное строение конструкции вала. Нижний ярус с фрагментами керамики лесостепного варианта скифской культуры был маркирован двумя заплывшими ровиками и разделяющим их материковым повышением, а также примыкающим к ровикам валом мощностью 85 см. Верхний ярус представлен однородным песчаным наносом, перекрывающим вал и ровики нижнего яруса.

Под валом нижнего яруса хорошо сохранилась погребенная почва (на рис. 6 показана цифрой I) супесчаного гранулометрического состава, которая

нами была идентифицирована как серая лесная. Ее профиль состоял из маломощного светло-серого гумусового горизонта A1 (0–9 см), желтовато-белесого подзолистого горизонта A2 (9–24 см), желтовато-бурого оглиненного горизонта B (24–50 см) и переходного к материнской породе буровато-желтого горизонта BC (50–100 см).

Свойства почв, образованных на материале заполнения ровиков нижнего яруса, на поверхности нижнего вала и на поверхности верхней досыпки вала (на рис. 6 показаны цифрами II–V) позволяют говорить о одновременности создания нижнего и верхнего стратиграфических ярусов изучаемого вала.

На валу нижнего стратиграфического уровня изучена неполноразвитая серая лесная почва (на рис. 6 показана цифрой II), имеющая следующую систему генетических горизонтов A1 (0–12 см)–A1A2B (12–40 см)–BC (40–85 см). Неполноразвитые серые лесные почвы с признаками грунтового

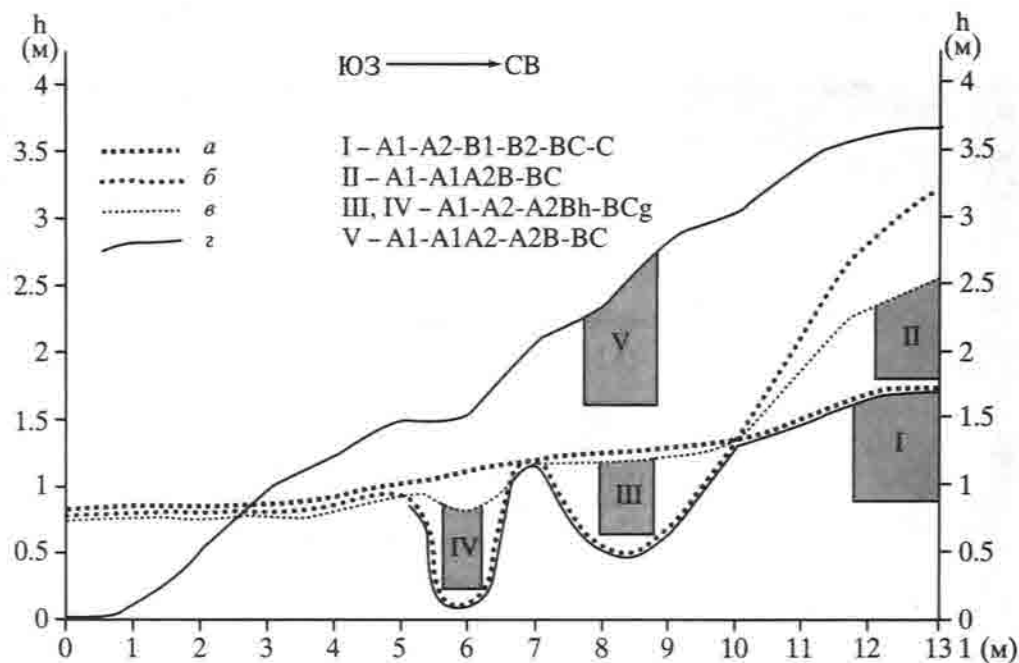

Рис. 6. Профиль вала второй линии обороны городища Коробовы Хутора, почвы, сопряженные с его различными элементами (I–V), и реконструированная для разных исторических периодов поверхность рельефа (a–z). Почвы нижнего стратиграфического яруса: I – погребенная под нижним валом; II – сформированная на нижнем валу; III, IV – сформированные в ровиках, сопряженных с нижним валом. Почва верхнего стратиграфического яруса (V), сформированная на досыпке вала салтовского времени. Поверхность рельефа: a – доскифского времени (ранее 2450 л.н.); b – скифского времени (около 2450 л.н.); e – перед появлением населения салтовской культуры (около 1200 л.н.); z – современная.

оглеения (на рис. 6 показаны цифрами III, IV) также идентифицированы в грунтовом заполнении ровиков, сопряженных с валом нижнего слоя. Для того чтобы сформировались данные почвы, был необходим длительный отрезок времени, исчисляемый, по крайней мере, несколькими столетиями. Этот вывод также подтверждается результатами исследования почвы, формирующейся на материале верхней досыпки вала (на рис. 6 показана цифрой V), длительность формирования которой составляет примерно 1000 лет (с момента прекращения деятельности салтовского населения). За указанное время на поверхности вала была образована неполноразвитая серая лесная почва с системой и мощностью генетических горизонтов, напоминающими таковые, сформированные на валу нижнего стратиграфического уровня: A1 (0–13 см)–A1A2 (13–31 см)–A2B (31–50 см)–BC (50–133 см).

Учитывая, что между “скифским” и “салтовским” периодами на городище не зафиксированы следы пребывания других археологических культур¹, есть

все основания полагать, что время создания нижнего стратиграфического яруса исследуемого вала логичнее всего датировать скифским временем.

Подведем итоги результатов палеопочвенных исследований.

Почвы скифского времени, формировавшиеся на песках межбалочных склонов, уже относились к типу серых лесных почв и отражали довольно длительный этап лесного почвообразования. В то же время на платообразном приводораздельном участке цитадели городища в это время еще были распространены черноземы, которые находились только на начальной стадии трансформации под лесом. Мы предполагаем, что в бронзовом веке, климат которого отличался большей засушливостью по сравнению с климатом более позднего времени (ранний железный век–современность), на вершине и верхних частях склонов платообразного холма, на котором располагалась цитадель городища, существовал открытый лугово-степной биогеоценоз с черноземными почвами. В это время

¹ Единичные находки фрагментов лепной керамики пеньковской культуры при полном отсутствии пеньковских комплексов – не в счет. Они свидетельствуют о возможном временном использовании немногочисленными представителями этой культуры территории городища, а, возможно, и остатков оборонительных линий скифского времени. Попутно заметим, что присутствие аналогичных пеньковских артефактов зафиксировано при исследовании восточной части укреплений городища Мохнач: они выявлены в погребенном слое между

скифской и салтовской частями насыпи. Непродолжительное и мало интенсивное пребывание пеньковского населения на городище фиксируется в Мохначе редкими фрагментами лепной керамики и единственной небольшой хозяйственной ямкой. Таким образом, можно утверждать, что влияние антропогенного фактора, связанного с изменением рельефа на упомянутых раннесредневековых городищах в пеньковское время (конец V – середина VII в.), практически не прослеживается.

Рис. 7. Верхние концы упавших обугленных бревен от частокола салтовской внутренней оборонительной линии.

лесная растительность тяготела к более влажным и прохладным местообитаниям – нижним частям склонов балок и долины Северского Донца. Затем, вслед за увлажнением климата, начавшимся на границе бронзового и раннего железного веков (около 2800 лет назад), лес стал поступательно распространяться вверх по склонам, занимая приводораздельные участки рельефа.

К моменту появления на рассматриваемой территории населения лесостепного варианта скифской культуры дубово-широколиственный лес уже был распространен повсеместно на всех уровнях рельефа. Однако в это время он еще мог быть более разреженным и осветленным – с наличием полян на платообразной вершине будущей цитадели городища. Близкие аналогии реконструированных природных обстановок выявлены нами ранее применительно к территории других городищ южной лесостепи Среднерусской возвышенности – Мохначанского и Дмитриевского (Чендев, 2008).

Лесная растительность продолжала господствовать на территории городища Коробовы Хутора и в более позднее время – в периоды запустения между скифским и салтовским этапами его заселения, а также на протяжении последнего тысячелетия (судя по признакам формировавшихся в эти периоды почв)².

Однако несмотря на длительный этап лесного почвообразования, складывавшегося на городище на протяжении последних 2800 лет, климатические

условия могли неоднократно изменяться. Например, на территории других районов лесостепной и степной зон Восточной Европы авторами установлены эпизоды усиления засушливости климата в скифо-сарматскую эпоху (III в. до н.э. – III в. н.э.) и в древнерусский период (VIII–XIII вв. н.э.) (Александровский, Александровская, 2005; Демкин и др., 2000; Песочина, 2003; Чендев, 2008).

Важным дополнением к полученным нами палеопочвенным сведениям служит реконструкция способа возведения отдельных элементов крепостных укреплений городища. В частности, рядом с развалом каменных крепостных укреплений на валу внутренней линии обороны городища обнаружены фрагменты обугленных дубовых бревен (рис. 4; 7). Исходя из полевых наблюдений, можно сделать вывод о том, что дубовые бревна были заострены с верхнего (внешнего) края и несколько приострены с нижнего (внутреннего). Их поверхность специально обжигалась для продления срока службы древесины во время их использования, как мы полагаем, в качестве защитного частокола на вершине вала в салтовское время (во избежание быстрого гниения древесины). Затем эти бревна были вкопаны (вбиты) вплотную с кладкой из рваного камня и примитивных неопратно сформированных керамических “кирпичей”. Вся эта деревянно-каменно-кирпичная конструкция была призвана служить и в качестве внешней опоры пандуса – площадки, на которой располагались обороняющиеся.

Большой интерес представляет сопряженное исследование создания форм искусственного рельефа (оборонительных валов и рвов) в связи с пространственными закономерностями распределения литологического состава почво-грунтов на территории городища (рис. 8). Залегающие на вершине холма суглинки обладают более высокими прочностными характеристиками (твердостью, модулем сдвига и др.) по сравнению с залегающими под ними песками и супесями. Эта особенность учитывалась древним населением при создании вала внутренней линии обороны городища. Внешний край земляного вала точно соответствует месту, где заканчивается плащеобразно залегающий на поверхности холма слой суглинка. Образование рва с внутренней стороны вала, который хорошо прослеживается в современном рельефе, также было закономерным. Именно на этом участке брался суглинистый материал, который был использован при создании слоистой (чередование прослоев суглинка и песка) насыпи вала. Указанная слоистость (рис. 4; 8) усиливала прочностные характеристики вала. Принадлежность прослоев серого гумусированного суглинка к чернозему (рис. 4) не вызывает сомнений,

²Хотя редкие обломки гончарной керамики XVIII–XIX вв. и были выявлены в верхней части культурного слоя городища, нет оснований говорить о какой-либо масштабной строительной или хозяйственной деятельности населения слобожанской культуры.

а присутствие черноземов на поверхности городища в скифскую эпоху установлено по признакам погребенных под валом почв (рис. 5).

Таким образом, на основании проведенного исследования получены выводы, которые уточняют представления об эволюции почв и природной среды в местах сооружения городищ раннего железного века–раннего средневековья на территории Центральной лесостепи, а также проливают свет на связь технологий создания городищ с некоторыми природными свойствами местности.

В нагорной части долины Северского Донца на границе современной лесостепной и степной зон в конце бронзового века приводораздельные вершины холмов были покрыты лугово-разнотравной растительностью и характеризовались черноземными почвами. Лесная растительность концентрировалась в понижениях эрозионной сети – нижних частях склонов балок и речной долины. Увлажнение климата в начале раннего железного века привело к миграции лесов на вершины холмов. Наиболее высокая часть городища Коробовы Хутора уже в V в. до н.э. была покрыта дубово-широколиственным лесом. Лесные обстановки продолжали существовать в период салтовской культуры и в более позднее время (до современного периода).

Установлена причинно-следственная связь между элементами архитектуры городища Коробовы Хутора и пространственными закономерностями распределения литологического состава почвогрунтов. Внешняя часть вала первой линии обороны городища на его юго-западном фланге точно соответствует границе залегания суглинков, которые ниже по склону сменяются песками.

Таким образом, древнее население обладало эмпирическими знаниями об устройстве природного ландшафта и его составных частей и грамотно использовало эти знания в хозяйственной и военно-стратегической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. М., 2005.
- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // АОН. 1987. Вып. 2.
- Багаей Д.И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Тр. XII АС. 1905. Т. 1.
- Генезис, эволюция и типология почвообразующих пород северо-востока Украины / Лактионов Н.И., Тихоненко Д.Г., Горин Н.А. и др. Харьков, 1988.

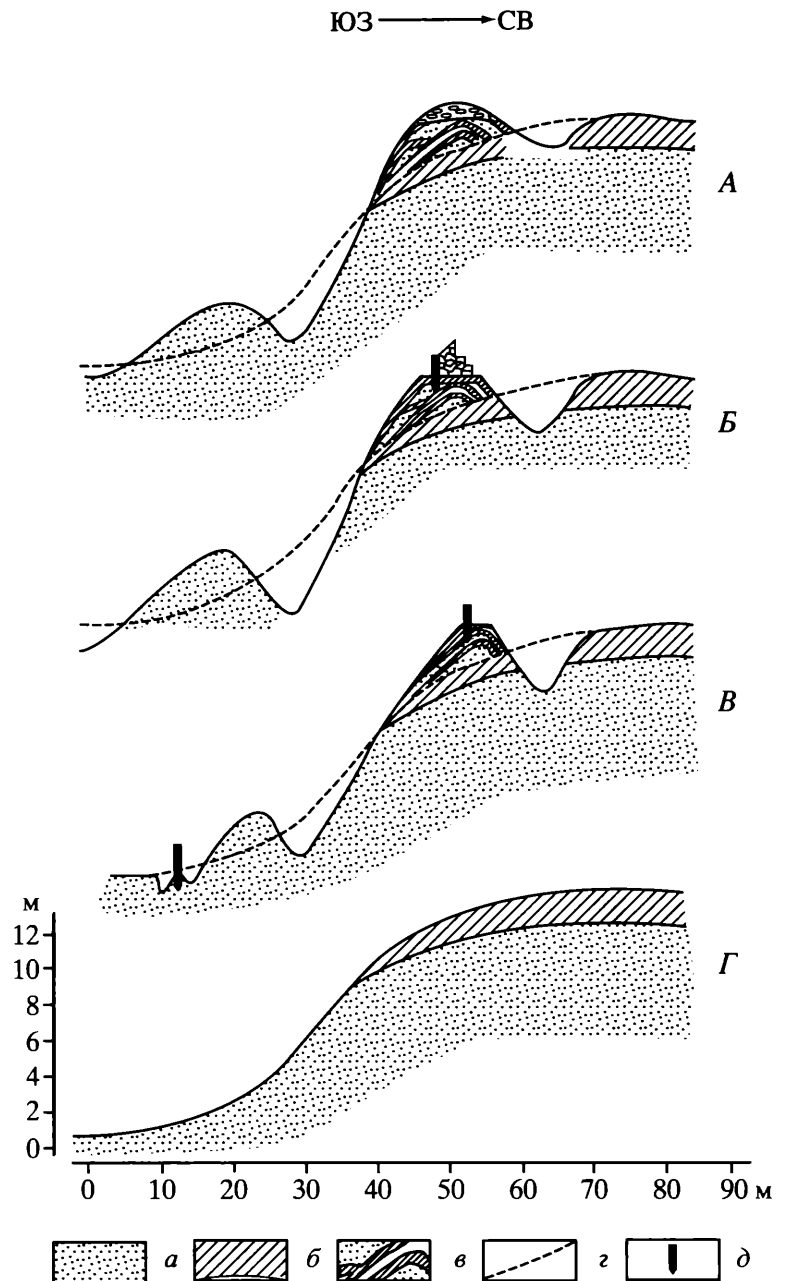

Рис. 8. Изменение во времени рельефа на юго-западном участке обороны городища Коробовы Хутора. А – современное состояние; Б – период салтовской культуры; В – период лесостепной культуры скифского времени; Г – доскифский период (Б–Г – реконструкция). Условные обозначения: а – пески и супеси; б – суглинки; в – слоистая (с чередованием суглинка и песка) насыпь вала внутренней линии обороны; г – поверхность рельефа доскифского времени, нарушенная при последующей планировке поверхности; д – деревянные конструкции в виде пригнанных друг к другу бревен частоккола.

Геннадиев А.Н. Почвы и время: модели развития. М., 1990.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Песочина Л.С. и др. Палеоэкология восточноевропейских степей в эпоху раннего железа // Степи Северной Евразии: стратегия сохранения природного разнообразия и степного природопользования в XXI в.: Матер. междунар. симпозиума. Оренбург, 2000.

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М., 1992.

- Квитковский В.И.* К проблеме изучения и реконструкции салтовских жилищ лесостепной зоны (на примере селища Коробовы Хутора Харьковской обл.) // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Матер. конф., посв. 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск, 2008.
- Колода В.В.* Работы 2003 г. на городище Коробовы Хутора и в его округе // АБУ за 2002–2003 рр. 2004. Вип. 6.
- Колода В.В.* Работы на городище и селище Коробовы Хутора // АДУ 2003–2004 рр. 2005. Вип. 7.
- Колода В.В.* Археологические исследования Харьковско-го педуниверситета в 2006 г. // АДУ 2005—2007 рр. 2007. Вип. 9.
- Колода В.В.* Археологический комплекс Коробовы Хутора: основные итоги исследований // Проблемы истории и археологии Украины: Матер. VI Междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения академика В.П. Бузескула (Харьков, 10–11 октября 2008 г.). Харьков, 2008а.
- Колода В.В.* О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского населения (на примере материалов раскопа 4 селища Коробовы Хутора) // Древности 2006–2008. Харьков, 2008б.
- Колода В.В.* Взаимовлияние северянской и алано-болгарской керамической традиций конца I тыс. в Днепровском лесостепном Левобережье // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Матер. конф., посв. 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск. 2008в.
- Колода В.В., Горбаненко С.А.* Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев, 2010.
- Колода В.В., Свистун Г.Е.* Отчет о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском р-не Харьковской обл. в 2003 г. // НА ИА НАН Украины. № 2003/211. Ф.э. № 22922.
- Михеев В.К.* Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского государственного университета в 1998 г. // НА ИА НАН Украины. № 1998/80. Ф.э. № 26483.
- Михеев В.К.* Отчет о раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина за 1999 г. // НА ИА НАН Украины. № 1999/96. Ф.э. № 26692.
- Пархоменко О.Г.* Розвиток голоценових ґрунтів Середнього Придніпров'я: Дис. ... канд. географ. наук. Київ, 2007 // Научный архив Ин-та географии НАНУ.
- Песочина Л.С.* Закономерности изменчивости почв и природных условий Приазовья за историческое время // Проблемы эволюции почв: Матер. IV Всерос. конф. Пушино, 2003.
- Плетнева С.А.* Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции летом 1955 г. // НА ИА НАН Украины. № 1955/16. Ф.э. № 2398.
- Свистун Г.Е., Чендев Ю.Г.* Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности // Археологічний літопис Лівобережної України. 2002. № 2 / 2003. № 1.
- Серебрянная Т.А.* Динамика границ Центральной лесостепи в голоцене // Вековая динамика биогеносов. Чт. пам. акад. В.Н. Сукачева. М., 1992.
- Стиридонова Е.А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене–голоцене. М., 1991.
- Фукс М.* Про городища скитської доби на Харківщині // Зап. ВУАК. 1930. Т. 1.
- Чендев Ю.Г.* Эволюция лесостепных почв Среднерусской возвышенности в голоцене. М., 2008.
- Чендев Ю.Г., Александровский А.Л.* Почвы и природная среда бассейна р. Воронеж во второй половине голоцена // Почвоведение. 2002. № 4.
- Чендев Ю.Г., Колода В.В.* Архитектура земляных валов городища Мохнач с точки зрения палеогеографии и почвенной геохимии // Археологічні відкриття в Україні. 2002–2003. Київ, 2004.
- Шрамко Б.А.* Отчет об археологических разведках и раскопках Харьковского государственного университета в 1953 г. // НА ИА НАН Украины. № 1953/19. Ф.э. № 1858.
- Шрамко Б.А.* Археологические исследования Харьковского государственного университета им. А.М. Горького в Харьковской и Полтавской обл. в 1954 г. // НА ИА НАН Украины. № 1954/14. Ф.э. № 2221–2223.
- Шрамко Б.А.* Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1970 г. // НА ИА НАН Украины. № 1970/70. Ф.э. № 5834–5836.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ РОГОВЫЕ МУФТЫ С ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2012 г. В.А. Аверин*, А.В. Аверина**, А.В. Уткин***

* *Ивановский государственный химико-технологический университет
(vad-averin@yandex.ru)*

** *Департамент культуры и культурного наследия Ивановской области*

*** *Ивановский государственный университет*

Ключевые слова: *мезолит, Верхнее Поволжье, культура кунда, бутовская культура, культура веретье, роговые муфты, тесла, топоры.*

The article publishes a series of specific Early Mesolithic items, namely, horn sockets for cutting tools, which were found in the Upper Volga region but have not been fully published so far. The article lists both sockets from stationary excavations at peat bog sites and chance finds. The latter allow to ascertain the area where such items are encountered. The article gives detailed descriptions of the sockets and lists a wide range of analogies.

Одним из оригинальных и эффектных изобретений человека в среднем каменном веке можно назвать муфты, изготовлявшиеся как из корневищ деревьев, так и из рога лося, – прообразы современных тесел и топоров. Они служили для скрепления вставок лезвий для топоров и тесел с деревянной рукоятью. «Их отличительной особенностью является наличие паза для клинка в торце и отверстия для рукояти в средней части ...» или в верхней трети артефакта (Жилин, 2001. С. 163).

Первую типологию муфт и мотыг разработал крупнейший знаток мезолита Северной Европы выдающийся британский археолог Г.Д. Кларк (Clark, 1975). С.В. Ошибкина взяла ее за образец для анализа аналогичных орудий с территории Восточной Европы, известных ей к концу 1970-х годов (1983).

Спустя 20 лет число находок муфт в северной половине европейской России увеличилось кратно. На исходе XX в. М.Г. Жилин предложил их новую типологию (2001). Основу ее составили морфология и технология обработки изделий, данные стратиграфии многослойных памятников и датировки, полученные естественно-научными методами. Для скрупулезного изучения им были отобраны только те муфты, которые происходили из культурных слоев и были надежно паспортизированы. Случайные находки не учитывались.

Всего в лесной зоне Восточной Европы (по нашим подсчетам, на начало 2009 г.) роговые муфты были обнаружены в 24 пунктах (рис. 1). В 11 они

извлечены из культурных горизонтов древних поселений при проведении стационарных раскопок. В остальных маркируют места случайных находок, археологический контекст которых не до конца ясен и вряд ли для некоторых будет выяснен в обозримом будущем. Определенное исключение составляет муфта, найденная в начале XX в. В.А. Городцовым в культурном слое Троице-Пеленицкого городища в Рязанской обл. (рис. 1, 24), датируемого третьей четвертью I тыс. н.э. (Археологическая карта..., 1993). Муфта служила для скрепления вставки топора с деревянной рукоятью. Отсутствие подобных артефактов в культурных напластованиях раннего железного века позволяет предположить, что данный предмет был с какой-то определенной целью принесен на поселение и покрыт сложным орнаментом (рис. 2, 4), вероятно, культового характера.

Что касается территории Верхнего Поволжья, то в настоящее время известно девять пунктов, где найдены муфты. В четырех случаях – это случайные местонахождения, в пяти – памятники с четко фиксируемым культурным слоем (рис. 1, 9–11, 21–23): Ивановское 3 и 7 в Ярославской обл., Становое 4, Сахтыш 14 и У Чугунного Моста в Ивановской обл. Муфты с первых трех стоянок опубликованы с детальными описаниями и прекрасными графическими изображениями (Жилин, 2001), поэтому в настоящей работе их описание опускается. Муфты же с двух других поселений (и случайные находки) специалистам абсолютно неизвестны. Им и посвящена предлагаемая публикация.

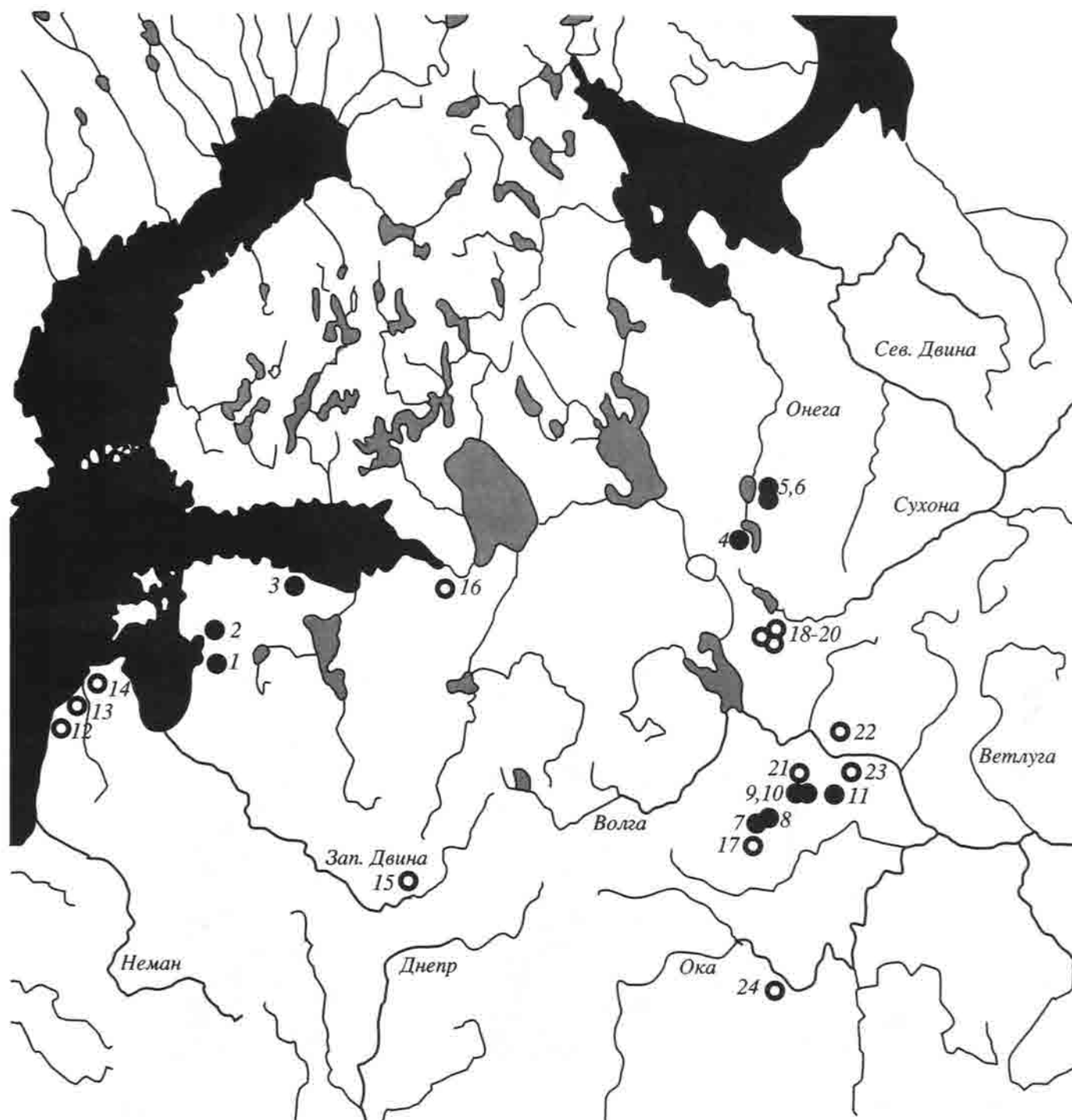

Рис. 1. Карта находок роговых мезолитических муфт в лесах Восточной Европы. Муфты из культурных слоев поселений. *А:* 1 – Звейниекы 2; 2 – Пярну; 3 – Кунда Ламмасмяги; 4 – Погостище 1; 5 – Веретье 1; 6 – Нижнее Веретье, 7 – Ивановское 7; 8 – Ивановское 3; 9 – У Чугунного Моста; 10 – Становое 4; 11 – Сахтыш 14. Случайные находки муфт. *Б:* 12 – Полочу; 13 – Ужава; 14 – р. Вента; 15 – Витебск; 16 – р. Сундинка; 17 – Самотовино; 18, 19 – Вологодские местонахождения; 20 – р. Тошна; 21 – Рышнево; 22 – Дериглазово; 23 – Иваново; 24 – Троице-Пеленицкое городище.

Муфты из культурных слоев поселений

Сахтыш 14 (Ивановская обл., Тейковский р-н). В ходе многолетних раскопок Верхневолжской экспедиции Института археологии РАН под руководством М.Г. Жилина и В.А. Аверина на памятнике найдено четыре роговые муфты (рис. 3, 1–4). Две происходят из горизонта А, и две – из нижележащего горизонта Б четвертого культурного слоя, который по данным радиоуглеродного анализа

датируется в интервале 9950–9320 лет назад и относится к бутовской культуре.

Первая муфта обнаружена в 2001 г. Она предназначена для тесла и выполнена из перехода ствола рога лося в лопату с тупым обухом (рис. 3, 3). Продольная ось трапециевидного паза перпендикулярна оси подокруглого отверстия для рукояти.

Длина изделия составляет 202 мм, ширина в области обуха – 56, в области вставки лезвия – 51.

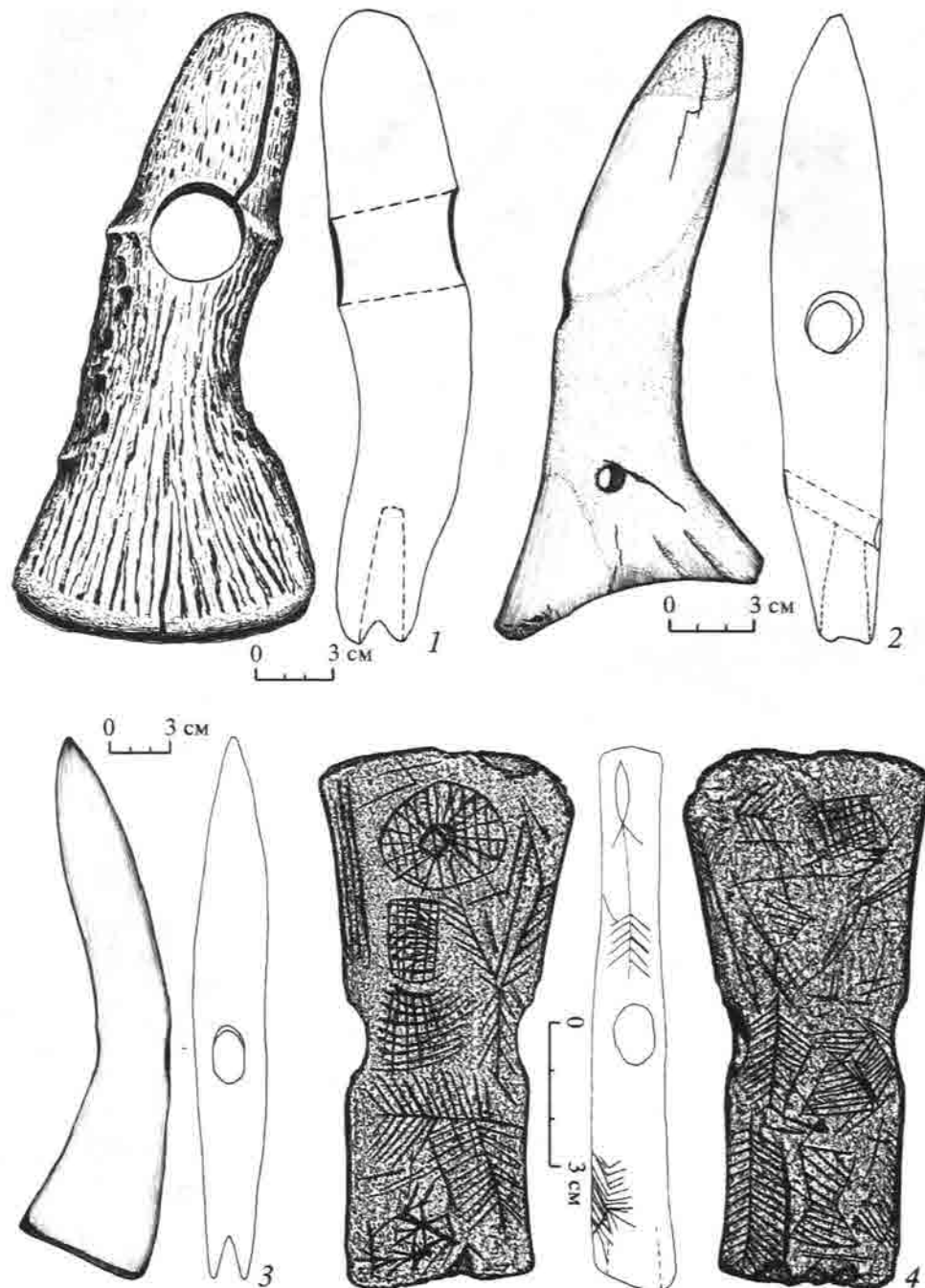

Рис. 2. Мезолитические роговые муфты с территории Ивановской (1, 3), Московской (2) и Рязанской (4) обл. (1 – рис. А. Уткина, 2–4 – рис. А. Авериной).

Поверхность не выровнена, только стесана коронка рога по периметру обуха. На расстоянии 155 мм от широкого края муфты прорезано (?) отверстие для рукояти диаметром 28 и глубиной 50 мм.

В губчатой части рога вырезана щель паза длиной около 60 мм и шириной 23 в месте вставки клинка в муфту и 10 мм соответственно в его узких частях. В процессе работы с тыльной (вогнутой) стороны муфты откололся крупный фрагмент, в результате чего орудие, вероятно, и было выброшено.

Вторая муфта найдена в 2005 г. (Жилин и др., 2007). Она предназначалась для рубящего орудия типа тесла (рис. 3, 1). Обух тупой, из основания рога. Рабочая часть располагается на переходе

ствола рога в лопату. Продольная ось подпрямоугольного паза перпендикулярна оси подокруглого отверстия для рукояти.

Размеры (мм): общая длина – 136, ширина в области обуха – 50, в области паза – 90. Поверхность рога выровнена и местами пришлифована. Расстояние между пазом для вставки клинка и отверстием (диаметр – 27 мм) для рукояти составляет 70 мм. Отверстие прорезано (?) строго перпендикулярно плоскости орудия.

В губчатой части рога выбран паз длиной 65 мм, шириной 13 и глубиной 35. Стенки паза слегка сходятся по направлению к обуху, дно плоское. В процессе использования орудия на тыльной

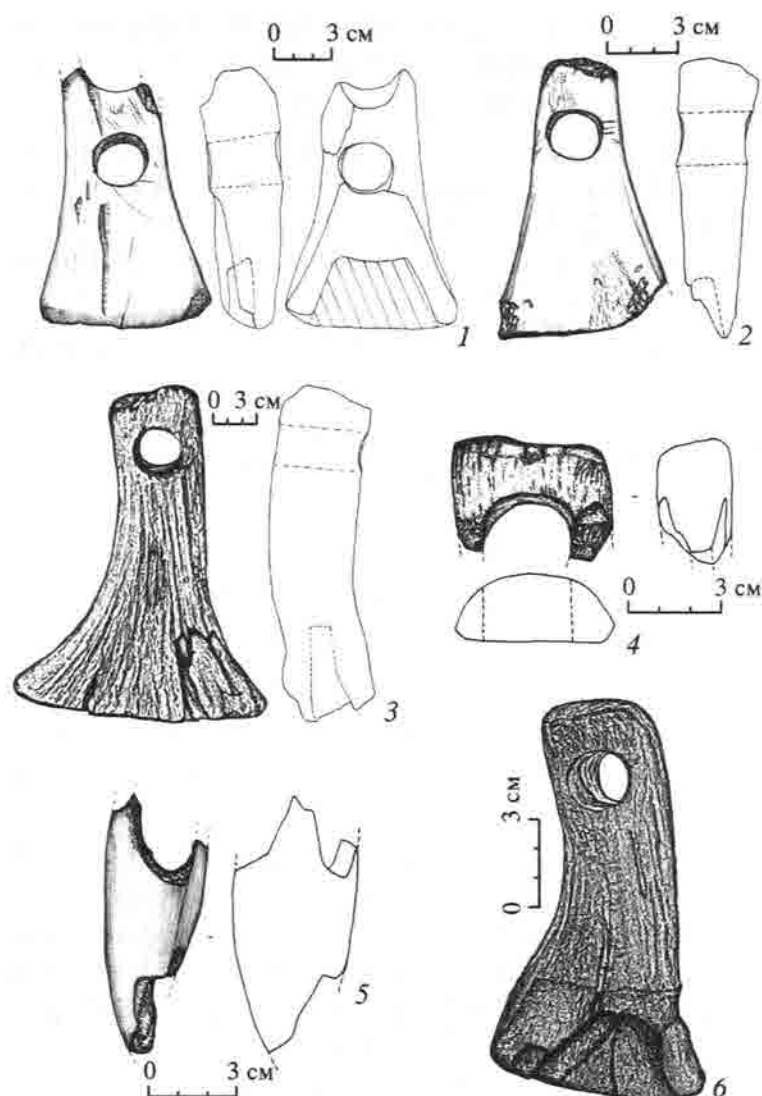

Рис. 3. Мезолитические роговые муфты с территории Ивановской обл.: 1–4 – Сахтыш 14; 5 – У Чугунного Моста; 6 – Рышнево. Рис. А. Авериной.

(вогнутой) стороне изделия образовался технологический залом, в результате которого оно потеряло свое функциональное назначение и, вероятно, было выброшено.

Ранее изделие уже переоформлялось. Изначально отверстие для рукояти располагалось в 24 мм в сторону обуха. Но во время работы произошел разлом муфты вдоль центральной оси отверстия параллельно пазу; присутствуют следы заломов на боковой поверхности. Данное повреждение не привело к утрате функциональных возможностей орудия: было просверлено новое отверстие ближе к клинку, и муфтой можно было работать вновь.

Третья сахтышская муфта происходит из раскопа 2006 г. (Аверин, 2007). Она также изготавливалась для тесла и конструктивно аналогична двум первым, но меньших размеров (рис. 3, 2). Обух муфты тупой, сделан из основания рога лося. Рабочая часть располагалась на переходе ствола рога в лопату. Продольная ось подпрямоугольного паза перпендикулярна оси подокруглого отверстия для рукояти.

Длина изделия составляет 117 мм, ширина в области обуха – 37, в области паза – 70. Поверхность рога выровнена, основание (коронка) стесано по периметру. Орудие немного изогнуто в одну сторону, что связано с особенностями морфологии лосиного рога. На расстоянии 75 мм от места вставки клинка вырезано (?) отверстие диаметром 22.

Паз выбран в губчатой части. Его длина – 50 мм, максимальная ширина – 12, глубина – 26. Стенки паза слегка сходятся к обуху, дно плоское. В процессе работы муфта была повреждена в области паза и утилизирована.

От четвертой муфты, обнаруженной как и третья в 2006 г. (Аверин, 2007), сохранился только фрагмент обуха (рис. 3, 4). Края основания рога подтесаны так, что сечение орудия в данной части стало полукруглым. Поверхность слегка зашлифована. На расстоянии 23 мм от вершины обуха прорезано (?) отверстие диаметром в 28, внутренние стенки которого отполированы. С трех сторон на уровне края отверстия заметны следы точечных ударов (подрубки), возможно, для дальнейшего переоформления изделия. Нижняя часть орудия вместе с гнездом для вставного лезвия утрачена.

У Чугунного Моста (Ивановская обл., Комсомольский р-н). В 2008 г. В.В. Торгов, краевед из Комсомольска, открывший памятник и в течение 5 лет собиравший на нем и на р. Ухтохма древние предметы, частично срезал макушку оплывшего наброса донного грунта, сформировавшегося при спрямлении русла реки во время постройки железнодорожного моста начала 1930-х годов. Здесь в переотложенном культурном слое поселения им было собрано достаточно много расщепленного кремня, включая орудия и огромное количество костей млекопитающих. При сортировке последних был выявлен фрагмент срединной части муфты для топора, совмещенного с “киркой/клевцом”, изготовленной из основания (или крупного отростка?) рога. Муфта в древности была расколота вдоль паза и сломана поперек отверстия (рис. 3, 5). Само отверстие сохранилось на одну треть. Оно располагается под острым углом к поверхности тела артефакта, в плане овальное, узкое, шириной 19 мм, стенки тщательно зашлифованы. Паз, вырезанный в губчатой части, в плане имел, скорее всего, подтрапещиевидную форму. Метрические параметры его не реконструируются даже приблизительно.

Данный фрагмент муфты, несомненно мезолитической, синхронен каменным орудиям, собранным в прибрежной части стоянки и в шурфе 2006 г. (Уткин, Костылева, 2007).

Случайные находки муфт

Самотовино (Московская обл., Сергиево-Посадский р-н). Муфта найдена в пределах Дубненского торфяника близ одноименной деревни. Изделие имеет индивидуальные различия и свой неповторимый “колорит” (рис. 2, 2). Муфта целая, из крупного изогнутого отростка рога. Продольная ось паза параллельна оси отверстия для рукояти. Следов повреждений нет. Общая длина муфты составляет 194 мм. Обух длиной 94 мм заострен, а в его средней части прорезано (?) подокруглое отверстие глубиной 45 и диаметром 23 мм. В рабочей части трапециевидной формы имеется паз. Его ширина в области вставки клинка составляет 18 мм, ближе к отверстию – 12, глубина – около 41. Вся поверхность муфты полностью отшлифована и отполирована, следы предшествующей обработки отсутствуют. Перед полировкой на внешнюю кромку щели паза был нанесен орнамент в виде косых насечек “елочкой” (Жилин, 2001. С. 167). В боковой стенке изделия на расстоянии 36 мм от изогнутого основания просверлено еще одно отверстие диаметром 10 мм, срезавшее дно паза. По мнению М.Г. Жилина, данное усовершенствование предназначалось для выбивания при помощи костяного стержня обушков лезвий, ломавшихся в гнезде муфты (2001. С. 167).

Дериглазово (Ивановская обл., Заволжский р-н). В 1929 г. крестьянином Морозовым (инициалы неизвестны) из д. Дериглазово в Иваново-Вознесенский губернский краеведческий музей (ныне Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурлыгина) была передана “мотыга большого размера из рога оленя или лося, вкладышевой техники” (Ерофеева, 1965. С. 21). Где и при каких обстоятельствах она была найдена, в “книге поступлений” не указано, но, скорее всего, где-то в ближайшей округе; возможно, в болоте при истоке из него р. Кистега (левый приток Волги).

Эта “мотыга” по современной классификации считается муфтой для тесла (рис. 2, 1). Для ее изготовления использовано основание крупного рога лося, причем рог не был сброшен животным в осеннем гоне и подобран охотниками в лесу. Вероятнее всего, лось был подстрелен на охоте. Рабочая часть муфты выполнена из перехода ствола рога в лопату, имеет длину 153 мм, продольная ось паза перпендикулярна оси подокруглого отверстия для рукояти.

Размеры: общая длина – 240, ширина в области обуха – 50, в области паза – 114 мм. На поверхности сохранилась естественная структура рога, в средней части остались следы коронки. Расстояние

между пазом и отверстием (диаметр 35 мм) составляет 135 мм, ширина самого гнезда для вставного лезвия-клинка – 16, глубина – 50.

В результате работы у орудия вдоль обуха появилась вертикальная трещина, и оно потеряло свою прочность. Технически его могли бы переформить, но по какой-то причине этого делать не стали.

Рышнево (Ивановская обл., Ильинский р-н). Муфта для тесла. Обух тупой, из основания рога. Рабочая часть выполнена из перехода ствола рога в лопату. Продольная ось перпендикулярна оси подокруглого отверстия для рукояти диаметром 30 мм (рис. 3, б).

Длина изделия – 193 мм, ширина в районе обуха – 60, в области паза – 105. Ширина самого паза – 14 мм. Поверхность рога выровнена, местами пришлифована. Расстояние между пазом и отверстием не превышает 145 мм. Паз выбран в губчатой части на глубину 44 мм. Его стенки слегка сходятся к обуху, дно плоское.

В процессе использования муфты на ее тыльной (вогнутой) стороне образовался технический залом, а отверстие треснуло вдоль оси. Орудие стало не пригодно ни для дальнейшего использования в качестве рабочего инструмента, ни для переформления. Его просто выбросили.

Муфта была «найдена в 1961 г. в “Прогонном” (или “Лапном”) болоте, расположенном к югу от деревни при копке экскаватором торфа, недалеко от берега, у Лапного поля» (Крайнов, 1964. С. 59) и передана в краеведческий музей с. Ильинское-Хованское. В тот же год местонахождение находки обследовал Д.А. Крайнов. Им было заложено несколько шурфов, но не на болоте, а в наиболее возвышенной точке кромки берега. Однако находки не обнаружены. Д.А. Крайнов включил эту муфту (“мотыгу”) в сводку древностей фатьяновской культуры эпохи бронзового века. Позднее он признал ее более древний возраст и сообщил об этом С.В. Ошибкиной. И уже она первой атрибутировала рышневскую муфту в печати как мезолитическую, правда, “переместив” ее на территорию соседней Ярославской обл. (1983. С. 147).

Иваново. В середине осени 1959 г. “учащийся ивановской школы № 29 А. Малыгин принес в областной краеведческий музей редкую находку: орудие труда из рога”, которое он случайно увидел “в песке, выброшенном земснарядом в районе парка культуры и отдыха им. Степанова со dna р. Уводи” (Ерофеева, 1959; 1965. С. 43).

Орудие представляет собой комбинированный рабочий инструмент: муфту для вкладыша

клинка топора и “кирку/клевец” (рис. 2, 3). Изготовлено оно из крупного отростка лосиного рога. Его общая длина составляет 262 мм. Поверхность отшлифована до зеркального блеска и имеет блекло-желтый цвет; орудие явно залегало в сапропеле. Обух (собственно материнская часть “кирки”) заострен; следы какой-либо обработки на нем не фиксируются. В середине обуха – овальное отверстие (27 × 18 мм) примерно под углом в 30° по отношению к основанию паза. Отверстие, как мы полагаем, сделано из двух спаренных сверлин, перемычку между которыми затем сбили, а стенки зашлифовали. Паз выдолблен в расширенной части заготовки. В плане он трапециевидный. Его глубина составляет 85 мм, ширина в области вставки клинка – 42, внутренняя ширина – 15, поперечная – 85.

Рассмотренные муфты распадаются на две неравномерные по количеству группы: основы для топоров и тесел. Первых всего три. Информативны две, найденные близ д. Самотовино (рис. 2, 2) и на территории парка им. Степанова в черте современного г. Иваново (рис. 2, 3). Гнездо ивановской муфты относительно широкое и глубокое, в длину ориентировано параллельно вертикальной оси отверстия и соответственно топорищу. Паз муфты из Самотовино уже и короче, чем у предыдущей, но ориентирован так же. Топорище в обоих случаях располагалось под острым углом к рабочему лезвию клинка (скорее всего, кремневого). Эта конструкция увеличивала коэффициент полезного действия топора в 1.5–2 раза по сравнению с тем, если бы клинок вставлялся под прямым углом. Противоположный, заостренный конец муфты (по мнению А.В. Уткина) не служил ни киркой, ни клевцом, а представлял собой багорный крюк (как у современного пожарного топора), с помощью которого можно было не напрягаясь перекантовать любое бревно, лежащее на земле.

Помимо этих изделий и обломка со стоянки У Чугунного Моста подобные артефакты встречены лишь четырежды: при раскопках нижнего культурного слоя поселения Становое 4 и в Нижнем Веретье (Жилин, 2001. Рис. 63, 1, 2; Фосс, 1941. Табл. V, 2). Заостренные обухи этих изделий также не имели следов “ударной” работы.

Муфт для тесел насчитывают 21 экз., включая, возможно, и обломок с Сахтыша 14 из раскопок 2006 г. (рис. 3, 4). Конструктивно они однообразны: узкий тупой обух; рабочая часть расположена на переходе ствола рога в лопату; ближе к обуху – круглое отверстие для рукояти; паз относительно глубокий и широкий, но узкий, 12–13 мм; продоль-

ная ось его строго перпендикулярна оси отверстия; вставными лезвиями в большинстве своем, очевидно, были тонкие плоские клинья из рога, реже из кремня. Подобный тип муфт доминировал в лесах Восточной Европы и был широко распространен (рис. 1).

М.Г. Жилин (2001), детально изучив все известные восточноевропейские муфты, собранные в четко стратифицированных культурных слоях поселений, пришел к выводу, что они бытовали у населения трех культур лесного мезолита: кунда, веретье и бутовская. Хронологически они синхронны друг другу и относятся к ранним (начальным) стадиям развития этих культур. Позднее (на средних и поздних этапах), по каким-то непонятным причинам, эти артефакты бесследно исчезают.

Наибольшая встречаемость муфт зафиксирована в центральной части Волго-Клязьминского междуречья (рис. 1, 7–11, 17, 21, 23). Здесь они найдены в восьми пунктах (пять стоянок и три местонахождения), где собрано в общей сложности 32 предмета, что составляет около 50% от общего числа известных на сегодняшний день находок. Причем 28 орудий происходят из стационарных раскопок памятников, проводившихся в разные годы Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР/РАН. Это стоянки Ивановская 3 и 7 в Ярославской обл., Сахтыш 14 и Становое 4 в Ивановской обл.

Авторы выражают искреннюю признательность старшему научному сотруднику Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника В.И. Вишневному за предоставленное право опубликовать артефакт из Самотовино.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверин В.А.* Отчет об охранных раскопках многослойного поселения Сахтыш 14 в Тейковском р-не Ивановской обл. в 2006 г. // Архив ИА РАН. 2007.
- Археологическая карта России: Рязанская обл. Ч. 1. М., 1993.
- Ерофеева Е.Н.* Редкие находки // Рабочий край, 6 октября. Иваново, 1959.
- Ерофеева Е.Н.* Археологические памятники Ивановской обл.: Материалы к археологической карте. Ярославль, 1965.
- Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

- Жилин М.Г., Аверин В.А., Аверина А.В., Цветкова Н.А.* О работах Верхневолжской экспедиции // АО–2005. 2007.
- Крайнов Д.А.* Памятники фатьяновской культуры: Ярославско-Калининская группа. М., 1964 (САИ; Вып. В1-20).
- Ошибкина С.В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
- Уткин А.В., Костылева Е.Л.* Многослойная стоянка эпохи первобытности “У Чугунного Моста” на р. Ухтоме // Краеведческие зап. Вып. X. Иваново, 2007.
- Фосс М.Е.* Стоянка Веретье: Отчет Северной экспедиции ГИМ о раскопках 1929–1934 гг. торфяника в бассейне оз. Лача. М., 1941 (Тр. ГИМ; Вып. XII: Работы археологических экспедиций).
- Clark G.D.* The earlier Stone Age settlement of Scandinavia. Cambridge, 1975.

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОГО ВОИНА

© 2012 г. Н.Г. Артемьева, С.Д. Прокопец

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН (artemieva_tg@list.ru)*

Ключевые слова: защитное вооружение, чжурчжэни, археология Дальнего Востока, империя Цзинь, государство Восточное Ся, панцирь, шлем, средневековые города Дальнего Востока, реконструкция защитного вооружения.

Investigations at fortified settlements of the Jurchen state of Eastern Xia (1215 – 1233) in Primorye yielded new finds of defensive armor. The helmets have hemispherical forged iron domes, the circle for aventail attachment was riveted to the bottom edge. The other finds include iron masks and cuirasses. Of especial interest is the lamellar sleeveless jacket fastened on the left side, which provided for two U-shaped underarm plates. The shoulders and arms were protected by shoulder- and armguards; the lower part of the body was protected by a skirt, which consisted of several parts. The unique finds from the medieval fortified settlements in Primorye allow reconstructing most of the defensive armor and identifying its characteristic traits.

Защитное вооружение – важная составная часть снаряжения средневекового воина. В первую очередь к нему относятся панцирь и шлем. На средневековых памятниках Приморья часто встречались фрагменты и целые панцирные пластинки, довольно стандартные по размерам, количеству и расположению отверстий для соединения, но полностью реконструировать доспех чжурчжэньского воина долго не удавалось. Последнее время к предметам защитного вооружения чжурчжэней проявляется огромный интерес. Связано это в первую очередь с осознанием того огромного вклада, который внес этот народ в развитие вооружения Юго-Восточной Азии, а вместе с монгольским нашествием оно было унаследовано многими народами Евразии. Беря за основу большей частью письменные источники, исследователи приводят интересные реконструкции чжурчжэньских доспехов, но, к сожалению, не все подтверждается археологическими материалами (Бобров, Худяков, 2003). Поэтому целью данной работы является ввод нового археологического материала, связанного с предметами вооружения чжурчжэней, и его реконструкция.

Новые материалы, полученные при раскопках Красноярского, Шайгинского, Лазовского, Южно-Уссурийского и Гусевского городищ – памятников чжурчжэньского государства Восточного Ся (1215–1233 гг.), – позволили расширить представление о предметах защитного вооружения чжурчжэней. В нашей коллекции сейчас существуют десять шлемов, а также панцири и их фрагменты.

Восемь шлемов было обнаружено на Красноярском городище. Первый был найден в 1991 г., но из-за плохой сохранности находки полную реконструкцию авторам сделать не удалось (Шавкунов, Мезенцев, 1993). Остальные шлемы были обнаружены при разных обстоятельствах и только один был найден в жилище 27 (раскоп 47), в северо-западной части памятника, рядом с остатками панциря.

Девятый шлем найден на Гусевском городище при зачистке браконьерского шурфа. Еще один шлем раскопан нами при исследовании Южно-Уссурийского городища.

Все обнаруженные шлемы однотипны и только немного различаются в размерах (табл.; рис. 1).

Они представляют собой железные кованые полусферические тульи с трубчатым навершием, к нижнему краю которых сверху приклепывался венец шириной 4.5–5.5 см. Венец изготавливался из плоской железной пластины, откованной в виде трех выпуклых полос. Высота шлемов 11.5–12.5 см, диаметр 22–24 см (Артемьева, 1999).

На передней части шлемов поверх венца крепился налобник – пластина длиной 11–15 см, шириной 6–9 см. В центральной части находится отчеканенный рельефный рисунок в виде двух выпуклых листовидных фигур, расходящихся от центра под углом 45°. Внешне они напоминают приподнятые брови. Нижний край налобника чаще прямой, но иногда его оформляли в виде плавного изгиба к центру. По боковым краям налобника прослеживаются отверстия. Количество отверстий в разных шлемах

не одинаково. В одном случае их пять, причем они совпадают по размерам и количеству с отверстиями на панцирных пластинках. Последние подводились под боковые края налобника с двух сторон. В другом случае на боковых краях прослежены две пары крупных отверстий.

По нижнему краю венца, на расстоянии 5–6.5 см прослежены семь–восемь парных отверстий, расстояние между парами – 1 см. Шлемы должны были иметь подшлемники из войлока или другого мягкого материала, которые должны были гасить энергию рубящего удара. На трех обнаруженных шлемах (красноярских 1994 г. и гусевском) прослежены пластинчатые бармицы. От налобника пластины бармицы шли по всему диаметру венца в три ряда по 31 пластине в каждом. Причем от задней по центру панцирной пластины последующие расходились веером к налобнику, перекрывая на четверть последнюю; 31 пластина в ряду составляла 40 см.

Бармица к венцу шлема крепилась при помощи шнуров, скорее всего кожаных, через парные отверстия. Панцирные пластинки представляли собой железные полосы размерами 85(87) × 26(27) мм, иногда со срезанными углами нижнего края. В пластинках по длинным краям пробиты симметрично расположенные отверстия: по пять в верхней части, по три в нижней. Между последними отверстиями находится еще одно. Пластинки были изогнуты по длине, при этом выделяются два вида изгиба: первый – пластины слегка вогнуты по длинной осевой линии; второй – в верхней части такие же, как и предыдущие, а от середины пластины изгибались еще и в противоположную сторону, придавая им в разрезе S-образную форму. По нашей реконструкции пластины второго вида должны составлять первый ряд бармицы, который крепился к венцу шлема. Затем уже на него закрепляли еще два ряда пластин первого вида. Причем в отличие от пластин

на панцирях эти пластинки располагались вогнутой стороной вверх, что давало возможность бармице отходить от края шлема на 5–6 см.

Пластины крепились между собой следующим образом: третья и четвертая верхние пары и все нижние отверстия служили для связки пластин между собой, а также для прикрепления какой-либо органической подкладки. Скрепление рядов происходило за счет первой, четвертой и пятой верхних пар. Такой способ связки придавал изделию нужную прочность, жесткость при защите и достаточную гибкость при передвижении. Пластины каждого ряда на четверть перекрывались следующим, поэтому общая высота бармицы около 19 см. Такая длина давала возможность защитить не только шею, но и плечи воина. Бармица такого вида относится к пластинчатой ламеллярного типа.

В верхней части всех чжурчжэньских шлемов находилось отверстие диаметром до 1 см, в которое вклепывалась железная полая трубочка для крепления плюмажа. Плюмаж также мог вставляться в наверхия, которые крепились на шлем. Одно из них было обнаружено недалеко от Красноярского городища (рис. 1, 8).

Среди шлемов, найденных на Красноярском городище, по оформлению немного выделяется один (КЯ04-П-2) (рис. 2, 5). Он был, как и предыдущие, цельнокованный. Размеры тульи: диаметр 23 см, высота 12, ширина венца от 5 до 3.3 см. Венец, сделанный в виде прямой пластины, увеличивался от затылочной части к лобной. Он крепился к тулье при помощи восьми железных клепок-штырьков, расстояние между которыми 5–8 см. По диаметру нижнего края венца прослежены четыре группы из четырех отверстий, находящиеся друг от друга на расстоянии 6 см. Лобную часть шлема оформлял заметно расширяющийся в передней части венец.

Параметры шлемов (в см)

п/п №	Шифр	Диаметр	Высота	Высота венца	Размеры налобника	Размеры панцирных пластин бармицы
1	КЯ-91-П-1	22	11.5	4.5	6 × 11	2.6×8.5
2	КЯ-94-П-1	24	12	4.5	7.5 × 14	–
3	КЯ-94-П-2	24	12.5	5.5	9 × 15	–
4	КЯ-03-П	22	9	–	–	–
5	КЯ-04-П-68	23	13	5	–	–
6	КЯ-04-П-69	23	12	3.3–5	–	–
7	КЯ-04-Р47-2	27.5	13.5	5–5.5	8 × 14	–
8	КЯ-07-П-1	22	8.7	–	–	–
9	Гус.-03-П-1	21	11	4.3	7 × 13.5	–
10	Ю-У-07-Р1-	24	10.5	–	–	–

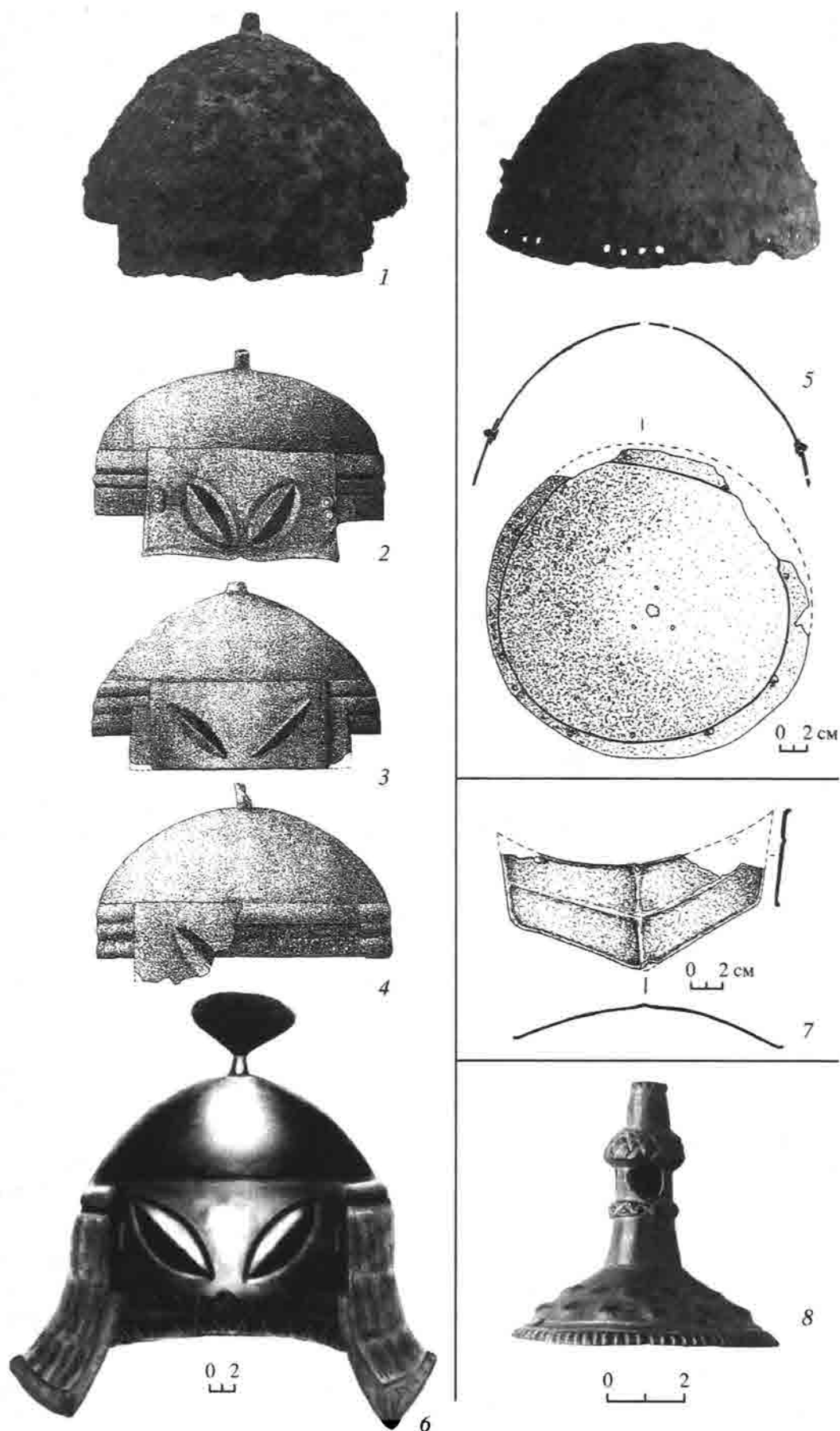

Рис. 1. 1–5 – шлемы (железо); 6 – реконструкция шлема; 7 – козырек от шлема (железо); 8 – навершие шлема (бронза).

На верхней части тульи находится одно большое отверстие диаметром 0.6 см, вокруг которого прослежены еще три отверстия, расположенные по кругу. Очевидно, здесь крепилось навершие шлема.

Кроме вышеописанных налобников на Шайгинском городище была обнаружена железная пластина-налобник другого типа (рис. 1, 7) (Прокopc, 2004). Пластина-налобник выкована из же-

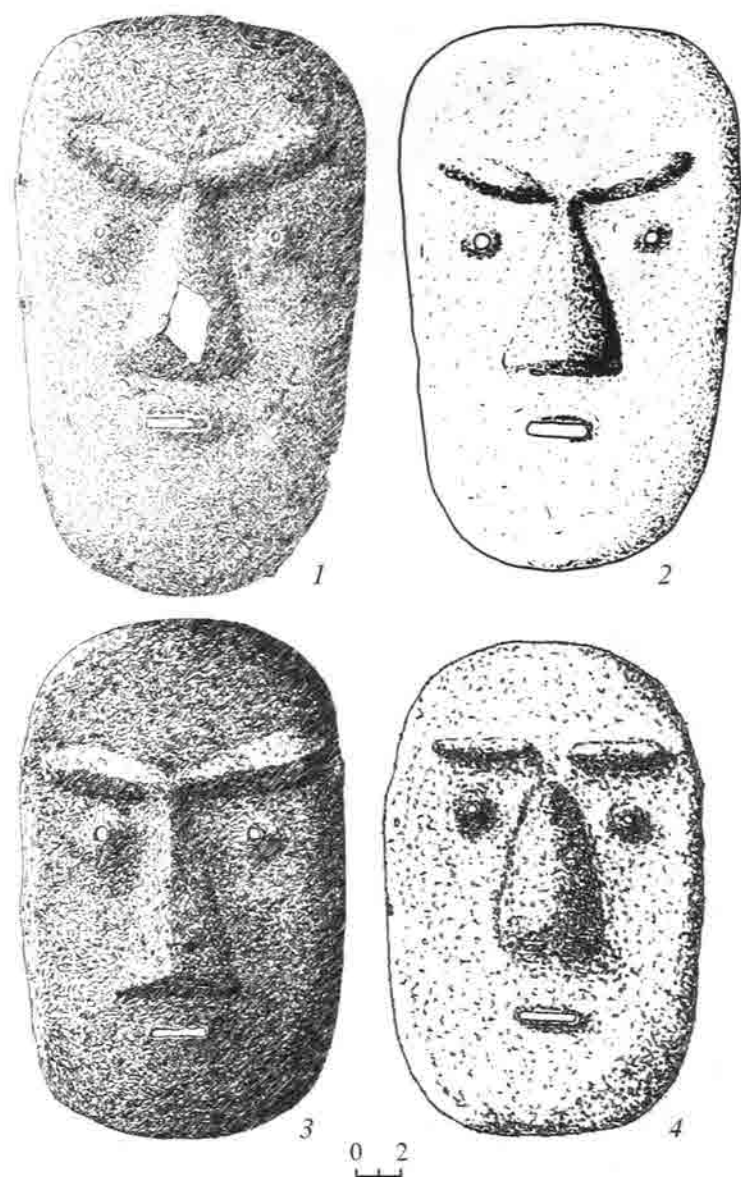

Рис. 2. 1–4 – маски (железо).

леза, имеет пятиконечную форму размерами 13.5×6.2 см, толщиной 1 мм. Верхний край пластины дугообразный с тремя отверстиями, диаметром 3 мм: одно – в центре, два – по краям, расстояние между ними около 5 см. Нижняя часть пластины вытянута в виде треугольника. Пластина выгнута на внешнюю сторону, обвальцована по краям. Она имеет внутреннюю отбивку чеканом в виде креста, разделяющего поле пластины вертикальной и горизонтальной полосами. Внешне пластина-налобник напоминает козырек. Аналогии этому налобнику-козырьку были обнаружены среди материалов, относящихся к защитному вооружению позднесредневекового кыргызского воина периода заселения кыргызами западных районов Тянь-Шаня (Худяков и др., 2000).

Следует отметить, что аналогии чжурчжэньскому шлему с бармицей среди опубликованных бохайских (VII–X вв.), киданьских (X–XII вв.) и японских

материалов пока не встречено (Tung-ching-cheng, 1939. Fig. 65; Чжэн Шаоцзун, 1956; Худяков, 1991. С. 85, 86; Robinson, 1967. P. 184. Fig. 95, 4; Деревянко, 1987. С. 111). Все известные до сих пор шлемы имели полусферическую форму и были сделаны из четырех или более пластин, по нижнему краю стянутых кольцевым обручем. Шлем, обнаруженный в могильнике Шапка и датированный мохэским временем (IV–VIII вв.), был изготовлен из небольших пластин (Нестеров, Слюсаренко, 1993). Шлем, найденный в Корсаковском могильнике и датированный чжурчжэньским временем, также имел тулью, составленную из длинных (18 см) изогнутых пластин (Медведев, 1981; 1982. С. 90. Табл. IX; 1986. С. 145).

Наиболее близким по форме, а особенно по наличию налобной пластины можно считать шлем, обнаруженный в Северном Китае и датируемый XIII в. Его тулья была выкована из железа и инкрустирована серебром. Считается, что шлем принадлежал юаньскому офицеру. В верхней части шлема имелось трубчатое навершие для плюмажа. В центральной находился налобник. Нижний край шлема оформлен в виде венца с отверстиями, за которые крепилась бармица, скорее всего, из железных пластин (Peers, 1992. P. 6).

Островершия татаро-монгольского шлема второй половины XIV в. выковывались из одного куска железа с одним швом, а иногда были цельноковаными, но их особенностью является прямоугольная или фигурная пластина, прикрепленная надо лбом (Горелик, 1983. С. 261. Табл. VIII, 9; 1987а; б). В последней четверти XIV в. в ирано-монгольских шлемах прослеживаются стальные пластины, прикрепленные к нижнему краю шлема, которые считаются прообразами налобных пластин с вырезами для глаз и носиком, встречающиеся у европейских шлемов. Такие шлемы после XIV в. получают широкое распространение и дальнейшее развитие в Центральной Азии, Маньчжурии, Китае вплоть до XIX в. (Горелик, 1983. С. 261. Табл. VIII, 7, 8).

Шлемы, обнаруженные на чжурчжэньских памятниках, представляют наиболее ранние экземпляры этого типа шлемов, поскольку датируются XIII в.; с большой долей вероятности можно предположить, что они впервые появляются именно у чжурчжэней.

Для защиты лица чжурчжэни применяли железные маски. В настоящий момент их обнаружено четыре (рис. 2). Все они однотипны. Исключение составляет лишь небольшая разница в размерах, что, скорее всего, объясняется индивидуальным изготовлением. Первая маска была обнаружена при раскопках центральных ворот Шайгинского городища (Шавкунов, 1982). Она была опубликована В.Э. Шавкуновым, который дает полное ее описа-

ние, почему-то относя ее к стилизованному изображению лица монголоидного типа (1993. С. 80–83). Вторая маска была обнаружена на Ананьевском городище в обвалованном участке в западном районе памятника (Гладченков и др., 2006). Известна маска, найденная браконьерами на Плахотнюкинском городище. Еще одна маска “открыта” нами на браконьерском сайте. Место ее находки не известно, но нет сомнения, что она также происходит из чжурчжэньских памятников Приморья.

Все маски цельнокюваные, имеют слегка выпуклую форму, повторяющую овал лица. При помощи чекана на масках показаны брови и нос. Стиль изображения бровей, расходящихся от переносицы, очень напоминает брови, выполненные на налобниках шлемов. Нос сделан в виде треугольника, в нижней части которого располагались круглые носовые отверстия, пробитые бородком. Так же при помощи бородка были изготовлены глазные отверстия. Они пробивались с внутренней стороны маски, из-за чего вокруг отверстия образовывался выпуклый овал, создающий видимость глазного яблока. Ротовое отверстие сделано в виде вытянутого прямоугольника, также пробитого с внутренней стороны маски, что создает на внешней стороне иллюзию губ. Толщина листа, из которого изготавливались маски, 2–3 мм. Размеры масок: высота – 23–25 см, ширина – 15,5–16 см. Расстояние между глазными отверстиями – 6,5–7,3 см. Вес масок около 500 гр. При помощи парных отверстий, расположенных по краям маски, в районе глаз, она крепилась на голове. Первоначально считалось, что маска прикреплялась к шлему, но, судя по деталям чжурчжэньских шлемов, она не могла крепиться там. Шлемы имели налобники, которые должны были прикрывать лоб до переносицы, практически исполняя функцию полумаски. Брови лобных пластин шлема, при креплении маски к нему, должны были перекрывать бровные выступы, находящиеся на маске. Такая дополнительная защита была бы не оправдана. Можно, конечно, предположить, что маски могли применяться со шлемами другого типа – без налобных пластин. Но и в этом случае через отверстия для крепления маска соединялась не с бармицей, а крепилась за ушами.

После находки маски с Ананьевского городища исследователи стали сомневаться в ее принадлежности к комплексу защитного вооружения ввиду крайне низкого защитного потенциала чжурчжэньской маски, относя ее к ритуальным и считая, что “маска была изображением предка шамана или “портретом” его умершего отца, также шамана” (Гладченков и др., 2006. С. 91, 92). С этим мнением мы не можем согласиться. Действительно, обзор у

масок небольшой из-за маленьких отверстий для глаз. Применять такие маски в ближнем бою было не рационально. В.Э. Шавкунов предположил, что такие маски вполне могли использоваться лучниками при защите городских стен (1993. С. 82), что вполне оправданно. Тем более что маски на Шайгинском и Ананьевском городищах обнаружены в районе крепостных стен. Однотипность масок, обнаруженных на разных памятниках, а также определенный стиль их оформления, аналогичный налобным пластинам шлемов, дает нам возможность отнести железные маски чжурчжэней к предметам защитного вооружения.

Панцирные пластины довольно часто встречаются на средневековых памятниках Приморья. Все они довольно стандартны по размерам и расположению отверстий для соединения. Они представляют собой железные полосы размерами 85(87) × 26(27) мм, иногда со срезанными углами нижнего края. В пластинах по длинным краям пробиты симметрично расположенные отверстия: по пять – в верхней части, по три – в нижней. Между последними находилось еще одно отверстие. Пластины чаще всего имеют изгиб по длине. Панцири, изготовленные из таких пластин, встречались на многих городищах, но в разной степени сохранности.

Для реконструкций доспехов важна реконструкция связки панцирных пластин в панцирь. Для нас интересен способ связки наиболее распространенного типа пластин, описанного выше (рис. 3, 5).

При детальной обработке оказалось, что практически во всех пластинах имеются различия в размерах отверстий верхней группы. Две верхние пары отверстий и одна нижняя больше всех остальных примерно в два раза. Эта разница в размерах, скорее всего, связана со связкой рядов пластин между собой в панцирь. Именно этим объясняется такой размер отверстий, через которые проходил более мощный шнур или обычный, но с двойной связкой. Все остальные отверстия служили для связки пластин между собой в ряды, причем нижняя группа отверстий, помимо связки пластин, предназначалась для подвязки какой-то органической подкладки.

Подобная связка соответствует всем условиям, которые мы ставили при ее реконструкции. Панцирь довольно прочный и жесткий за счет жесткости рядов в результате довольно мощной связки. С другой стороны, он довольно эластичен за счет того, что ряды находятся как бы в подвешенном состоянии и при движении легко смещаются, не создавая воину лишних помех. Так же экспериментальный образец показал, что панцирь довольно легко собирать и чинить без каких-либо соответствующих навыков.

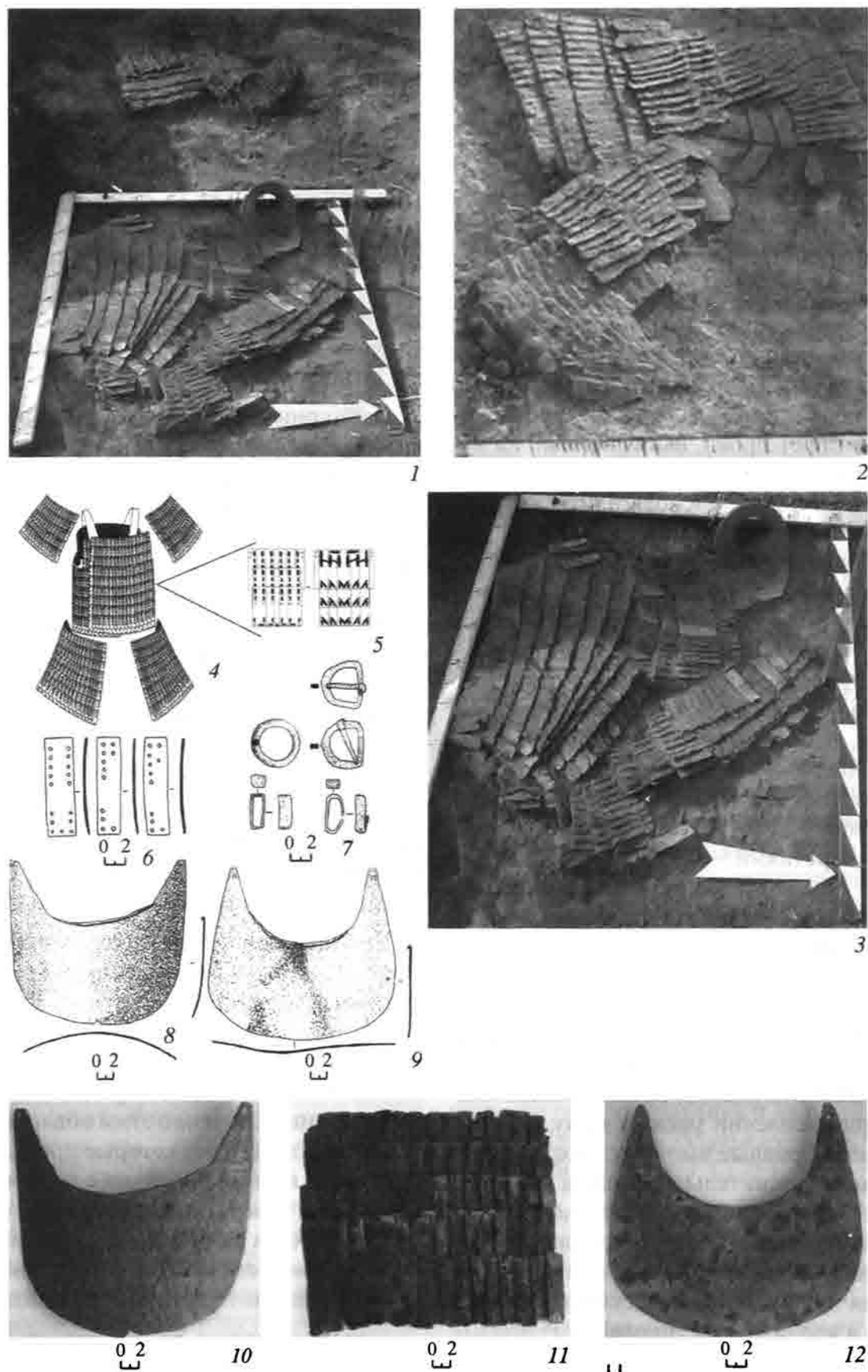

Рис. 3. 1–3 – зачистка панциря; 4 – реконструкция панциря; 5 – способ крепления пластин (лицевая сторона и изнанка); 6 – типы панцирных пластин; 7 – кольцо, пряжки, обоймицы (железо); 8–10, 12 – U-образные подмышечные пластины; 11 – реконструкция укладки пластин на панцире.

На Красноярском городище, в раскопе 7 был обнаружен панцирь, который представлял собой пластинчатый доспех ламеллярного типа (рис. 4, б). Его размеры 87×26 см. Пластины были слегка изогнуты по осевой линии, с ровными краями, в

панцире располагались девятью рядами (в каждом ряду по 13 пластин) и крепились в ряду внахлест, закрывая предыдущие на 6 мм. Каждый ряд перекрывал предыдущий на 27 мм. Причем на край панцирных пластинок, с тремя парными отверстиями

и одним центральным внизу, нашивался край пластинок с пятью парными отверстиями. По-видимому, пластинки панциря нашивались на кожу или войлок. Таким образом, панцирь имел размеры 26×54 см – достаточно для того, чтобы закрывать только грудь воина, поэтому этот вид панциря можно назвать нагрудным.

Еще один почти полный панцирь был найден на Лазовском городище (рис. 4, 7) (Леньков, 1983; Шавкунов, 1993. С. 75, 76). Он также представлял собой нагрудник размерами 40×65 см, состоящий из девяти рядов пластин, в каждом ряду по 21 пластинке. Пластинки были однотипны красноярским, но чуть длиннее – 9,2 см. Способ крепления друг к другу был почти аналогичным за исключением того, что каждый ряд начинался с центральной пластины. От нее веером пластины расходились к краям.

В.Э. Шавкунов считает этот тип панциря пластинчато-наборным; изготовлялся он из соединенных друг с другом металлических пластин, не нуждающихся в подкладке (1993. С. 74). При такой реконструкции становится непонятным функциональное назначение среднего отверстия в нижней части панцирных пластин, так как с пластинкой последующего ряда оно не соединялось. Назначение этого отверстия объясняется, если предположить, что к пластинкам подшивались кожа или войлок.

На Красноярском городище большие фрагменты от панцирей были обнаружены в раскопах 24, 43, 44, 47 и браконьерских шурфах. Все они представляли собой остатки панцирей ламеллярного типа, от которых сохранилось по несколько рядов пластин, но из-за плохой сохранности восстановлению они не подлежат.

Интересная находка была сделана на Красноярском городище в 2003 г. После браконьерского раскопа в юго-восточной части городища нами были обнаружены две части ламеллярного доспеха, состоящего из стандартных чжурчжэньских панцирных пластин (рис. 3, 1–3).

Обе части панциря пострадали от действий браконьеров, но не утратили своего вида, за исключением мелких деталей. Нам впервые удалось зафиксировать панцирь такого типа и сделать его реконструкцию.

Первая часть представляла фрагмент панциря, состоящего из нескольких слоев панцирных пластин. В первом слое зафиксировано девять рядов пластин, которые лежали лицевой стороной вверх. Ряды находили друг на друга сверху вниз, а пластинки в рядах – слева направо (рис. 3, 3).

Верхние три ряда состояли в среднем из 16 пластин, с правого края они доходили лишь до середи-

ны всего слоя. Ширина этих трех рядов составляла примерно 30 см, высота – 24 см. В третьем ряду, с правого края находилась одна боковая пластина (рис. 3, б). По высоте это стандартная пластина, но с обрезанным по вертикали одним краем, за счет чего у боковых пластин с одного края сохраняется набор отверстий стандартной пластины, а с другого вместо такого же набора отверстий лишь два с верхнего края и одно с нижнего. До этого не было известно функциональное назначение подобных пластин в составе панциря. Обнаруженный доспех дал нам возможность определить их назначение: именно находясь по бокам рядов, они служили для подвязки дополнительных элементов защиты, а также связки некоторых отдельных элементов панциря между собой. Далее на эти три ряда находили еще шесть рядов, в среднем по 30 пластин в каждом. В результате чего ширина слоя панцирных пластин в этой части составляла примерно 56 см, а высота – от 40 до 60 см.

Под первым слоем, в низкой его части, лежала большая железная U-образная пластина в виде полумесяца (рис. 3, 8–10, 12). Рога этого полумесяца, выглядывая из-под рядов пластин первого слоя, были повернуты вверх. Размеры пластины: ширина – 24,2 см, высота с рогом – 25 см, высота в средней части – 15 см. В верхней части каждого рога было по одному отверстию. Ниже на 9 см по краям пластины, параллельно верхним отверстиям, располагалось еще по одному отверстию. Сама пластина по узкой оси немного выгнута.

Подобные пластины ранее были обнаружены на Шайгинском городище (три штуки). Первоначально их отнесли к металлической обкладке луки седла. Так как одна была найдена среди элементов панциря, ее функциональное назначение было пересмотрено. Позже, при поисках аналогий, похожие пластины были обнаружены нами в японских доспехах. Там они исполняли роль подмышечных подкладок Ваки-бики. Они встречались как составные (кольчужные, из пластин, из бригантины), так и из цельного материала (Носов, 2004. С. 67). Позже на Красноярском городище нами были найдены еще две подобные пластины аналогичных размеров.

Далее находился второй слой, состоящий из семи рядов. Пластины лежали на изнаночной стороне. Ряды находили друг на друга снизу вверх.

Первые три верхних ряда, так же как и в первом слое, были намного короче остальных и имели в среднем по 19 пластин. Ширина этих рядов в среднем составляла 37 см, высота, как и в первом слое, – 40–60 см.

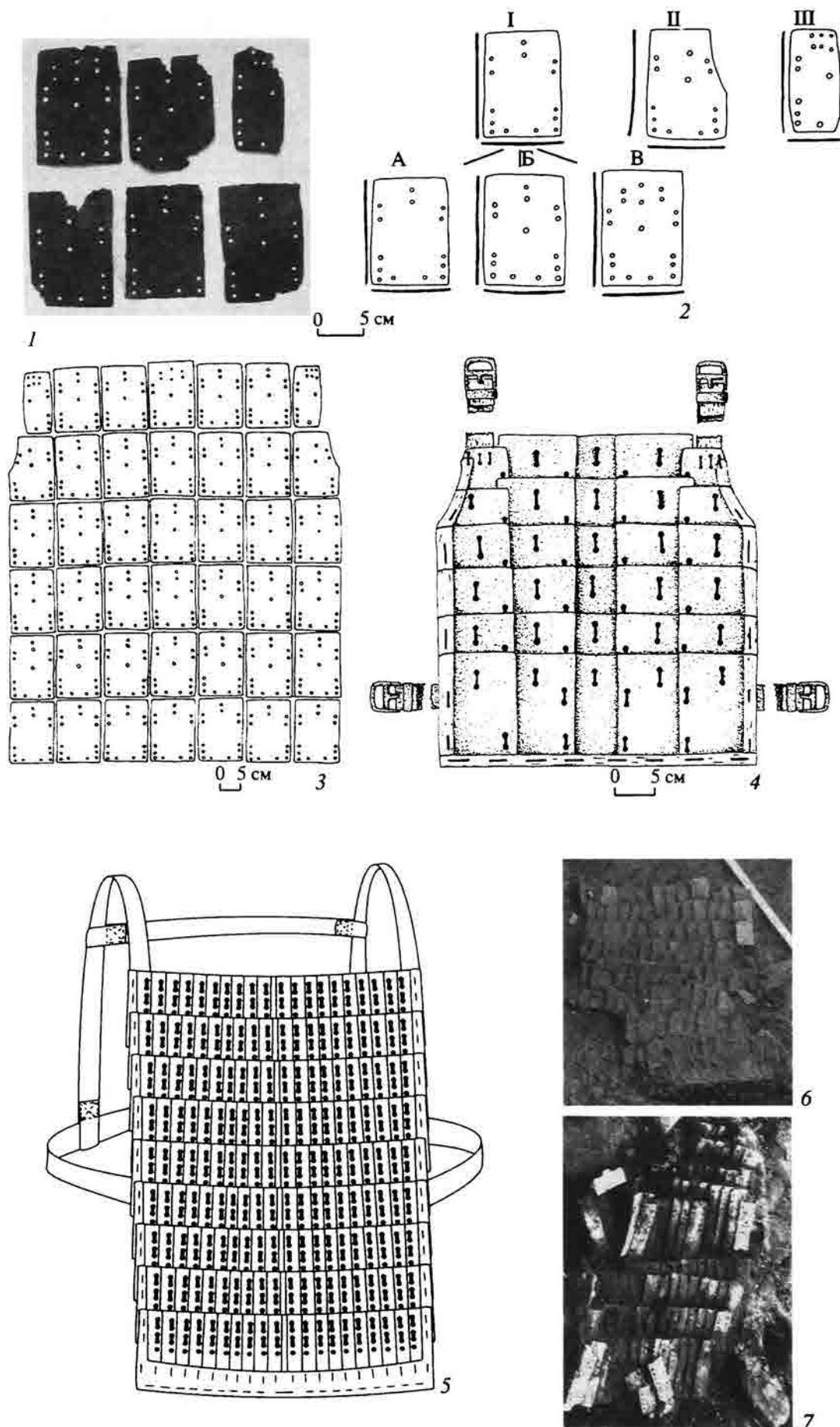

Рис. 4. 1, 2 – панцирные пластины корсета-кирасы; 3 – реконструкция раскладки пластин в корсете-кирасе; 4 – реконструкция корсета-кирасы; 5 – реконструкция нагрудника; 6, 7 – зачистка остатков панцирных пластин нагрудника.

Пластинки в рядах этого слоя расходились от середины первых трех рядов в разные стороны, причем центральная находилась сверху, а остальные уходили под нее. Таким образом, пластинки расходились по одной линии от самых верхних рядов слоя до самых нижних. На концах обоих краев третьего ряда были зафиксированы боковые пластинки. Под первые три ряда заходило еще шесть рядов пластин. Они в среднем состояли из 45 пластин. Ширина рядов в самой большой части – 82 см, высота – 39 см.

На расстоянии 20 см от трех верхних рядов на том же уровне находилась часть панциря, состоящая из трех рядов примерно по 16 пластин в каждом. Ее ширина – 16 см, длина – 24. На третьем ряду у края находилась одна боковая пластина. В верхнем правом углу второго слоя панцирных пластин была обнаружена пряжка с наременным хомутом (рис. 3, 7). В дальневосточной археологии подобные пряжки было принято называть “подпружными” и относить к деталям конской упряжи. Появление подобных пряжек в составе панциря говорит о их многофункциональности.

После снятия здесь второго слоя пластин была обнаружена еще одна U-образная пластина, немного деформированная из-за тяжести слоев, лежащих над ней. Размер пластины аналогичен первой.

Рядом с пластиной лежали две пряжки, одна из которых имела наременный хомут, и здесь же находился третий слой панцирных пластин, который состоял из двух небольших фрагментов, лежащих недалеко друг от друга. Оба фрагмента были повернуты на изнаночную сторону. В каждом находилось по пять рядов из 17 пластин. Ряды расходились в разные стороны (по восемь в каждую) от центральной пластины.

Вся первая часть панциря в целом состояла из 650 панцирных пластин, двух U-образных пластин, двух пряжек, одной подпружной пряжки, двух наременных хомутов и одного железного кольца диаметром 6 см, лежащего у края первого фрагмента. По расположению фрагментов панциря создалось впечатление, что они относятся к одному панцирю.

После дальнейшей обработки первой части в камеральных условиях был сделан вывод, что она являлась верхней частью доспехов. Причем первые два слоя являются останками ламеллярного жилета с левым запахом. Первый слой относился к защите груди воина, второй – к защите спины. Маленький фрагмент из второго слоя, скорее всего, служил для крепления панциря на правом плече воина. Именно на него находилась часть панциря, защищавшая грудь, и там пристегивалась при помощи двух пря-

жек, найденных под вторым слоем. Две U-образные пластины служили для защиты подмышек.

Два фрагмента третьего слоя относились к наплечникам. Они были похожи на две большие лопасти. Кольцо, вероятнее всего, служило для развода жгутов, крепящих наплечники к телу воина, или было элементом портупей. Подпружная пряжка могла также принадлежать этой портупее.

Вторая часть панциря находилась от первой на расстоянии 50 см к западу (рис. 3, 2). Она плохо сохранилась, так как браконьерский шурф находился прямо по ее центру. Поэтому центральная часть сильно пострадала и практически отсутствует. Нам удалось зачистить два слоя.

От первого слоя осталось лишь два небольших фрагмента. Оба лежали на изнаночной стороне. Один фрагмент сохранился в виде пяти рядов панцирных пластин. Максимальное количество пластин у сохранившегося ряда – 15 штук. Второй фрагмент состоял из трех рядов, максимальное количество пластин в самом сохранившемся ряду – 10 штук.

Второй слой также был плохой сохранности. Он состоял из двух фрагментов, лежащих лицевой стороной кверху. Первый фрагмент насчитывал шесть рядов примерно по 17 пластин в каждом, второй – восемь. Наиболее сохранившийся ряд этого фрагмента состоял из 19 пластин.

Из-за плохой сохранности второй части определить точную форму практически невозможно. По нашей реконструкции она являлась подолом панциря (рис. 3, 4). Здесь можно предположить два варианта покроя:

1) двухчастный подол, подобный подолу киданьского доспеха, изображенного на картине “18 жалоб Цай Янчжи”. Подобные подолы бытовали и у монголов (Горелик, 1987а. С. 176. Рис. 2);

2) набедренник из четырех-пяти секций, по покрою подобный японским набедренникам Иго-хайдатэ. Стоит также отметить, что такие набедренники предпочитали всадники из-за большего комфорта при посадке в седло за счет разделения набедренника на секции (Носов, 2004. С. 73).

Постоянная манипуляция оружием во время боя обнажала уязвимые места панциря и тела воина, в результате чего приходилось утяжелять доспехи. Именно для цели большей защиты появляются подмышечные пластины. Интересно, что у японцев подмышечные подкладки Ваки-бики существовали именно как дополнительная броня для защиты подмышек воина. Их либо крепили за нижнюю часть наручей, так что они просто свисали по разным

сторонам, либо как отдельные части привязывали к телу перед надеванием основного доспеха (Носов, 2004. С. 66).

Чжурчжэньские подмышечники, скорее всего, носились под панцирем. Об этом свидетельствует пластина, лежащая под первым слоем первой части панциря. Похожие пластины прослеживаются у киданьского воина на упомянутом выше рисунке “18 жалоб Цай Янчжи”. Там у одного из изображенных воинов подмышкой можно разглядеть схематически изображенную U-образную пластину (Горелик, 1987а. С. 166. Изобр. 1).

Форма наплечников как двух больших лопастей, направленных в разные стороны, также была выбрана не зря. Во время боя такие наплечники вполне могли исполнять роль подвижного щита. Причем наплечники не создавали помех воину, сражающемуся с луком или мечом.

При ведении боя луком большей вероятности поражения воин подвергал левую сторону тела. Возможно, левый запах появился именно для того, чтобы лучше защитить левую сторону. В результате такого запаха как раз под левой рукой и проходят неразрывные ряды пластин панциря.

Таким образом, по нашей реконструкции обнаруженный на Красноярском городище доспех состоял из ламеллярного жилета с левым вертикальным запахом, под который подкладывались две U-образные подмышечные пластины. Плечи воина защищали наплечники в виде двух лопастей, нижнюю часть туловища – набедренник или подол, состоящий из нескольких частей (рис. 3, 4).

На Красноярском городище также были найдены панцирные пластины нового типа, отличающиеся от стандартных в первую очередь размерами. Их было собрано 35 целых и большое количество фрагментов (рис. 4, 1, 2) (Артемьева, 2002).

По форме панцирные пластины можно разделить на три типа:

I – прямоугольные, II – прямоугольные со срезанным краем, III – узкие прямоугольные.

Тип I – прямоугольные (33 шт.). Их размеры в среднем: ширина – 90, длина – 135, толщина – 2 мм. По расположению отверстий для соединения пластины этого типа делятся на три подтипа, причем подтип А повторяется во всех подтипах.

Подтип А (три шт.). Нижний край имеет справа и слева по три отверстия, расположенных вертикально. Между ними находятся еще два горизонтально расположенных отверстия. В верхней части пластин справа и слева – еще по два вертикально располо-

женных отверстия. Вверху между ними находилась пара вертикально расположенных отверстий.

Подтип Б (28 шт.). Имеет все выше перечисленные отверстия, но к ним добавляется еще одно по центру пластины.

Подтип В (две шт.). Располагает тем же набором отверстий, что и подтипы А и Б, но имеются еще по две пары вертикально расположенных отверстий, находящихся справа и слева от центральной верхней пары отверстий подтипа А.

Тип II – прямоугольные со срезанным краем (одна шт.). Ее размеры: ширина узкого края – 70, широкого – 100, высота – 134, толщина – 2 мм. Отверстия для крепления в этом типе пластин располагаются так же, как и в типе I подтипа А, но на нижнем крае отсутствует пара горизонтально расположенных отверстий, находящихся в центре пластины. Один верхний край пластины срезан таким образом, что пластина имеет форму прямоугольной трапеции.

Тип III – узкие, прямоугольные (одна шт.). Ее размеры: ширина 50–60, высота – 130, толщина – 2 мм. Края пластины слегка скруглены, боковые края – овальные. Отверстия для крепления расположены как у типа I. Создается впечатление, что пластины этого типа были сделаны из разделенных на две части по вертикали пластин типа I. Нижний край пластины слева имеет три вертикально расположенных отверстия. В середине нижнего края, с небольшим смещением вправо, находится еще одно отверстие. В центре пластины ближе к правой стороне сделано дополнительное отверстие. Следующие группы отверстий размещаются в верхней части пластины: с левого края – два вертикально расположенных отверстия, в центре – еще пара вертикально расположенных отверстий, справа от этой пары находятся два отверстия, размещенные вертикально.

Кроме вышеописанных больших пластин на Красноярском городище среди подъемного материала была найдена пластина, которую по внешнему виду можно отнести к такому же типу панциря. По нашей классификации, ее можно отнести к IV типу. Она трапециевидной формы, верхний край полукруглый, с небольшим изгибом на внешнюю сторону. Размеры пластины: ширина нижнего края – 7,5, верхнего 6, высота – 8,4 см. Отверстия на пластине располагались следующим образом: четыре парных группы отверстий находились по боковым краям пластины, одна пара – в центре нижнего края. В верхней части находятся четыре отверстия, под ними – еще три.

Что касается обнаруженных нами пластин, то следует отметить, что все они сделаны из больших откованных листов железа, которые, очевидно, резали без точного шаблона, поэтому имеется небольшая разница в размерах. Есть пластины слегка выгнутые, есть и прямые. Отверстия на пластинах довольно большие – 5–7 мм. Несмотря на то что пластины такого размера встречены впервые, расположение отверстий по нижнему краю совпадает с расположением отверстий на маленьких, узких пластинах, которые являются одним из массовых материалов на чжурчжэньских памятниках.

При первом взгляде можно заметить, что I и II типы пластин имеют одинаковый набор основных отверстий, – это центральная верхняя пара отверстий, чуть ниже – две вертикальные пары по краям пластин и одно отверстие в центре, а также по три вертикально расположенных отверстия по краям внизу пластины, плюс два отверстия, расположенных горизонтально по нижнему краю. Подобное расположение отверстий в верхней части этих пластин было очень широко распространено на пластинах в Центральной и Восточной Азии в средние века. Такая система использовалась в ламеллярных панцирях, но с более мелкими прямоугольными пластинками, верхний край которых обычно был закруглен (Горелик, 1987б. С. 167).

Отсюда следует, что чжурчжэньский панцирь, в котором использовались такие пластины, был ламеллярным. Подобный способ крепления пластин хоть и был распространен на обширной территории, впервые встречен среди защитного вооружения чжурчжэней (рис. 4, 3, 4). Полных аналогий пластинам такого размера и с таким набором отверстий на данный момент нами не обнаружено. Что касается отверстий по нижнему краю пластин, то они использовались для подшивки мягкого материала (кожа) к пластине, а отверстие чуть выше, так же как и верхнее – для связки пластин между собой. Если использовать отверстия для крепления описанным выше образом, то нами предлагается следующая реконструкция панциря:

Типы I и II друг от друга практически не отличаются за исключением нескольких особенностей пластин, которые дали основания для реконструкции. Например, пластины I типа подтипа Б – самые многочисленные, их насчитывают около 28 штук. Их можно назвать основными пластинами этого панциря, которые использовались по всему панцирю и составляли его главную часть.

Пластины I типа подтипа А, в отличие от подтипа Б, не имеют центрального отверстия. Отсутствие этого отверстия делает дальнейшее продолжение панциря вниз невозможным, в результате чего с

большой уверенностью можно отнести пластины данного подтипа к нижним замыкающим.

Пластины I типа подтипа В имеют дополнительно две пары вертикальных отверстий в центральной верхней части. В результате этого эти пластины можно назвать центральными. Они использовались в центре самого верхнего ряда. Дополнительные отверстия, судя по всему, служили для развода крепежных жгутов в разные стороны. Таких пластин было обнаружено две. Это говорит о том, что панцирь закрывал не только грудь, но и спину. Об этом свидетельствует также большое количество обломков и наличие лишних пластин.

II тип имеет вырез в верхней части, в результате чего пластина с одного края получила форму проймы. Поэтому этот тип можно расположить по краям панциря на груди, вырезом, уходящим в подмышку.

III тип пластин можно расположить по краям первого ряда, а с помощью шести отверстий, находящихся в верхней части пластины, к панцирю крепился кожаный ремешок, к которому приделывались пряжки, одна из которых была найдена рядом с панцирными пластинками. Ранее исследователи относили эти пряжки к элементам конской сбруи и называли их подпружными, но находка панциря на Краснояровском городище в 2003 г. подтвердила, что эти пряжки могли использоваться в панцирях. При помощи ремешков и пряжек две части панциря скреплялись друг с другом. Ремешки с пряжками помимо плеч должны были проходить по бокам на линии пояса.

В результате гипотетической реконструкции у нас получился корсет-кираса, который полностью закрывал грудь и спину воина (рис. 4, 3, 4). Подобные пластины, примерно схожие по форме, размерам и набору отверстий, применялись в период государства Когурё. В могильнике Тянь Цю в провинции Хэйлунцзян найдено несколько таких пластин (Когурёские царские могилы..., 2004. С. 149). Аналогии пластинам подобного типа можно найти на территории Алтая. Там такие пластины существовали очень долгий период – с III до XII вв. Интересно то, что они существовали как в составе простых кирас, так и в составе более сложных доспехов, снабженных наплечниками и подолом (Горбунов, 2003. С. 167–171). Подобные пластины были обнаружены на территории Китая на чжурчжэньском городище Боличэн, которое датируется периодом существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (Выставка..., 1996. С. 60. Рис. 76). Вполне возможно, что нами была обнаружена только основная часть доспеха, к которому могли крепиться еще наплечники и подол. Но не исключена

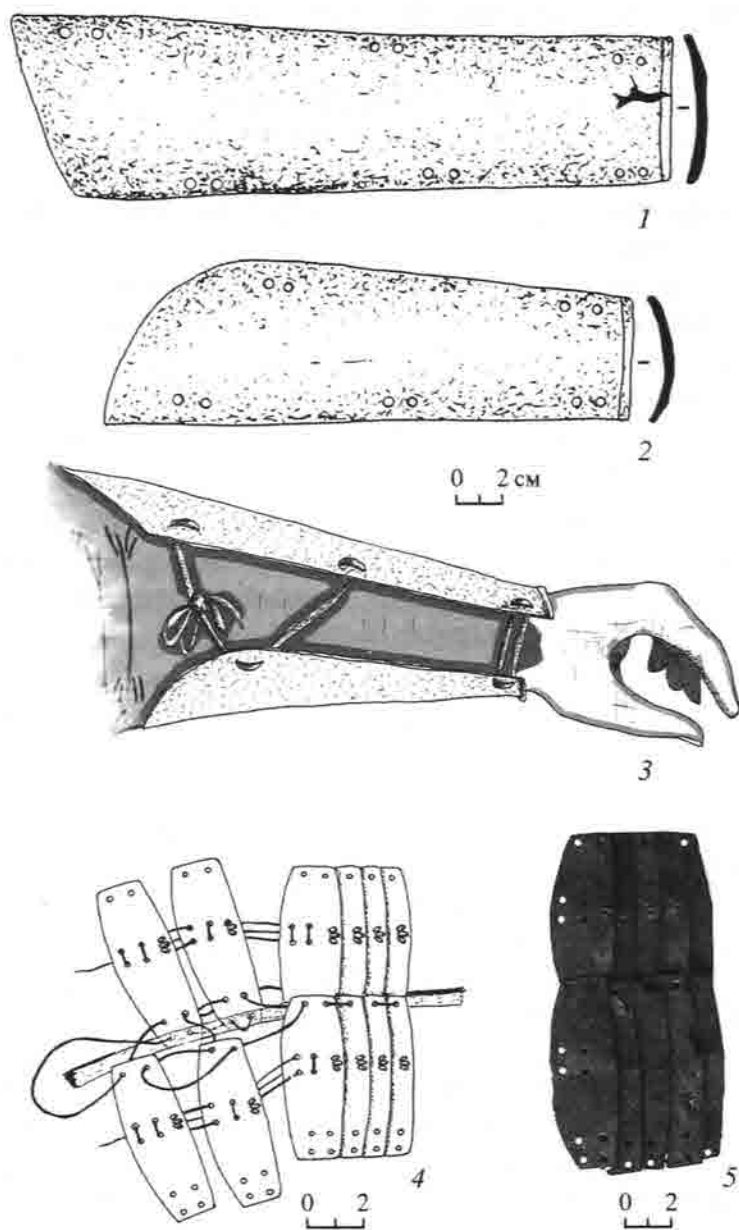

Рис. 5. 1, 2 – наручи (железо); 3 – реконструкция связки наручей; 4, 5 – панцирные пластины наручей и способ их связки.

и возможность существования этого панциря как одиночной ламеллярной кирасы.

По письменным источникам известно, что у чжурчжэней существовало два вида панцирей: первый – тяжелый, второй – легкий. Исследователи считают, что тяжелым панцирем называли сделанный из железа, а легким – из кожи (Воробьев, 1975. С. 77). Ламеллярные панцири, обнаруженные на чжурчжэньских городищах, имели вес не более 2,5–3 кг – это довольно легкий панцирь. Из-за своей легкости и подвижности они были на вооружении у лучников. В тяжелые латы должны были одеваться копьеносцы, которые принимали на себя первый удар. Возможно, тяжелый панцирь должен был быть оснащен большим количеством защиты: нагрудником, подолом, плечами, рукавами и т.д.

Новый тип панциря можно отнести к тяжелому панцирю, который должен был быть у чжурчжэней в XII–XIII в. наряду с легким. Судя по количеству найденных нами пластин, этот панцирь должен был закрывать не только грудь, но и спину. Возможно, у него даже имелся подол, прикрывающий воина ниже талии. При этом использовались пластины типа I. Пластины типа II могли применяться на рукавах, а типа III – на плечах.

Такой тип панциря встречен впервые, точные аналогии ему не найдены. По размеру пластин он близок к монгольскому кожаному панцирю (Худяков, 1980. С. 50). Подобные большие панцирные пластины найдены на пластинчатом панцире у енисейских киргизов в XII–XIII вв., причем у такого панциря оставалась незащищенной спина (Худяков, 1980. С. 125. Табл. XLIII).

Довольно интересными для сравнения являются доспехи, обнаруженные на воинах погребального эскорта из гробницы императора Цинь Шихуана (III в. до н.э.) (Искусство Китая, 1988. С. 19. Рис. 18). Этот доспех состоял из больших панцирных пластин, которые закрывали грудь, спину, плечи и частично руки воина. Причем пластины, закрывающие спину и грудь воина, прикреплялись, очевидно, к кожаной основе вплотную друг к другу при помощи заклепок. Нарукавные пластины шли внахлест.

У чжурчжэней панцирем прикрывались не только воины, но и боевые лошади. Известно, что в авангарде чжурчжэней выставляли копьеносцев. Эти солдаты и их лошади были одеты в латы. Конница составляла костяк цзиньской армии, тяжелая конница называлась конно-панцирной (Воробьев, 1975. С. 76, 197). Что представлял собой конский панцирь неизвестно, хотя в 2008 г. на Красноярском городище на браконьерских выбросах были обнаружены две кованые пластины, которые закрывали морду коня. Хотелось бы отметить, что конский панцирь должен был быть подвижным. Большие по размеру панцирные пластины вряд ли могли относиться к нему.

Обнаруженный на Красноярском городище новый тип панцирных пластинок, по-нашему мнению, относится к тяжелому панцирю, который должен был прикрывать воина со всех сторон и, конечно, являлся важной составной частью индивидуальных боевых средств воина-копьеносца.

Подобные ламеллярные корсеты-кирасы были весьма популярны и распространены в Евразии в раннем средневековье, особенно в Центральной Азии. Правда, такой корсет-кираса имел более мелкие по размерам пластины и использовался в со-

четании с наплечниками и прикрепленным к нему длинным двухчастным подолом. В сочетании с ламеллярной “юбкой” панцирь известен еще ранее середины I тыс. от центральной Европы до Японии (Горелик, 1987а. С. 165).

На Шайгинском городище было обнаружено более 80 пластин линзовидной формы (рис. 5, 4, 5). Размеры пластин: нижний край – 6.6 см, верхний – 6.9, ширина боковых краев – 1.4–1.6 см, ширина центральной части – 2.3 см. Центровка пластины немного смещена вправо. С левой стороны пластины сделано две пары отверстий, с правой – одна пара, в верхней части – две пары. Интересная деталь украшения этих пластин – в нижней части пластины, в центре выбит чеканом знак в виде “трилистника”. Пластины имели по длинной оси изгиб на внешнюю сторону. Верхний край пластины отогнут внутрь, нижний – наружу. В отличие от всех известных чжурчжэньских пластин эти должны были нашиваться горизонтально по длинной оси. Способ связки пластин нового типа, по нашей реконструкции, такой: первоначально они связывались между собой в полоски с помощью четырех центральных отверстий, причем каждая новая пластинка, накладываясь на предыдущую, закрывала стороной с “трилистником” отверстия с крепежным жгутом (рис. 5, 5). В результате этого полосы этих пластин в месте крепежного жгута украшены трилистником. Такой вариант связки пластин в ряды придавал не только эстетичный вид, но и создавал дополнительную защиту наручам.

Самая нижняя пара отверстий служила для присоединения подкладки из войлока или стеганки к металлической основе. Ряды сшитых панцирных пластин крепились между собой при помощи самой верхней пары отверстий и верхней пары нижней четверки отверстий. Стоит отметить, что эти пластины были найдены недалеко от скопления стандартных, обычных пластин.

Судя по всему, стандартные пластины являются остатками основного панциря, а пластинки с трилистником – его дополнительных частей. Подобные пластинки в виде наручей могли защищать руки воина или, связанные в один целый фрагмент, оберегать пах (Прокопец, 2006).

На Шайгинском городище были обнаружены составные наручи, выкованные из двух металлических пластин, прикрывающие левое предплечье (рис. 5, 1, 2). Они представляли собой две трапециевидные пластины. Большая пластина защищала внешнюю часть руки, ее размеры: длина левой стороны – 27, правой – 24, ширина нижней части – 6.5, верхней – 7.5 см. По краям пластины пробиты по три группы парных отверстий. Расстояния между парами левой

стороны – 9 и 11 см, правой – 6.5 и 8.5 см. Пластина имела небольшой изгиб по вертикальной оси и обвальцованный нижний край. Верхний край пластины острым углом был направлен к локтю.

Малая пластина защищала внутреннюю часть руки. Ее размеры: левая сторона – 16 см, правая – 21 см, ширина нижней части – 5 см, верхняя сторона срезана овалом, длина хорды – 8.5 см. Нижняя часть овального среза должна была уходить в локтевой изгиб и при таком срезе не ранить его. По левой стороне пластины пробиты две группы парных отверстий, расстояние между которыми – 11 см. По правой стороне прослежено три группы парных отверстий, расстояние между которыми аналогично правой стороне большой пластины. Малая пластина также имела небольшой изгиб по вертикальной оси и обвальцованный нижний край. Пластины связывались между собой, давая возможность регулировать плотность крепления (рис. 5, 3). Верхняя пара отверстий большой пластины, скорее всего, соединялась с плечевой защитой.

Уникальные находки предметов вооружения, обнаруженные на средневековых городищах Приморья, уже сейчас дают возможность реконструировать большую часть защитного вооружения, выявив его характерные черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемова Н.Г.* Предметы защитного вооружения // Вестн. ДВО РАН. 1999. № 5.
- Артемова Н.Г.* Новый тип чжурчжэньского панциря // Вестн. ДВО РАН. 2002. № 1.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в период развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего средневековья. Новосибирск, 2003.
- Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.
- Выставка окаменелостей и артефактов из провинции Хэйлуунзян Китая // Музей памяти освоения Хоккайдо – Япония. Саппоро, 1996.
- Гладченков А.А., Галактионов О.С., Хореев В.А.* О функциональном назначении чжурчжэньских масок-личин // Россия и АТР. 2006. № 1.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (до-спех). Барнаул, 2003.
- Горелик М.В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

- Горелик М.В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987а.
- Горелик М.В.* Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987б.
- Деревянко Е.И.* Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987.
- Искусство Китая. М., 1988.
- Когурёские царские могилы в Цзиане // Отчет об исследованиях Когурёских царских могил в Цзиане в 1990–2000 гг. Пекин, 2004.
- Леньков В.Д.* Отчет об археологических исследованиях на Лазовском городище в Лазовском районе Приморского края в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-2. № 8597.
- Медведев В.Е.* О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха с Корсаковского могильника) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Медведев В.Е.* Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск, 1982.
- Медведев В.Е.* Приамурье в конце I – начале II тысячелетия. Чжурчжэньская эпоха. Новосибирск, 1986.
- Нестеров С.П., Слюсаренко И.Ю.* Панцирь и шлем из могильника Шапка // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
- Носов К.С.* Вооружение самураев. М., 2004.
- Прокопец С.Д.* Новый тип оформления чжурчжэньского шлема // Восьмая дальневосточная конференция молодых историков: Сб. матер. Владивосток, 2004.
- Прокопец С.Д.* К вопросу о наручах чжурчжэньского воина // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Матер. XLVI регион. (II Всерос.) археолог.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посв. 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова. Красноярск, 2006.
- Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских киргизов. Новосибирск, 1980.
- Худяков Ю.С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Шлемы, найденные на территории Кыргызстана // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000.
- Чжэн Шаоцзун.* Отчет о раскопках ляоских могил у д. Даинцы уезда Чифэн // Каогу сюэбао. 1956. № 3.
- Шавкунов Э.В.* Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Ф-1. № 9254.
- Шавкунов В.Э.* Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток, 1993.
- Шавкунов В.Э., Мезенцев А.Л.* Чжурчжэньский шлем // Краеведческий вестн. Вып. 1. Владивосток, 1993.
- Peers C.* Medieval Chinese armies 1260–1520. L.; 1992 (Men-at-arms; № 251).
- Robinson N.R.* Oriental Armour. L., 1967.
- Tung-ching-cheng.* Report on the excavation of the site of the Capital of P'ohai // Archaeol. Orent. Ser. A. V. 5. Tokyo, 1939.

КОЖАНАЯ ОБУВЬ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МАРТИРЬЕВСКОЙ ПАПЕРТИ НОВГОРОДСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА

© 2012 г. Д.О. Осипов

Музеи Московского Кремля (dmitriyosipov@mail.ru)

Ключевые слова: *Мартирьевская паперть, Софийский собор Новгорода Великого, кожаная обувь, погребения, каменные саркофаги.*

The article gives a description and attribution of the footwear found in 1999 in the course of architectural and archaeological investigations at Martirievskaya porch of St. Sophia cathedral in Novgorod. Seven stone sarcophagi yielded everyday and ritual footwear, which gives additional information on the topography of the pantheon. The most interesting find is that of leather boots with textile edging. Analysis of their design allows reconsidering the interpretation of the burial as that of Metropolitan Varlaam, who died in 1601.

На протяжении 700 лет Софийский собор Великого Новгорода использовался для погребения высших церковных иерархов, князей и членов княжеской семьи. Однако пребывание в соборном некрополе останков даже самых прославленных деятелей не сопровождалось их охранительным почитанием, что привело к утрате точных знаний о конкретных местах древних погребений. Сложившуюся ситуацию не проясняют скудные сообщения летописей и церковных синодиков, фиксировавших только факт захоронения, но не его конкретное место. В то же время интерес к проблеме идентификации погребений некрополя Новгородской Софии до сих пор вызывает многочисленные споры исследователей, начало которым положили описания и путеводители 10-х годов XX в. (Муравьев, 1909; Романцев, 1914).

Самая яркая работа в историографии этого вопроса – книга В.Л. Янина “Некрополь Новгородского Софийского собора” (1988), в которой исследование топографии софийского пантеона построено на анализе письменных источников, перекрестных сравнений разновременных показаний, а также на использовании данных археологических и архитектурных исследований.

Через 11 лет после выхода этой книги в южной галерее Софийского собора (Мартирьевской паперти) были организованы новые архитектурно-археологические исследования (рис. 1), в результате которых были вскрыты семь каменных гробниц, расположенных в южной ее части. Вл.В. Седову (1999), руководившему этими исследованиями, удалось получить богатейшую коллекцию вещевого материала, состоящую из архиерейского обла-

чения и деталей светского костюма. Особую ценность представляет уникальный комплекс тканей с золотным шитьем (Седов, 2008. С. 64–89). Стратиграфическая характеристика погребений в сочетании с находками погребального инвентаря дали исследователю возможность пересмотреть принадлежность отдельных погребений и получить новые сведения о характере формирования некрополя на этом участке паперти.

Среди погребального инвентаря присутствовала и кожаная обувь, которая в силу ряда причин не была своевременно опубликована. В то же время благодаря проведенной консервации и реставрации удалось сохранить практически весь объем “археологической кожи”, найденной при раскопках 1999 г¹. С любезного разрешения Вл.В. Седова, предоставившего материалы своей коллекции, мне хотелось бы устранить это досадное упущение, тем более, что публикация этого интереснейшего материала до сих пор не утратила своей актуальности. Кроме того, атрибуция обуви может послужить дополнительным источником информации при идентификации погребений.

Первые археологические раскопки Мартирьевской паперти были проведены в 1946–1948 гг. А.Л. Монгайтом, вскрывшим ряд каменных саркофагов, одну гробницу из плинфы, а также погребения в деревянных гробах (1947. С. 42–50). При описании облачения погребенного в каменном сар-

¹ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Д.И. Соловьева (1999а) за качественную консервацию, реставрацию и сборку обувных моделей из Мартирьевской паперти.

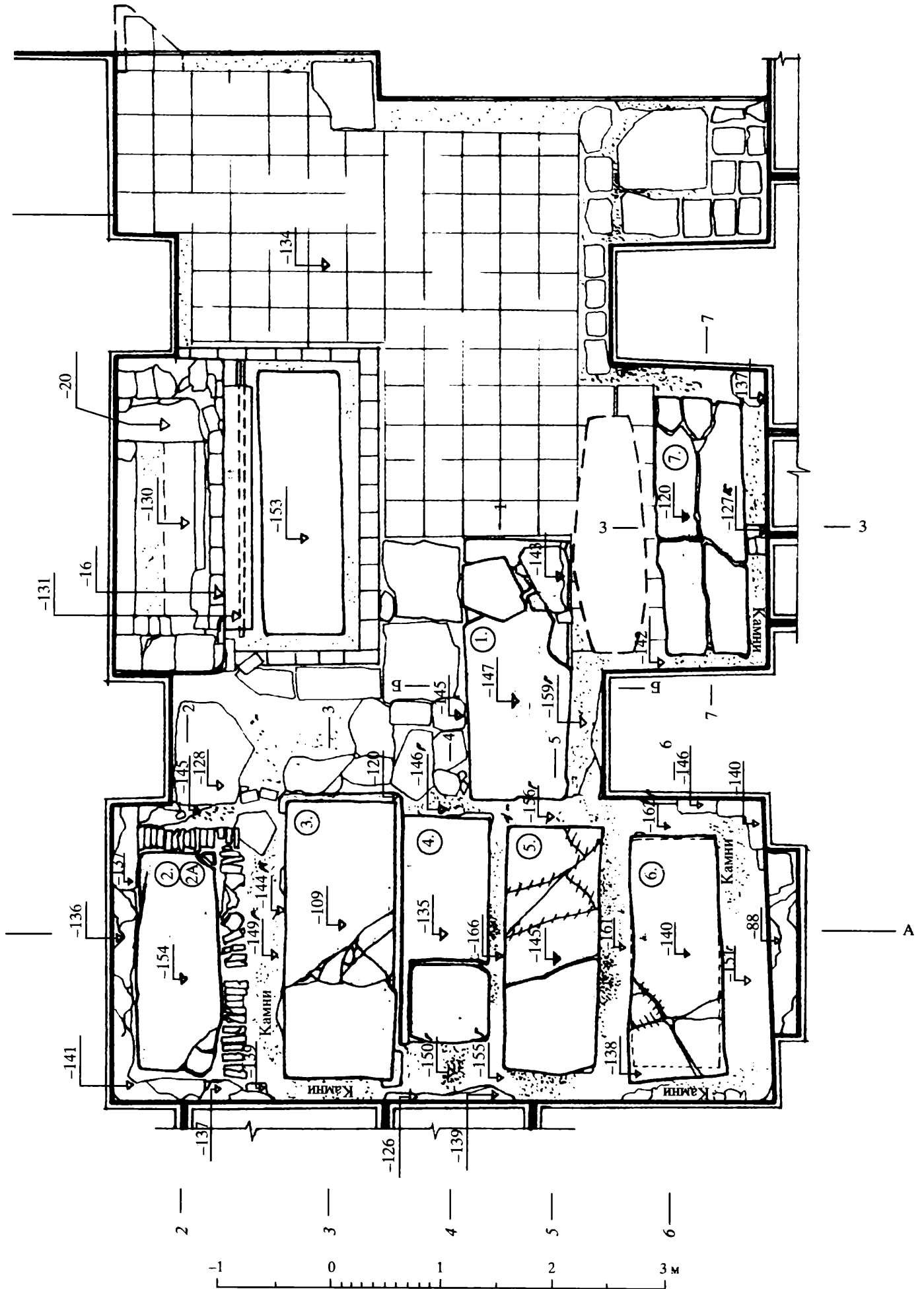

Рис. 1. План Мартирьевской паперти (до начала раскопок Вл.В. Седова).

кофаге ладьевидной формы², которое связывалось с архиепископом Василием Каликой, умершим в 1352 г., А.Л. Монгайт, в частности, упоминает сафьяновую обувь алого цвета (1949. С. 99–104). Однако подробное описание, фотографии или рисунки кроя найденной А.Л. Монгайтом обуви не сохранились.

В 1955 г. архитектурно-археологические исследования в западной и восточной частях Мартирьевского притвора были продолжены архитектурно-археологической экспедицией М.К. Каргера, обнаружившего еще 18 разновременных погребений (1955. С. 196–199).

В коллекции фонда “Археология” Новгородского государственного объединенного Музея-заповедника хранится пара беспаспортных туфель из раскопок Софийского собора (НГМ. № КП 7544, 7544а), предположительно переданных в музей экспедицией М.Н. Каргера. Она представляют собой одночастные туфли, скрепленные переметочным швом, проходящим по оси подошвы. Подобные туфли, хорошо известные по раскопкам в древнерусских городах, в том числе и в Новгороде Великом (Осипов, 2006. С. 80–85; Пежемский, 1998. С. 152), принадлежат к так называемой покойницкой обуви.

Ниже уровня поздних склепов XVII–XVIII вв. М.К. Каргер обнаружил восемь более ранних погребений (№ 1–8), от вскрытия которых, по рекомендации Отдела по делам культуры Новгородского областного исполкома, воздержался (1955).

При благоустройстве паперти, проведенной в 1999 г. по решению Совета при Софийском соборе, потребовалось архитектурно-археологическое исследование, в результате которого эти погребения³ были вскрыты. Сохранность найденной в них обуви различается, поскольку часть саркофагов была повреждена в результате земляных работ предшествующего периода. В непо потревоженных захоронениях обувь сохранилась значительно лучше, что дало возможность убедительно реконструировать форму ее раскроя и сборки.

Погребение № 1 совершено в каменном саркофаге под известняковой плитой, лежащей параллельно северной плоскости южного пилона паперти на расстоянии 33 см от него. В.Л. Янин отождествляет его (по нумерации исследователя – № 20) с Ростиславом Храбрым, умершим в 1180 г. (1988. С. 119–134), в то время как Вл.В. Седов предполагает, что для такой интерпретации нет достаточного основания (2008. С. 86).

² Погребение № 5 по А.Л. Монгайту.

³ Вл.В. Седовым сохранена нумерация погребений, данная М.К. Каргером.

В 1950-е годы саркофаг оказался расколотым, поэтому к 1999 г. от кожаной обуви сохранилось лишь четыре высохших фрагмента, один из которых определяется как часть верха. Сохранившийся фрагмент представляет собой часть носка туфли, согнутого мереей внутрь и прошитого переметочным швом, проходящим по оси подошвы. Такая конструкция верха в совокупности с тонкой (не более 0,8 мм) кожей с большой долей вероятности может быть атрибутирована как “покойницкая” обувь, аналогичная модели из погребения № 2, которое будет описано ниже.

В этой связи хотелось бы отметить, что все известные на сегодняшний день находки покойницких туфель, имеющих подробное описание и рисунки кроя, происходят из погребений, датирующихся не ранее конца XV в. (Осипов, 2006. С. 80–85). Плохая сохранность кожи делает ее атрибуцию гипотетичной, однако в таком случае нельзя исключить того, что в саркофаге в более позднее время могло быть совершено повторное захоронение.

Погребение № 2 – крайнее с севера – расположено в западной части паперти в ряду других захоронений. В каменном саркофаге было обнаружено погребение мужчины, облаченного в фелонь, украшенную греческими крестами (так называемые кресчатые ризы новгородских архиереев). В ногах костяка зафиксирована керамическая поливная слезница и остатки кожаной обуви (Седов, 2000. С. 28). По мнению Вл.В. Седова, данное погребение, совершенное во второй половине XVI в., с большой долей вероятности можно идентифицировать с упоминаемым в источниках митрополитом (до 1589 г. – архиепископом) Александром, умершим в 1591 г. (2000. С. 110).

Найденные в саркофаге туфли представлены классическим образцом погребальной обуви, изготовленной из кожи молодой особи крупного рогатого скота (теленка). От бытовых моделей покойницкие туфли отличаются тонкой кожей, характерным швом “на живую нитку” и отсутствием каких-либо креплений на ноге. Сакральный смысл погребального обряда подразумевал определенную последовательность действий, начинавшихся с того, что покойнику закрывали глаза в соответствии с представлением о слепоте умерших (Карский, 1916. С. 301). Покойницкая обувь, абсолютно не приспособленная для повседневного ношения, также должна была демонстрировать зеркальное отношение реального мира к потустороннему (Осипов, 2006. С. 84). Естественно, что следы износа на подошве туфель, найденных в погребении № 2, отсутствуют. Цельнокроеная обувь скреплена переметочным швом, проходящим по оси подошвы (рис. 2).

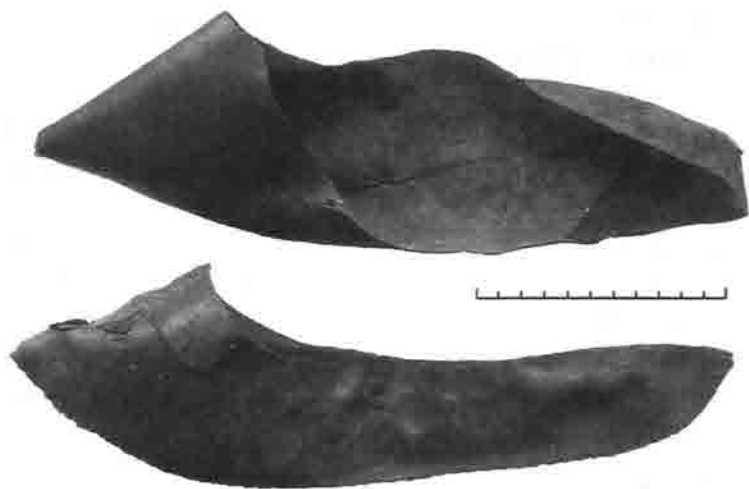

Рис. 2. Туфли из погребения № 2.

В Новгороде аналогичные туфли были обнаружены в комплексах погребений (перезахоронения) с кладбища у ц. Василия Парийского, также имеющих позднюю дату (Пежемский, 1998. С. 152).

Погребение № 2а находится под кирпичной подкладкой погребения 2. Оно было совершено не в каменном саркофаге, а в деревянной колоде и может датироваться в пределах XII–XIV вв. (Седов, 2000. С. 110). Погребение сохранилось плохо: единственный маловыразительный фрагмент кожи найден у правого тазобедренного сустава (Седов, 2000. С. 36). Следы шовных отверстий отсутствуют. Линию обреза сохранил лишь один край детали, остальные оборваны. Со стороны мерей проделаны два параллельных несквозных надреза. По форме кроя найденный обрывок более всего напоминает внутреннюю деталь сапожного задника так называемой полужесткой конструкции⁴. Возможно, сапог был изготовлен из ткани. Принадлежность обрывка к покойницкой обуви следует исключить.

Погребение № 3, расположенное в западной части паперти к югу от погребения 2, также принадлежит священнослужителю, на что указывает найденное облачение: саккос и желтое шелковое покрывало. Ноги погребенного были обуты в кожаные сапоги, отороченные зеленой тканью по верхнему краю голенища. Вл.В. Седов считает, что саркофаг был вторично использован, и отождествляет погребенного в нем с митрополитом Варлаамом, умершим в 1601 г. (2000. С. 106).

⁴ На рубеже XIII–XIV вв. начинает распространяться обувь жесткой конструкции, имеющая толстую однослойную подошву, поднаряд и жесткий задник. Промежуточная форма – модели, у которых задник дублирован тонкой кожаной подкладкой, впоследствии сменяющейся лубяной вставкой (собственно задник).

Обнаруженные в погребении сапоги, за исключением оторочки, сохранились достаточно хорошо. Следует отметить, что архаичный крой сапог совершенно не характерен для обуви рубежа XVI–XVII вв. Они выкроены всего из двух деталей с небольшими дотачками и вставками, соединенными при помощи выворотного шва (рис. 3). Цельнокроеный перед образуют головка и голенище, выкроенные в одну деталь (рис. 3, 1). Низ составляет однослойная мягкая подошва, не имеющая следов износа. Судя по рисунку мерей, сапоги изготовлены из кожи лошади.

Отдельного описания требует тканевая оторочка сапог. К сожалению, до настоящего времени она не сохранилась. В архиве осталось лишь несколько ее фотографий, включая макросъемку ткани (рис. 4). Эти фотографии любезно прокомментировала О.В. Орфинская, давшая следующее заключение. Отделка сапог состоит из двух слоев. Нижний (основа оторочки) представляет собой ткань полотняного переплетения (рис. 4, 1), нити которой имеют Z-крутку, характерную для простых тканей из шерстяных или льняных нитей. Верхний слой – ткань с плоскими нитями, без крутки, более всего напоминающими шелк (рис. 4, 2). Таким образом, оторочка скорее всего была двухслойной: основу составляла шерстяная или льняная ткань, покрытая сверху шелком. Можно предположить, что нижний слой, служивший укрепляющей подкладкой для шелковой ткани, был льняным, что характерно для образцов с вышивкой или с укреплением дополнительного декора (бусин, бляшек).

Уникальный случай фиксации тканевой оторочки сапог, где могли крепиться дополнительные украшения, заставляет вспомнить свидетельство Дж. Флетчера, упоминавшего сапоги, вышитые жемчугом (1991. С. 125–127).

Найденная в погребении пара сапог принадлежит к типу мягкой конструкции с голенищами-вытяжками, бытовавшими в Новгороде в XI–XII вв. Сложность кроя и недолговечность такой обуви не способствовали ее широкому распространению, поэтому количество подобных изделий невелико (Изюмова, 1959. С. 211).

Факт находки сапог архаичного кроя в позднем погребении требует объяснения. В этой связи можно обратиться к результатам исследования погребального обряда финноязычного населения Северо-Запада России, где отмечено стремление к архаичности погребальной одежды и обуви. В частности, в среде финно-угорских народов покойника обували в сапоги или башмаки, из которых выдергивали железные гвозди, а северные карелы отрывали каблук. По мнению О.И. Коньковой, в результате этих

Рис. 3. 1 – край верха сапог из погребения № 3; 2 – сапог после реставрации.

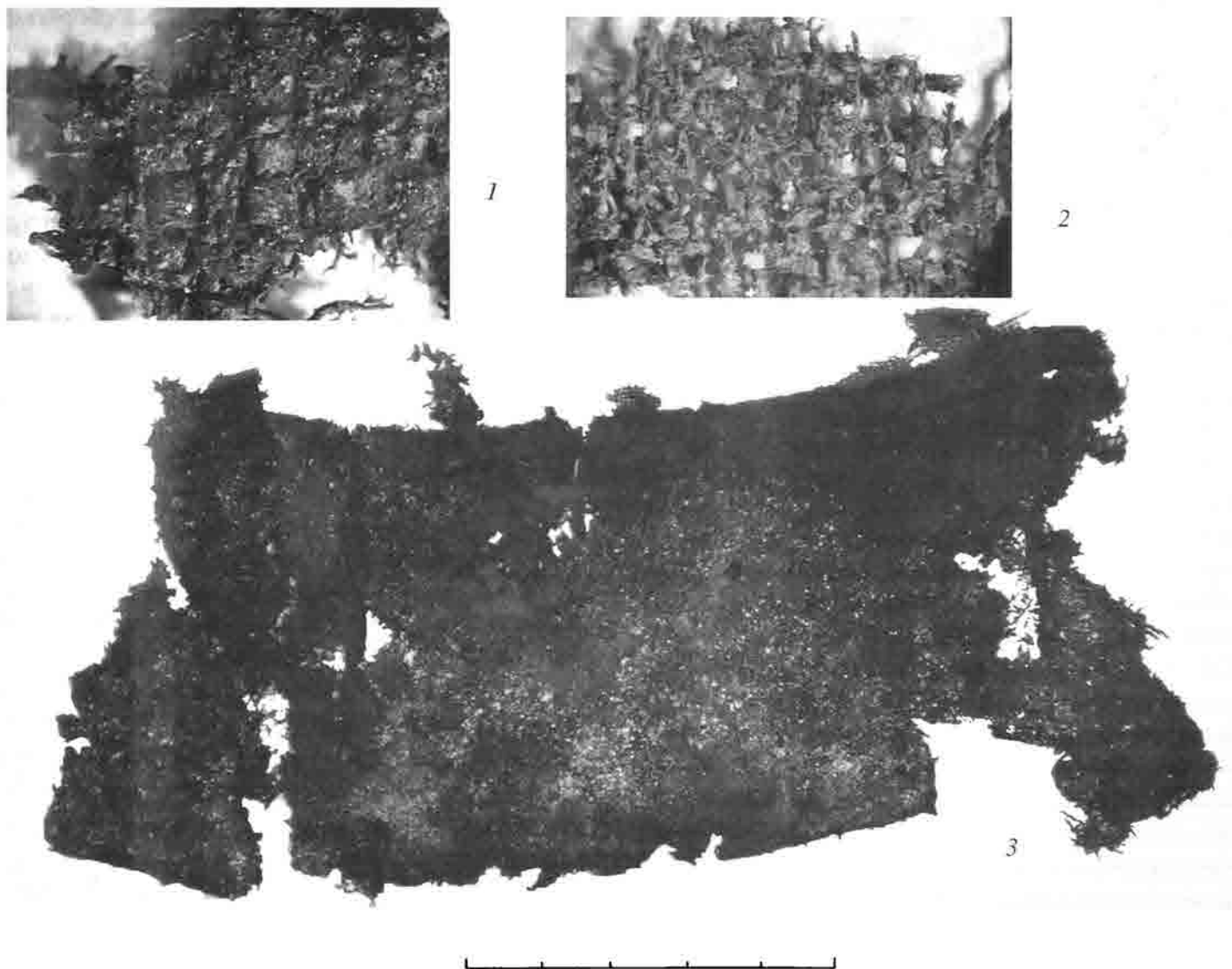

Рис. 4. 1 – ткань основы оторочки (макросьемка); 2 – ткань покрытия оторочки (макросьемка); 3 – оторочка сапог.

действий погребальная обувь приводилась в соответствие с обувью ранее умерших родственников, с которыми человек соединялся в потустороннем мире (1999. С. 29, 30). В этом случае примитивный крой погребальной обуви рассматривался как подражание обуви предков.

Однако, поскольку в погребении № 3 обнаружены останки церковного иерарха, высказанное предположение выглядит сомнительным. Для того чтобы внятно объяснить сочетание обуви XII в. с облачением XVI, следует вспомнить о практике “поновления” древних погребений, существовавшей в Средневековье. Возможно, при ремонтных работах в Мартирьевской паперти или по какой-либо другой причине было случайно обнаружено погребение XII в. с сохранившейся плотью⁵. Скорее всего тканая одежда к тому времени значительно обветшала, что способствовало решению о ее замене. Сапоги из дубленой кожи, которые и в 1999 г. выглядели неплохо, трогать не стали.

Подобная практика поновлений отражена в летописях. Так, при ремонтных работах 1472 г. в сильно обветшавшем Спасском соборе московского Преображенского монастыря было вскрыто погребение великой княгини Марии, третьей жены Симеона Гордого, останки которой, по приказу великого князя Ивана III, были обряжены вновь “...месяца июля обретоша в церкви святого Спаса княгиню Марию великаго князя Семена Ивановича, нареченную во мнишеском чину Фетинью, в теле неврежденну ничем же, только риза истле; и посла князь великий по игумению Олексеевскую, и повеле ея облещи в все новые ризы мнишские, облече ея” (Львовская летопись, 1910. С. 300).

Наличие в погребении № 3 сапог архаичного кроя свидетельствует в пользу того, что саркофаг не был использован вторично, и, следовательно, найденные здесь останки не могут быть идентифицированы с митрополитом Варлаамом.

В.Л. Янин отождествляет это погребение (№ 16 – по его данным) с архиепископом Антонием, умершим в 1232 г. (1988. С. 192). В таком случае люди, вскрывшие саркофаг в XVI в., обнаружили остатки архиерейского облачения, которое решили заменить. Памятуя о случаях “чудесных обретений”, нельзя исключить того, что и это погребение могло быть идентифицировано с конкретной личностью.

В то же время архаичный крой найденных в погребении сапог не характерен для 30-х годов XIII в. (время погребения Антония), поэтому возможны и другие версии.

⁵ Вл.В. Седов отмечает, что при исследовании этого погребения в 1999 г. фрагменты плоти еще сохранялись.

Погребение № 4, расположенное к югу от погребения № 3, совершено в каменном сборном саркофаге без деревянного гроба. По версии Вл.В. Седова, в домонгольское время здесь было погребено светское лицо мужского пола, которое исследователь склонен отождествлять с братом Мстислава Ростиславича Безокого князем Ярополком Ростиславичем, место погребения которого неизвестно (2000. С. 76).

В области стоп были найдены фрагменты верха (?) и обрывок однослойной подошвы со слабо заостренным носком, скреплявшейся с верхом при помощи тачного шва. Плохая сохранность обрывков затрудняет атрибуцию найденной обуви. Подошва с тачным швом могла принадлежать как туфлям, так и сапогам мягкой конструкции. Судя по небольшому количеству кожи, погребенный скорее всего был обут в мягкие туфли. Тип и местоположение шва указывают на бытовой характер найденной обуви.

Погребение № 5 совершено в XII в. в сборном саркофаге, расположенном между погребениями № 4 и 6. Погребен мужчина. На светский характер погребения указывает сохранившийся в области шеи фрагмент стоячего воротничка с бронзовой пуговицей.

Плохая сохранность обуви, представленной пятью маловыразительными фрагментами, затрудняет определение ее типа и фасона. Уверенно можно сказать лишь то, что она принадлежит к типу мягкой конструкции, – на это указывает тонкая кожа и отсутствие дополнительных деталей.

Наличие переметочного шва в совокупности с малой толщиной кожи, казалось бы, свидетельствуют в пользу ритуального характера обуви. Однако более внимательный анализ фрагментов заставляет отказаться от этой версии. Крупный фрагмент (предположительно, подошва) не имеет следов шва, а тип, местоположение и направление шва на другом фрагменте не характерны для кроя погребальной обуви. Здесь же следует вспомнить, что, несмотря на упоминание находок погребальной туфель в курганных захоронениях (Арциховский, 1939. С. 102), образцы такой обуви зафиксированы в захоронениях не ранее конца XV в.

Скорее всего найденные здесь фрагменты обуви сопоставимы с остатками бытовых мягких туфель, широко распространенных в домонгольское время.

Погребение № 6. Его саркофаг помещен у южной стены паперти, в нише, образовавшейся между пилоном и западной стеной. На дне саркофага обнаружен мужской костяк, поверх которого сохранились фрагменты штанов и рубахи со стоячим воротником, указывающих на светский характер погребенного. В области стоп зафиксированы части погребальной

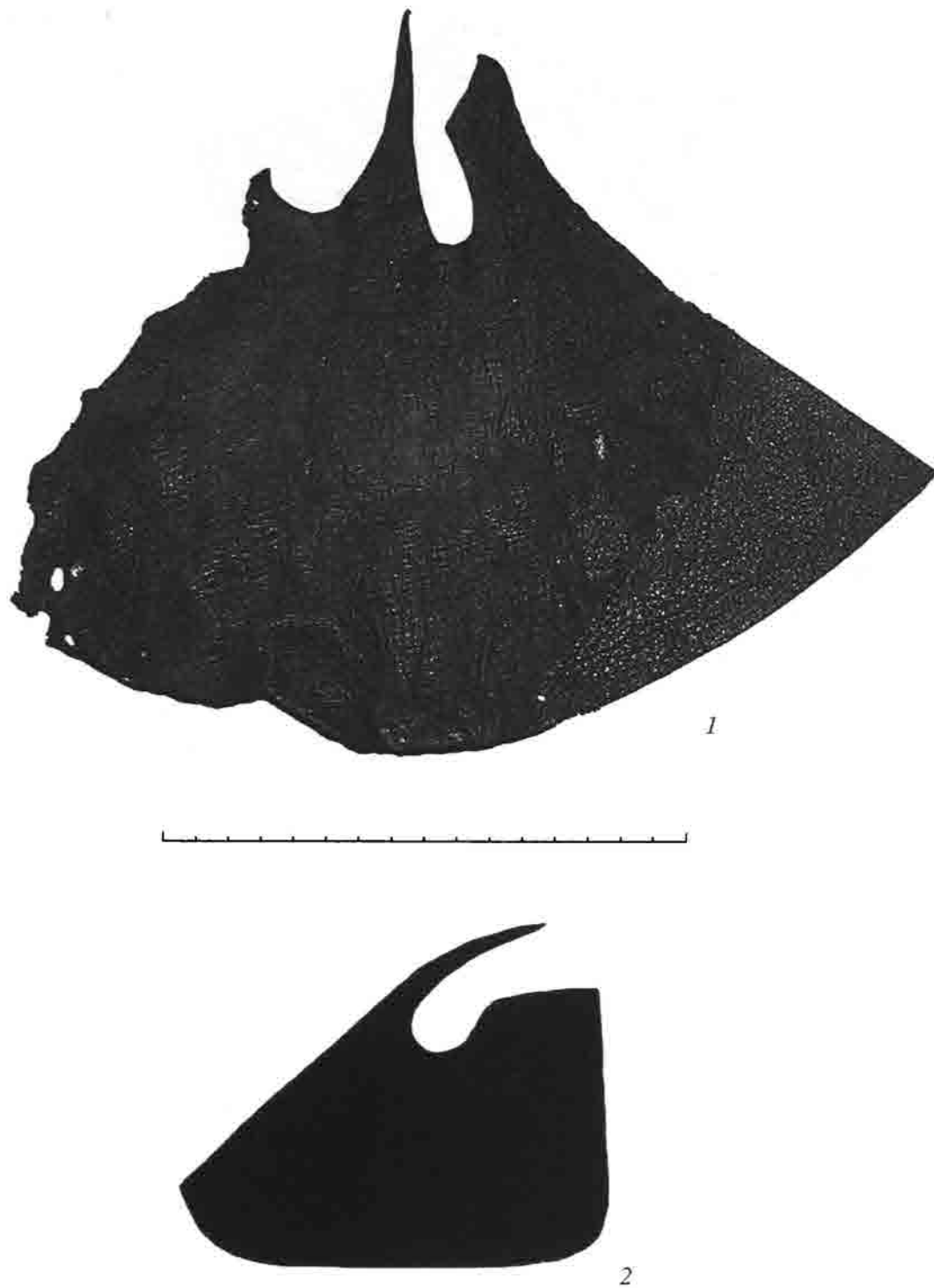

Рис. 5. 1 – перед туфли из погребения № 6; 2 – контур края.

кожаной обуви (Седов, 2000. С. 92). По предположению Вл.В. Седова, здесь покоится прах Мстислава Ростиславича Безокого, сына переславльского князя Ростислава Юрьевича и внука Юрия Долгорукого, умершего в 1178 г. (Седов, 2008. С. 85).

Найденные в погребении обувные детали, изготовленные из кожи козы, принадлежат мягким туфлям с цельнокроеным верхом и мягкой, однослойной подошвой, крепившимся к ноге при помощи кожаного ремешка, продетого в ряд прорезей, расположенных под отворотами берцов (рис. 5). Такой фасон новгородских туфель, отличавшихся

удлиненным заостренным “язычком”, известен по раскопкам в Новгороде. По материалам Неревского раскопа туфли с удлиненными язычками датируются 30–40-ми годами XII в. (Соловьев, 1999б. С. 19. Рис. 12, 1). На Троицком V раскопе они обнаружены в напластованиях второй половины XII в. (№ 782 (5), 803 (21), 817 (20))⁶.

Специфика края туфель обнаруживает связь с обувными традициями Северной Европы и, в част-

⁶ Номера даются по описи находок, хранящейся на кафедре археологии МГУ.

Рис. 6. Перед полусапожек из погребения № 7.

ности, с материалами из норвежских курганов (Оятева, 1975. Рис. 1).

Судя по малочисленности подобных находок, туфли такого фасона, не получив широкого распространения, бытовали относительно короткий период. Датировка туфель с Троицкого раскопа (учитывая, что одна из них найдена в непосредственной близости от мостовой Черницовой улицы), представляется мне более предпочтительной. В этом случае обувь вполне соответствует отождествлению останков из погребения № 6 с Мстиславом Ростиславичем Безоким.

Погребение № 7 находится у южной стены паперти между двумя выступающими пилонами. В расположенном под плитой сборном саркофаге зафиксирован костяк мужчины, лежащего вытянуто на спине головой на запад. Несмотря на плохую сохранность костей, в погребении сохранились ткани, украшенные золотым шитьем, указывающие на высокий социальный статус погребенного (Седов, 2000. С. 98). В области стоп сохранились фрагменты кожаной обуви.

По предположению Вл.В. Седова, погребенный в саркофаге мужчина отождествлен с княжичем Василием Мстиславичем – сыном князя Мстислава Удалого, умершего в 1218 г. по дороге из Торжка⁷ (2008. С. 65–89).

Найденная в погребении обувь сохранилась фрагментарно, однако, несмотря на отсутствие отдельных деталей, ее тип можно определить довольно точно. Характерная форма переда, выкроенного зацело с передней частью голенища, позволяет утверждать, что погребенный был обут в полусапожки⁸ мягкой конструкции, изготовленные из шкуры крупного рогатого скота (рис. 6).

⁷ “Въ лето 6726. Приде князь Мстиславъ на Тържек, и я Борислава Некуришница, и поймавъ товаръ мнозь, и пусти и, тъгда же разболеся княжиць Василии Мстиславичъ на Търожку, и привезоша в святеи Богородици” (Новгородская первая летопись, 2000. С. 57).

⁸ Термин “полусапожки” был введен С.А. Изюмовой для описания сапог с невысоким голенищем, зафиксированных на Неревском раскопе. В средние века он не использовался.

Крой таких сапог известен: в Новгороде Великом и Твери он был распространен в XIII – первой половине XIV в. (Изюмова, 1959. С. 205; Курбатов, 2004. С. 43. Табл. 59, 1), что соответствует дате погребения Мстислава Удалого.

Несмотря на малое количество кожаной обуви, в раскопанных погребениях представлены разнообразные модели XII–XVI вв. ритуального и бытового назначения. На примере их описания и систематизации становится очевидным, что изучение такой категории археологических находок, как кожаная обувь, дает возможность затронуть широкий спектр проблем, далеко выходящих за рамки коженно-сапожного ремесла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., 1939.
- Изюмова С.А.* К истории коженного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. 1959. Вып. 65.
- Каргер М.К.* Отчет об археологических раскопках в Новгородском Софийском соборе в 1955 г. // Научный архив АРМ-5 Ленинградского филиала Института “Спецпроектреставрация” (ныне архив Новгородской реставрационной мастерской). Инв. № Р-274.
- Карский Е.Ф.* Белорусы: очерки словестности белорусского племени. Т. 3. Варшава, 1916.
- Конькова О.И.* Мужчина и женщина в жизни и после смерти (Археолого-этнографические заметки о погребальном обряде у финноязычного населения Северо-Запада России) // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. СПб., 1999 (МАЭ; Т. LVII).
- Курбатов А.В.* Коженное производство Твери XIII–XV вв. Тверь, 2004.
- Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1910.
- Монгайт А.Л.* Раскопки Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // КСИИМК. 1947. Вып. XXI.
- Монгайт А.Л.* Раскопки Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // КСИИМК. 1949. Вып. 24.
- Муравьев М.В.* Св. София – новгородский пантеон // Сб. Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1909.
- Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т. III. М., 2000.
- Осинов Д.О.* Обувь московской земли. М., 2006.
- Оятева Е.И.* Осебергская обувь (Опыт исторического исследования) // Скандинавский сб. Вып. XX. Таллин, 1975.
- Пежемский Д.В.* Погребения Троицкого XI раскопа // Новгород и новгородская земля: История и археология Новгорода. Вып. 12. Новгород, 1998.
- Романцев И.О.* О местах погребения новгородских владык в Софийском соборе // Новгородская церковная старина. Новгород, 1914 (Тр. Новгородского церковно-археол. общества; Т. 1).
- Седов Вл.В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках в Мартирьевской паперти Софийского собора в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21767.
- Седов Вл.В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках в Мартирьевской паперти Софийского собора в 1999–2000 гг. Ч. II // Архив ИА РАН. Р-1. 2000. № 24174.
- Седов Вл.В.* Погребение 7 в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде и золотное шитье с изображением Вознесения Александра Македонского // Московская Русь. М., 2008.
- Соловьев Д.И.* Описание кожаной обуви из погребений Мартирьевской паперти Софийского собора // Отчет об архитектурно-археологических раскопках в Мартирьевской паперти Софийского собора в 1999 г. Приложение 1 // Архив ИА РАН. 1999а. Р-1. № 21767.
- Соловьев Д.И.* Кожаная обувь (туфли) средневекового Новгорода по материалам неревской коллекции: Дипломная работа. М., 1996.
- Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов). М., 1991.
- Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.

КЛАД РУБЯЩИХ ОРУДИЙ С ЮЖНОГО УРАЛА

© 2012 г. В.С. Мосин*, И.А. Зайцев**

* Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

** Миасский краеведческий музей

Местонахождений со скоплениями отдельных категорий изделий из камня, которые археологами часто интерпретируются как клады, в Уральском регионе немного (Сериков, 2010. С. 276–293), и любая новая находка подобного плана вызывает большой интерес у исследователей. Так, при застройке дачного участка на территории г. Миасс Челябинской обл. в небольшом углублении диаметром около 50 см и глубиной около 25 см одним из рабочих обнаружено скопление артефактов, в дальнейшем поступившее в Миасский краеведческий музей. Следы культурного слоя в районе находки не обнаружены.

Коллекция состоит из 10 каменных рубящих орудий, составного из двух частей абразива и двух нуклеусов. Рубящие орудия можно условно разделить на две равные группы: с полностью или почти полностью отшлифованной поверхностью (рисунок, 1, 2, 4, 7, 9) и с поверхностью, обработанной сколами и лишь частично пришлифованной (рисунок, 3, 5, 6, 8, 10). Все изделия изготовлены из светло-серого туфоалевролита, близкой к клиновидной в плане формы с широким лезвием и зауженным обушком, типологически относятся к топорам, кроме двух (рисунок, 6, 10), которые за счет небольшой асимметричности лезвия можно отнести к теслам.

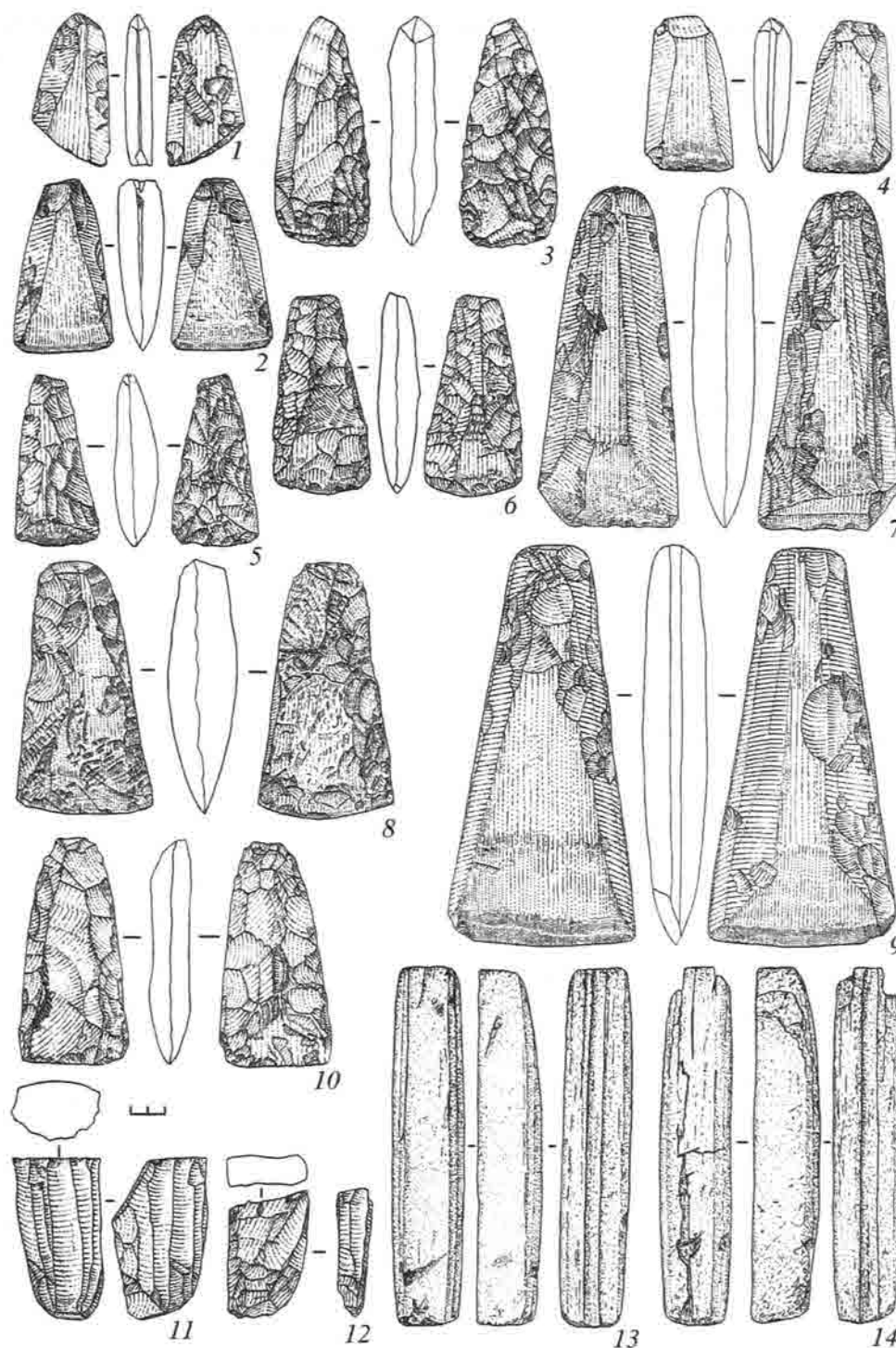
В группе шлифованных топоров один выделяется особо крупными размерами и высоким качеством изготовления (рисунок, 9). Длина – 24 см, ширина в узкой части – 5, в широкой (лезвие) – 11, толщина – около 4, в поперечном сечении имеет трапециевидную форму, продольное сечение симметрично. Обе стороны прекрасно отшлифованы, особенно по рабочему краю. На обушной части в 8 см от края расположены две едва заметные, слабо зашлифованные симметричные выемки, вероятно, предназначенные для крепления орудия в рукояти. Второй топор (рисунок, 7) – длиной 20 см, ширина обушка – 4, лезвия – 9, толщина – около 4, поперечное сечение трапециевидной формы. Обе стороны отшлифованы. Один угол лезвия обломлен, лезвие

выщерблено, вероятно, в результате интенсивного использования. Третий – длиной 10 см, ширина обушка – около 3, ширина лезвия – около 6, толщина – около 3 (рисунок, 4), поперечное сечение овальной формы. Обушная часть – прямая, округлая в сечении, лезвие прямое. Длина четвертого топорика – 9 см, ширина обушка – 3.5, ширина лезвия – 5, толщина – 2 (рисунок, 2), поперечное сечение трапециевидной формы. Обушная часть прямая, оббитая крупными сколами. Лезвие – прямое, выщербленное. Представлен обломок шлифованного изделия (рисунок, 1) длиной 9 см, шириной – 3, толщиной около – 1.5. Обушок закругленный, обработанный мелкими сколами.

В группе орудий, обработанных сколами, самый крупный топорик длиной 15 см, с шириной обушка – 4, лезвия – 8, толщиной – 5 (рисунок, 8), поперечное сечение трапециевидной формы. Одна сторона слегка пришлифована, обушок обработан крупными сколами. Вторым – длиной 13 см, ширина у обушка – 2.5, ширина лезвия – 5.5, толщина – около 3 (рисунок, 3), поперечное сечение трапециевидной формы, продольное сечение симметрично. Лезвие скошенное, выщербленное. Длина третьего – 12 см, ширина у обушка – 2.5, у лезвия – 5.5, толщина – около 3 (рисунок, 5), поперечное сечение трапециевидной формы. Обработан мелкими сколами и слегка пришлифован. Лезвие округлое, выщербленное, пришлифованное с одной стороны.

Более крупное из тесел – длиной около 14 см, ширина обушка – 3.5, лезвия – 6.5, толщина – 2 (рисунок, 10). Продольное сечение лезвия слегка асимметричное. Лезвие прямое, выщербленное, пришлифованное. Другое – длиной 10 см, обушок скошенный шириной 2 см (рисунок, 6). Лезвие шириной 5 см, округлой формы, выщербленное, с одной стороны зашлифованное. Продольное сечение лезвия слегка асимметричное.

В коллекции также представлены два одноплощадочных нуклеуса из зеленого фтанитоида (рисунок, 11, 12). Один – призматический с остатками желвач-

Клад рубящих орудий с Южного Урала.

ной корки на контрфронте. Размеры – 10 × 6 × 4 см. Площадка слегка скошенная, оформлена плоскими сколами. Другой нуклеус – торцовый на плитке, размерами 7 × 5 × 2 см, площадка скошена к контрфронту, негативы снятий микропластинчатые. На одной из сторон сохранилась желвачная корка.

Очень интересна находка составного абразива из песчаника, состоящего из двух частей (рисунок, 13, 14). Длина их – 21 см, ширина – 4. Форма прямоугольная с закругленными углами. На внутренней стороне каждой части расположен продольный неглубокий желобок по всей длине абразива, при складывании образующий округлое сечение. Абразив такой фор-

мы в археологии каменного века Урала встречен впервые.

Датировать представленное местонахождение очень сложно, поскольку в Уральском регионе самый ранний клад рубящих орудий (обнаружен А.Ф. Мельничуком в 1993 г. при обследовании береговых обнажений Камского водохранилища) относится к мезолиту. Он состоял из шести шлифованных топоров, которые лежали в искусственном углублении, находившемся в пределах известного мезолитического поселения Огурдино (Мельничук, Чурилов, 2007. С. 32–38). Клад рубящих орудий был найден также в небольшой ямке в материке

многослойного поселения Чепкуль 86 на оз. Чепкуль в Тюменской обл. Он состоял из 11 орудий, изготовленных из сланцевой породы: 5 топоров и 4 тесла, обработанных грубой обивкой, массивное скребло и скребок. Судя по незаконченности обработки и отсутствию следов работы на лезвиях орудий, все рубящие орудия были заготовками; отнесены к энеолитическому времени (Скочина, 2007. С. 4–8). Еще один клад, состоящий из 46 предметов (шлифованные топор и тесло, скребок и 43 наконечника стрел и дротиков), обнаружен Е.М. Берс на месте разрушенного энеолитического жилища под тремя большими камнями при раскопках поселения Верхняя Макуша в окрестностях Екатеринбурга. К этой же категории находок можно отнести каменный топор и тесло, найденные в ямке, прикрытой сланцевой плиткой на полу энеолитического жилища поселения Нижняя Макуша (Сериков, 2010. С. 276–293).

Наиболее ранние находки шлифованных рубящих орудий в культурных слоях стоянок и поселений Уральского региона относятся к мезолиту: стоянки Выйка II и Леуши IX (Сериков, 1988. С. 17–32; Беспрозванный, 1997. С. 26–38). В нео-энеолитическое время подобные изделия получают широкое распространение (Крижевская, 1968; Мосин, 2000). Единичный случай использования шлифованного топора в погребальном обряде зафиксирован в погребении Пеган, которое первоначально датировано эпохой неолита (Бадер, 1970. С. 157–171; Сальников, 1952. С. 15–23), затем отнесено к мезолиту (Сериков, 1993. С. 120–143). Имеющиеся к настоящему моменту факты пока не позволяют конкретизировать время существования данных находок, обнаруженных вне культурного слоя, поэтому клад рубящих орудий у г. Миасс может быть датирован в широком диапазоне – от мезолита до энеолита.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 11-06-12010-офи-м-2011.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н.* Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970 (МИА; № 166).
- Беспрозванный Е.М.* Мезолит таежной зоны Западной Сибири. (Предварительные итоги изучения) // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997.
- Крижевская Л.Я.* Неолит Южного Урала. Л., 1968 (МИА; № 141).
- Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В.* Клад топоров из мезолитического поселения Огурдино // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 5. Екатеринбург, 2007.
- Мосин В.С.* Каменный век // Древняя история Южного Зауралья / В.С. Мосин, С.А. Григорьев, А.Д. Таиров, С.Г. Боталов. В 2-х т. Т. 1. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
- Сальников К.В.* К вопросу о неолите степного Зауралья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII.
- Сериков Ю.Б.* Выйка II – опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА. 1988. № 1.
- Сериков Ю.Б.* Исследование грота на Камне Дождевом (р. Чусовая) // ВАУ. 1993. Вып. 21.
- Сериков Ю.Б.* Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья как ритуальные комплексы // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.
- Скочина С.Н.* Клады каменных изделий на памятниках Нижнего Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 8. Тюмень, 2007.

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ КОЖУМБЕРДЫНСКОГО ТИПА ЭПОХИ БРОНЗЫ УРАЛЬСКО-МУГОДЖАРСКОГО РЕГИОНА

© 2012 г. В.В. Ткачев

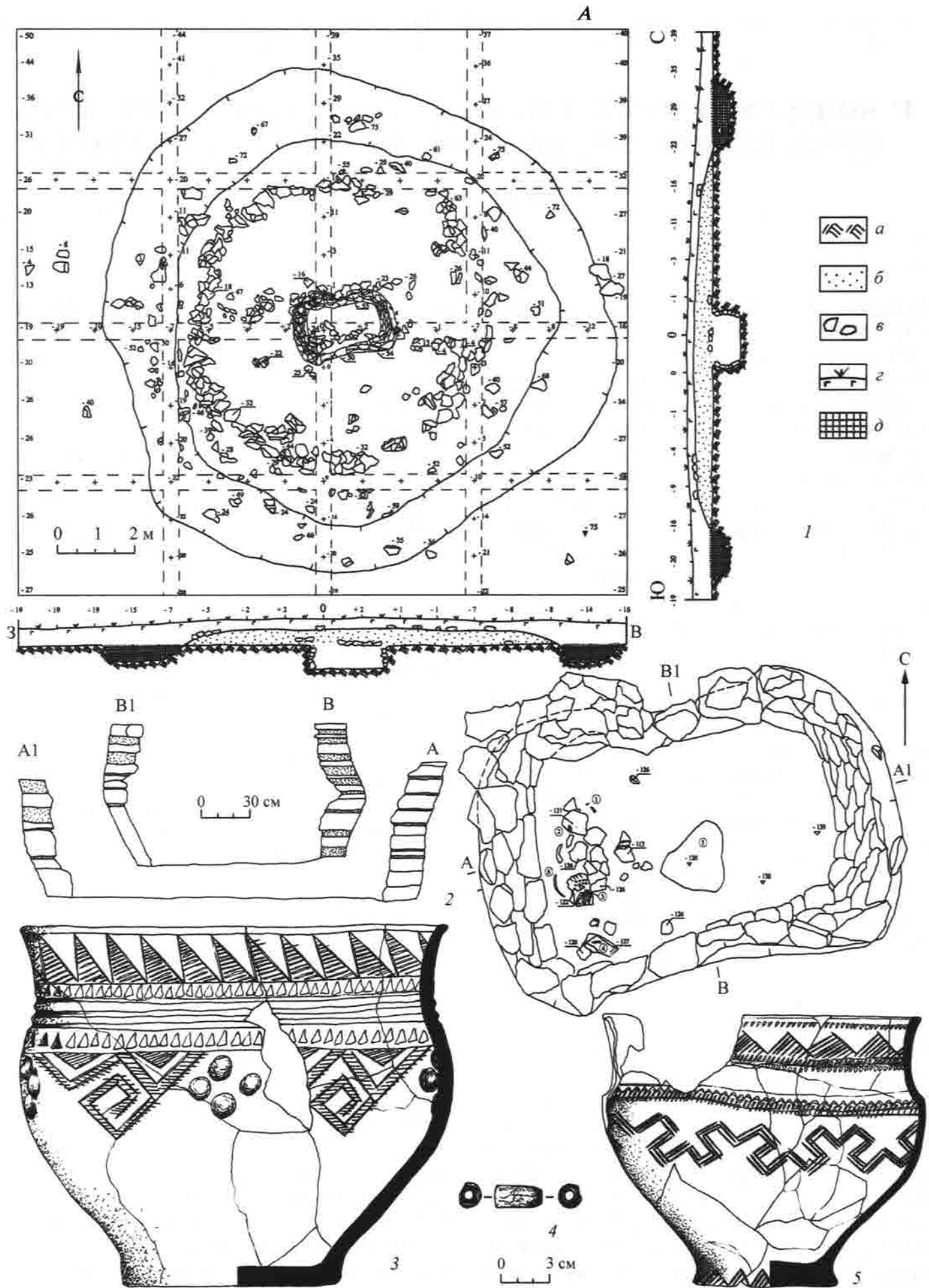
Орский гуманитарно-технологический институт

В перечне синкретических комплексов андроновской культурно-исторической общности позднего бронзового века, пожалуй, наиболее известные и признанные памятники кожумбердынского типа. Эта группа памятников получила всестороннее освещение в работах целой плеяды выдающихся отечественных исследователей (Грязнов, 1927. С. 199–203; Кривцова-Гракова, 1948. С. 147–150; Сальников, 1951. С. 109, 115; Комарова, 1962. С. 60; Федорова-Давыдова, 1968. С. 12; Кузьмина, 1963; 1994. С. 46, 47; 2008. С. 250–268). В настоящее время благодаря целенаправленным археологическим исследованиям удалось уточнить ареал кожумбердынских древностей, который в целом совпадает с границами выделенного на западном фланге андроновской культурно-исторической общности Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра. Функционирование этой хозяйственно-культурной системы, вероятно, и определяло специфику материальной культуры местного населения. Обсуждаемый регион располагается в административных пределах восточных районов Оренбургской обл. России и Актюбинской обл. Казахстана. С точки зрения физико-географического районирования он занимает обособленное положение и соответствует границам Уральско-Мугоджарской низкогорной провинции, относясь в ландшафтном отношении к подзоне южной степи (Ткачев, 2009. С. 6; 2010. С. 268).

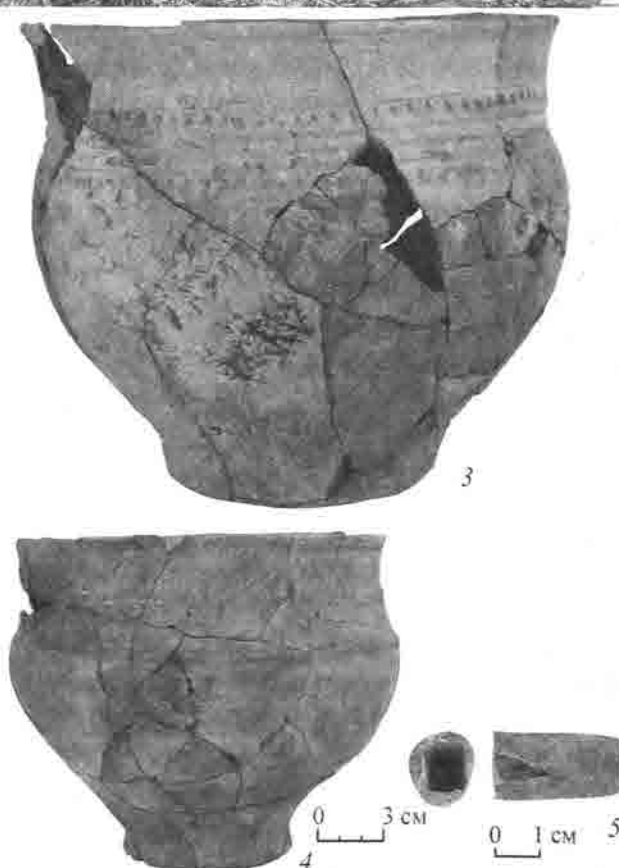
Крупномасштабные исследования кожумбердынских некрополей позволили составить детальное представление о системе погребальной обрядности этой самобытной культурной группы. К числу каноничных признаков можно отнести распространение стандартных типов надмогильных сооружений, представленных земляными курганами с кольцами из рваного камня или вертикально установленных плит, каменных оград круглой, овальной или квадратной форм, часто с пристройками различной конфигурации. Изредка в могильниках присутствуют округлые в плане каменные выкладки. Количество могил на подкурганых площадках и в пределах контуров оград различно. Под насыпями крупных

курганов присутствует до нескольких десятков захоронений с кольцевой тенденцией расположения периферийных могил относительно центрального погребения или демонстрирующих линейную планировку. Захоронения совершены в грунтовых ямах, иногда снабженных внутримогильными сооружениями в виде каменных ящиков из поставленных на ребро плит, каменных контуров в несколько рядов вдоль стенок усыпальниц, деревянных рам и срубов в два-три венца. Ямы часто имеют перекрытия из каменных плит или дерева. Погребения индивидуальные, изредка парные, совершены по обряду ингумации в позе адорации на левом, реже на правом боку, головой на запад с сезонными отклонениями. Погребальный инвентарь представлен керамикой, украшениями из бронзы, фаянса, естественных материалов, немногочисленными орудиями и предметами вооружения.

Таким образом, можно констатировать, что памятники кожумбердынского типа демонстрируют наличие устойчивого набора культурных стереотипов в сфере погребально-поминальной практики. Однако большинство исследователей отмечают сочетание в кожумбердынских комплексах Уральско-Мугоджарского региона алакульских и федоровских культурных традиций. В зависимости от отношения авторов к основной проблеме андроноведения, суть которой сводится к определению соотношения алакульской и федоровской культур, по-разному решается вопрос о природе синкретических типов, к числу которых, несомненно, относится кожумбердынский. В рамках эволюционной концепции андроновской общности эти памятники рассматриваются как переходные от федоровского этапа к алакульскому (К.В. Сальников, В.С. Сорокин, А.М. Комарова, К.А. Акишев, А.М. Оразбаев, А.Г. Максимова и др.) или наоборот – от алакульской культуры к федоровской (Г.Б. Зданович, Н.А. Аванесова, А.В. Матвеев и др.). Приверженцы соперничающего концептуального подхода параллельного сосуществования алакульских и федоровских древностей расценивают синкретические комплексы как результат культурных взаимодействий синхронных групп населения,

Б

Кожумбердынская культурная группа. Могильник Ушкаттинский I, курган 15. А: 1 – план и профили бровок кургана; 2 – план и разрез погребения; 3–5 – инвентарь погребения (3, 5 – керамика; 4 – кость). Условные обозначения: *a* – материк (плотная супесь желтого цвета); *b* – насыпь (плотный суглинок буроватого цвета); *v* – камни; *z* – дерн; *d* – заполнение рва (гумусированная супесь коричневатого-бурого цвета). Б: 1 – каменная конструкция в ходе расчистки; 2 – каменная циста, остатки кремации и находки на дне могилы; 3–5 – находки (3, 4 – керамика; 5 – кость).

расходясь в определении их этнокультурного соотношения. Большинство специалистов считают, что федоровские и алакульские памятники с точки зрения этнолингвистического состояния должны расцениваться как родственные и могут быть объединены в рамках андроновской общности (Е.Е. Кузьмина, Э.А. Федорова-Давыдова, Т.М. Потемкина, А.А. Ткачев, В.И. Стефанов, О.Н. Корочкова и др.). Другие полагают, что эти культуры оставлены различными в этническом отношении группами населения и

генетически друг с другом не связаны (В.Н. Чернецов, М.Ф. Косарев). Особую точку зрения высказал недавно И.А. Кукушкин, который считает, что исходными для андроновской культурно-исторической общности являются связанные своим происхождением с миграцией населения из Средней Азии памятники смешанного типа, от которых и происходят федоровская культура на востоке и алакульская на западе андроновского ареала (Кукушкин, 2002. С. 120, 123).

В ходе раскопок могильника Ушкаттинский I в Восточном Оренбуржье, проводившихся археологической экспедицией Орского гуманитарно-технологического института, исследовано несколько десятков погребений, соответствующих стандартам кожумбердынской культурной группы. Один из погребальных комплексов вызывает особый интерес, поскольку отличается присутствием экстраординарной внутримогильной конструкции и нетипичного способа обращения с телом покойного, что оттеняется характерной комбинацией инвентаря и наиболее рельефно отражает содержание смешанных алакульско-федоровских комплексов.

Интересующий нас курган 15 находился в центре могильника. Под вытянутой в широтном направлении уплощенной насыпью размерами 15 × 23 и высотой 0.3 м, потревоженной в ходе многолетней распашки, выявлены кольцевой ров диаметром 13 и шириной от 1.5 до 2 м, углубленный в материк на 0.4 м, и каменная конструкция в виде кольца шириной до 0.8, диаметром 9 м (рисунок А, Б, 1). Камни, уложенные в несколько рядов, располагались на поверхности грунтовой насыпи. В пределах подкурганной площадки дерн был предварительно снят до сооружения надмогильной конструкции. В центре кургана фиксировался слой материковой глины, который, по всей видимости, принадлежал могильной конструкции, состоявшей из плит и, вероятно, пластов глины, образуя сводчатую надмогильную конструкцию (рисунок А, 1).

В центре кургана выявлена могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ. Размеры ее на уровне материка составляли 1.5 × 2.7 м. Стенки были обложены каменными плитами. Кладка представляла собой цисту и осуществлялась с напуском, образуя сводчатое перекрытие. Это наиболее четко фиксировалось в верхней части ямы. Плиты были тщательно подогнаны друг к другу и чередовались с глиняным заполнением (рисунок А, Б, 2). В заполнении западной половины ямы лежали обрушившиеся в могилу плиты ее свода, среди которых найдены кости крупного рогатого скота, встречены мелкие угольки.

На дне ямы на уровне –139 в юго-западной части обнаружены камни обрушившейся конструкции, развалы двух глиняных сосудов, ребро крупного рогатого скота и костяная втулка. Уровень залегания фрагментов сосудов – –121...–129. В центральной части ямы у южной стенки на уровне дна зафиксированы остатки кремации в виде пятна кальцинированных костей неправильных подтреугольных очертаний размерами около 40 × 40 см (рисунок А, Б, 2).

В северо-западном углу могилы обнаружена костяная втулка цилиндрической формы размерами 2.7 × 1.2 см (рисунок А, 2). Один конец изделия

слегка заужен. В этой части с торцевой стороны просверлено округлое отверстие диаметром 0.5 см. С противоположной стороны с торца изделия сделано практически сквозное отверстие подквадратного сечения размерами 0.8 × 1 см, соединяющееся с круглой дырочкой в противоположном конце (рисунок А, 4; Б, 5). Предмет, вероятно, выполнял функцию навершия жезла или рукояти плети.

Рядом с костяной втулкой у западной стенки могилы расчищен развал сосуда № 1 (рисунок А, Б, 2). Сосуд горшечной формы с плавным профилем, закраиной в придонной части и отогнутым наружу венчиком (рисунок А, Б, 3). В верхней части шейки сосуд украшен двумя прочерченными горизонтальными линиями, между которыми располагается ряд наклонных заштрихованных треугольников. Нижняя часть шейки орнаментирована горизонтальными желобками, размещающимися между двумя поясками глубоких вдавлений треугольной формы, нанесенных уголком штампа. Верхняя часть тулова сосуда заполнена сложным орнаментальным бордюром: чередующимися элементами в виде меандра, направленными вершинами вниз заштрихованными треугольниками, углами и сгруппированными по четыре (в виде ромба) налепными шишечками. Орнамент выполнен гладким штампом, прочерченной техникой, наколами и налепом. Поверхность сосуда тщательно залощена, имеет коричневую поверхность. Обжиг равномерный, в глиняном тесте – примесь талька. Высота сосуда – 20.8, диаметр дна – 12.6, тулова – 25, устья – 24.6 см.

У западной стенки рядом с описанным сосудом, но несколько южнее зафиксирован развал сосуда № 2 (рисунок А, Б, 2). Сосуд горшечной формы с плавным профилем тулова, поддоном, уступчатым плечом, высокой вогнутой шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком (рисунок А, 5; Б, 4). Под венчиком сосуд орнаментирован пояском ямок, под ним располагается ряд равнобедренных обращенных вершинами вверх треугольников, заштрихованных параллельно одной из сторон, которые опираются на ряд наклонных насечек, и еще один пояс ямок. В нижней части шейки размещается свободная от орнамента зона. В месте сочленения тулова с шейкой сосуд украшен рядом треугольных вдавлений уголком штампа, под которым проходят две прерывистые горизонтальные прочерченные линии, пространство между ними заполнено наклонными насечками. Верхняя часть тулова покрыта многорядным меандром, у дна нанесен ряд заштрихованных параллельно одной из сторон равнобедренных треугольников. Орнамент выполнен гладким штампом, наколами и прочерчиванием. Поверхность сосуда тщательно залощена, имеет коричневый цвет. Обжиг равномерный, в глиняном тесте – примесь талька. Высота сосуда – 15.6, диаметр дна – 8.4, тулова – 18.6, устья – 18.2 см.

Подрезка погребенной почвы в пределах подкурганной площадки, монументальная каменная выкладка округлой формы в основании насыпи, кольцевой ровик, окаймляющий курган, внутримогильная конструкция в виде цисты со сводчатым перекрытием и, наконец, кремация останков погребенного на стороне (рисунок А, Б, 1, 2) – диагностирующие признаки федоровской культуры. Дополнительный аргумент в пользу подобной интерпретации данного комплекса – присутствие в погребении сосуда с плавным профилем, орнаментированного глубокими горизонтальными желобками, наколами уголка штампа, наклепными шишечками, заштрихованными треугольниками и меандровидными фигурами, нанесенными по косой сетке (рисунок А, Б, 3). Однако локализация орнаментальных бордюров в верхней части горшка, использование гладкого штампа и прочерченной техники нанесения орнамента в большей степени характерны для алакульских керамических традиций.

Эти наблюдения хорошо согласуются с тем обстоятельством, что в закрытом комплексе обнаружен еще один сосуд синкретического алакульско-федоровского облика, но группировка признаков демонстрирует несколько иное соотношение. Он имеет сходную с описанным выше сосудом профилировку тулова, закраину в придонной части и вогнутую шейку с отогнутым наружу венчиком, демонстрируя сопоставимость с морфологическими характеристиками федоровских горшков (рисунок А, 5; Б, 4). Кроме того, меандры, располагающиеся в верхней части тулова, также нанесены с наклоном. Тем не менее в месте перехода от тулова к шейке сосуд имеет уступчатое плечо, заштрихованные параллельно одной из сторон треугольники под венчиком и у дна выполнены по прямой сетке, а в нижней части шейки присутствует свободная от орнамента зона. Указанные признаки типичны для алакульских керамических традиций.

Таким образом, публикуемый комплекс в наибольшей степени соответствуют стандартам памятников кожумбердынского типа алакульской линии развития, особенность которых – присутствие федоровских элементов (Кузьмина, 1994. С. 46). В соответствии с принятой для памятников этого круга датировкой его хронологическая позиция может быть установлена в пределах XV–XIV вв. до н.э. Полученные данные, демонстрирующие механическое смешение признаков двух самостоятельных культурных образований, недвусмысленно указывают на существование алакульской и федоровской культур андроновской культурно-исторической общности на развитом этапе. Интеграция этих групп населения, приводившая к формированию синкретических памятников, в пределах Еленовско-Ушкаттинского

археологического микрорайона, насыщенного свидетельствами металлопроизводственной деятельности, вероятно, связана с характером организации горно-металлургического производства.

По всей видимости, население эпохи поздней бронзы Уральско-Мугоджарского региона, оставившее памятники кожумбердынского облика, сохраняло монополию на эксплуатацию месторождений и рудопроявлений меди в данном районе. В это время начинают безраздельно господствовать оловянные бронзы, и присутствие федоровских инкорпорантов в составе алакульских общин, специализирующихся на металлопроизводственной деятельности, возможно, объясняется тем, что они могли выступать в качестве поставщиков олова, важнейшего легирующего компонента в бронзолитейном производстве.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 08-06-00136а) и РГНФ (проект № 08-01-00359а).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки / Под ред. С.И. Руденко. Л., 1927 (Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик; Вып. 11; Сер. Казакстанская).
- Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. 1962. Вып. 5.
- Кривоцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. Вып. XVII.
- Кузьмина Е.Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008.
- Кукушкин И.А. Керамика синкретического типа как основной технологический показатель продвижения андроновских племен // Изучение памятников археологии Павлодарского Приишимья. Павлодар, 2002.
- Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья (андоновская культура) // МИА. 1951. № 21.
- Ткачев В.В. Горно-металлургические комплексы в системе археометаллургической таксономии // Вестн. Челябинского гос. у-та. Сер. История. 2009. Вып. 38. № 41 (179).
- Ткачев В.В. Горное дело и металлургия меди в Уральско-Мугоджарском регионе в позднем бронзовом веке // Изв. Самарского науч. центра РАН. 2010. Т. 12. № 2.
- Федорова-Давыдова Э.А. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.

ДРЕВНОСТИ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И СОХРАНЕНИЯ

© 2012 г. О.В. Рыжкова, Е.А. Черненко

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

На территории, прилегающей к Нижнему Тагилу, известно более 100 археологических памятников. Особое место среди них занимает Горбуновский торфяник, изучение которого началось в 1908 г.

История вопроса, связанного с сохранением археологического наследия Горбуновского торфяника, была изложена авторами в докладе, сделанном на II Всероссийском Археологическом съезде, прошедшем в Суздале в 2008 г. (Рыжкова, Черненко, 2008. С. 141). В данной статье предпринят более подробный анализ заявленной проблемы, основанный на документах, выявленных в фондах Нижнетагильского городского исторического архива и Научного архива Нижнетагильского музея-заповедника “Горнозаводской Урал”.

В ходе торфоразработок на Горбуновском торфянике руководитель работ Г.А. Заикин обратил внимание на попадающиеся деревянные вещи и настил. Работы были приостановлены. Служащий Лесного отделения Нижнетагильского заводууправления Н.Ф. Топорков, сообщив о находках в Уральское Общество Любителей Естествознания (УОЛЕ) в письме от 5 июля 1908 г., просил прислать специалиста для выяснения характера найденных свайных построек. На торфяник был направлен М.О. Клер, будущий доктор геолого-минералогических наук. С этого и началось исследование древностей Горбуновского торфяника.

22 августа 1908 г. М.О. Клер и Н.Ф. Топорков совершили поездку на Горбуновский торфяник. М.О. Клером было уточнено описание торфяника, указано наличие на нем двух островов, установлен порядок залегания находок в торфе, дано первое описание обнаруженного жилища – “балаганчика” с двускатной крышей. 2 сентября 1908 г. он выступил на общем собрании Общества с сообщением “Заметка о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижне-Тагильского завода”, а в 1909 г. опубликовал результаты обследования (Клер, 1909).

Более чем за 100 лет, прошедших с момента открытия первых находок, на Горбуновском тор-

фянике выявлено 38 археологических памятников и местонахождений различных периодов эпохи голоцена (от мезолита до раннего железного века). Раскопки проведены на 14 памятниках, вскрытая площадь составляет более 3000 м², коллекция находок насчитывает десятки тысяч единиц.

Целенаправленная охрана памятников Горбуновского торфяника стала осуществляться с 1920-х годов, когда он попал под охрану Отдела по делам музеев Главного Управления Научных учреждений Академического центра Народного Комиссариата Просвещения на основании Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1924 г. “Об учете и охране памятников искусства, старины и природы” и Инструкции Наркомпроса “Об учете и охране памятников старины, быта и природы”, изданной на основании п. 9 упомянутого Декрета (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 5).

Летом 1924 г. члены Тагильского общества изучения местного края (ТОИМК) С.Н. Топорков, Н.К. Францев, И.П. Шуберт, произведя непродолжительное обследование, обнаружили на торфянике множество фрагментов глиняной посуды и кости животных. Об этом Тагильский музей известил УОЛЕ (Рыжкова, 2010. С. 121).

В ответ УОЛЕ в письме от 18 июля 1924 г. обратилось с просьбой к директору Нижнетагильского музея А.Н. Словцову проследить за древними вещами, попадавшимися при проводящихся на торфянике разработках. “В случае необходимости допустить, даже произвести небольшие пробные раскопки. О всяких находках, если таковые будут, а также об условиях их нахождения, просим сообщать УОЛЕ. В случае же обнаружения свай и значительного скопления вещей, просим немедленно об этом известить Общество для принятия мер к более серьезному исследованию” (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 1). Письмо так же содержало обращение ко всем советским учреждениям с просьбой оказывать А.Н. Словцову возможное содействие при выполнении им поручений Общества (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 1).

26 августа 1924 г. Нижнетагильский музей просил Отдел по Делах музеев Главнауки Наркомпроса выдать Открытый лист А.Н. Словцову и Н.К. Францеву на право производства раскопок. Но Отдел в письме от 3 октября 1924 г. отказал, сославшись на то, что “производство и руководство раскопками остатков свайных построек там находящихся требуют особенно опытного исследователя, а потому необходимо особо строгое отношение к выбору руководителей” (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 2). В этом же письме Отдел просил ТОИМК совместно с Нижнетагильским музеем принять под свою охрану и наблюдение места нахождения остатков древностей на Горбуновском торфянике. Для этого Отдел требовал командировать на место специалиста-археолога, в чью обязанность входили охрана древностей и сбор информации об их состоянии (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 2).

В связи с тем, что ведущиеся на торфянике разработки могли привести к уничтожению части памятника, в Нижнетагильский окружной исполнительный комитет пришла записка от уполномоченного по охране памятников старины, в которой говорилось о том, что на основании постановления членов музея и ТОИМК участок Горбуновского торфяника в 290 квартале в северо-восточной части торфяника и восточной части торфяника в 313 квартале около Филина острова (...) следует считать заповедными (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3).

Уже в феврале 1925 г. Российская Академия Истории Материальной культуры (РАИМК) обратилась в Уралплан с просьбой при добыче торфа обходить обнаруженные деревянные сооружения и сообщать о них в Академию, а также “находимые в торфянике вещи (каменные, глиняные, костяные, деревянные) сохранять и препровождать в музей Нижнего Тагила или Екатеринбурга” (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 3).

Управление Нижнетагильского металлургического треста 11 апреля 1925 г. сообщало, что “...при добыче торфа на Горбуновском торфянике деревянные свайные постройки в настоящее время находятся в выработанных карьерах под крошкой торфа и затоплены водой, обнаружить таковые потребуются приличные суммы”. Управление треста обязывалось информировать Нижнетагильский музей обо всех встречаемых свайных сооружениях и исторических вещах, открываемых при добыче торфа (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 7).

20 мая 1925 г. УОЛЕ обратилось к А.Н. Словцову с просьбой прислать схематический чертеж Горбуновского торфяника для ходатайства перед Уралпланом о временном воспрепятствии разработки

торфа в местах свайных построек и где таковые могли иметься (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 8).

Вопросы эксплуатации и охраны археологических памятников торфяника стали решаться по представлениям или непосредственному участию Уральского Отдела Народного Образования (УРАЛОНО). Так, на запрос Областного финансового отдела от 3 мая 1926 г. УРАЛОНО отвечало, что “не возражает против работ Нижнетагильского Металлургического Треста по эксплуатации Горбуновского торфяника, но ставит неперемennые условия, чтобы:

1) никакие хозяйственные работы не велись в той части торфяника, где обнаружена доисторическая стоянка, и чтобы всюду этот памятник древности окружала неприкосновенная охранительная полоса шириною не менее 1-й сажени;

2) предметы доисторической культуры (каменные орудия и оружие, изделия из кости и рога, черепки и пр.), найденные при работах на других участках торфяника, немедленно сдавались для временного хранения Нижнетагильскому Музею Краеведения” (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 5).

Большой вклад в изучение и сохранение древностей Горбуновского торфяника внес Д.Н. Эдинг, проработавший на торфянике с 1926 по 1939 г. (Гаджиева, Рыжкова, 2007. С. 26, 27). В письме от 12 сентября 1931 г. он обратился в музей с предложением “возбудить совместно с РЗУ вопрос о восстановлении границы заповедного участка на торфянике, так как старые просеки не сохранились, и резка торфа ведется по всей его площади, что может привести к бесцельной порче и гибели свайных сооружений и уничтожить предметы материальной культуры, представляющие большую научную ценность” (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 51).

В июле 1932 г. Уральское областное Земельное управление обратилось к Уралпромсоюзу с письмом, в котором говорилось, что “на отведенном Вам под эксплуатацию Горбуновском торфянике производятся раскопки предметов доисторической культуры. Участок, где производятся раскопки Главнаукой, объявлен заповедником Союзного значения. Вследствие этого, в дополнении нашего с Вами договора от 11/V, с.г. на аренду Горбуновского торфяника, Вам надлежит принять на себя обязательство не производить на заповеднике добычи торфа и вообще не вести на нем никаких хозяйственных работ. И при торфоразработках на других участках в случае обнаружения предметов доисторической культуры (каменные орудия, изделия из кости, рога, черепки и пр.), ставить об этом в известность Тагильский Краеведческий Музей” (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 55).

Несмотря на то что из пользования была исключена территория, на которой находились памятники археологии, в течение 1932 г. при сдаче Горбуновского торфяника для добычи торфа Облземуправление не применило вышеупомянутые меры, и не оговорило, что площадь, содержащая находки, не должна быть эксплуатируема. Нижнетагильский музей отправил письмо в Облземуправление с просьбой установить охранную зону, но ответа не последовало. В сложившейся ситуации музей просил Сектор науки Наркомпроса по охране памятников возобновить охранную зону на торфянике и установить ее при помощи высеченной просеки, а так же согласовывать возникающие вопросы с соответствующими органами (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 71).

Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1934 г. (протокол № 136) Горбуновский торфяник вошел в список археологических памятников РСФСР, состоящих на государственной охране в централизованном порядке. Согласно Постановлению, его территория, включающая ряд археологических памятников, именовалась “Археологический заказник” (НА НТМЗ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 82. Л. 110).

Но памятник на протяжении нескольких лет продолжал находиться без всякого наблюдения и охраны со стороны местных органов власти. В этой ситуации 20 июля 1938 г. Музейно-Краеведческий Отдел Наркомпроса РСФСР обратился к Президиуму Нижнетагильского Горсовета с просьбой: «...дать соответствующее распоряжение об установлении запретной зоны на всю территорию “Археологического заказника”; обозначить территорию запретной зоны соответствующими знаками (в виде столбов с дощечками и соответствующими надписями на них); установить охрану и наблюдение за памятником во избежание его уничтожения” (НА НТМЗ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 82. Л. 114).

Решением Исполкома Нижнетагильского горсовета депутатов трудящихся № 564 от 13 октября 1943 г. “О мероприятиях и мерах охраны памятников природы, истории, архитектуры и революции в г. Н. Тагил и окрестностях” Горбуновский торфяник, принятый на государственную охрану и являющийся археологическим заказником, был утвержден в качестве памятника природы и археологии. В целях сохранения археологического наследия Горбуновского торфяника было предложено: “...территорию, содержащую свайные постройки и примыкающие к ней площадь до 25 га ограничить в натуре просеками с установкой граничных столбов. Воспретить на территории археологического заказника производство каких-либо работ, изысканий без особого на то разрешений Исполкома Горсовета” (НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 505. Л. 447). Нижнетагильскому

музею было поручено осуществлять наблюдение и постоянный контроль за памятниками (НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 505. Л. 447–449).

По решению Нижнетагильского Исполкома 1945 г. были установлены приблизительные границы-траншеи территории памятника, на которой были запрещены торфороботы. За тем, чтобы эти границы не нарушались, наблюдал Краеведческий музей. В мае 1947 г. Свердловское отделение Всероссийского общества охраны природы предложило принять меры к охране памятников и создать комиссию, которая должна “установить и заактивировать точные границы” охранной территории торфяника. По предложению директора Нижнетагильского краеведческого музея А.А. Саматовой, в состав комиссии было решено ввести специалиста из Государственного исторического музея (ГИМ), который бы обладал опытом изучения подобных памятников. Кроме того, в комиссию предполагалось ввести следующие лица: И.А. Камшилова (краеведа, заместителя главного архитектора города), И.Е. Филиппова (главного геолога Горы Высокой, члена геологической секции Краеведческого музея), М.А. Задорина (преподавателя географии педагогического училища), В.И. Бушина (заместителя председателя Горсовета), Н.П. Кипарисову (археолога, научного сотрудника Краеведческого музея); С.Н. Панкратова (краеведа, научного сотрудника музея), Е.В. Боташеву (научного сотрудника музея, специалиста по истории города, библиотекаря музея), А.А. Саматову (директора Краеведческого музея), представителей от завода им. Куйбышева и Гортопа (НА НТМЗ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 108. Л. 4–6).

В связи с принятием Постановления Совета Министров СССР № 3898 от 14 октября 1948 г. “О мерах улучшения охраны памятников истории и культуры”, дальнейшая нормативная проработка которого осуществлялась в рамках “Положения об охране памятников культуры”, и Постановления Совета Министров РСФСР № 373 от 28 мая 1949 г. “Об утверждении инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР”, все археологические памятники, находившиеся на территории СССР и имевшие научное и историческое значение, брались под государственную охрану (Постановление 1949 г., § 1).

Решение Исполкома Нижнетагильского Горсовета депутатов трудящихся № 736 от 19 сентября 1950 г. “Об охране исторических и археологических памятников” обязывало в срок до 25 сентября текущего года подписать “Охранное обязательство” с культурно-просветительским отделом при Горисполкоме по стоянкам на Горбуновском торфянике

и на Филином острове начальника Управления торфоразработки Черняева (НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 608. Л. 350–352).

Уже 27 октября 1950 г. на Первую и Вторую береговые стоянки на восточном берегу Горбуновского торфяника было заключено “Охранное обязательство”, по которому памятник ставился на государственную охрану и был зарегистрирован в государственном списке. Указанные памятники следовало охранять от разрушений и расхищений, а именно: “...не распахивать; не производить никаких земляных работ как на самом памятнике, так и в пределах 50 м вокруг памятника; не использовать в качестве строительного материала или для других хозяйственных целей; не производить никаких насаждений и никакого строительства на территории памятника; пресекать самовольные раскопки; допускать к раскопкам только лиц, имеющих специальное разрешение на производство таких работ” (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 2. Л. 14).

Это послужило основой для проведения технического осмотра археологических памятников. Судя по актам технической экспертизы от 27 октября 1950 г., нарушений на памятниках обнаружено не было (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

К 1960 г. под государственную охрану Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г. в окрестностях Нижнего Тагила было поставлено девять памятников археологии, в том числе четыре стоянки Горбуновского торфяника и поселение Чашиха (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 24. Л. 60, 61).

В 1965 г. было создано Нижнетагильское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (НО ВООПИиК), которое продолжило работу по учету и охране памятников Горбуновского торфяника. В 1969 г. была составлена учетная карточка на памятник (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 19. Л. 6). В справке 1970 г., подписанной членами правления НО ВООПИиК Л.П. Лепо и Ю.Б. Сериковым, отмечалось, что “территория торфяника требует дальнейшего исследования, так как в процессе разработки карьера будут уничтожены старые памятники, которые до конца не исследованы, и памятники, вновь открытые в процессе работы” (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 13. Л. 45).

Нижнетагильский Горсовет депутатов трудящихся Решениями № 14 от 27 января 1970 г. и № 301 от 15 июня 1976 г. подтвердил, что Горбуновский торфяник как памятник археологии находится в списке памятников г. Нижний Тагил (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 24. Л. 1).

В середине 1980-х годов вновь возникла угроза разрушения памятников Горбуновского торфяника в связи с предстоящим устройством коллективных садов на северо-восточном берегу торфяника. Решением Свердловского облисполкома и Совета Министров РСФСР от 24 октября 1986 г. за № 1460–Р Высокогорскому механическому заводу была отведена территория в 47 га в северо-восточной части торфяника для устройства коллективных садов, на которой располагаются археологические памятники, в том числе “Серый Камень”. Территория для устройства коллективных садов была выделена без предварительного согласования с органами охраны памятников истории и культуры, что явилось нарушением Закона РСФСР от 15 декабря 1978 г. “Об охране памятников истории и культуры” (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 48. Л. 73).

К решению проблемы подключился Институт археологии АН СССР. Директор Института археологии академик Б.А. Рыбаков, в своем письме к председателю Исполкома Нижнетагильского Совета народных депутатов от 26 декабря 1986 г., предложил сделать все возможное для спасения комплекса стоянок на Горбуновском торфянике “... принять меры Управлению культуры Нижнего Тагила и области, городскому и областному обществу охраны памятников для включения береговых стоянок Горбуновского торфяника в состав охранной зоны и запретить там проведение любой хозяйственной деятельности” (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 38. Л. 45).

Разбивка садов была временно приостановлена, о чем председатель Нижнетагильского исполкома В.Д. Шаров в феврале 1987 г. уведомил производственную группу по охране и эксплуатации памятников истории и культуры Свердловской обл. (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 48. Л. 77).

В конце 1980-х годов началось строительство автотрассы Серов–Свердловск, в зону разрушения попадали береговые памятники Горбуновского торфяника. В 1988 г. строители автотрассы уничтожили два и значительно повредили пять археологических памятников. Это стало основанием для заключения хоздоговора № 24–08/88 от 29 июля 1988 г. Производственной группой по охране памятников истории и культуры с Нижнетагильским государственным педагогическим институтом (НТГПИ) на проведение археологических раскопок памятников, попадающих в зону строительства. В результате в 1988–1992 гг. археологическими экспедициями НТГПИ, Нижнетагильского краеведческого музея, Института истории и археологии УрО РАН (Ю.Б. Сериков, В.А. Арефьев, О.В. Рыжкова, П.К. Халяев, П.Ф. Шорин, П.М. Чаиркина) были продолжены раскопки на трех береговых памятниках (I, II, Береговые, Чащи-

ха I), вновь исследованы VI Береговая, Чащиха II, III, VIII Разрез, на карту торфяника нанесены шесть новых памятников и несколько местонахождений (Рыжкова, 2006. С. 299–301).

11 января 1990 г. письма с просьбой согласовывать с археологами НТГПИ все проекты строительных и иных работ на торфянике были направлены руководством Института по ряду адресов: председателю исполкома Нижнетагильского горсовета В.А. Чердынцеву, председателю исполкома Пригородного Совета В.Д. Шарову, главному архитектору города В.И. Солтысу, директору лесхоза П.А. Белоусову, директору Нижнетагильского филиала Государственного проектного института Союзводоканалпроект Я.А. Быкову. Однако никаких изменений в сложившейся практике отводов земель не последовало. В связи с этим НТГПИ обратился с просьбой принять необходимые меры ко всем организациям, связанным с отводом земель (Архив ГБОУ ВПО “НТГСПА”. Ф. 212. Оп. 3).

Для того чтобы привлечь внимания общественности к проблемам сохранения археологического наследия Горбуновского палеозера, в 1990–1991 гг. в Нижнетагильском музее-заповеднике была открыта выставка “Древности Горбуновского торфяника” (НТГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 299. Л. 5).

В 2004 г. сотрудниками отдела археологических исследований Областного государственного учреждения культуры “Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской обл.” (ОАИ НПЦ) и при активном участии тагильского археолога В.А. Арефьева по заданию Министерства культуры РФ был проведен мониторинг объектов культурного наследия федерального значения Свердловской обл. Осмотр почти всех археологических памятников торфомассива (за исключением IV, VIII, Дальнего и Нового разрез) показал, что их сохранность различна: памятники, расположенные в центре котловины и на ее северном берегу, имели минимальные повреждения культурного слоя (без учета археологических раскопок прошлых лет); сохранность культурного слоя стоянок и поселений, расположенных на западном и южном берегу болота, крайне низкая. Основной причиной сложившейся ситуации, по мнению С.Е. Чаиркина, заместителя начальника ОАИ НПЦ, является антропогенный фактор: прокладка и эксплуатация магистральной автодороги Екатеринбург–Серов (участок обхода г. Нижний Тагил), прокладка новых ЛЭП и грунтовых автодорог, несанкционированная добыча торфа садоводами, сады и огороды на южном берегу палеозера. Самое угнетающее впечатление на участников мониторинга произвели многочисленные стихийные свалки мусора на береговых стоянках западного берега торфяника (Рыжкова, 2008. С. 80).

11–12 июля 2008 г. на базе археолого-этнографической экспедиции ИИиА УрО РАН состоялся полемический семинар, посвященный 100-летию открытия археологических памятников на Горбуновском торфянике. Организаторами семинара выступили Институт истории и археологии УрО РАН, Областное государственное учреждение культуры “Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской обл.” и Социально-гуманитарный институт Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Участники семинара представляли научно-исследовательские, образовательные и производственные организации Нижнего Тагила, Екатеринбурга и Москвы. Обсудив перспективы сотрудничества различных организаций по изучению, сохранению и популяризации археологического наследия Горбуновского торфяника, участники семинара приняли решение о целесообразности регулярного проведения полевого семинара на Горбуновском торфянике с привлечением всех заинтересованных сторон и наметили план мероприятий по сохранению объектов археологического наследия этого уникального места на ближайшее время (Рыжкова, 2008. С. 77–80).

1 октября 2010 г. в Институте истории и археологии УрО РАН (ИИиА) открылась фотовыставка “Древности Горбуновского торфяника: история изучения” – совместный проект Нижнетагильского музея-заповедника (НТМЗ), Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (НТГСПА) и ИИиА УрО РАН. После показа выставки в Екатеринбурге она будет демонстрироваться в Музейном комплексе НТГСПА, а затем поступит в фонды НТМЗ. Предполагается, что подготовленные к выставке иллюстрации войдут в путеводитель или музейный каталог и станут основой Горбуновского фотофонда (Чаиркина, 2010. С. 7, 8). На открытии выставки был презентован шестой тематический выпуск “Охранных археологических исследований на Среднем Урале”, включающий материалы по исследованию памятников Горбуновского торфяника.

Таким образом, историю сохранения археологических памятников Горбуновского торфяника условно можно разделить на несколько этапов: 1924 – начало 1930-х годов (археологические памятники торфяника объявлены под охраной Отдела по делам музеев); 1934 – конец 1940-х годов (постановка памятников на государственную охрану в централизованном порядке, присвоение статуса “Археологический заказник”); 1950-е годы (заключение “Охранных обязательств”, проведение технических осмотров памятника); середина 1960 – середина 1980-х годов (активизация деятельности общественных организаций, прежде всего

НО ВООПИиК); середина 1980 – начало 1990-х годов (проведение охранных мероприятий на торфянике в связи с угрозой устройства садов и строительства трассы); 2000-е годы (усиление координационной деятельности между представителями научной общественности по проведению комплексных мер для дальнейшего изучения и сохранения наследия этого уникального памятника).

История сохранения археологических памятников Горбуновского торфяника – пример активной деятельности, направленной на решение проблемы, как представителей центральных и местных органов власти, так и научных, общественных организаций и отдельных граждан.

В настоящее время реальную угрозу сохранению археологических памятников Горбуновского торфяника создают близость оживленной трассы Екатеринбург–Серов, размещение в его окрестностях трех крупных садоводческих хозяйств и несанкционированный вывоз торфа. Подобное активное антропогенное воздействие на памятники археологии, расположенные вблизи промышленных центров, требует постоянного отслеживания и корректировки их охранного режима.

Приказом Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультура) от 27 февраля 2009 г. № 37 “Об утверждении Положения о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации” было принято решение формировать и вести единый государственный реестр объектов культурного наследия. К федеральной категории охраны отнесен археологический комплекс Горбуновского торфяника (четыре памятника) (Постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г.). К местной категории охраны: поселения Купол, Серый камень, IV Разрез; Береговая I, II, стоянка Стрелка (Решение Облисполкома № 454 от 4 декабря 1986 г.), стоянка Чащиха (Постановление Правительства Свердловской области № 1306–п от 23 декабря 1998 г.), поселение Береговая III, стоянка Береговая IV, Чащиха II, селище Чащиха III (Решение Облисполкома № 535 от 31 декабря 1987 г.) (Проект при поддержке Министерства культуры РФ “Объекты культурного наследия” [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kulturnoe-nasledie.ru>).

Археологическая карта Горбуновского торфяника постоянно изменялась. Очевидно, изменения ожидаются и в будущем, что вызвано активизацией научно-исследовательской и иной антропогенной (не всегда законодательно санкционированной) деятельности на этой территории. В связи с этим

обостряется проблема получения достоверной информации о состоянии объектов археологического наследия для принятия оперативных, научно-обоснованных решений об охранных мероприятиях, перспективном планировании различных видов деятельности. Вариантом решения этой проблемы может стать разработка базы данных об археологических памятниках Горбуновского торфяника средствами геоинформационных систем (ГИС) (Рыжкова и др., 2009. С. 44–46).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаджиева Е.А., Рыжкова О.В.* Работы Д.Н. Эдинга на Горбуновском торфянике. К 120-летию со дня рождения исследователя // XVII Уральское археологическое совещание: Матер. науч. конф. Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г. Екатеринбург; Сургут, 2007.
- Клер М.О.* Заметка о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижне-Тагильского завода // Зап. УОЛЕ. Т. XXIX. Вып. 1. Екатеринбург, 1909.
- Проект при поддержке Министерства культуры РФ “Объекты культурного наследия” (Эл. ресурс). Режим доступа: <http://kulturnoe-nasledie.ru>.
- Рыжкова О.В.* Горбуновский торфяник: некоторые итоги и перспективы исследования // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. Т. 1. Новосибирск, 2006.
- Рыжкова О.В.* Горбуновский торфяник – территория научного сотрудничества: Матер. Полевого науч.-практ. семинара, посв. 100-летию открытия археолог. памятников на Горбуновском торфянике // Уч. зап. Нижнетаг. гос. соц.-пед. академии. Общественные науки / Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил, 2008.
- Рыжкова О.В.* Летопись исследования VI Разреза Горбуновского торфяника // Тагильский вестн.: Историко-культурное наследие родного края: изучение, сохранение и популяризация. Вып. 6. Нижний Тагил, 2010.
- Рыжкова О.В., Стафеева Н.Р., Черненко Е.А.* Систематизация данных об археологическом наследии региона средствами ГИС (на примере археологических памятников Горбуновского торфяника) // Грибушинские чтения-2009. Музей в пространстве и времени: Тез. докл. и сообщ. VII межрегион. науч.-практ. конф. Кунгур, 23–25 апреля 2009 г. Кунгур, 2009.
- Рыжкова О.В., Черненко Е.А.* К истории вопроса о сохранении археологического наследия Горбуновского торфяника // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. III. М., 2008.
- Чаиркина Н.М.* Древности Горбуновского торфяника // Наука Урала. 2010. № 22 (1026).

ПОГРЕБЕНИЕ С НАБОРОМ ФИГУРНЫХ ПОЛИХРОМНЫХ СОСУДОВ ИЗ ФАНАГОРИИ 1852 г.: К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ

© 2012 г. Е.Г. Застрожнава

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Столица Азиатского Боспора – Фанагория привлекает к себе внимание исследователей не одну сотню лет. За это время была сформирована большая коллекция ценнейших произведений греческого искусства, шедеврами которой по праву могут быть названы фигурные полихромные сосуды из женского погребения, обнаруженного близ Фанагории на берегу Таманского залива.

Погребение было открыто в 1852 г. художником Керченского музея Кириллом Родионовичем Бегичевым, утвержденным в этой должности в 1846 г. при содействии Министра уделов, графа Л.А. Перовского. Именно по инициативе графа и при поддержке Николая I, выделившего 1000 руб. серебром, было решено начать масштабные археологические исследования на территории Таманского п-ва (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. I-1851. Д. 186. Л. 23). Контроль за проведением раскопок был поручен К.Е. Бегичеву, который каждую неделю сообщал графу о результатах работ через Керчь-Еникальского градоначальника З.С. Херхеулидзева. Археологические разыскания предполагалось в первую очередь сосредоточить в группе курганов близ станции Сенной. При проведении раскопок Л.А. Перовский не присутствовал, он посетил станцию Сенную в компании Н.И. Надеждина и князя А.А. Сибирского в 1852 г., завершив путешествие по Кавказу (Герц, 1898. С. 42).

Специально к его приезду для показательного вскрытия были подготовлены два кургана, в одном из которых было найдено богатое женское погребение с набором фигурных полихромных сосудов.

Расчистка гробницы была поручена князю А.А. Сибирскому, дневник раскопок вел К.Р. Бегичев, им же был сделан план погребения (рисунок). По указанию Л.А. Перовского с дневника и плана были сделаны копии и переданы Министру Императорского двора, графу А.П. Шувалову, отправившему их 20 октября 1852 г. директору Императорского Эрмитажа Ф.А. Жилу. В настоящее время эти документы хранятся в Отделе рукописей Госу-

дарственного Эрмитажа (ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. I-1852. Д. 30. Л. 27–33).

В самом начале дневника раскопок приводятся сведения об открытии вечером 14 августа в одном из курганов на берегу Таманского залива грабленной женской гробницы, в которой ничего не было найдено, "...кроме обломков металлического зеркала и раздавленных землею пяти глиняных вазочек из разряда арибаллов" (ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. I-1852. Д. 30. Л. 27–33). На следующий день в материке, на глубине 8 аршин 8 вершков (примерно 8.9 м) была найдена вторая гробница длиной 3 аршина, 1.5 вершка (2.7 м), шириной 1 аршин, 1.5 вершка (1.4 м); глубина могилы – 1.5 аршина, 1.5 вершка (1.6 м). Отмечается, что "гробница эта, подобно предыдущей (грабленной. – Е.З.) была сложена из камня и выложена внутри деревянной обшивкой из досок. Внутренность гробницы была совершенно плотно наполнена землей, насыпавшейся сюда после разрушения истлевшей деревянной крышки могилы. Обстоятельство это давало мало надежды на сохранность вещей, однако же при начатом осторожном разрывании земли, в ней были найдены прекрасно сохранившиеся глиняные сосуды в виде статуэток" (ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. I-1852. Д. 30. Л. 27–33). В дневнике приводится подробное описание расположения вещей, обнаруженных в гробнице: "На черепе были найдены: два золотых согнутых спиралью украшения; 43 кружка из тонкого листа золота – 13 экз. с изображением головы Медузы с открытым ртом, 8 таких же изображений Медузы с высунутым языком и 12 экз. головы Медузы с закрытым ртом, а также 10 бляшек с изображением женских голов в диадеме. Кроме того, еще один кружок самого тонкого листового золота был найден в черепе, скорее всего, он находился во рту. На его лицевой стороне был изображен женский профиль, на обороте – меч" (ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. I-1852. Д. 30. Л. 28).

По мнению К.Р. Бегичева, "изображения на отгисках с женским профилем в диадеме объясняют вещи, найденные на черепе покойницы". Он пред-

положил, что на умершей была одета повязка с украшениями, нашитыми на ткань звездообразно, которая, расширяясь сзади, сужалась и стягивалась на лбу при помощи украшений.

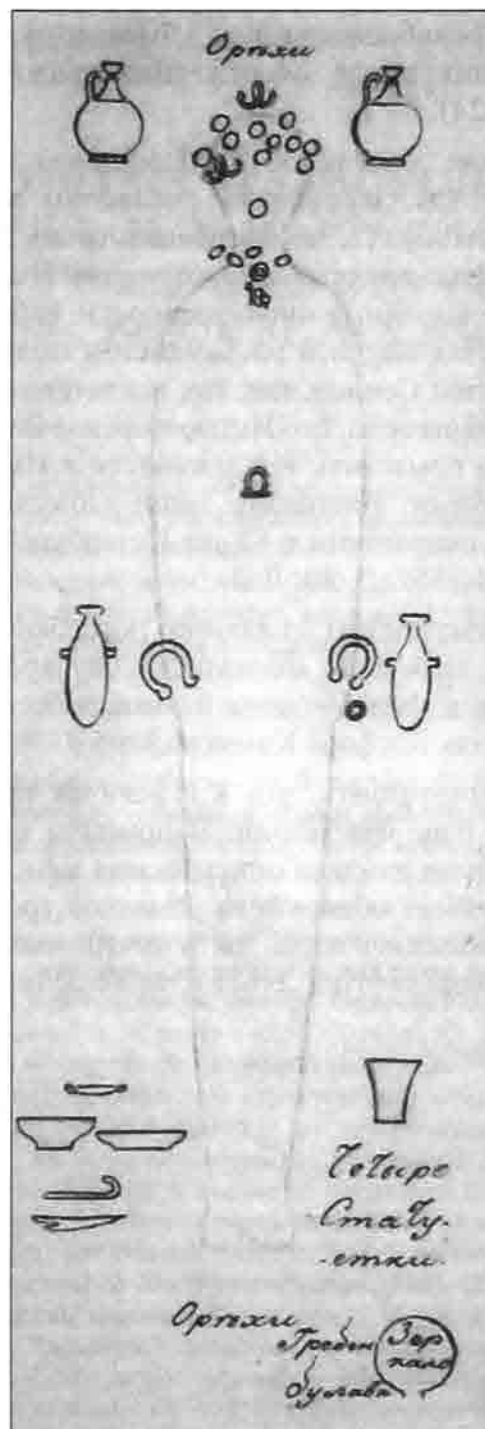
У шеи и груди погребенной было найдено 18 золотых бусинок овальной формы, львиная головка с ушком для привески и круглая золотая пуговка. По предположению К.Р. Бегичева, все эти вещи могли составлять шейное ожерелье. Кроме того, на поясе была найдена серебряная пряжка; у рук – серебряные браслеты и колечко из тонкой золотой проволоки.

У ног, с правой стороны был обнаружен железный стригиль, железный крючок и три глиняные чашечки. С левой стороны находился кусок деревянного гребня, несколько медных булавок, медное круглое зеркало с деревянной ручкой и глиняная чашечка в виде стакана, расписанная вокруг венком из листиков (пиксида?). Помимо этого, необходимо отметить, что в голове и ногах погребенной были обнаружены орехи.

Однако самая интересная и важная находка – обнаружение четырех глиняных раскрашенных статуэток у ног погребенной. По словам К.Р. Бегичева, “все они превосходно сохранились, но две из них еще замечательны своим превосходным созданием, тщательной отделкой и разрисовкой, что прямо относит их к самой цветущей эпохе керамического искусства”. По описанию К.Р. Бегичева, “первая из этих статуэток, образующая сосуд с тонким горлышком, представляет собой крылатого гения, по-видимому гения жизни или смерти, если это не есть только особое представление Меркурия, путеводителя душ и воскресителя мертвых. Другая статуэтка изображает юного Вакха. Внутренняя пустота, широкое горло и ручка позади составляют из этой статуэтки кружку, подходящую к разряду ритонов, сосудов для питья. То же значение имеют и две остальные статуэтки, представляющие пляшущих вакханок” (ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. I-1852. Д. 30. Л. 31).

Рядом с сосудами была найдена пара глиняных крыльев, окрашенных голубой краской и разломанных на четыре части. К.Р. Бегичев отмечал, что “их отдельное положение вместе с нарочным изломом ясно указывают на их аллегорическое значение в погребальном обряде. Значение это вероятно имеет связь с орфической идеей о превращениях души, давшей начало мифу о Психее” (ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. I-1852. Д. 30. Л. 32).

Ученые неоднократно отмечали исключительность найденных сосудов. Так, К.К. Герц писал, что “полное изящество в создании статуэток ука-

Копия плана погребения, открытого в августе 1852 г. в Фанагории. Чернила, карандаш, калька (ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. I-1852. Д. 30. Л. 32).

зывает на время расцвета, когда еще живы были в памяти лучшие образцы греческого ваяния” (1898. С. 70). М.И. Ростовцев считал эти вещи “настоящими шедеврами греческой пластики и живописи V в.” (1913. С. 267). М.М. Кобылина полагала, что подобные вещи указывают на богатые погребения греческих аристократов, проживавших в Фанагории (1956. С. 21). Современными исследователями погребение датируется V–IV вв. до н.э. (Паромов, 2004. С. 309; Виноградов, Шауб, 2007. С. 224). Весь набор фигурных лекифов из данного погребения связан с представлениями о загробном мире, с

образом “освободителя душ” Диониса и с идеями возрождения после смерти (Виноградов, Шауб, 2007. С. 224).

Открытие, сделанное на Таманском п-ве, порадовало Л.А. Перовского, писавшего в письме А.П. Шувалову: “...по возвращении из Крыма я имел счастье представлять государю Императору разные привезенные мною древности, найденные в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове, близ станции Сенной, где, как представляют, была древняя Фанагория. Его Императорское Величество соизволил поместить эти древности в Императорский Эрмитаж. Настоящие вещи уложены в семь ящиков и отправлены в Санкт-Петербург” (ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. I-1852. Д. 30. Л. 2).

Фигурные сосуды из данного погребения вошли в состав античной коллекции Государственного Эрмитажа и были изданы в вышедших в 1854 г. “Древностях Босфора Киммерийского”.

Следует отметить, что К.Р. Бегичев продолжал раскопки близ Фанагории. В присыпи кургана, в котором была найдена описываемая женская гробница, им была обнаружена земляная гробница, в которой оказались лишь “пять ничтожных золотых колечек, одна золотая серьга с подвешенною вазоч-

кой филигранной работы и медная монета” (НА ИИМК РАН. Ф. 6. Оп. I-1851. Д. 186. Л. 69 об.). По этому поводу К.Р. Бегичев в письме Л.А. Перовскому даже жаловался на отвернувшуюся от него удачу: “...по отъезде Вашего сиятельства счастье совсем оставило меня”. Вскоре после этого из-за отсутствия значительных находок и нехватки средств граф Л.А. Перовский принял решение прекратить усиленные работы на Таманском п-ве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю.* Погребения с фигурными сосудами из некрополя Фанагории // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 1. СПб., 2007.
- Герц К.К.* Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 г. СПб., 1898.
- Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа.* Т. 1. СПб., 1854.
- Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57.
- Паромов Я.М.* Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // ДБ. 2004. Т. 4.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. М., 1913.

**ТРУДЫ 5-го МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА “РАДИОУГЛЕРОД И АРХЕОЛОГИЯ”, г. ЦЮРИХ, ШВЕЙЦАРИЯ, 26–28 МАРТА 2008 г.:
Proceedings of the 5th International Symposium “¹⁴C and Archaeology”, Zürich, Switzerland, 26–28 March 2008 // Radiocarbon. 2009. V. 51. № 2. 504 p.**

Очередной, 5-й Международный симпозиум “Радиоуглерод и археология” проходил 26–28 марта 2008 г. в Техническом университете Швейцарии (г. Цюрих). На нем присутствовало более 160 специалистов из 28 стран Европы, Америки, Азии и Африки. В данном обзоре, как и в предыдущих (Кузьмин, 2001; 2006), в сжатом виде дается информация об основных тенденциях в радиоуглеродных (¹⁴C) исследованиях в современной археологии, почерпнутая из докладов участников симпозиума. На симпозиуме обсуждались вопросы, относящиеся к следующим ключевым направлениям: ¹⁴C-датирование костей; хронология неолита Старого Света; построение высокоточных ¹⁴C-хронологий отдельных событий. В настоящее время в практике ¹⁴C-датирования все более широко применяется технологически передовая методика ускорительной масс-спектрометрии (*accelerator mass spectrometry, AMS*) (УМС, см.: Jull, 2007).

Хронологии неолита были посвящены следующие сообщения. Й. Мюллер (J. Müller) рассмотрел один из фундаментальных вопросов археологии этого периода: реальность существования культур – общностей – с единой материальной базой. С помощью анализа соответствия (*correspondence analysis*) и ¹⁴C-данных (использовались даты по костям животных и человека) для неолита региона Средняя Эльба–Заале (Германия), где на территории в 15 000 км² известно 1145 памятников с 711 “закрытыми” комплексами, автор установил, что в интервале 4100–2800 гг. до н.э. существовало 22 “культуры”, многие из которых располагались чересполосно в пространстве и времени. Вывод автора – концепция монолитных “культур” в ее традиционном значении неприменима к неолиту Центральной Европы и должна быть заменена на “многокультурную” (“многолинейную”). Таким образом, ¹⁴C-возраст явился важнейшим методом установления хронологии градиентов анализа соответствия.

А. Денэр (A. Denair) провел анализ надежности серий ¹⁴C-дат на примере среднего неолита бассейна Рейна и конца раннего неолита (культура линейно-ленточной керамики) Парижского бассейна; из 220 дат было отобрано 111 наиболее надежных. Выяснилось, что ¹⁴C-даты по кости систематически (на несколько сотен лет) моложе результатов датирования угля и зерна. Имеющиеся дендрохронологические данные (как независимая оценка возраста) хорошо согласуются с ¹⁴C-датами по углю; причина расхождений с результатами датирования костей пока неясна.

П. Влодарчак (P. Włodarczak) проанализировал результаты датирования методами ¹⁴C и дендрохронологии культуры шнуровой керамики (*Corded Ware*) позднего неолита Центральной Европы, существовавшей в целом в III тыс. до н.э. При этом в ряде случаев поздние определения возраста (после 2400 г. до н.э.) противоречивы. Автор согласен с тем, что самые надежные даты получены методом дендрохронологии, но это возможно только для озерных поселений Швейцарии, где шнуровая культура датируется 2750–2400 гг. до н.э., а ее окончание

совпадает с появлением культуры колоколовидных кубков (*Bell Beaker*). В других частях Центральной Европы начало культуры шнуровой керамики определяется как 2900–2750 гг. до н.э., а в ряде случаев – даже ранее, около 3000 г. до н.э.; конец – около 2400–2000 гг. до н.э. На примере нескольких хорошо датированных объектов Германии и Польши автор показал, что одних ¹⁴C-данных для решения вопроса о хронологии данной культуры недостаточно, в том числе и из-за ошибок в датировании и археологической хронологии.

А. Рейнгрубер и Л. Тиссен (A. Reingruber, L. Thissen) провели ревизию двух важных вопросов археологической хронологии Юго-Восточной Европы: начало неолита в бассейне Эгейского моря и время существования хальколита (медного века) во всем регионе. Новые ¹⁴C-даты в сочетании с их критическим анализом позволили установить, что в Греции (стоянки Аргисса/Argissa, Сескло/Sesklo, Ахиллеон/Achilleon, Неа Никомедия/Nea Nikomedia, пещера Франчти/Franchthi Cave) неолит начинается не ранее 6400/6300 гг. до н.э. (а не 7000 г. до н.э., как считалось на основании некоторых ¹⁴C-дат). Неолит в Греции (ранний) и Анатолии (поздний) датируется около 6500–6000 гг. до н.э. В Арголиде его начало относят к 6000 г. до н.э., т.е. на несколько сотен лет позже, чем в Фессалии. В отношении хальколита данные по некрополю Варна (Болгария, 28 ¹⁴C-дат) позволили определить время его начала около 4600 г. до н.э.; для стоянки Петреле/Pietrele в нижнем течении Дуная (Румыния) по 23 ¹⁴C-датам – около 4450–4250 гг. до н.э. Таким образом, комплекс Коджадермен (Kodžadermen) – Гумельница – Караново V датирован на 250 лет позже, чем ранее – около 4250 г. до н.э., и хальколит Юго-Восточной Европы может быть помещен в V тыс. до н.э. (по сравнению с предшествующим возрастом III тыс. до н.э.).

М. Пигэ и М. Бессе (M. Piguet, M. Besse) представили анализ хронологии культуры колоколовидных кубков финального неолита Центральной и Западной Европы, существовавшей в целом около 2900–1800 гг. до н.э.; при этом культура имеет следы использования меди. Авторы критически проанализировали ¹⁴C-хронологию различных типов обычной керамики (*Common Ware*) предшествующего неолита, включая кувшины с ручками (*handled pitcher*), чаши с ножками (*polypod cup*), сосуды с дырками под венчиком (*line of perforations above a row*) и украшения оттиском ногтей (*disorganized fingernail imprints*), для понимания перехода от предыдущих неолитических комплексов к культуре колоколовидных кубков; выяснилось, что в западной части Европы эта культура частично восприняла приемы украшения керамики, известные в более раннее время.

С. ван Виллиген (S. van Willigen) с соавторами провел ¹⁴C-датирование ряда древнейших неолитических стоянок Западного Средиземноморья. Было получено 17 новых ¹⁴C-дат для памятников культуры керамики с ракушечным прочесом (*Cardinal Culture*) в нижнем течении Роны и в Провансе (Франция).

Данная культура в регионе – первая полностью неолитическая, т.е. с присутствием керамики, скотоводства (крупный рогатый скот, овца/коза, свинья) и земледелия (пшеница); датирование угля и костей домашних животных дает возможность определить ее возраст около 5370–5030 гг. до н.э.

П.М. Долуханов с соавторами на основе статистического анализа ^{14}C -дат неолита степного юго-востока Русской равнины представили модель возникновения и распространения керамических и раннеземледельческих комплексов. Древнейшие керамические культуры (елшанская и северо-каспийская) были продатированы авторами доклада около 8000–7000 гг. до н.э., при этом “средние” значения возраста этих комплексов моложе – около 6770 и 5860 гг. до н.э. соответственно. Ракушечно-ярская культура имеет “среднюю” дату около 5960 г. до н.э., хотя имеются ^{14}C -даты в интервале 6900–6600 гг. до н.э. Днепро-донецкая культура со свидетельствами земледелия и скотоводства датирована около 6600 г. до н.э. Авторы делают вывод о том, что в изученном регионе керамика появляется раньше, чем в Юго-Восточной Европе, и связывают ее происхождение с культурным импульсом с востока (без земледелия и скотоводства), т.е. независимо от “левантийского” очага неолита с производящей экономикой. Культура линейной керамики (*Linear Pottery*), с которой связано древнейшее земледелие центра и запада Европы, датирована ими около 5150 г. до н.э.

Данное сообщение требует комментариев. Во-первых, ^{14}C -даты по органике в керамике, которая *не была добавлена* людьми в процессе изготовления посуды, дают, как правило, удвоенный возраст (O'Malley et al., 1999; ком. к статье Г. Зайцевой и др.). Во-вторых, использование устаревшей диффузионистской парадигмы в духе Г. Чайлда в отношении происхождения керамического неолита Восточной Европы непродуктивно, так как *невозможно* точно обосновать генетическую связь древнейших очагов керамики в Восточной Азии (Кузьмин, 2004; Kuzmin et al., 2009) с самыми ранними стоянками неолита степных районов Русской равнины. Таким образом, выводы П.М. Долуханова и его соавторов являются во многом провизорными (см.: Кузьмин, 2007).

Г.И. Зайцева с соавторами провели датирование керамики раннего неолита бассейна Средней и Нижней Волги. Была разработана методика получения углерода из глины черепков; при этом образец измельченной керамики, обработанный кислотой для удаления карбонатов, нагревается до 650 °С и выше. В качестве основного фактора удреждения возраста керамики рассматривается примесь моллюсков в тесте сосудов, которая древнее, чем органика из керамики (в основном попавшая туда естественным путем как органика в керамическом сырье). На примере стоянки Тентексор 1 эта величина составляет 550 лет (а иногда и более чем 1000 лет, по данным авторов). По всей видимости, это связано с так называемым “эффектом резервуара” (Вагнер, 2006. С. 166, 167). Однако авторы явно недооценивают роль органики в керамическом тесте; неоднократно показывалось, что углерод из глины может быть гораздо древнее времени изготовления самой керамики (ранее отмечалось нами на примере Дальнего Востока России и Забайкалья: нагревание керамики свыше 400° С (O'Malley et al., 1999)). К этому выводу можно прийти и при анализе данных авторов: так, для стоянки Каиршак 3 в Северном Прикаспии даты по углю из культурного слоя – 6950–6720 ^{14}C л.н., а по органике в керамике – 7950–7530 л.н.; для Джангара (слой 2) – 6100 и 6780–6680 л.н. соответственно. Для стоянки Варфоломеевка 2А ^{14}C -даты по костям животных – 5430–5220 л.н., а по керамике – 7100–5810. Таким образом, налицо удреждение ^{14}C -дат по керамике. В связи с этим определение возраста елшанской и северо-каспийской культур около 8000–7000 гг. до н.э. (см. сообщение П.М. Долуханова и соавторов в данном обзоре)

требует проверки и в настоящее время не может быть безоговорочно принято.

Р.Ф. Мазуровский (R.F. Mazurowski) с коллегами датировали докерамический памятник Телль Карамель (Tell Qaramel) в Северной Сирии на р. Кувейк, в 25 км к северу от г. Халеб (Алеппо). Всего было отобрано 57 образцов угля. Слои протонеолита и раннего докерамического неолита датируются в целом около 16 890–8780 гг. до н.э., при этом остатков культурных злаков и домашних животных в них не найдено, хотя возможность культивации растений не исключается. В слое Н1 (10 890–9670 гг. до н.э.) обнаружены остатки фундаментов трех округлых башен – самых ранних в мире (раньше, чем в Иерихоне). Авторы ставят проблему постоянной эволюции в движении к традиционному неолиту (с культивацией растений и домашними животными) в течение как минимум 1000 лет и считают, что Телль Карамель открывает перспективы нового района ранней “первичной неолитизации” внутри ближневосточного “полумесяца плодородных земель” (Мелларт, 1982).

С. Озейн (S. Ozainne) с соавторами провели комплексное геоархеологическое исследование кластера стоянок Оунжоугоу (Ounjouguou) в долине р. Яме (Yamé), Мали (Западная Африка); 14 групп исследователей из Швейцарии, Мали, Франции и ФРГ участвуют в этом долговременном проекте. Серийное ^{14}C -датирование трех археологических памятников (всего 54 даты) с применением байесовского анализа позволило установить, что земледелие на основе африканского проса появилось в этом районе около 3400–3100 л.н. (около 1800–1300 гг. до н.э.); скотоводство практиковалось не позднее II тыс. до н.э. Поздний неолит с керамикой датируется от 2700–2200 гг. до н.э. (начало) до 300 г. до н.э. (конец). Можно добавить, что в данной группе стоянок обнаружена очень древняя керамика, с ^{14}C -датами 9800–9600 л.н. – одними из самых ранних в Африке (Huyssecom et al., 2009).

Большое количество сообщений посвящено ^{14}C -датированию костей и обсуждению связанных с этим проблем. В трех статьях представлены результаты ^{14}C -датирования кальцинированных (кремированных) костей человека. Определение ^{14}C -возраста кремированных костных остатков стало возможным сравнительно недавно (Кузьмин, 2003. С. 178); тем не менее, этот тип материала сейчас широко датируется в Северной Европе, Ирландии и Шотландии; здесь “поля погребений” (*urnfields*) особенно многочисленны начиная с железного века (фаза Гальштадт 2А).

М. ван Страйдонк (M. Van Strydonck) с соавторами изучили проблему загрязнения карбоната кремированных костей с помощью рентгеновской дифрактометрии и пришли к заключению, что кремированные кости для ^{14}C -датирования должны быть белого (а не серого или темного!) цвета с поверхности и на изломе; это указывает на температуру кремации выше 725° С. Поверхностное загрязнение требует удаления верхних слоев кости; обработка соляной кислотой не всегда позволяет удалить вторичные карбонаты, удреждающие возраст. Авторы предлагают следующий протокол подготовки кремированных костей для ^{14}C -датирования: 1) отбор фрагментов кости только белого цвета; 2) размер образцов должен быть достаточно большим для оптимального соотношения веса и площади поверхности; 3) удаление поверхностной части кости; 4) измельчение образца; 5) обработка уксусной кислотой для удаления вторичных карбонатов; 6) промывка дистиллированной водой и сушка; 7) обработка ортофосфорной кислотой для получения углекислого газа, используемого для УМС ^{14}C -датирования.

Г. де Мульдер (G. de Mulder) с коллегами рассмотрели ситуацию с хронологией палеометалла Северной Франции, Бельгии и Нидерландов на основе ^{14}C -датирования 37 полей

погребений. ^{14}C -даты по углю часто дают удревленный возраст из-за “эффекта старой древесины”. Определение возраста по кремнированным костям указывает на то, что средний бронзовый век датируется около 1800–1500 гг. до н.э.; переход от среднего к позднему бронзовому веку – 1500–1100 гг. до н.э. Феномен полей погребений исчезает в Северной Европе около V в. до н.э., хотя отдельные кремации известны и позднее, вплоть до III–I вв. до н.э. Авторы подчеркивают, что серийное ^{14}C -датирование кремнированных костей выявило гораздо более сложную картину существования полей погребений Северной Европы, чем это было известно ранее.

А. Заззо (A. Zazzo) с коллегами на основании экспериментальных данных по кремации костей пришли к выводу о том, что под влиянием высокой температуры (более 600° C) происходит необратимое изменение биоапатита кости и в кремнированном образце наблюдается значительное (до 15%) фракционирование стабильных изотопов, в особенности для организмов с фотосинтезом по типу C_4 (в основном растительность засушливых районов). Это делает невозможным использование кремнированных костей для исследований палеосреды и палеодиеты.

А. Черкинский рассмотрел возможность получения надежных ^{14}C -дат по биоапатиту кости в тех случаях, когда ее органическая часть (коллаген) не сохранилась. Обработка кости слабой уксусной кислотой позволяет отделить биоапатит от диагенетического карбоната, имеющего более молодой ^{14}C -возраст. Даты биоапатита по голоценовым образцам обычно надежны; для более древних объектов важно, чтобы кость происходила из бескарбонатных отложений. При датировании биоапатита зубной эмали обычно наблюдается хорошая сохранность и меньшая загрязненность вторичными карбонатами. Горелая кость, согласно автору, является достаточно надежным материалом для ^{14}C -датирования по биоапатиту.

Е.А. Александровская с соавторами получили данные по ^{14}C -возрасту и микроэлементному составу пяти захоронений в соборе Спасо-Андроникова монастыря в Москве, в том числе для парного погребения № 5, в котором могут находиться останки известных живописцев Андрея Рублева и Даниила Черного (умерли в 1430 г.). Получены следующие значения ^{14}C -возраста: 700 ± 40 л.н. (после калибровки – 1270–1380 гг. н.э.) по верхнему скелету и 900 ± 50 л.н. (или около 1050–1140 гг. н.э.) – по нижнему. Таким образом, возраст индивидуумов сильно (на 200 лет) отличается друг от друга, что делает представление о личности погребенных весьма неопределенным. Геохимические данные (повышенное содержание цинка и свинца в минеральном веществе кости) говорят в пользу того, что оба погребенных были, скорее всего, художниками. Остальные захоронения датируются XIII–XIV вв. н.э., что согласуется с представлениями о том, что в них находятся первые обитатели монастыря, основанного около 1360 г.

А.Л. Александровский с соавторами провели ^{14}C -датирование костных остатков человека трех мезолитических поселений Верхней Волги, а также изучили микроэлементный состав минеральной ткани костей. Для поселения Становое 4 возраст костей – 9310 ± 60 л.н., что хорошо соответствует ^{14}C -датам гиттии, в которой сделана находка. Для стоянок Озерки 17 (около 7700 л.н.) и Ивановское 7 (около 8400 л.н.) возраст костей человека намного (не менее 1000 лет) моложе (Озерки 17) или древнее (Ивановское 7), чем вмещающие их слои торфа. Это противоречие авторы объясняют тем, что кости были принесены людьми (возможно, в качестве жертвы). Повышенное содержание цинка и мышьяка в костях с этих памятников интерпретируется как свидетельство значительной роли грибов в питании мезолитических людей.

Значительное место в трудах конференции посвящено определению времени какого-то конкретного события или процесса. *К. Тайерс (C. Tuers)* с соавторами провели ^{14}C -датирование единичных древесных колец из образца, полученного от балки на крыше позднесредневекового дома № 107 по улице Джермин (Jermyn) в Лондоне (Англия). Датирование проводилось в трех различных УМС лабораториях (Глазго, Гронинген, Оксфорд). Дендрохронологические данные позволили установить время рубки ствола шотландской сосны как 1670 г. Калибровка ^{14}C -дат и “анализ флуктуаций” (*wiggle-matching*) (Вагнер, 2006. С. 173, 174) с применением байесовской (*Bayesian*) статистики показали практически те же значения возраста – 1650–1685 гг. (вероятность 95%). Вывод авторов – “анализ флуктуаций” ^{14}C -дат, полученных методом УМС по единичным кольцам деревьев, имеет хороший потенциал для точного датирования пост-средневековых зданий при невозможности использования дендрохронологического метода.

Н. Мартинелли (N. Martinelli) и *А. Черкинский* провели ^{14}C -и дендрохронологическое изучение 12 деревянных лодок на севере Италии, каждая из которых сделана из единого ствола (в основном дуба). Две лодки датированы VI–VIII вв. н.э.; основная часть – IX–XII вв. н.э. Авторы подчеркивают, что “примитивный” вид таких лодок, известных в регионе с раннего неолита, не означает их значительной древности; форма и технология изготовления, возможно, связаны с функциональной составляющей этих транспортных средств, а не с прогрессом в их производстве.

П. Шварчевский (P. Szwarczewski) сопоставил развитие склоновых процессов и образование конусов выноса на окраине лессового плато в Южной Польше с процессами заселения и экономической активности человека в голоцене. ^{14}C -датирование погребенных почв в сочетании с геоморфологическими и седиментологическими данными позволили автору установить прямую связь между деятельностью человека (земледелие с 6000 л.н.), эрозией почв и формированием конусов выноса.

О. Габельман (O. Gabelmann) с коллегами определили возраст формативного (*Formative*) периода на востоке боливийских Анд (Южная Америка). На основании 16 ^{14}C -дат было установлено, что этот отрезок древней истории региона датируется 1600 г. до н.э. – 200 г. н.э. Полученные данные послужат лучшему пониманию процессов, имевших место на юге Центральных Анд.

Я. Мажейка (J. Mažeika) с соавторами провели комплексные (^{14}C -палеоботанические методы) исследования одной из траншей Нижнего Замка в Вильнюсе (Литва). На основании изучения колонки отложений длиной 3.2 м было установлено, что первое поселение с практикой земледелия существовало с VI в. н.э. В конце XIII – начале XIV в. началось строительство зданий, которое продолжалось до конца XIV в. Пик человеческой активности соответствует концу XIV – началу XVI в. (земледелие на основе гречихи, проса и технических культур).

Ф. Делла Каза (P. Della Casa) рассмотрел ситуацию с хронологией заселения Восточной Полинезии (о-ва Кука, Общества, Маркизские, Туамоту и Гамбье) и смежных архипелагов (Новая Зеландия и Гавайи; о. Пасхи) на основании критического анализа (“хронологической гигиены”) более чем 200 ^{14}C -дат. Имеющиеся модели колонизации этого региона явно противоречивы, с расхождениями до 1000 лет в отношении времени первичного заселения, хотя при этом все авторы пользуются единым массивом ^{14}C -данных. Анализ надежности ^{14}C -дат в сочетании с новыми результатами датирования (в том числе известных памятников) приводят автора к заключению о большей обоснованности “короткой” хронологии заселения

(Маркизские и Гавайские о-ва – не ранее 800–1200 гг. н.э.) и “прерывистого” механизма колонизации.

В.Е. Штёкли (W.E. Stöckli) разобрал несоответствие ^{14}C -дат и археологической (типологической) хронологии на примере раннего бронзового века Германии и Швейцарии. Он пришел к выводу о том, что в периодизационных построениях должны использоваться средние арифметические значения калиброванных дат. При анализе соответствия ^{14}C -данных археологическим крайне важно публиковать исходные материалы с точной информацией о местоположении проб на ^{14}C -датирование (это, казалось бы, очень простое соображение очень нечасто выполняется; могу судить по собственному 30-летнему опыту исследований в данной области).

В ряде сообщений дана информация об использовании метода “сопоставления флуктуаций” применительно к археологическим “плавающим” дендрохронологам. *К.Б. Григгс* и *С.В. Маннинг* (C.B. Griggs, S.W. Manning) провели ревизию дендрохронологии поселения Тилле Гуюк (Tille Höyük) в Юго-Восточной Турции. Датирование семи 10-летних пакетов древесных колец дуба из слоя поздней бронзы дало возможность определить конец этой эпохи приблизительно 1150 г. до н.э., что важно для решения вопроса о времени перехода от позднего бронзового века к эпохе железа в Анатолии и Юго-Западной Азии. Метод “сопоставления флуктуаций”, таким образом, является весьма перспективным.

Г.И. Зайцева с соавторами определили возраст одного из погребений могильника Оглахты в Хакасии, относящегося к начальной фазе таштыкской культуры раннего железного века. ^{14}C -датирование и “анализ флуктуаций” для двух стволов дерева от сруба погребения № 4 (сосна и лиственница) дали возможность определить время рубки дерева как 372–402 гг. н.э. (менее вероятен более ранний возраст – 260–296 гг. н.э.). Этот результат находится в хорошем соответствии с современными представлениями археологов о возрасте данной культуры.

В двух докладах рассматриваются вопросы хронологии вулканической деятельности, имевшей тесную связь с обитанием древнего человека. *Х. Брюинс* (H. Bruins) с соавторами определили возраст извержения вулкана Санторин (Эгейское море) и связанного с ним цунами с помощью трех независимых методов датирования: геологического, археологического и ^{14}C . Средние значения ^{14}C -возраста костей домашних животных из двух объектов минойского поселения Палайкастро (Palaikastro) на о. Крит оказались очень близки – 3350–3380 л.н. (около 1500 г. до н.э.), что соответствует периоду позднеминойской керамики 1А и в целом совпадает с результатами “анализа флуктуаций” времени извержения Санторина (1627–1600 гг. до н.э.) и хронологией Древнего Египта, но не позволяет разрешить противоречие между эгейской и египетской историческими хронологиями; разница составляет 100–150 лет.

И. Пассариелло (I. Passariello) с коллегами определили возраст катастрофического извержения вулкана Везувий, имевшего место в эпоху бронзы после долгого периода покоя и сопоставимого по масштабам разрушений с известным извержением 79 г. н.э.; вулканический пепел данного извержения называется Авеллано (Avellano). Ранее по костям погибшей во время извержения женщины на стоянке Сан Паоло Бельзито (San Paolo Belsito) была получена ^{14}C -дата 3560 ± 110 л.н. Новые данные, полученные на стоянке Кроче дель Папа (Croce del Papa) по костям козы, погибшей при обрушении загона во время извержения, показали, что возраст коллагена, выделенного тремя различными методами, практически идентичен; средняя ^{14}C -дата – 3550 ± 20 л.н. (после калибровки 1935–1880 гг. до н.э., ± 1 сигма). Это новое значение хорошо согласуется с предыдущими результатами, но только в том случае, когда

датировался материал, имеющий прямое отношение к данному событию. Между извержением Авеллано и катастрофой 79 г. н.э. Везувий извергался как минимум шесть раз, что нашло отражение в слоях пепла и пемзы в его окрестностях. Данный доклад является хорошей иллюстрацией тщательного отбора образцов для датирования конкретного события.

Два сообщения были посвящены изучению диеты древнего населения. *Н.И. Шишлина* с соавторами провели детальное исследование ^{14}C -возраста и основных компонентов белковой диеты древнего населения Предкавказья и Северного Прикаспия (энеолит; степная майкопская, ямная, степная северо-кавказская, раннекатакомбная, восточно-маньчская катакомбная и лопайская культуры), а также изучили влияние “эффекта резервуара” на ^{14}C -даты костей людей из курганов перечисленных культур. Это работа-пионер в аридных регионах юга России. На основании определения пропорций стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в коллагене костей было установлено, что для ряда культур (энеолит; степная майкопская, ямная, восточно-маньчская катакомбная и лопайская), несмотря на пастбищную ориентацию экономики, основным источником белка была пища водного происхождения (пресноводная рыба, моллюски и водоплавающие птицы); население степной северо-кавказской и раннекатакомбной культур употребляло в пищу все возможные ресурсы (наземные и пресноводные). Следствием употребления большого количества пищи водного происхождения является удревание возраста костей людей из-за “эффекта резервуара”. Так, для энеолита эта величина составляет 275 лет; для степной северо-кавказской культуры – 90; для ямной культуры – 200; для раннекатакомбной культуры – от 185 до 490 (в среднем – 300–400). В целом величина “эффекта резервуара” составляет для региона работ 200–300 лет и в значительной степени зависит от климатических условий существования популяций животных и человека. С учетом всех осложняющих факторов авторы определяют возрастные рамки культур: энеолит – 4300–3800 гг. до н.э.; степная майкопская – 3800–3000 гг. до н.э.; ямная – 3000–2450 гг. до н.э.; степная северо-кавказская – 2500–2300 гг. до н.э.; раннекатакомбная – 2600–2350 гг. до н.э.; восточно-маньчская катакомбная – 2500–2000 гг. до н.э. Лопайская культура одновременно финалу восточно-маньчского катакомбного комплекса. Также было установлено, что для культур, существовавших в условиях прохладного и холодного климата (энеолит, майкопская и ямная культуры), значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ для животных отличаются от таковых для человека, что может быть объяснено влиянием климата и степени доступности воды. Необходимо подчеркнуть, что проведенные авторами работы находятся на высоком методологическом уровне.

М. ван Страйдонк (M. Van Strydonck) с коллегами определили ^{14}C -возраст и состав стабильных изотопов углерода и азота для 17 скелетов, представляющих костные остатки местных “святых” из Бельгии и Нидерландов времени господства католической церкви. Установлено, что время жизни для почти всех индивидуумов по историческим данным хорошо согласуется с датировкой ^{14}C -методом; состав стабильных изотопов свидетельствует о том, что “святые” употребляли в пищу не только рыбу, но и мясные продукты, что противоречит их жизнеописаниям. В некоторых реликвариях присутствуют кости людей разного возраста. Так, для предполагаемых детей и родителей разница составляет от 130–240 (вероятность – 68.2%) до 50–280 лет (вероятность – 95.4%). Иногда в могилах средневековых “святых” встречаются остатки скелетов гораздо более раннего (римского) времени. Очевидно, что без применения указанных методов подобные результаты получить невозможно.

В двух докладах рассмотрены вопросы хронологии палеолита. *Ф. Брок и Т. Хайем* (F. Brock, T.F.G. Higham) применили к ряду палеолитических памятников Европы и Средиземноморья методику “мокрого окисления” при обработке угля. Она заключается в дополнительном (по сравнению с традиционной методикой обработки кислотой и щелочью; см.: Арсланов, 1987. С. 115–128) окислении угля смесью бихромата калия ($K_2Cr_2O_7$) и серной кислоты в течение 14–20 ч при температуре 60° С. Предыдущие работы по датированию образцов древнее 25–30 000 л.н. по данной методике дали возможность получить ^{14}C даты вплоть до 55 000 л.н. Этот метод очень важен в случае, когда даже незначительное загрязнение “современным” углеродом (всего 1%) дает омоложение от “запредельного” возраста (т.е. более 55 000 л.н.) до 37 000 л.н.! Для стоянок пещера Кебара (Kebara Cave) и Тарасма Хиллс (Tarama Hills) результаты датирования угля, обработанного по обычной методике и с помощью “мокрого окисления”, весьма близки и указывают на то, что обычный метод очистки угля в данных случаях был эффективен. Для пещеры Фумане (Grotta di Fumane) на севере Италии три из шести образцов, обработанные “мокрым окислением”, дали гораздо более древние (до 5000 лет) значения ^{14}C -возраста.

Т. Айнвёгерер (T. Einwögerer) с соавторами провели ^{14}C -датирование одной из наиболее известных граветтских стоянок Австрии – Кремс-Вахтберг (Krems-Wachtberg). Здесь в последние годы было найдено двойное погребение младенцев, относящееся к граветту (компонент АН 4.3); ^{14}C -дата угля хвойного дерева, найденного совместно с погребением, – около 26 500 л.н. Возраст угля, собранного в нижележащем слое АН 4.4 (по пяти образцам), – 26 840–27 220 л.н. (среднее – 27000 л.н.); еще ниже ^{14}C -дата слоя АН 5 (по трем образцам) равна около 28600 л.н.

Три доклада были посвящены датированию строительных растворов. *Д. Навроцка* (D. Nawrocka) с коллегами усовершенствовали методику ^{14}C -датирования этих объектов. Известно, что при затвердевании раствора (состоящего из геологически древнего известняка, не содержащего изотопа ^{14}C) происходит поглощение углекислого газа из окружающего воздуха, т.е. содержание ^{14}C в затвердевшем растворе как бы “заморожено” на момент сооружения здания, и его можно использовать для определения времени строительства. Авторами были отобраны образцы карбонатного раствора с базальтовыми включениями поселения Иппос (Hippos) на берегу Тивериадского оз. (Израиль), и карбонатный раствор с кварцевыми зернами от одного из зданий рыночной площади старого Кракова (Польша). Перед определением ^{14}C -возраста проводилось выщелачивание образцов. Выяснилось, что для Иппоса ^{14}C -даты хорошо соответствуют историческим датам (VI–VIII вв. н.э.), тогда как для Кракова белые карбонатные включения в строительном растворе, образовавшиеся после строительства зданий (их ^{14}C -возраст – современный) существенно омолаживают возраст раствора. Вероятно, из-за достаточно неблагоприятных гидрологических условий (высокая влажность) образцы из Кракова поглощали более “молодой” углерод уже после строительства здания, что требует удаления образовавшихся конкреций путем выщелачивания.

Г. Песче (G. Pesce) с соавторами провели ^{14}C -датирование известковых строительного раствора и штукатурки каменной кладки церкви Св. Николая (XI–XIII вв. н.э.) в г. Камольи близ Генуи (Италия). Они использовали для датирования небольшие агрегаты негашеной извести, которые не растворились в воде в процессе гашения; преимущество этого вещества состоит в том, что для него нет проблемы удреждения путем внесения “мертвого” углерода из карбонатного песка, образующего вместе с известью строительный раствор. Авторы считают,

что полученные ими данные о хорошем соответствии ^{14}C -и исторического возрастов кладки – доказательство перспективности использования данного соединения в дальнейшем. *А. Вурва* (A. Wyrwa) с коллегами проделали ^{14}C -датирование известкового строительного раствора зданий в г. Лекно (Центральная Польша), используя в качестве датируемого материала мелкие частицы угля в извести. Было установлено, что ротонда Св. Петра была построена в X–XI вв., а комплекс монастыря ордена цистерцианцев – в XII–XIII вв.; исторические данные и архитектурные особенности совпадают с этими датами. Ряд ^{14}C -дат оказался гораздо древнее, чем основной массив, что указывает на использование “старой древесины” (т.е. деревьев, которые были срублены задолго до строительства зданий). Авторы рекомендуют отбирать несколько образцов от каждого объекта исследования, что обычно позволяет выявить “отскоки” в ^{14}C -хронологии.

Таким образом, можно констатировать, что к основным тенденциям в использовании ^{14}C -метода в современной археологии относится повышение точности определения ^{14}C -и календарного возраста отдельных объектов и событий (сооружение здания, извержение вулкана и т.п.); возможность датирования объектов, которые ранее были недоступны (кремированные кости, строительный раствор и др.); поиск связи между природными и культурными событиями и процессами в позднем плейстоцене и голоцене. Очевидно, что ^{14}C -датирование археологических объектов динамично развивается, и данный том является хорошим тому подтверждением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсланов Х.А.* Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л., 1987.
- Вагнер Г.А.* Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М., 2006.
- Кузьмин Я.В.* ^{14}C et Archéologie (^{14}C and Archaeology). Actes du 3ème. Congrès International Rennes, 1999 // РА. 2001. № 4.
- Кузьмин Я.В.* Труды 17-й Международной радиоуглеродной конференции, 18–23 июня 2000 г., г. Иерусалим, Израиль // РА. 2003. № 2.
- Кузьмин Я.В.* Возникновение древнейшей керамики в Восточной Азии (геоархеологический аспект) // РА. 2004. № 2.
- Кузьмин Я.В.* “Радиоуглерод и археология”: Тр. 4-го Международного симпозиума, 9–14 апреля 2002 г., Оксфорд, Великобритания // РА. 2006. № 2.
- Кузьмин Я.В.* Рец. на: Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М. “Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии”. СПб.: Теза, 2004. 157 с. // РА. 2007. № 3.
- Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
- Huysecom E., Rasse M., Lespez L. et al.* The emergence of pottery in Africa during the 10th millennium cal BC: new evidence from Ounjougou (Mali) // Antiquity. 2009. V. 83. № 322.
- Jull A.J.T.* AMS method // Encyclopedia of Quaternary Sciences. V. 4. Amsterdam, 2007.
- Kuzmin Y.V., Burr G.S., Jull A.J.T.* Major patterns in the Neolithic chronology of East Asia: issues of the origin of pottery, agriculture, and civilization // Radiocarbon. 2009. V. 51. № 3.

O'Malley J.M., Kuzmin Y.V., Burr G.S. et al. Direct radiocarbon accelerator mass spectrometric dating of the earliest pottery from

the Russian Far East and Transbaikal // *Mémoires de la Société Préhistorique Française*. 1999. Т. 26.

Институт геологии и минералогии СО РАН,
Новосибирск

Я.В. Кузьмин

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Археологическое изучение Юго-Восточной Азии (ЮВА) началось еще в конце XIX в., на протяжении большей части XX особое внимание уделялось древнему зодчеству, ваянию и надписям, а широкомасштабные раскопки были скорее исключением, чем правилом. Наиболее известный памятник древней истории – г. Окео (Южный Вьетнам), раскапывавшийся Л. Малере в 1944 г., – долгое время оставался единственным изученным объектом, хотя французский археолог предпринял и разведочное изучение дельты Меконга (Malleret, 1959–1963).

В последней трети XX в. картина стала меняться. Еще во второй половине 1960-х годов молодой археолог Й. Главер применил радиоуглеродный метод датирования к артефактам Тимора и Сулавеси (Glover, 1972). В конце 1970-х годов была опубликована первая обобщающая работа по археологии ЮВА, однако в ней много глав было посвящено не публикации, а обсуждению археологических материалов и проблем исторической географии (Early South East Asia, 1979).

Политические процессы 1960–1970-х годов не способствовали археологическому изучению ЮВА: в результате Второй Индокитайской войны бомбежкам подверглись многие районы Вьетнама, что в 1969 г. привело к разрушению части храмов Мишона; а в Камбодже режим красных кхмеров закрыл любые возможности археологического изучения страны. Но именно в 1970-е годы появилось первое специальное исследование керамики ЮВА, изданное к первой выставке гончарных изделий региона (Willett, 1971).

Некоторое оживление археологического изучения наступило в 1980-х годах, когда усилиями того же Й. Главера возникла Европейская ассоциация археологов ЮВА (European Association of the Southeast Asian Archaeologists). Начиная с 1986 г. она раз в два года проводит конференции по наиболее актуальным проблемам археологии региона; на сегодняшний день опубликованы труды 11 конференций (Захаров, 2010а; б)¹. В настоящее время активно работают представители национальных школ ЮВА – индонезийцы, малайцы, кхмеры, вьетнамцы, филиппинцы, тайцы. Они публикуют свои труды на родных языках, что затрудняет распространение научной информации, но способствует укреплению национальных научных кадров.

В рамках обзора едва ли возможно осветить даже основные направления в археологии ЮВА. На сегодняшний день существуют обобщающие труды по региону в целом (Higham, 1989; 2002; Southeast Asia, 2004), по отдельным эпохам (Higham,

1996) и странам (Higham, Thosarat, 1998; Indonesian Heritage, 1996). Публикуются могильники (Higham et al., 2007; Higham, Kijngam, 2009; Glover, 1980; 1990), комплексные памятники (например, Кхао Сам Кео в тайландской части Малаккского п-ва: Bulletin de l'École Française..., 2008) и археологические карты отдельных районов (Vo Si Khai, 2003). Ведутся разведочные исследования областей и широкомасштабные раскопки их отдельных центров; с 1995 г. работает "Археологический проект Нижнего Меконга" (Lower Mekong Archaeological Project/LOMAP)² под руководством М. Старк, участники которого раскапывали древний город Ангкор Бореи и систему древних каналов вокруг него и Окео (Stark, 2004; 2006). Отдельным типам артефактов посвящаются монографии: по керамике – Р. Браун (Brown R.M., 1988), по дхармачакрам Дваравати, буддийского царства в Таиланде – Р. Брауна (Brown R.L., 1996), по стеклу – Б. Беллины (Bellina, 2007) и Дж. Ланктона (Lankton, 2003).

В данном обзоре хотелось бы рассмотреть два направления современной историографии. В первую очередь – это подводная археология ЮВА (Flecker, 2009). Сохранность кораблей и груза, образующих закрытые археологические комплексы, неидеальна: как правило, их находят рыбаки и спасатели, которые в погоне за наживой достают керамику и предметы, имеющие спрос на рынке. В условиях ЮВА археологам приходится довольствоваться уже поврежденными памятниками.

Ряд находок можно причислить к числу крупнейших открытий археологии: например, памятник кораблекрушения Белитунг (другие названия – Бату Хитам или – по названию китайской династии – Тан) у одноименного острова в Малайском архипелаге к востоку от о. Банка и к западу от о. Калимантан. Это единственный найденный в ЮВА традиционный арабский корабль доу (*dhow*). Две трети груза было разграблено в первый сезон, и М. Флеккер был вынужден работать с оставшейся частью (Flecker, 2000. Р. 199–217). Радиоуглеродный анализ ¹⁴C-датирует остов корабля первой половиной IX в., и эта дата подтверждается надписью на китайской чаше из Чанша – 826 г. н.э. (Flecker, 2009. Р. 37). Груз содержит десятки тысяч чаш из Чанша (Южный Китай) и свидетельствует о значительном спросе на них в ЮВА. Чаши украшены зеленокоричневым орнаментом в виде геометрического узора, цветов, растительности, свастик, китайских иероглифов, мифических созданий макара индийской мифологии. Помимо чаш из продукции Чанша найдены приземистые кувшины, миниатюрный кувшин с рукояткой в виде ящерицы, масляные лампы. Зна-

¹ См. сайт <http://eurasea.userpage.fu-berlin.de/publication.htm>.

² См. сайт: <http://www.anthropology.hawaii.edu/Projects/LOMAP/index.html>.

чительная часть керамической продукции Чанша хранилась в кувшинах производства Гуандуна. Обнаружена керамика Юе из провинции Чжецзянь с ее оливково-зеленой глазурью, разнообразные изделия провинции Хэнань: чашки, чаши, кувшины. Но особенно важно обнаружение трех нетронутых блюд с голубой подглазурью на белом фоне – древнейших образцов бело-голубой китайской керамики.

С корабля Белитунг происходят золотые предметы: два кольца с надписями, четыре яванские монеты маша, кольца с рельефом и жемчужиной, “покров целомудрия” бадонг (Ekwati Sundagi, 2009. P. 104, 105). В сочетании с надписью 826 г. они позволяют предполагать начало золотой чеканки на Яве как минимум с раннего IX в., хотя, по мнению автора обзора, более вероятно вторая половина VIII в.

Все известные корабли погибли, видимо, вследствие шторма. М. Флеккер изучал кораблекрушение Интан в Яванском море, произошедшее в первой половине X в. (Flecker, 2002). Найдены свыше 8000 гончарных изделий, включая творения мастеров провинций Чжецзянь, Фуцзянь и Гуандун и изделия тайских ремесленников – бутылки и сосуды с носиком типа кенди. Наличие бронзовых предметов суматранского производства, олова с Малаккского п-ва, стекла со Среднего Востока, бронзовых зеркал и серебряных брусков из Китая общим числом до 6000, указывает на существовавшую разветвленную торговую сеть.

Кораблекрушение Чиребон дало более 260 000 предметов, включающих керамику, драгоценные камни, украшения, стекло, горный хрусталь (Lim Yah Chiew, 2010). Поскольку корабль, судя по грузу, плыл на о. Ява, М. Флеккер задается вопросом: достаточно ли было людей, чтобы купить это обилие ремесленных изделий? По его мнению, столь внушительное предложение свидетельствует о существовании значительного среднего класса, способного приобрести полный обеденный сервиз (Flecker, 2009. P. 38).

М. Флеккер исследовал кораблекрушение в Яванском море XIII в. (Java Sea Wreck), давшее свыше 100 000 гончарных изделий из провинций Фуцзянь и Аньси, а также из знаменитого Цзиндэчжэня (Flecker, 1999; 2003; 2006; Mathers, Flecker, 1997)³. Известны кораблекрушения китайских джонок начала XV в. Бакау (Flecker, 2001) и Турианг (Brown, Sjostrand, 2000), свидетельствующие о распространении тайской керамики в Малайском архипелаге. М. Флеккер изучал кораблекрушение Биньтхуан в Центральном Вьетнаме, где была обнаружена китайская джонка начала XVII в., несшая груз китайской бело-голубой керамики Чжанчжоу из провинции Фуцзянь (Flecker, 2004). Вполне возможно, что груз предназначался для торговцев Голландской Ост-Индской компании.

Краткий обзор других кораблекрушений можно найти у М. Флеккера (Flecker, 2009). На потерпевшем в районе вьетнамского г. Хойан крушение корабле была обнаружена преимущественно вьетнамская бело-голубая керамика конца XV – начала XVI в. Найденный корабль принадлежит к так называемой традиции Южно-Китайского моря (термин П.-И. Мангэна), сочетающей достижения юго-восточноазиатского и китайского кораблестроения. Из кораблекрушения Ваньли (по девизу правления китайского императора Ицзюня, правившего в 1572–1620 гг.), происходит бело-голубой фарфор типа краак (*Kraak*) (Sjostrand, 2007).

³ См. также сайт <http://www.maritime-explorations.com/java%20sea.htm>

Сингапурский археолог Дж.Н. Миксик описывает кораблекрушение в заливе Хоучжу гавани Цюаньчжоу, провинция Фуцзянь, исследованное еще в 1974 г. Затонувший в третьей четверти XIII в. корабль нес на борту груз юго-восточноазиатского происхождения: перец, смолу пальмы катеху (*betelnuts*), серую амбру, панцири черепах, сандаловое дерево (Miksic, 2009. P. 76). К продукции ЮВА археолог относит ладан, кинноварь и ртуть, которые могли иметь и переднеазиатское происхождение. Значение этого памятника состоит в том, что он документирует обратный путь торговли, показывая предметы китайского ввоза и выявляя место ЮВА в производстве и перемещении товаров.

Переход от бесписьменных к письменным культурам в ЮВА долгое время реконструировался почти исключительно на основе сообщений китайских источников и первых надписей региона, датировка которых основывается на палеографии и подчас оказывается крайне спорной⁴. Благодаря археологии появилась возможность проследить формирование сложных политических систем, включая известные по письменной традиции ранние образования, в Центральном Вьетнаме, Камбодже и на Западной Яве. Были раскопаны д. Чакиеу, показавшая переход к исторической Чампе, Ангкор Борей, бывший одним из центров раннекхмерской цивилизации, и два памятника – Батуджайя и Чибуайя, которые можно связать с западно-яванским царством Таруманагара, известным по надписям царя Пурнавармана и по посольствам в Китай. Благодаря этим раскопкам можно уточнить историю культурного взаимодействия ЮВА с Южной Азией, влияние которой часто называется индианизацией (Захаров, 2009), и возникновения государственности.

Чакиеу находится в долине Тхубон вьетнамской провинции Куангнам. Его значение было признано уже в 1891 г., когда французский географ К. Пари сообщил о древнем укрепленном поселении с остатками храма на холме Бытутяу (Bửu Châu). Там были найдены две надписи царя Чампы VII в. Пракашадхармана (С. 137 и С. 173)⁵.

Основным результатом исследования Чакиеу стало обнаружение слоев переходного периода от культуры железного века Шахюинь к культуре Чампы со свидетельствами китайского и индийского влияний в последних веках до н.э. – первых веках н.э. В 1990 г. сотрудники университета Ханоя раскопали на северо-восточном склоне Бытутяу шурф размером 3 × 4 м с двумя культурными слоями, из которых верхний включал черепки с квадратным и ромбовидным орнаментами, присущий китайскому гончарному производству начиная с V в. до н.э., и традиционные сосуды индийского происхождения кенди – кувшины для воды с носиком (Southworth, Prior, 2010. P. 188. Fig. 6), а нижний содержал керамику типа поздней Шахюинь с типичным орнаментом в виде насечек, отпечатков лопаток (*paddle-stamping*) и шнуров.

⁴ Наиболее древние надписи на золотых и сердоликовых печатках, печатках, перстнях и инталиях из Окео могут относиться ко II–III вв. н.э., хотя Й.Г. Де Каспарис и предлагал датировку I в. (Malleret, 1962. P. 109–111, 290–292; De Casparis, 1979. P. 381, 382). Надпись Вокань из Нячанга (Вьетнам), которую ранее относили к III в., не может быть древнее IV в., так как в ней используются поэтический размер васантатака, появляющийся в эпиграфике лишь при Гуптах (в частности, в надписи Самудрагупты, царствовавшего около 335–376 гг., из Эрана) (Захаров, 2011).

⁵ Чамские надписи имеют порядковые номера согласно классификации Ж. Сёдеса, продолжаемой и по сегодняшний день (Coedès, 1908; Schweyer, 1999). Они начинаются на букву С (латиница).

Экспедиция Й. Главера в 1993 г. раскопала шурф размером 2 × 3 м в той же части холма (Glover, Yamagata, 1998; Yamagata, Glover, 1994). Верхние слои содержали глазурованную керамику и фарфор из Китая эпохи Сун (X–XIII вв.), а нижние оказались более древними. Был обнаружен неповрежденный кирпичный пол, под которым находились перемешанные кирпичи, черепица и керамика. На материке были найдены семь кварцитовых валунов, использовавшихся, вероятно, для укрепления склонов холма Быутя. Керамика представлена круглыми в основании чашами со шнуровым орнаментом, кенди, круглыми крышками, кубками на ножке кольцом (сравнимы с керамикой культуры Окео в Южном Вьетнаме первой половины I тыс. н.э.), плоскодонными кувшинами с квадратным узором (напоминают ханскую керамику). В самых нижних слоях найдены необычайно толстые и грубые черепки с украшением в виде отпечатков лопатки (Southworth, Prior, 2010. P. 189. Fig. 8c). Это остатки яйцеобразных кувшинов, один целый экземпляр которых был найден в 1990 г. Почти вся керамика нижних слоев – местного производства, за исключением черепка рулеточной (*rouletted ware*) керамики из Арикамеда в Южной Индии. Радиоуглеродный анализ для самого нижнего слоя (№ 6) дает дату II–I вв. до н.э., для слоев 3 и 5 – первую половину I тыс. н.э. Шурф в 25 м к югу от раскопок 1993 г. дал для нижних слоев № 15/16 дату I–III вв. н.э. Из другого шурфа на Гозузе (Gò Dũ Dè), между Быутя и южной стеной крепости Чакиеу, происходят два кенди, четыре чаши и разрозненные черепки с обожженным кирпичом, найденные в слое III в. по радиоуглеродному анализу.

Историческая интерпретация Чакиеу остается спорной (Southworth, Prior, 2010. P. 191). Л. Фино (Finot) видел в памятнике столицу Чампы в XI–XII вв. г. Симхапуру. Л. Орусо (Augousseau) считал, что Чакиеу – это древнейшая столица царства Линьи (часто отождествляемого с Чампой), возникшая на месте Южного китайского округа Сянлин (Xianglin) династии Хань, возможно дошедшей сюда в I–II вв. н.э. Более того, Л. Орусо полагал, что Сянлин был создан на месте военного форпоста империи Цинь (221–206 гг. до н.э.), Сян А. Масперо (Maspero) предложил помещать Сян на территорию южной китайской провинции Гуанси, а Сянлин – в район современного вьетнамского г. Хюе, следовательно, не в Чакиеу. Р. Штайн (Stein) обосновывал локализацию и первой столицы Линьи и Сянлина в районе Хюе. По его мнению, столица Линьи была перенесена в Чакиеу после китайской военной экспедиции в 446 г., а сам Чакиеу был разрушен в ходе второго китайского вторжения в 605 г.

Находки отпечатков ханских печатей на памятнике Гокам недалеко от Чакиеу, бронзовых стрел для арбалетов, кровельной черепицы в ханском стиле привели М. Ямагата к выводу о справедливости гипотезы Л. Орусо (Yamagata, Nguyễn Kim Dung, 2010). Однако Р. Прайор отмечает важную роль индийских типов керамики (кенди) и видит здесь отражение более широких культурных контактов с окружающим миром, не ограничивавшихся Ханьской империей; более того, она не считает, что найденные предметы обязательно предполагают подчинение района Чакиеу династии Хань. У. Саусворт полагает, что Чакиеу был центром царства Ситу (Xitu), располагавшегося к югу от Линьи (Southworth, Prior, 2010).

М. Ямагата и Нгуен Ким Зунг в 1997–2000 гг. раскапывали участок Чакиеу–Хоантяу (Hoàn Châu), расположенный к северу от Гозузе. Там были найдены шесть кирпичных оснований для колонн, входивших, по-видимому, в единое здание, но построенных в разное время (Yamagata, Nguyễn Kim Dung, 2010. P. 198. Fig. 4). Были выявлены три слоя: верхний, средний и нижний, датирующийся II в. н.э. Кровельная черепица этого слоя изготавливалась с помощью деревянной болванки, покрытой тканью.

Там же были найдены яйцеобразные кувшины. Черепица среднего слоя тоже производилась с помощью болванки. В верхнем слое была обнаружена черепица, изготовленная скручиванием глины в цилиндр лопаткой (*coiling technique*). Именно в нем появляется черепица с изображением человеческих лиц (Yamagata, Nguyễn Kim Dung, 2010. P. 194. Fig. 1. P. 199. Fig. 5). Отказ от болванки, по мнению М. Ямагата и Нгуен Ким Зунга, произошел в первой половине III в. н.э. (Yamagata, Nguyễn Kim Dung, 2010. P. 195–205).

В 2000 г. М. Ямагата и Нгуен Ким Зунг изучали памятник Гокам (Gò Cầm), расположенный в 3,5 км к юго-востоку от Чакиеу около маленького притока р. Тхубон. Шурф размером 3 × 4 м дал 988 кг черепицы и не менее 27 яйцеобразных кувшинов. В 2001–2002 гг. Нгуен Ким Зунг раскопал сгоревшее деревянное здание размерами 14 × 7,5 м, в котором были найдены посуда китайского типа (эпоха Хань), черепок с отпечатком китайской монеты учжу (*wuzhu*), сергии типа эрдан (*erdang*), бронзовые наконечники стрел, бронзовый страж с мечом, железные ножи и остаток глиняной печати. Хотя часть знаков пропала, оставшиеся читаются как “*Huang Shen Shi Zhe Zhang*”, что означает “печать посла Желтого бога”, в чем исследователи видят отражение даосизма (Nguyễn Kim Dung et al., 2006. P. 225; Yamagata, Nguyễn Kim Dung, 2010. P. 199). Материальная культура Гокам соответствует нижнему слою Хоантяу. Черепица изготавливалась с помощью деревянной болванки. Не найдено карнизной черепицы (*end tiles*), тем более черепицы с изображением лиц.

М. Ямагата и Нгуен Ким Зунг допускают возможность появления кровельной черепицы в Чакиеу и Гокам в конце I в. н.э. Они приписывают нижний слой Хоантяу древнейшим обитателям Чакиеу. Черепица с изображением человеческих лиц найдена еще в Лунгкхе и Тамтхо в Северном Вьетнаме и в Колуй и Тханьхо в Центральном Вьетнаме (Lũng Khê, Tam Thọ, Cồ Lũy, Thành Hồ). Карнизная черепица с человеческими лицами, схожая с найденной во Вьетнаме, известна в Нанкине эпохи царства У (222–280). Китайские археологи нашли ее образцы и в Эчжоу (провинция Хубей) в 82 км от Уханя. Обитатели Северного и Центрального Вьетнама заимствовали этот орнамент, но производили черепицу сами. Желобки на черепице в Чакиеу сделаны гребнем (*combing*), а в Тханьхо – штамповкой (*stamping*). Китайская черепица изготавливалась с помощью болванки, а черепица с изображением лиц из Чакиеу – скручиванием глины в цилиндр лопаткой.

Предшествующая культура железного века в Центральном Вьетнаме Шахюинь (III в. до н.э. – I в. н.э.) не знала кровельной черепицы. Появление китайской по происхождению кровельной черепицы связано, по мнению М. Ямагата и Нгуен Ким Зунга, с коренным преобразованием местного общества, возможно, с возникновением политики Линьи в 192 г. (Yamagata, Nguyễn Kim Dung, 2010. P. 204; дата взята из китайских источников). Бесспорно, однако, значительное воздействие китайских культурных традиций на общества Северного и Центрального Вьетнама. Это означает, что индианизация, т.е. распространение индийского культурного влияния, материальной культуры, религий, письменности, концепций государственности, бесспорных для исторической Чампы (Majumdar, 1927), на определенном этапе протекала параллельно китайскому культурному воздействию.

Возникновение древнейшего индианизированного царства ЮВА Фунани в низовьях Меконга ныне реконструируется не только по данным китайских источников (Pelliot, 1903), но и по материалам археологии. Наряду с классическим памятником Окео особое значение приобретает Ангор Борей, находящийся на 10°59′ северной широты и 104°58′ восточной долготы. Его изучает упоминавшийся выше “Археологический проект Ниж-

него Меконга". Памятник был населен с V/IV в. до н.э. (Stark et al., 1999. P. 26). Его площадь составляет 300 га (Stark, 2004. P. 98). Могильник Ват Комноу II в. до н.э. – II в. н.э., содержащий не менее 45 погребений (Stark, 2001. P. 22–30), свидетельствует о значительном населении. Внешние стены Ангкор Борей построены из кирпича в I–VI вв., согласно люминесцентному анализу кварцевых частиц (Stark et al., 2006). Некоторые части стены были 2.4 м шириной и 4.5 – высотой (Stark, 2004. P. 98). Кирпичи делались по доангкорской технологии; в их составе много рисовой соломы (*rice chaff*). Они стандартного размера – $\approx 10 \times 10 \times 40$ см (Stark et al., 2006. P. 113).

Сеть древних каналов, выявленная еще в 1930-х годах П. Пари и связывавшая Ангкор Борей с Окео, изучалась археологами для решения вопросов о времени ее создания и функциях. Радиоуглеродный и термолюминесцентный анализ артефактов из шурфов в каналах позволяет отнести их создание к первым векам н.э. (Stark et al., 2006. P. 117; Bourdonneau, 2010. P. 136). Они служили в первую очередь для перевозки грузов и сообщения, а возможно, и для дренирования регулярно заболачиваемой дельты Меконга. Их ирригационное использование маловероятно.

Древнейшее известное царство Западной Явы Тарумангара, существовавшая, видимо, в V–VII вв. (Захаров, 2006. С. 46–56) в настоящее время может связываться с двумя памятниками: Батуджайей и Чибуайей. Чибуайя – памятник индуизма, известный статуями Вишну в тиаре и лингамом Шивы (Dalsheimer, Manguin, 1998. P. 102, 103, 123. Fig. 15, 16). Она расположена в округе (*kesamatan*) Педес резидентства (*kecamatan*) Караванг провинции Западная Ява; ее географические координаты $6^{\circ}3'1''$ южной широты, $107^{\circ}20'48''$ восточной долготы (Edwards McKinnon et al., 1998. P. 153–155).

Гораздо богаче другой памятник Западной Явы – храмовый комплекс Батуджайя. Он расположен в 2 км от реки Тарум (Читарум) и известен с 1984 г. Находится около ее древнего русла, впадавшего в Яванское море в 4 км к северу. Географические координаты Батуджайи – $6^{\circ}06'15''$ – $6^{\circ}06'17''$ южной широты и $107^{\circ}09'01''$ – $107^{\circ}09'03''$ восточной долготы (Edwards McKinnon et al., 1998. P. 148; Manguin, Indradjaya, 2011. P. 114). Найдено 13 кирпичных храмов, о буддийском характере которых говорит их форма: они сооружались в форме ступы. Этот вывод подтверждается находками буддийских посвященных табличек в нижнем слое храма Бландонган (Сегаран V) (Manguin, Indrajaya, 2006. P. 250. Fig. 23, 6; Manguin, 2010. P. 174). Эти таблички представляют сидящего на троне Будду в позе абхайямудра, по сторонам которого стоят две фигуры в позе трибханга, и над ними сидят три Будды. На некоторых табличках есть нечитаемый текст. Эти таблички могут изображать чудо в Шравастии или первые проповеди Будды (Manguin, Indradjaya, 2011. P. 116). Размеры самого храма – 25 м^2 (Manguin, Indrajaya, 2006. P. 247). Что касается датировки нижнего слоя Бландонгана, то П.-И. Мангэн и А. Индраджайя по стилистическим основаниям надписей связывают его с VI–VII вв., хотя в ранней работе они называли радиоуглеродную дату – не ранее 400 г. н.э., и предпочитали VII в. для вотивов (Manguin, Indradjaya, 2011. P. 115, 116).

В настоящее время в Батуджайе найдено пять надписей либо на терракотовых табличках, либо на пластинах из золотой фольги. Четыре из них содержат знаменитый буддийский стих “*ajñānāc=ciyate karma...*”, т.е. “незнанием накапливается карма” (Manguin, 2010. P. 172). Напротив, один текст на золотой пластине остается нерасшифрованным. Он найден в другом храме Сегаран II А (Manguin, Indradjaya, 2011. P. 121. Fig. 5, 6).

О влиянии материальной культуры Индии на обитателей Сегаран II А задолго до появления индийских верований говорят находки индийских рулеточной и штампованной керамики из высококачественной глины (*fine paste*) (Manguin, Indradjaya, 2011. P. 127, 128. Fig. 5, 13, 14).

Необходимо отметить, что на территории Западной Явы индийские религии появляются одновременно с санскритскими надписями царя Таруманга Пурнавармана. Это заставляет предположить, что заимствование элементов индийской культуры происходило не бессистемно. План первого этажа храма Бландонган в Батуджайе показывает сходство с храмом Пхра Мен в Накхон Патхоме, Таиланд (Manguin, 2010. P. 176. Fig. 6). Вполне вероятно, что создатели этих храмов принадлежали к одной культурной традиции (это не означает, что они лично знали друг друга или оба храма были построены одним и тем же зодчим). Как бы то ни было, индианизация и появление первых царств на Западной Яве выглядят взаимосвязанными, если ограничить первое понятие сферой духовной культуры.

Таким образом, благодаря археологическому изучению ЮВА многие исторические процессы предстают несравненно более сложными, чем они казались ранее. На территории Центрального Вьетнама китайское влияние было довольно явственным в сфере материальной культуры; корни Фунани, Чампы и Таруманга уходят в первобытный период (индианизированным слоям Батуджайи предшествуют слои культуры Буни, о ней см.: Manguin, Indradjaya, 2011. P. 121–129). Это заставляет более тщательно изучать процессы становления сложных социальных систем и культурного взаимодействия, учитывая многообразие мира явлений и разнообразие его преобразований.

Подводя итоги, можно сделать вывод о решающей роли археологии в изучении прошлого Юго-Восточной Азии. Недооценка ее данных чревата построением замков на песке и/или повторением стереотипов древних и современных авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Захаров А.О. Политическая организация островных обществ Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VIII вв.): Конструктивистский вариант. М., 2006.
- Захаров А.О. Историография индианизации Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. Вып. XIII. М., 2009.
- Захаров А.О. Открывая и интерпретируя прошлое Юго-Восточной Азии // РА. 2010а. № 4.
- Захаров А.О. Рец. на: Archaeology in Southeast Asia: From *Homo Erectus* to the Living Traditions / Eds J.-P. Pautreau, A.-S. Coupey, V. Zeitoun, E. Rambault. Bougon, 2008 // РА. 2010б. № 1.
- Захаров А.О. Надпись из Вокань (Võ-canh) в Центральном Вьетнаме: перевод и комментарий // ВДИ. 2011. № 2.
- Bellina B. Cultural Exchange between India and Southeast Asia: Production and Distribution of Hard Stone Ornaments, VI c. BC–VI c. AD // Echanges culturels entre l’Inde et l’Asie du Sud-Est. Production et distribution des parures en roches dures du VIe siècle avant notre ère au VIe siècle de notre ère. Paris, 2007.
- Brown R.L. The Dvaravati Wheels of Law and the Indianization of Southeast Asia. Leiden, 1996.

- Brown R.M.* The Ceramics of South-East Asia: Their Dating and Identification. 2nd revised ed. Kuala-Lumpur, 1988 (1st ed. 1977).
- Brown R., Sjostrand S.* Turiang: A Fourteenth Century Wreck in Southeast Asian Waters. Pasadena, California, 2000.
- Bourdonneau E.* Réhabiliter le Funan. Óc Eo ou la première Angkor // Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient. T. 94 pour 2007. Paris, 2010.
- Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient. Paris, 2008.
- Coedès G.* Inventaire des inscriptions du Champa et du Cambodge // Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient. 1908. T. 8.
- Dalsheimer N., Manguin P.-Y.* Vişnu mitrés et réseaux marchands en Asie du Sud-Est: nouvelles données archéologiques sur le 1er millénaire apr. J.-C. // Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient. 1998. V. 85. № 1.
- De Casparis J.G.* Palaeography as an Auxiliary Discipline in Research on Early Southeast Asia // Early South East Asia: Essays in Archaeology, History and Historical Geography / Eds R.B. Smith, W. Watson. Oxford; N.Y.; Kuala Lumpur, 1979.
- Early South East Asia: Essays in Archaeology, History and Historical Geography / Eds R.B. Smith, W. Watson. Oxford; N.Y.; Kuala Lumpur, 1979.
- Edwards McKinnon E., Hasan Djafar, Soeroso M.P.* Tarumanagara? A Note on Discoveries at Batujaya and Cibuaya, West Java // Southeast Asian Archaeology 1994: Proceedings of the 5th Intern. Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists. Paris, 24–28 October 1994. V. I. Hull, 1994.
- Ekowati Sundari.* Trade Ceramics from Sumatra in the Collection of the National Museum (Jakarta) // Sumatra: Crossroads of Cultures / Eds F. Brinkgreve, R. Sulistianingdih. Leiden, 2009.
- Flecker M.* The 13th Century Java Sea Wreck: Bulk Iron and Ceramics from China. Singapore; Chicago, 1999.
- Flecker M.* A 9th Century Arab or Indian Shipwreck in Indonesian Waters // Intern. Jr. Nautical Archaeol. 2000. V. 29. № 2.
- Flecker M.* The Bakau Wreck: An Early Example of Chinese Shipping in Southeast Asia // Intern. Jr. Nautical Archaeol. 2001. V. 30. № 2.
- Flecker M.* The Archaeological Excavation of the 10th Century Intan Shipwreck. Oxford, 2002 (BAR; Intern. Ser. 1047).
- Flecker M.* The Thirteenth Century Java Sea Wreck: A Chinese Cargo in an Indonesian Ship // The Mariner's Mirror. November 2003. V. 89. № 4.
- Flecker M.* The Binh Thuan Wreck: Containing the Complete Archaeological Report. Melbourne, 2004.
- Flecker M.* Rescue Excavation: The Java Sea Wreck // Heritage Asia Magazine. December 2005 – February 2006. V. 3. № 2.
- Flecker M.* Maritime Archaeology in Southeast Asia // Southeast Asian Ceramics: New Light on Old Pottery / Ed. J.N. Miksic. Singapore, 2009.
- Glover I.C.* Excavations in Timor: A Study of Economic Change and Cultural Continuity in Prehistory: PhD Thesis. Canberra, 1972.
- Glover I.C.* Ban Don Ta Phet and its Relevance to Problems in the Pre- and Protohistory of Thailand // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. 1980. № 2.
- Glover I.C.* Ban Don Ta Phet: The 1984–1985 Excavation // Southeast Asian Archaeology 1986: Proceedings of the 1st conference of the Association of Southeast Asian Archaeologists in Western Europe. Institute of Archaeology, University College London, 8th–10th September 1986 / Eds I.C. Glover, E. Glover. Oxford, 1990 (BAR; Intern. Ser. 561).
- Glover I.C., Yamagata M.* Excavations at Trà Kiệu, Vietnam 1993: Sa Huyun, Cham and Chinese Influences // Southeast Asian Archaeology 1994: Proceedings of the 5th Intern. Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists, Paris, 24th–28th October 1994 / Ed. P.-Y. Manguin. V. I. Hull, 1998.
- Higham C.F.W.* The Archaeology of Mainland Southeast Asia: From 10 000 B.C. to the Fall of Angkor. Cambridge, 1989.
- Higham C.F.W.* The Bronze Age of Southeast Asia. Cambridge, 1996.
- Higham C.F.W.* Early Cultures of Mainland Southeast Asia. Bangkok, 2002.
- Higham C.F.W., Kijngam A.* The Origins of the Civilization of Angkor. V. 3. The Excavation of Ban Non Wat: Introduction. Bangkok, 2009.
- Higham C.F.W., Kijngam A., Talbot S.* The Origins of the Civilization of Angkor. V. 2. The Excavation of Noen U-Loke and Non Muang Kao. Bangkok, 2007.
- Higham C.F.W., Thosarat R.* Prehistoric Thailand: From Early Settlement to Sukhotai. L., 1998.
- Indonesian Heritage. V. I. Ancient History / Ed. J.N. Miksic. Singapore, 1996.
- Lankton J.* A Bead Timeline. V. I. Prehistory to 1200 CE. Washington, D.C., 2003.
- Lim Yah Chiew.* Five Dynasty Treasures: Chinese Ceramics found in the Indonesian Cirebon Shipwreck: A Talk on Tuesday, 18th May 2010 // http://www.seaceramic.org.sg/events/synopsis_lyc_lecture18may2010.pdf.
- Majumdar R.C.* Ancient Indian Colonies in the Far East. V. I. Champa. Books I–II. Lahore, 1927.
- Malleret L.* L'Archéologie du delta du Mecong. T. I–IV. Paris, 1959–1963.
- Malleret L.* L'Archéologie du delta du Mecong. T. III. Paris, 1962.
- Manguin P.-Y.* Pan-Regional Responses to South Asian Inputs on Early Southeast Asia // 50 Years of Archaeology in Southeast Asia: Essays in Honour of Ian Glover / Eds B. Bellina, E.A. Bacus, T.O. Price, J. Wisseman Christie. Bangkok, 2010.
- Manguin P.-Y., Indrajaya A.* The Archaeology of Batujaya (West Java, Indonesia): An Interim Report // Uncovering Southeast Asia's Past: Selected Papers from the 10th Intern. Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists. The British Museum, 14th–17th September 2004. Singapore, 2006.
- Manguin P.-Y., Indradjaya A.* The Batujaya Site: New Evidence of Early Indian Influence in West Java // Early Interactions between South and Southeast Asia / Ed. P.-Y. Manguin, A. Mani. Singapore, 2011.
- Mathers W., Flecker M.* The Archaeological Excavation of the Java Sea Wreck. Pacific Sea Resources, 1997.
- Miksic I.N.* Research on Ceramic Trade, within Southeast Asia and between Southeast Asia and China // Southeast Asian Ceramics: New Light on Old Pottery. Singapore, 2009.

- Nguyễn Kim Dung, Glover I.C., Yamagata M.* Excavations at Trà Kiệu and Gò Cẩm, Quảng Nam Province, Central Viet Nam // *Uncovering Southeast Asia's Past: Selected Papers from the 10th Intern. Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists. The British Museum, 14th–17th September 2004. Singapore, 2006.*
- Pelliot P.* Le Fou-nan // *Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient. T. 3. 1903.*
- Sjostrand S.* The Wanli Shipwreck and Its Ceramic Cargo. Kuala Lumpur, 2007.
- Southeast Asia: From Prehistory to History / Eds I.C. Glover, P. Bellwood. L., 2004.*
- Southworth W., Prior R.* History and Archaeology at Trà Kiệu // *50 Years of Archaeology in Southeast Asia: Essays in Honour of Ian Glover / Eds B. Bellina, E.A. Bacus, T.O. Price, J. Wisseman Christie. Bangkok, 2010.*
- Stark M.* Some preliminary results of the 1999–2000 archaeological field investigations at Angkor Borei, Takeo Province // *Udaya: Jr. Khmer Studies. 2001. № 2.*
- Stark M.* Pre-Angkorian and Angkorian Cambodia // *Southeast Asia: From Prehistory to History / Eds I.C. Glover, P. Bellwood. L., 2004.*
- Stark M.* Pre-Angkorian Settlement Trends in Cambodia's Mekong Delta and the Lower Mekong Archaeological Project // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. 2006. V. 26.*
- Stark M.T., Griffin P.B., Phoeurn C. et al.* Results of the 1995–1996 field investigations at Angkor Borei, Cambodia // *Asian Perspectives. 1999. V. 38.*
- Stark M., Sanderson D., Bingham R.G.* Monumentality in the Mekong Delta: Luminescence Dating and Implications // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. 2006. V. 26.*
- Schweyer A.-V.* Chronologie des inscriptions publiées du Campā. Études d'épigraphie cam – I // *Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient. 1999. T. 86. Fasc. 1.*
- Vo Si Khai.* The Kingdom of Fu Nan and the Culture of Oc Eo // *Art and Archaeology of Fu Nan, Pre-Khmer Kingdom of the Lower Mekong Valley / Ed. J.C.M. Khoo. Bangkok, 2003.*
- Willets W.* The Ceramic Art of Southeast Asia: Introduction and Descriptive Notes. The Southeast Asian Ceramic Society, First Inaugural Exhibition. Singapore, 1971.
- Yamagata M., Glover I.C.* Excavation at Bửu Châu, Trà Kiệu, Quảngnam-Đà Nẵng Province, Vietnam, 1993 // *Jr. Southeast Asian Archaeol. 1994. V. 14.*
- Yamagata M., Nguyễn Kim Dung.* Ancient Roof Tiles Found in Central Vietnam // *50 Years of Archaeology in Southeast Asia: Essays in Honour of Ian Glover / Eds B. Bellina, E.A. Bacus, T.O. Price, J. Wisseman Christie. Bangkok, 2010.*

Институт востоковедения РАН, Москва

A.O. Захаров

Платонова Н.И. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в. СПб., 2010.

В конце 2010 г. вышла монография Надежды Игоревны Платоновой “История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.”

В последние годы отмечается повышенный интерес к истории археологии. На этом фоне книга Н.И. Платоновой обращает на себя особое внимание как большая обобщающая работа, осветившая разные стороны истории российской археологии. “История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.” – завершение многолетних исследований автора, отдельные положения которых излагались в ранее опубликованных статьях. В качестве источников Надежда Игоревна использовала большой корпус архивных документов, включающий материалы из архивов ФСБ, “вновь открытые” материалы (ныне практически забытые публикации) и даже сведения, полученные во время бесед с родственниками умерших ученых. Полученные данные ей удалось изложить хорошим литературным языком, избежав использования “квaziнаучного воляпюка” (с. 8).

Прежде всего, хотелось бы остановиться на названии монографии. Как нам представляется, Н.И. Платонова осознанно

выбрала достаточно сухое, академическое название, однако в нем ей удалось затронуть не только проблему истории археологической мысли, но и гораздо более широкий круг проблем, связанных со становлением археологической науки в целом. Вынесенный в заглавие период – вторая половина XIX – первая треть XX в. – не просто один из этапов становления археологической науки в России. В середине XIX в. даже сам термин “археология” принимался не всеми. Как заявлял член Общества истории и древностей российских при Московском университете Ю.И. Венелин, наука эта “на чужом языке называется археологией (Ἀρχαιολογία)... Русского названия этой науки нет, ибо ученые, для общего блага, до сих пор думали, что понятнее будет название науки, вымастеренное из какого-либо бусурманского языка, чем русское, и что полезнее, для уразумения онаго имени, заставить юношу коптеть семь лет над еллинским языком, чем, посредством русского слова, дозволять ему понять то в одну секунду” (1847. С. 1).

Именно во второй половине XIX в. происходит формирование и конституирование археологии в стране, определяется ее место в среде исторических дисциплин, объект археологиче-

ских исследований. В первой трети XX в. создаются основные парадигмы современной науки, приобретают законченную форму многие действующие и поныне методы и методики археологического исследования.

Таким образом, автор монографии не просто исследовала отдельный период истории российской археологии, но и детально рассмотрела историю становления отечественной археологии, начиная с ее зарождения и заканчивая превращением в полноценную научную дисциплину.

При этом Н.И. Платонова не стала придерживаться распространённого принципа деления истории науки на периоды до и после 1917 г., продолжив исследование вплоть до начала 1930-х годов на том справедливом основании, что археология в СССР этого времени “неотделима от эпохи так называемого Серебряного века в России” и уходит корнями в русскую научную мысль и культуру предшествующего периода (с. 215). Более того, автор старалась проследить преемственность в археологической науке и в 30-е годы XX в., когда “на первый взгляд зияет только ее разрыв” (с. 262), а в ряде случаев обращалась и к событиям конца XX в.

С другой стороны, Н.И. Платонова рассматривала не только вопросы формирования и развития различных методов и методик археологической науки, но и совершенно справедливо выходила за границы очерченной в заглавии проблематики, освещая историю жизни и взаимоотношений с коллегами того или иного исследователя. Без этих, казалось бы второстепенных по отношению к заявленной теме подробностей, порой невозможно понять поступки ученых, максимально объективно оценить результаты их деятельности.

В этом контексте вспоминаются слова графа А.А. Бобринского, произнесенные в 1917 г. при завершении работы на посту главы Императорской Археологической комиссии (ИАК): “Люди знаний, светила науки по той или другой отрасли – неопределимы в своей научной сфере, но ... научные споры зачастую переносятся на личную почву и вредят совместной работе. Во главу комиссии следует поставить лицо, умеющее ладить со своеобразной психологией научных специалистов” (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 24).

Не меньшее значение имеют экскурсы автора в историю формирования и функционирования археологических учреждений России, учет социальных, политических и даже географических факторов, влиявших на их деятельность. Интересны разделы, посвященные первым годам советской власти, бюрократически-административным трансформациям, происходящим с археологическими учреждениями царской России в это время, сопровождающиеся тонким анализом личных качеств фигурантов и обстановки в стране.

Нельзя не отметить детально проработанную структуру работы: каждая из семи глав состоит из разделов и подразделов, раскрывающих те или иные аспекты определенной проблемы. При этом некоторые главы содержат до 9, а с учетом подразделов – до 19 разделов. Это зримое свидетельство того, что автор выработала детально структурированное представление не только об этапах формирования археологической науки, но и о процессе развития каждого из ее направлений.

Н.И. Платоновой выделено две “концептуальные платформы” в археологии: “гуманитарная или историческая” и “естествоведческая или антропологическая”. По ее мнению, середина и вся третья четверть XIX в. представляют собой период тесного сотрудничества представителей гуманитарных знаний с естествоиспытателями. Резкое разделение этих научных платформ происходит лишь в последней четверти – конце XIX в. (с. 71).

Сами научные “платформы” автор воспринимает не как однозначные концепции, а как “системы” научных и философских взглядов (с. 42), включающие различные направления и школы.

Так, в составе “гуманитарной платформы” (“цикла”) выделяются два основных направления – “историко-культурное” и “художественно-историческое”, а также так называемый скандинавский подход, в основе которого лежат представления об эволюции культуры во времени, оказавший существенное влияние на большинство российских археологов.

По мнению Н.И. Платоновой, хронологически наиболее ранним в российской археологии было художественно-историческое направление (в XVIII в.), опиравшееся на “винкельмановские” традиции и ставившее своей целью изучение отдельных артефактов. Н.П. Кондаков, наиболее яркий российский представитель этого направления, и его ученики разработали изощренную методику анализа вещественных источников, разделение понятий культуры и этноса.

Главная заслуга представителей историко-культурного направления (И.Е. Забелин, А.С. Уваров, Д.Я. Самоковасов и др.), по мнению автора, – изучение комплексов находок и контекста их нахождения (с. 78, 79).

Н.И. Платонова доказывает, что история развития различных течений в рамках гуманитарной платформы на рубеже XIX–XX вв. привела к пониманию необходимости объединения различных школ. Это нашло отражение в деятельности А.А. Спицына, стремившегося синтезировать традиции школы Н.П. Кондакова и достижения И.Е. Забелина, А.С. Уварова и их последователей в области “бытовой” археологии (с. 99–112).

Естествоведческий подход к археологическим памятникам представлен в конце XIX – начале XX в. “палеоэтнологической школой”, зародившейся в среде университетских ученых-естественников А.П. Богданова, Д.Н. Анучина, Ф.К. Волкова.

Главным объектом исследования этой школы были палеолитические и неолитические памятники. Как считает автор, конец XIX в. не принес популярности археологам, исследовавшим стоянки каменного века. “Магистральный путь развития русской археологии рубежа XIX–XX вв. оставлял науку о первобытности в стороне”. Это положение Н.И. Платонова объясняет давлением со стороны идеолого-клерикальных кругов царской России, “политической реакцией” (с. 148), проявлявшейся в том числе в отсутствии финансовой поддержки раскопок стоянок каменного века.

Давление церковных норм на научные построения многих археологов несомненно. А.А. Бобринский в записных книжках начала XX в. пытался путем логических рассуждений и лингвистических штудий соотнести положения Библии с данными археологии (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 620. Л. 122–128об.). Но переоценивать его не стоит. Тот же А.А. Бобринский, начиная с 1860-х годов, весьма внимательно изучал геологию, включая динамическую геологию, кристаллографию, теорию оледенений (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 309. Л. 1–47). Занятия такого рода не были чужды ему и на рубеже XIX–XX вв. (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 1–56). Отделение “первобытных древностей” включалось в состав всех 15 археологических съездов. Представляется, что известная отчужденность первобытной археологии конца XIX в., о которой говорит Н.И. Платонова, объясняется, прежде всего, довлеющими среди большинства российских археологов, в первую очередь членов ИАК, традициями классической археологии и определенной административной отчужденностью ученых-естественников от гуманитарного мира.

Однако уже в 20-х годах XX в. научные принципы и методы полеознотологов начинают распространяться на все разделы археологии (с. 162, 163, 196, 224).

Приведенные выдержки из монографии Н.И. Платоновой показывают, что автор стремится не просто проанализировать взгляды представителей тех или иных платформ, школ или направлений, но и проследить их взаимовлияние и изменение во времени. Динамике тех или иных процессов в российской археологии Н.И. Платоновой уделяется особое внимание.

Анализируя этапы развития отечественной археологии, автор, в отличие от многих исследователей, не склонна жестко хронологически их ограничивать, предпочитая находить в их истории определенный параллелизм. Н.И. Платонова утверждает, что “развитие *общих представлений* об археологии в русской и зарубежной науке второй половины XIX в. шло, в целом, синхронно... на Западе, как и у нас, параллельно существуют самые различные позиции, и археология трактуется специалистами в широком диапазоне – от археологии как *истории искусств* до археологии как *науки о вещественных памятниках древности* и археологии первобытной – *доистории*, являвшейся уделом ученых-естественников” (с. 91, 92).

Эти положения представляются совершенно справедливыми. Но подобные утверждения не сформулированы автором как одни из основных выводов работы, а рассыпаны по тексту. Рецензенту представляется, что это обстоятельство следовало выразить более определенно, по крайней мере, отметить его в “Заключении” как одно из принципиальных положений монографии. Тем более что рецидивы архаичных представлений об археологии были характерны для российской археологической науки, по крайней мере, до 1917 г. Как заявлял глава ИАК А.А. Бобринский: “археология существует не для изучения разбитых черепков: впереди ее лежит весьма серьезная цель. Задача этой науки состоит в изучении истории искусства...” (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 170. Л. 4). Аналогичной позиции придерживался и И.И. Толстой-старший, известный археолог, нумизмат, знаток живописи, вице-президент Академии художеств, секретарь и помощник председателя Российского археологического общества (РАО), старший член ИАК.

Анализируя действия того или иного ученого, Н.И. Платонова нередко приходит к выводам, противоречащим устоявшимся представлениям. Можно упомянуть о Н.П. Кондакове, которого воспринимают как символ узкого искусствоведческого “вещеведения”. Автор путем скрупулезного анализа опровергает ложное мнение о методологических предпочтениях ученого, справедливо провозглашая его “ведущим и самым серьезным теоретиком археологии в России конца XIX в.”, научно обосновавшим “необходимость... изощренной методики для работы с вещественными источниками” (с. 88). Не менее неожиданным выглядит утверждение автора о А.А. Спицыне, предстающим на страницах монографии не традиционным “вещеведом”, а вполне сформировавшимся теоретиком, со своими взглядами, мнениями, способным критически оценивать европейские достижения в приложении к российской археологии (даже утверждения патриарха археологической науки О. Монтелиуса). По мнению Н.И. Платоновой, именно А.А. Спицыну принадлежит осознанное применение термина “культура”, приоритет в формировании понятий “материальная культура” и “история материальной культуры”, утвердившихся в науке значительно позже (с. 103, 106).

Поддерживая тезис Н.И. Платоновой о графе С.Г. Строганове как об ученом, “знатоке искусства, в том числе древнерусского, обладавшем в этой области очень широким

кругозором”, а не просто просвещенном вельможе, можно добавить, что Сергей Григорьевич детально интересовался не только древнерусским искусством: в его библиотеке имелось британское издание 1804 г., посвященное раскопкам в Индии (РГАДА. Ф. 1478. Оп. 4. Д. 1098). Конечно, трудно представить, что Сережа Строганов в 10 лет штудировал труды британских археологов, но то, что уже в юности, когда большинство его ровесников мечтало о военной карьере, он проявил интерес к древностям, – несомненно.

Трудно не согласиться с автором монографии в оценке политических пристрастий Н.Я. Марра. Н.И. Платонова совершенно справедливо опровергает устоявшееся в литературе мнение об академике как о приверженце “левых взглядов”, якобы послуживших причиной его успешной карьеры при советской власти (с. 227). Николай Яковлевич, как и многие его коллеги, до последних дней царствования Романовых поддерживал престиж царской власти. Принимая участие в работе “Совещания по вопросу о положении русского дела в Святой Земле по окончании мировой войны” под руководством председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, Н.Я. Марр на заседании 20 января 1917 г. провозгласил, что “в Палестине или в ином месте, мы должны отстаивать без смущения свои исторически сложившиеся объективно беспорочные права”, которые, по словам ученого, персонализируются с правами русского самодержца (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/2. Д. 6. Т. 2. Л. 266–276).

Н.И. Платонова специально останавливается на вопросах общественной подосновы развития “национальной археологии” в России второй половины XIX в., посвящая им Раздел 3.2, в котором утверждает, что «перманентное ощущение “национальной уязвленности” русских дает себя знать в трудах русских ученых на протяжении всей второй половины XIX в.... Их главный смысл можно выразить двумя фразами. Да, сейчас мы еще не дошли до понимания, каким народам принадлежат эти первобытные памятники и какое они могли иметь влияние на “последующих насельников России”. Но то, что Россия в древности не была “пустым местом”, очень важно для русского самосознания» (с. 46). Далее автор справедливо пишет, что «историко-бытовое направление, изначально возникшее в рамках гуманитарного подхода, достаточно часто отождествлялось в отечественной историографии с собственно “национальной” археологией... в 1870–1880-х гг... стало в России доминирующим» (с. 78). Н.И. Платонова во многом отождествляет этот период с деятельностью А.С. Уварова и И.Е. Забелина, обративших пристальное внимание на древности “внутренней” России. И это совершенно справедливо. Однако представляется, что активизация “национальной” археологии определяется не только внутринаучными причинами и комплексом “национальной уязвленности”.

Пик интереса к изучению древностей внутренних земель Российской империи приходится на начало 80-х годов XIX в. В это время заканчивается эпоха активной экспансионистской внешней политики, последним аккордом которой стало присоединение Средней Азии. Победоносные действия российских войск в Туркестане вызвали всплеск патриотизма и гордости за российского солдата. Россия находилась на пике своего могущества. Трудно представить, что в такой атмосфере чувство “национальной уязвленности” было столь сильным, что могло влиять на развитие научной мысли в стране.

В российском обществе тех лет господствовало представление о том, что образование государственной территории Российской империи завершено (Котляревский, 1908. С. 47–52; Меньшиков, 1999. С. 341). Постоянное расширение границ страны, происходившее в XVIII–XIX вв., сформировало в со-

знании российской правящей элиты и представителей интеллигенции понятие культурно-исторического ядра империи и его периферии. Член Государственного совета барон А.П. Николаи писал по этому поводу в 1882 г.: “Российская империя состоит из двух органических элементов: коренного русского государства, сердцевины империи, ее ядра, обнимающего то большинство населения, которое принадлежит русско-славянскому племени, и из разнородных, одновременно присоединенных инородческих и иноплеменных окраин: Царство Польское, Прибалтийский край, Финляндия, в большой мере Сибирь, Туркестанский край, Кавказ и Закаспийский край” (Кэмпбелл, 2001. С. 206, 207).

В те годы доктринально оформляется концепция национальной русской империи, Александром III предпринимаются усилия по консолидации “русского” этнического ядра. “Внутренние губернии” представлялись правительством как опора процесса обрусения империи. Историк М.О. Коялович писал в конце XIX в.: “...внутренняя Россия, населенная цельным русским народом, есть зерно России и в смысле историческом, и в смысле этнографическом... Для понимания жизни какой бы то ни было окраинной русской области нужно понять прежде всего это именно зерно России, из которого выросли и исходят русская сила и жизнь во все эти окраины” (1997. С. 488).

Настал период изучения “срединных” земель государства, исторического ядра империи, из коего произросла могучая евразийская держава. Интерес общества переключился от древностей Причерноморья и новых азиатских владений к прошлому центральных губерний России, начал формироваться интерес к познанию истории малой родины. Именно к последней четверти XIX в. относится появление и взрывообразный рост количества губернских ученых архивных комиссий, первых массовых общественных научных обществ России. Одновременно возникали и многочисленные провинциальные археологические, церковно-археологические и краеведческие общества. К этому времени относится расцвет деятельности археологических съездов, пик их популярности в провинциальных научных обществах.

Институт археологии РАН, Москва

Мощное общественное движение, совпавшее с устремлениями династии, активно стимулировало интерес ученых к древностям центральных губерний России.

Не подлежит сомнению, что монография Н.И. Платоновой – серьезный вклад в такое направление археологической науки, как история археологии, чье активное формирование происходит на наших глазах. Широта охвата материала, скрупулезный анализ источников, доказательность выводов и оригинальность обобщений – несомненная заслуга Надежды Игоревны, не ограничившейся одними узкопрофессиональными аспектами темы, а рассмотревшей проблему на фоне российской и европейской культурных традиций, “всего комплекса научного и культурного строительства” (с. 68). Отдельные уточнения рецензента, который в силу собственных интересов сосредоточился на эпизодах до 1917 г., говорят лишь о разнице в видении и трактовке некоторых событий, нисколько не умаляя значимость работы. Надежда автора на то, что ее труд “будет не бесполезен для всех, кто хоть сколько-нибудь интересуется историей России и ее культуры” (с. 262), вполне оправдана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Венелин Ю.И.* Мысли об истории вообще и русской в частности, и о времени рождения названий: греческое, латинское, немецкое, русское или гражданское, славянское или церковное письмо. М., 1847.
- Котляревский С.А.* Два мирозерцания // Московский еженедельник. 1908. № 11 (11 марта).
- Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997.
- Кэмпбелл Е.И.* “Единая и неделимая Россия” и “Инородческий вопрос” в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.
- Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. М., 1999.

А.С. Смирнов

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ XXVI “КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ” ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА. МАГАС, 2010 г.

26–29 апреля 2010 г. в с. Армхи Республики Ингушетия (РИ) прошли очередные XXVI “Крупновские чтения”. Они были подготовлены Оргкомитетом, возглавляемым заместителем Председателя Правительства РИ М.-С. Аушевым, при участии Постоянного координационного совета Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа (МНКАСК) “Крупновские чтения” (председатель – д.и.н. М.Х. Багаев).

В работе этого авторитетного кавказоведческого форума приняли участие делегации из городов Северо-Кавказского и Южного федеральных округов Российской Федерации (РФ): Азова, Армавира, Владикавказа, Грозного, Кисловодска, Краснодара, Новороссийска, Магаса, Махачкалы, Минеральных Вод, Нальчика, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Черкесска; из других субъектов РФ: Владимира, Воронежа, Йошкар-Олы, Оренбурга, Москвы и Московской обл., Санкт-Петербурга; а также из Сухума (Абхазия), Киева, Одессы, Судака (Украина), Берлина (Германия), Братиславы (Словакия), Канн и Парижа (Франция).

К началу работы конференции был опубликован сборник тезисов, включающий материалы 137 докладов и сообщений, подготовленных более 150 авторами. Приоритетной темой стали вопросы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа.

Всего на конференции было заслушано 83 доклада. Рассматривались проблемы, затрагивающие исторические процессы, протекавшие на Кавказе, и их взаимосвязь с регионами Восточной и Западной Европы, Переднего Востока, Средней Азии и Сибири с эпохи энеолита до позднего средневековья включительно.

Торжественное открытие конференции и пленарное заседание состоялось 27 апреля в Доме культуры с. Джейрах. Открытие проходило при участии Президента РИ Ю.-Б.Б. Евкурова, первого заместителя Председателя Правительства РИ М.-С.А. Аушева, министра культуры РИ Я.С. Патиева и других официальных лиц. На церемонии присутствовали представители научной и творческой интеллигенции республики, журналисты.

Заседание открыл председатель Постоянного координационного совета “Крупновских чтений” М.Х. Багаев. Он отметил, что конференция впервые проходит на территории Ингушетии, археологическому изучению которой Е.И. Крупнов посвятил многие годы своей научной деятельности. Докладчик кратко остановился на истории конференции, поприветствовал иностранных гостей, а также выразил благодарность от лица участников форума руководству РИ, приложившему большие усилия для подготовки и проведения конференции.

От имени правительства с приветственным словом к участникам обратился министр культуры РИ Я.С. Патиев. Он отметил символичность и важность проведения данного форума на земле ингушского народа, изучению древней культуры и

истории которого посвятил свои исследования Е.И. Крупнов. Я.С. Патиев пожелал всем участникам конференции активной и плодотворной работы и выразил уверенность в том, что XXVI “Крупновские чтения” пройдут на высоком научном и организационном уровне.

С.Н. Савенко и С.Н. Корневский зачитали поздравления, поступившие от семьи Е.И. Крупнова, его учеников – Р.М. Мунчаева и И.М. Чеченова, коллег из Дагестанского научного центра РАН – Х.А. Амирханова и М.С. Гаджиева, Государственного Эрмитажа – Ю.Ю. Пиотровского. В.С. Патрушев выразил благодарность от имени научной общественности Республики Марий Эл за приглашение участвовать в конференции.

Были заслушаны доклады археологов М.Б. Мужухоева (Магас) “Выдающийся советский археолог-кавказовед Е.И. Крупнов и актуальные проблемы истории Кавказа” и У.Б. Гадиева (Магас) “Е.И. Крупнов и археологические памятники Ингушетии”, посвященные бесценному вкладу Е.И. Крупнова в изучение археологических памятников и материальной культуры Ингушетии и Северо-Кавказского региона в целом. В докладах было отмечено, что работы ученого, посвященные кобанской археологической культуре, очень важны при исследовании проблем этногенеза народов Северного Кавказа.

В выступлении В.А. Кузнецова (Минводы) “О создании национального парка РФ на территории Карачая” были затронуты проблемы организации и деятельности национальных парков, музеев, заповедников с целью охраны археологического наследия. Особое внимание было уделено необходимости предпринять усилия по сохранению уникального аланского городища Нижний Архыз.

А.В. Пьянков посвятил доклад, подготовленный совместно с Е.А. Хачатуровой (Краснодар), проблеме хронологии Убинского могильника с учетом вновь обнаруженных архивных материалов. Г.Д. Атаев (Махачкала) представил свое исследование по периодизации и хронологии каякентско-хорочоевской культуры, в которой выделил три фазы.

В перерыве пленарного заседания для гостей и участников форума был организован концерт, на котором выступили лучшие танцевальные коллективы республики, а также мастера вокального жанра.

В фойе Дома культуры с. Джейрах и в здании санатория “Армхи” для делегатов конференции была организована выставка работ известных ингушских художников и произведений мастеров декоративно-прикладного искусства. Никого не оставила равнодушным фотовыставка “Археологические и этнографические экспедиции в горной Ингушетии в XX в.”, представившая редчайшие фотографии архитектурных и археологических объектов республики.

В последующие дни конференция проходила в Джейрахском ущелье на туристической базе “Армхи”. Перед началом секционных заседаний участники XXVI “Крупновских чтений” встретились с Президентом РИ Ю.-Б.Б. Евкуровым.

В своем выступлении он отметил важность проведения конференции на территории республики в непростое для нее время. Президент также поблагодарил участников и заявил, что руководство Ингушетии готово всемерно поддерживать научные исследования, направленные на изучение истории региона.

Во второй половине первого дня (27 апреля) участники конференции продолжили заседания по трем секциям. Всего в ходе работы конференции было заслушано 77 докладов и сообщений: 15 – на секции каменного века и бронзы, 26 – на секции раннего железного века, 36 – на секции средневековья.

27 апреля на секции каменного века и бронзы было заслушано шесть докладов. С.Н. Корневский (Москва) представил результаты своих исследований по проблемам радиоуглеродной хронологии памятников энеолита–раннего периода бронзового века Кавказа в сравнении с хронологией памятников Переднего Востока и Подунавья. Большой интерес вызвал совместный немецко-российский доклад К.-У. Хойснера (Берлин), А.Б. Белинского (Ставрополь) и С. Райнхольд (Берлин) “Образцы древесины с археологических и архитектурных памятников – архивы и датировки для экоистории”, продемонстрировавший большой потенциал дендрохронологии для северокавказской археологии, а также представивший методику и первые результаты работ. Доклад был повторно озвучен на секции средневековья 28 апреля. Исследование Н.Л. Моргуновой (Оренбург) “О хронологическом соотношении и культурных связях майкопской и ямной культур” касалось возможностей интерпретации накопившихся радиоуглеродных дат волжско-уральского региона и памятников майкопской культуры. Совместный доклад А.Р. Канторовича, В.Е. Маслова и В.Г. Петренко (Москва) «Погребения майкопской культуры кургана 1 могильника “Марьинская-5”» осветил результаты исследований серии майкопских погребений, охватывающих широкий хронологический диапазон. Основное раннемайкопское погребение было совершено в наземной каменной конструкции, остальные относились к долинскому варианту Майкопско-новосвободненской общности (МНО). В одном из них впервые были обнаружены *in situ* на черепе быков так называемые майкопские псалии, оказавшиеся важнейшими элементами недоуздки упряжных быков. А.В. Шишлов, А.В. Колтакова и Н.В. Федоренко (Новороссийск) представили результаты исследований поселения майкопской культуры у ст. Натухаевская. С.Б. Бурков (Владикавказ) в своем сообщении дал предварительный анализ погребений энеолита, энеолитических традиций и МНО с территории среднего течения р. Сунжа, изучавшихся экспедицией Археологической лаборатории Чечено-Ингушского государственного университета (АЛ ЧИГУ) в 1986 и 1988–1991 гг. На основании стратиграфии курганов автор сделал культурно-хронологическую интерпретацию погребений.

После докладов развернулась дискуссия о возможностях и погрешностях радиоуглеродной датировки по керамике и другим материалам, в которой приняли участие С.Н. Корневский, Н.Л. Моргунова и А.Б. Белинский.

28 апреля на секции каменного века и бронзы было сделано 10 докладов. З.Х. Албегова (Царикаева) в совместном с Н.А. Цветковой (Москва) и А.В. Борисовым (Пушино) докладе “Поселение Чидгом – новый памятник ранней–средней бронзы в Северной Осетии: предварительные итоги исследований” представила результаты спасательных работ 2007–2008 гг. в зоне сооружения водохранилища Зарамагских ГЭС (Алагирский р-он Республики Северная Осетия – Алания). А.И. Джоуа (Сухум) в докладе “Бронзолитетная печь на холме Верещагина” представил материалы поселения, на котором была обнаружена бронзолитетная печь, датирующаяся IX–VIII вв. до н.э., что подтверждается данными радиоугле-

родного анализа, проведенного в лаборатории г. Киев. Доклад Г.А. Сангулия (Сухум) “Позднебронзовый (древнеколхидский) горизонт Абхазии” был посвящен разделению памятников поздней бронзы и раннего железа на территории Абхазии и носил дискуссионно-теоретический характер. Т.Н. Мишина (Москва), Р.Г. Магомедов, А.Л. Будайчиев (Махачкала) представили результаты охранно-спасательных работ на куро-аракском поселении Ново-Гапцах в Южном Дагестане в 2009 г. М.В. Власкин и С.А. Науменко (Ростов-на-Дону) на материалах раннекатакомбного погребения могильника “Красный IV” с прекрасно сохранившейся органикой реконструировали обряд замены черепа погребенной имитацией головы в виде набитого соломой кожаного мешочка. Авторы полагают, что данный обряд мог быть распространен на раннем этапе катакомбной культуры Нижнего Дона. С.Е. Жеребилов (Ростов-на-Дону) в докладе “Закатное I – памятник дереивско-константиновского пограничья в Нижнем Подонцовье” дал описание памятника и интерпретацию его исторического контекста.

Новые результаты исследований поселений эпохи поздней бронзы с монументальной каменной архитектурой на высокогорных плато к югу от Кисловодска были представлены А.Б. Белинским (Ставрополь), С. Райнхольд (Берлин) и Д.С. Коробовым (Москва). Авторами было прослежено развитие культуры, выразившееся в совершенствовании приемов архитектуры и керамического производства в период с XVI в. до н.э. и на протяжении, по крайней мере, пяти веков. Доклад был представлен 28 апреля и на секции раннего железного века, где вызвал дискуссию о возможности выделения на Кавказе для эпохи поздней бронзы–раннего железа новых археологических культур. Доклады А.П. Мошинского (Москва) и Х.В. Чшиева (Владикавказ) были также зачитаны на двух секциях: каменного века и бронзы и раннего железного века. А.П. Мошинский рассказал об историографии изучения памятников, предшествующих кобанской культуре, и остановился на проблеме выделения дигорской культуры. По его мнению, для всей эпохи, предшествующей кобанской культуре, может быть предложен термин “предкобанская эпоха”, термин же “протокобанский” может применяться только для памятников позднего этапа предкобанской эпохи. Х.В. Чшиев рассмотрел одну из интересных категорий погребального инвентаря данной эпохи – клювовидные секиры из Адайдонского могильника. При обсуждении последнего доклада на секции раннего железного века выступающие отметили неправомерность отнесения протокобанской эпохи к кобанской культуре. Завершил работу секции доклад А.Н. Черкасова (Москва), в котором автор представил результаты раскопок дольмена № 19 курганно-дольменного комплекса Крученая Щель-I (Абинский р-он Краснодарского края). Внутреннее пространство дольмена было вторично использовано в IV в. до н.э. для совершения погребения.

На секции раннего железного века 27 апреля было заслушано шесть докладов. А.Ю. Скаков (Москва), проанализировав серию крестовидных подвесок Кавказа эпохи раннего железа, выделил три основных типа, определил географию распространения и сделал вывод о различной хронологической позиции типологически сходных крестовидных подвесок в разных районах кобано-колхидской культурно-исторической общности. Е.Е. Васильева (Санкт-Петербург) продемонстрировала новые находки из кобанского могильника VII – начала V в. до н.э. Кичмалка II в Кабардино-Балкарии, на котором в 2007–2009 гг. было исследовано 27 кобанских погребений. Интерес вызвал доклад Т.В. Рябковой (Санкт-Петербург), предложившей классификацию предскифских и раннескифских изображений с ромбовидными знаками. Анализ серии, состоящей более чем из 200 предметов, позволил выделить четыре основных мотива. Докладчик намеренно отказался от хронологиче-

ских построений, отметив их дискуссионность. *А.А. Горбенко* и *В.М. Косяненко* (Азов) в своем докладе остановились на хроноиндикаторах конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. из могильника Крепостного городища: светлоглиняных узкогорлых амфорах с двустольными ручками, некоторых типах краснолаковой керамики, зеркал, пряжек, фибул, подвеске из египетского фаянса. *А.Е. Безматерных* (Краснодар) рассказал о новых находках амфорной тары III в. до н.э. – III в. н.э. при шурфовке рядом с городищем Голубицкое в Темрюкском р-не. *А.А. Васильев* (Одесса) посвятил свой доклад хорошо известным удилам из позднесарматского княжеского погребения у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии, датировав его концом III – началом IV в.

28 апреля на секции раннего железного века прозвучало 18 докладов. В своем выступлении *В.С. Патрушев* (Йошкар-Ола) проанализировал многочисленные металлические изделия северокавказского происхождения, найденные в Марийском Поволжье. Сравнительный анализ позволил скорректировать хронологические схемы, созданные для памятников этих двух регионов, сузить даты комплексов погребений. При этом было отмечено, что у населения, оставившего Старший Ахмыловский могильник в Марийском Поволжье, привозные кобанские изделия имели зачастую иное назначение, чем на своей исторической родине. *О.А. Брилева* (Москва) посвятила свой доклад элементам мужского и женского костюмов на антропоморфной пластике Кавказа XV–IV вв. до н.э. При обсуждении доклада А.Ю. Скаковым были высказаны некоторые критические замечания, связанные с неправомерностью употребления терминов “памятники Иберии” и “памятники Армянского царства” по отношению к древностям X–V вв. до н.э. *Г.Н. Вольная* (Владикавказ) в своем докладе выделила пять стилистических традиций изображения фигуры хищной птицы с распахнутыми крыльями на территории Центрального и Северного Кавказа раннего железного века. Автор попыталась дать историческую интерпретацию причинам распространения подобных изображений. Доклад вызвал ряд критических замечаний, обусловленных в первую очередь спорностью ряда датировок, приведенных докладчиком. Доклад *А.А. Сланова* и *А.Х. Сланова* (Владикавказ) был посвящен обнаруженным во 2-м Кливанском могильнике боевым ножам, нехарактерным для Центрального Кавказа позднекобанского времени. Датированные по сопутствующему инвентарю IV–III вв. до н.э., они находят многочисленные аналогии в средиземноморских памятниках этого времени. Появление на Кавказе данного вида вооружения авторы связывают с походами Александра Македонского. *В.Р. Эрлих* (Москва) в докладе, сделанном в соавторстве с *А.А. Нехаевым*, ввел в научный оборот два кургана эпохи скифской архаики у хут. Говердовский в Адыгее, раскопанные в 1985 г. По ряду признаков курганы были отнесены к ритуальным комплексам меотской культуры. *И.В. Ксенофонтова* (Москва) посвятила свой доклад золотым нашивным бляшкам Уляпского могильника, происходящим из комплексов IV в. до н.э. По сюжетным линиям и формам автором было выделено 30 типов бляшек. Очевидно, что в Уляпе представлены две серии, изготовленные в разных мастерских и, вероятно, в разное время. находка двух бронзовых ювелирных штампов дает основание полагать, что подобные украшения могли изготавливаться в мастерских Кубани, а не Боспора, как считалось ранее. *Е.С. Дзгеладзе* в своем докладе, сделанном в соавторстве с *А.В. Симоненко* (Киев), остановилась на связях Северного Причерноморья и Закубанья в эпоху позднего эллинизма. Они были проанализированы на примере крупных бусин-амулетов, входивших в конскую узду и снаряжение воина. *Н.Ф. Шевченко* (Краснодар) представил яркий комплекс второй половины II в. до н.э. с погребением человеческого черепа и лошади (“полукенотаф”) из грунтового могильника Мезмай I в высокогорной части Ап-

шеронского р-на. Доклад *М.А. Бакушева* (Ростов-на-Дону) был посвящен интерпретации сосудов с гальками и цепями внутри, найденных на территории Прикаспийского Дагестана. Автором были проведены параллели с находками подобных сосудов на Западном и Центральном Кавказе и сделан вывод о проникновении данного обряда на территорию Дагестана вместе с группировкой сарматских племен. В докладе *М.А. Бакушева* (Ростов-на-Дону) и *Ш.О. Давудова* (Махачкала) обобщались и анализировались имеющиеся на сегодняшний день находки сосудов с ручками в виде выступающих голов баранов, относящиеся к позднесарматскому времени. На основании анализа был сделан вывод о принадлежности сосудов к культовой посуде и указано направление распространения данной керамической (а возможно, и религиозной) традиции: с территории Иранского нагорья через Закавказье в Прикаспийский Дагестан. *В.А. Саидов* (Махачкала) посвятил свой доклад длинным мечам с “каменными” навершиями, найденным на территории Дагестана (12 экз.). По мнению докладчика, время бытования этих мечей в памятниках Дагестана приходится и на V–VI вв. Доклад вызвал ряд вопросов и оживленную дискуссию. *Е.Г. Яценко* (Ростов-на-Дону) остановилась на стеклянных сосудах II – середины III в. из раскопок Танаиса. Анализ коллекции стеклянной посуды позволил автору присоединиться к существующим выводам о направлениях торговых связей Танаиса в I–III вв. *В.Ю. Малашев* (Москва) в своем докладе проанализировал погребальный обряд и хронологию опорных для территории Прикаспийского Дагестана памятников первой половины I тыс. н.э. – Львовских могильников и некрополя Паласа-сырт. Автор обосновал выделение этих памятников в самостоятельную культурную группу в системе древностей восточноевропейской степи и Северного Кавказа позднесарматского времени и наличие в них двух культурных компонентов: традиций среднесарматской и аланской культур Северного Кавказа. Было отмечено, что, по всей видимости, именно носители среднесарматской культуры и их потомки сыграли определяющую роль в культурно-исторических процессах первой половины I тыс. н.э. на равнинной части Центрального и Северо-Восточного Кавказа. *С.Ю. Фризен* (Москва) представил доклад о краниологических материалах могильника Паласа-сырт. *С.М. Перевалов* (Владикавказ) посвятил свой доклад ряду дискуссионных проблем современного сарматоведения, вступив в заочную полемику с А.В. Симоненко. Основным предметом спора стала гипотеза о существовании “сарматской посадки” с двуручным хватом пики. При этом полемика велась и о методологии исследования: возможно ли всецело полагаться только на данные письменных источников или же отдавать приоритет археологическим.

29 апреля на заключительном заседании секции раннего железного века было сделано два доклада. *А. Козубова* (Братислава) в докладе “Погребения раннего железного века с боевыми топорами из Карпато-Подоунавья и Северного Кавказа (сравнительный анализ)” предложила культурно-пространственный анализ находок железных боевых топоров в памятниках культур и культурных групп с кочевническими элементами восточной части Карпатской котловины и нижнего течения р. Дунай. Автор проанализировала и находки железных топоров в синхронных погребальных комплексах Северного Кавказа. *Е.И. Нарожный* (Армавир) в соавторстве с *С.Н. Савенко* (Ставрополь) представил предварительные результаты работ на кобанском поселении Кишпек-2 в Кабардино-Балкарии, предварительно датированном VII в. до н.э. Выявлены остатки жилых построек, хозяйственные ямы различных форм, площадки непонятного назначения из речного булыжника, клад бронзовых серпов.

Работа секции средневековья началась 27 апреля с обсуждения восьми докладов. *В.А. Бабенко* (Ставрополь) представил материалы из раннекочевнических погребений с территории Ставрополя. Обобщение диссертационных исследований о военном деле средневекового населения Северного Кавказа было подготовлено *И.И. Басовым* (Армавир). Большой интерес и бурную дискуссию вызвала серия докладов, посвященных средневековым архитектурным памятникам Северного Кавказа, подготовленных *Д.В. Белецким* и *А.Ю. Виноградовым* в соавторстве с *Л.Д. Мазур* (Москва). Докладчики проанализировали росписи и граффити Шоанинского храма, резные блоки из храма Тхаба-Ерды, а также информацию о Сентинском храме, сохранившуюся в дневниковых записях *А. Фирковича*. Особенно ценным представляется то, что анализ авторы основывают на собственных полевых исследованиях упомянутых выше памятников, проведенных в последние годы. Предложенные оригинальные датировки и интерпретации рассмотренных шедевров архитектуры вызвали возражения у аудитории. В последовавшей дискуссии выступали *Е.А. Армарчук*, *В.Б. Бесолов*, *В.А. Кузнецов*, *А.А. Сланов*, *С.Н. Савенко* и *Л.Г. Хрушкова*. Доклад *Т.А. Габуева* (Москва) был посвящен анализу культурной атрибуции золотых предметов V в. н.э. из кургана 2 могильника Брут 1 из Северной Осетии. Автор сделал вывод, что две стилистические особенности, характеризующие полихромный стиль (сочетание на одном предмете инкрустаций в отдельно напаянных гнездах и в перегородках (стиль клуазоне) и сочетание клуазоне с зернью), могут свидетельствовать о производстве вещей в Иране. Историкографический доклад *А.А. Цуцьева* (Владикавказ) явился обобщением сведений о работе Императорской археологической комиссии (ИАК) и Московского археологического общества (МАО) в Терской обл. во второй половине XIX в. В докладе *Е.Ю. Ендольцевой* (Санкт-Петербург) анализировалось рельефное изображение креста мальтийского типа, хранящееся в Абхазском государственном музее (Сухум). Автор сопоставила данное изображение с иллюстрацией пророчества Исаяи и датировала его первой половиной XI в.

Работа секции средневековья 28 апреля, в ходе которой было обсуждено 20 докладов, началась с доклада *С.Н. Савенко* (Пятигорск) “Еще раз о роли Д.М. Струкова в исследованиях средневековых памятников Северного Кавказа”. Докладчиком были проанализированы известия о посещении Д.М. Струковым Нижнего Архыза в 1888 и 1890 гг. и его работы по составлению альбома изображений находящихся там храмов. В докладе *М.М. Казанского* (Париж) и *А.В. Мастыковой* (Москва) были затронуты вопросы хронологии престижного оружия и конского снаряжения “шиповского” горизонта на Северном Кавказе. *А.В. Мастыкова* (Москва) в отдельном докладе рассмотрела хронологические индикаторы в женском костюме Центрального Предкавказья в постгуннское время. Совместный доклад *Д.С. Коробова* (Москва) и *А.В. Борисова* (Пушино) был посвящен итогам почвенно-археологического исследования древнего и средневекового земледелия в Кисловодской котловине, в ходе которого было выделено три типа земледельческих угодий (отдельные крупные террасы на крутых склонах, каскады из узких невысоких террас на пологих склонах и участки с межевыми границами на выположенных мысах), существовавших в разные хронологические периоды и связанных с разными способами обработки земли. Данное исследование дало толчок к изучению земледелия у алан Кисловодской котловины V–VIII вв., результаты которого были озвучены *Д.С. Коробовым* (Москва) в отдельном докладе. С помощью данных археологии и ГИС-моделирования были выделены потенциальные пахотные участки раннего средневековья и проанализированы размеры коллективов, которые могли обеспечиваться с таких наделов. Доклад *А.В. Кислова*,

А.В. Чернышева, *З.Х. Албеговой* (Москва) был посвящен анализу опыта компьютерного моделирования палеоклиматической ситуации на территории Северной Осетии. Авторы полагают, что миграция носителей аланской культуры в VI–VII вв. из равнинных районов в горные может быть связана с аридизацией климата. Большой интерес вызвал доклад *З.П. Кадзаевой* (Владикавказ) “Садонский раннесредневековый катакомбный могильник в Северной Осетии”, в котором были приведены материалы полевых исследований аланского могильника в селении Верхний Садон. Общая площадь могильника составила около 1000 м², было раскопано 55 катакомб, захоронение в подбое, в каменном ящике, входная яма без погребальной камеры и 9 конских захоронений. Всего зафиксировано погребение 119 человек. Предварительно могильник был продатирован VII – первой четвертью VIII в. *А.А. Кадиева* (Москва) в докладе “Галиатский склеп 1935 г. – эталонный комплекс VIII в.” вновь обратилась к рассмотрению вещевого материала из знаменитого склепа, раскопанного *Е.И. Крупновым*. Предметы из погребения на основе разработанных на сегодняшний день хронологических схем древностей Восточной Европы были разделены на три комплекса, соотнесенных с обнаруженными в склепе костяками. В целом автор датирует данные захоронения второй–третьей четвертью VIII в. *Х.М. Мамаев* (Грозный) представил доклад, посвященный рассмотрению датировки костяных наконечников стрел из Дайского могильника, которые, по мнению автора, относятся к первым векам н.э. В докладе *Э.Д. Зиливинской* (Москва) “О связях Нижнего Поволжья и Северного Кавказа в хазарское и домонгольское время” рассматриваются материалы исследований Самосдельского городища, расположенного в дельте Волги. В керамическом комплексе этого памятника отчетливо прослеживаются тесные связи с Северным Кавказом, позволившие автору сделать вывод о том, что основу населения Самосдельского городища в хазарское время составляли перешедшие к оседлости кочевники, представленные савирами (суварами) из Дагестана и болгарами. В развернувшейся после доклада дискуссии подверглась сомнению высказанная *Э.Д. Зиливинской* гипотеза о соотношении городища Самосделка с хазарским городом Итиль. Аргументы против подобного утверждения были приведены *В.Н. Чхаидзе* и *Е.А. Армарчук*. Этнокультурные связи Крыма с Северным Кавказом во второй половине X – XI в. были рассмотрены *В.В. Майко* (Судак) на примере лощеной керамики. Появление некоторых типов городской керамики в Тмутаракани связано, по мнению докладчика, с использованием северокавказских керамических традиций. *Л.Г. Хрушкова* (Москва) сделала два сообщения, посвященных анализу группы бронзовых литых крестов эпохи средневековья, происходящих из Северо-Восточного Причерноморья, и, в соавторстве с *А.В. Гусевой* (Сочи), публикации обнаруженного в районе Сочи средневекового кадила. *Е.А. Армарчук* (Москва) в своем докладе охарактеризовала находки поливной посуды из курганов Закубанья XIV – начала XV в., имеющие, по ее мнению, иранское происхождение. В докладе *З.В. Додэ* (Ставрополь) была рассмотрена находка женского кафтана из Белореченского могильника XIV–XV вв., сшитого из венецианского аксамитного бархата “*alluciolato*”. Были выполнены графические реконструкции данного вида одежды и приведены аналогии. В докладе “Погребальные конструкции в курганах адыгов XIV–XVIII вв.” *И.А. Дружинина* (Москва) рассмотрела типы, эволюцию и особенности локального распространения погребальных сооружений, выявленных в курганных могильниках адыгов на обширной территории расселения этого народа в эпоху средневековья–нового времени от северо-восточного побережья Черного моря до среднего течения Терека. *Д.В. Каштанов* (Москва) в докладе “Греческая эпиграфика Кавказа: проблемы интерпретации и датировки” указал на ошибки в прочтениях

дат поздне- и поствизантийских эпиграфических памятников, предложенных их публикаторами и исследователями. Докладчик показал, что ни одна христианская греческая надпись Кавказа не несет обозначения года по эре “от Рождества Христова”, но только по эре “от сотворения мира”. В докладе *В.Н. Чаудзе* (Москва) рассматривалось погребальное сооружение XIV в. с сырцово-оградкой, обнаруженное в Ростовской обл., отнесенное докладчиком к погребальному сооружению типа сырцового мавзолея без перекрытия. *З.Х. Ибрагимова* (Москва) в ходе доклада “К вопросу об археологическом изучении Северного Кавказа в XIX – начале XX в.” обратилась с призывом к археологам-кавказоведам больше использовать в исследованиях исторические архивные материалы, что вызвало справедливые возражения со стороны участников дискуссии (*З.В. Доде*, *М.М. Казанский*). Завершил работу секции совместный доклад *А.В. Пьянкова*, *Д.В. Сеня* (Краснодар), в котором был рассмотрен дореволюционный этап формирования лапидарной коллекции Краснодарского музея-заповедника.

Заключительное заседание секции средневековья прошло 29 апреля в первой половине дня. Было заслушано и обсуждено восемь докладов. *В.А. Ньюшков* (Сухум) в докладе “Цебельдинская (апсильийская) культура в общесторическом и культурном контексте позднеантичного мира” охарактеризовал цебельдинскую (апсильийскую) культуру как самобытную и своеобразную, но в то же время формировавшуюся в тесной культурно-исторической и экономической связи с позднеантичным культурным миром. Ее носители, как и носители периферийных аборигенных культур Северного Кавказа, Восточной и Западной Европы (конец I – начало V в.), были вовлечены в общий поток культурных импульсов, которые исходили, главным образом, от Римской империи. Доклад *К. Пиле* (Канн) был посвящен рассмотрению имеющихся точек зрения на формирование французской нации в эпоху раннего средневековья как на процесс “романизации” или “германизации”, отражающий континуитет или прерывность в развитии данного региона. *Н.А. Тихонов* (Черкесск) представил результаты рекогносцировочного осмотра Шоанинского поселения эпохи раннего средневековья в Карачаево-Черкесии; им были показаны находки керамики. Фрагмент китайского зеркала VII–IX вв. из могильника Гоуст в Джейраховском ущелье, происходящий из раскопок *В.И. Долбежева*, был продемонстрирован *А.А. Чижовой* (Санкт-Петербург). Доклад *С.М. Сакания* (Сухум) “Притвор зальной церкви в с. Джал” представил результаты изучения церкви, расположенной на юго-западной окраине с. Джал Очамчирского р-на Республики Абхазия. На основании аналогий с другими храмами (Алахадзы, Лыхны, Бзыбь и пр.) памятник предварительно датируется VIII–X вв. Доклад *А.А. Сланова* (Владикавказ) “Склепообразные культо-

вые сооружения Осетии” был посвящен выделению группы культовых сооружений, связанных со склеповой архитектурой. В качестве основных критериев для отбора выступили форма наземного склепа и фольклорная традиция, связывающая памятник с поминальной практикой. Для Осетии автор выделил восемь подобных сооружений, предварительно датируемых XIV–XVI вв., предполагая, что это – церкви-часовни, возведенные над могилами выдающихся представителей аристократии горных обществ в эпоху начала упадка христианства в Осетии. В докладе *Е.И. Нарожного* (Армавир) были рассмотрены некоторые аспекты датировки и культурной атрибуции позднекочевнического захоронения из-под Новокубанска (Краснодарский край). Докладчик рассматривает данное захоронение как свидетельство миграции части кочевнического населения с территории Восточного Причерноморья на Среднюю Кубань, произошедшей в середине XIV в. Завершил работу секции доклад *А.Д. Липковича* (Ростов-на-Дону) “Ретроспективный экологический анализ систем традиционного природопользования горцев”, в котором приводились результаты исследования традиционных систем землепользования, проведенных в Северной Осетии. В ходе исследований были выделены некоторые традиции горского населения, направленные на сохранение окружающей среды.

В завершающей дискуссии были подведены итоги работы секции.

В последний день работы конференции состоялась продолжительная и насыщенная научная экскурсия по знаменитым археолого-архитектурным памятникам горной Ингушетии.

На заключительном заседании, состоявшемся 29 апреля в Доме культуры с. Джейрах, были подведены итоги работы конференции. С отчетными докладами о работе секций выступили *С.Н. Корневский*, *А.Ю. Скаков* и *Д.С. Коробов*. *В.А. Кузнецов* в своем выступлении подчеркнул важную роль создания национальных археологических кадров в республиках Северного Кавказа. *Д.В. Белецким* и *А.Ю. Виноградовым* было зачитано письмо *Л.Р. Габоевой*, в котором выражалась озабоченность, вызванная разрушениями знаменитого Зругского храма в Северной Осетии.

Участниками конференции была принята резолюция, обобщающая итоги проведения XXVI “Крупновских чтений” на территории РИ. Основатели и ветераны форума – ученики *Е.И. Крупнова* – подчеркнули, что данная конференция – одна из лучших в научно-организационном плане за всю 40-летнюю историю “Крупновских чтений”. Была выражена глубокая благодарность ее организаторам от имени всех присутствующих.

Институт археологии РАН, Москва

Чеченский государственный университет
Археологический центр при Министерстве
культуры Республики Ингушетия, г. Магас

З.Х. Албегова,
С.Н. Корневский, Д.С. Коробов, А.Ю. Скаков

М.Х. Багаев

У.Б. Гадиев

“НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ”: НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ. МОСКВА, 15–17 МАРТА 2011 г.

15–17 марта 2011 г. в Москве, в Институте археологии РАН (ИА РАН), прошла научная конференция молодых ученых “Новые материалы и методы археологического исследования”, организованная Советом молодых ученых ИА РАН. Тем самым была возобновлена традиция проведения молодежных конференций, посвященных обсуждению актуальных проблем археологических исследований, существовавшая в ИА РАН до 1990 г.

Конференция привлекла значительное внимание специалистов, в ее работе приняли участие более 120 человек. Молодые исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Самары, Казани, Вологды, Перми, Йошкар-Олы, Нефтеюганска, Орска, Липецка, Нижнего Новгорода, Шуи, Черкесска, Карачаевска, а также Гомеля (Беларусь) представили 69 устных и стендовых докладов, большинство которых стало предметом активного обсуждения и дискуссий.

К началу работы конференции было приурочено издание тезисов докладов ее участников, в том числе исследователей из России, Германии, Украины и Армении, которые не смогли лично приехать в Москву. Сборник вышел под грифом ИА РАН. Лучшие из прочитанных на конференции докладов планируются опубликовать в виде статей в журнале “Российская археология”.

На открытии конференции с приветственным словом выступил заместитель директора ИА РАН чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков. Он отметил многочисленность докладчиков и широкую географию представленных ими научных учреждений. Он также подчеркнул, что мероприятие подобного формата, проводимое в ИА РАН впервые после длительного перерыва, вызвало большой интерес не только со стороны молодых ученых, но и со стороны сложившихся исследователей. Заведующий Информационно-издательской группой ИА РАН к.и.н. Н.В. Лопатин, возглавлявший Оргкомитет конференции 1990-го года, поделился яркими воспоминаниями о ее подготовке и отметил высокую значимость таких мероприятий как для участников, так и для организаторов. Председатель Оргкомитета конференции 2011-го года к.и.н. В.Е. Родинкова поблагодарила собравшихся за поддержку инициативы молодых ученых ИА РАН и пожелала им плодотворной работы.

Доклады, прозвучавшие в первый день работы конференции, на пленарном заседании, составили два смысловых блока. В рамках первого были представлены результаты наиболее интересных исследований, проводящихся молодыми учеными на материалах различных археологических эпох. В частности, *Д.В. Ожерельев* (ИА РАН, Москва) рассказал об изучении памятников раннего палеолита в Дагестане и представил новые данные о древнем человеке, полученные на стоянке Мухкай II. *О.А. Брилева* (Государственный музей искусства народов Востока, Москва) предложила новую интерпретацию и датировку гигатлинского комплекса в Дагестане, который она считает кладом и относит к эпохе, “предшествующей VI в.”. *Г.Л. Земцов* (Липецкий государственный педагогический университет) рассмотрел планиграфию объектов гуннского времени на поселении Мухино-2 в Верхнем Подонье, с которого происходит известное аристократическое погребение того же времени. *И.В. Рукавишников* (ИА РАН, Москва) осветила новые подходы к изучению звериного стиля ранних кочевников. *Д.Н. Линденков* и *А.А. Гусев* (Гомельский государственный университет) обозначили особенности Моховского археологического комплекса на юго-востоке Беларуси и высказали аргументы в

пользу интерпретации его как торгово-ремесленного центра X–XI вв. Примыкал к этому блоку доклад *К.В. Ванюшевой* (Институт истории и культуры народов Приуралья, Ижевск). Анализируя такой источник, как письма, исследовательница получила интересные сведения о научных и организационных проблемах провинциальной археологии Вятской и Пермской губерний XIX – 20-х годов XX в.

Второй блок докладов пленарного заседания был посвящен применению информационных технологий и естественно-научных методов анализа в археологии. В частности, *А.Н. Бабенко* (Институт проблем экологии и эволюции РАН, Москва) представила результаты изучения зоогенных отложений, которые позволили реконструировать растительность пустыни Негев (Израиль) в голоцене и выявить влияние выпаса скота на ее динамику. *А.В. Долгих* (Институт географии РАН, Москва) рассказал о почвенных процессах, воздействующих на формирование культурных отложений, и об информации, которую можно получить, анализируя почвенные горизонты в культурном слое. В докладе *Е.Н. Горловой* (Институт проблем экологии и эволюции РАН, Москва) освещались возможности применения изотопного анализа в палеоэкологических реконструкциях. В выступлении *А.Н. Ворошилова* (ИА РАН, Москва) шла речь о базе данных “*Arachne*” (Арахна), предназначенной для хранения и систематизации изображений археологических объектов. Цель ее создания заключается не только в спасении уникальной информации, но и в обеспечении доступа к материалам широкому кругу исследователей. Основные проблемы современных подводных археологических исследований в России были рассмотрены в докладе *С.В. Ольховского* (ИА РАН, Москва). Автор проанализировал действующую законодательную базу и сделал вывод о значительной угрозе разрушения подводного археологического наследия грабителями. В докладе *А.В. Сафронова* (МГУ) были раскрыты возможности применения ГИС-метода в изучении исторической географии классических майя. Исследователь локализовал политический центр Тубаль в Восточном Петене (Гватемала) и определил границы царства Пачан-Ках с столицей в Танхапачан. *А.Н. Федорина* (ИА РАН, Москва) продемонстрировала результаты применения геомагнитного метода, позволившего выявить границы и внутреннюю структуру ряда раннесредневековых памятников Суздальского Ополья.

Дальнейшая работа конференции проходила в рамках двух тематических секций. На секции “Археология эпохи камня и раннего металла” были представлены доклады, охватывающие широкий хронологический диапазон от палеолита до раннего железного века и античности.

Изучению проблем эпохи камня было посвящено девять докладов. В частности, *К.Е. Агеева* (ИА РАН, Москва) рассмотрела возможности пространственного анализа и установления синхронности объектов культурного слоя в историко-географическом аспекте. *С.П. Медведев* (МГУ) представил планиграфический анализ кремневого инвентаря верхнего культурного слоя стоянки Каменная Балка II. Материалы этого же памятника подверглись комплексному функционально-планиграфическому анализу в докладе *О.И. Александровой* (ИА РАН, Москва) и *М. Хамакавы* (МГУ). *Т.Е. Солдатова* (МГУ) продемонстрировала результаты планиграфического изучения костяной индустрии верхнепалеолитической стоянки Сунгирь. Особо в ходе работы секции было отмечено микротрасологи-

ческое исследование орудий из зернистых пород, выполненное на материалах широкого хронологического охвата – от палеолита до эпохи бронзы, *О.Н. Загородней* (Донбасский государственный технический университет) и *К.Н. Степановой* (СПбГУ).

Значительный интерес вызвал доклад *Е.В. Долбуновой* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург), посвященный технологическому анализу раннеэолитической керамики. *С.А. Кондратьев* и *А.А. Шалапинин* (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара) представили попытку уточнить периодизацию культур позднего неолита–энеолита Марийского Поволжья по результатам радиоуглеродного датирования. Стендовый доклад *К.М. Андреева* (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара) был посвящен изучению керамики елшанской культуры бассейна р. Сок, а *А.В. Барацкова* (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара) – датировке неолитической керамики Северного Прикаспия.

Проблемы археологии эпохи бронзы исследовали шесть докладчиков. *А.И. Самсонова* (ИА РАН, Москва) на основе планиграфического анализа материалов поселения Дмитриевская Слобода II предложила реконструкцию жилищ поздняяковской культуры. *А.И. Хаванский* (ИА РАН, Москва) провел сравнительное изучение синташтинской поселенческой и погребальной керамики из Аркаима и пришел к выводу о том, что для погребений синташтинцы использовали обычную бытовую посуду. Дискуссия завязалась вокруг доклада *А.В. Бондаренко* (ИА РАН, Москва), которая обратила внимание на погребения с измененной анатомической последовательностью расположения костей и предложила обозначать их термином “нарушенные”. *С.М. Умрихин* (Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ) рассказал о результатах раскопок могильника эпохи поздней бронзы Казачья Губерля I. Большой интерес вызвало выступление *М.В. Ивашова* (Липецкий государственный педагогический университет), посвященное исследованиям Никольского грунтового могильника. Результатом этих исследований стало повторное выявление памятника, считавшегося полностью уничтоженным. Интерпретация орнаментальных композиций на двух грузиках позднего бронзового века со стоянки Кораблино была предложена в стендовом докладе *Е.С. Азарова* (ИА РАН, Москва).

Интересная гипотеза была выдвинута *А.Е. Митряковым* (Удмуртский государственный университет, Ижевск), изучавшим материалы раннего железного века. По его мнению, часто встречающиеся на фрагментах пьяноборской керамики отверстия предназначались для ремонта посуды путем стягивания растительными волокнами или металлическими скобами, а ямки на шейках сосудов – не столько орнамент, сколько технологические “заготовки” для отверстий.

Проблемы археологии ранних кочевников были рассмотрены в двух докладах. Большой интерес вызвало выступление *О.И. Куринских* (Государственный музей искусства народов Востока, Москва), представившей результаты анализа взаимовстречаемости типов клинкового оружия в комплексах могильников у с. Покровка на левобережье р. Илек. В стендовом докладе *Р.Н. Модина* (ИА РАН, Москва) были продемонстрированы новые находки предметов скифского времени из Тульской обл.

Древности античного периода стали объектом исследования в семи докладах, пять из которых были посвящены изучению Фанагории. В частности, *В.О. Акимов* (ИА РАН, Москва) наглядно представил методику реставрации монет, происходящих из подводных раскопок этого памятника. *Ю.Н. Кузьмина* (ИА РАН, Москва) рассказала о новом строительном ком-

плексе, исследованном в центральной части города, и предложила варианты реконструкции внутреннего облика здания, которое она считает храмом в антах IV – середины III в. до н.э. *О.М. Ворошилова* (ИА РАН, Москва) посвятила свой доклад (происходящим из грунтовых могил с заплечиками) гипсовым рельефам, которые украшали деревянные саркофаги состоятельных фанагорийцев. Продолжительную дискуссию вызвало выступление *В.А. Горлова* (ИА РАН, Москва), предложившего объяснять отсутствие в ранних слоях Фанагории лепной керамики, столь многочисленной на синхронных памятниках, малочисленностью местного варварского населения в составе жителей города. В стендовом докладе *Н.В. Шуваловой* (ИА РАН, Москва) на примере изображений на расписной керамике V–IV вв. до н.э. были рассмотрены наиболее популярные среди фанагорийцев художественные сюжеты.

Кроме того, *Н.Ю. Новоселова* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) представила слушателям результаты анализа группы краснолаковой керамики первых веков н.э. (так называемой мезийской сигиллаты) из раскопок Государственного Эрмитажа на о. Березань. Доклад *Г.А. Камелиной* (ГИМ, Москва) был посвящен votивной табличке с изображением оленя из позднеантичного дома в Кепах, которая наряду с найденным в том же помещении алтариком-курильницей указывает на его сакральный характер.

Большая часть (30 из 69) представленных на конференции докладов прозвучала на заседаниях секции “Археология Средневековья и Нового времени”. Первый день ее работы начался с выступления *С.С. Зозули* (ГИМ, Москва), который привел аргументы в пользу датировки вскрытого в 1976 г. камерного погребения в кургане 348 Тимеревского некрополя второй половиной X в. *А.Ю. Кашинцев* (НПЦ “Древности Севера”, Вологда) подробно охарактеризовал находки кузнечных изделий на поселении Крутик IX–X вв. Проанализировав особенности конструирования лепной керамики Гнѣздова, *О.Л. Шарганова* (МГУ) пришла к заключению о сложном этнокультурном составе населения, оставившего данный памятник. *И.В. Иванова* (Санкт-Петербург) познакомила аудиторию с созданным ею каталогом костяных изделий Ладожского посада, в который вошли неопубликованные материалы из раскопок В.П. Петренко 1972–1977 гг. Изделиям из кости и рога был посвящен и доклад *А.Н. Саранулова* (Пермский государственный педагогический университет), продемонстрировавшего находки из собственных раскопок на городище Купрос второй половины X – XII в. *А.В. Акилбаев* (Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Йошкар-Ола) выявил предметы, которые он считает иноэтничными, среди материалов Русенихинского могильника – марийского некрополя X – XI вв. *Т.М. Пономарева* (НПО “Северная археология-1”, Нефтеюганск) рассказала о результатах исследования городища Стрелка в Среднем Приобье, на котором выделены четыре хронологических комплекса последней трети I – первой трети II тыс. н.э. Обзорное выступление *А.С. Виноградова* (Нижегородский государственный университет) было посвящено становлению традиций металлургии у волжских булгар в домонгольское время.

Продолжила работу секции серия докладов, для авторов которых объектом изучения стал костюм и его принадлежности. Так, *Д.А. Столярова* (ИА РАН, Москва) реконструировала технологические приемы и операции, использовавшиеся при производстве украшений, входящих в погребальный инвентарь североосетинского могильника Мамисондон VII–IX вв. *В.Н. Кузнецова* (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург) рассмотрела полые орнитоморфные и коньковые подвески начала II тыс. н.э., распространенные в лесной зоне Восточной Европы. В вызвавшем активное обсуждение сооб-

щении *К.М. Метелкиной* (Шуйский государственный педагогический университет) была предпринята попытка реконструировать женский костюм X–XII вв. по материалам Ключковского селища. Историю изучения женского металлического убора лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры в схематической форме изложила в своем стендовом докладе *Т.Е. Сидоренко* (ИА РАН, Москва). Происходящие с Шуйского городища 12 обувных подковок послужили основой для реконструкции нескольких видов обуви в стендовом докладе *Э.М. Манукяна* (Шуйский государственный педагогический университет).

Отдельный блок составили доклады, в которых речь шла о различных аспектах изучения погребальных памятников. *И.К. Решетова* (ИА РАН, Москва) представила результаты антропологического анализа 30 индивидов из Верхнесалтовского могильника. *Г.И. Радостева* (Пермский государственный педагогический университет) исследовала такую половозрастную группу средневекового общества, как дети, по материалам Бояновского могильника. В обзорном выступлении *П.С. Успенского* (ИА РАН, Москва) были перечислены проблемы, существующие в изучении кремационных захоронений Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. *Д.В. Шмуратко* (Пермский государственный педагогический университет) познакомил слушателей с разработанной им методикой применения статистического анализа к материалам ранне-средневековых прикамских некрополей. Оживленную дискуссию вызвал стендовый доклад *Д.С. Бугаева* (Музей антропологии и этнографии РАН “Кунсткамера”, Санкт-Петербург), который попытался реконструировать последовательность сооружения одного из длинных курганов, обнаруженных у д. Засобье в Ленинградской обл.

Второй день работы секции был посвящен анализу материальной культуры развитого Средневековья и Нового времени. В частности, в докладе *Д.Ю. Бадеева* (ИА РАН, Москва) были введены в научный оборот восемь шахматных фигур XIII–XVII вв., найденных в ходе исследований последних лет на территории Рубленого Города в Ярославле. *А.А. Остапенко* (ИА РАН, Москва) детально охарактеризовал коллекцию крестов XII–XVI вв. из раскопок Ростиславля Рязанского. *П.Е. Русаков* (ИА РАН, Москва) познакомил аудиторию с результатами статистического изучения значительного массива керамики с селища Жокино I XII–XIV вв., расположенного в регионе Михайловское поле на западе Рязанской обл. Картографируя археологические памятники Верхнего Прикамья XI–XV вв., *А.В. Вострокнутов* (Пермский государственный педагогический университет) пришел к выводу о сокращении населения этой территории к началу русской колонизации. Весьма интересные данные о сырье, способах изготовления, областях применения текстильных изделий были получены *Н.А. Павловой* (МГУ), изучавшей текстильные остатки из марийских и мордовских погребений XVI–XIX вв. *М.А. Усолкина* (МГУ) выделила две категории берестяных сосудов, встречающихся на памятниках XVI–XVIII вв. Нижнего Приобья, и выдвинула предположение о том, что русская берестяная посуда не оказала влияния на технику изготовления и орнаментацию аборигенной посуды. Сообщение *Ж.С. Калыгиной* (Марийский государственный университет, Йошкар-Ола) было посвящено последним исследованиям на Царевококшайском посаде, где

выявлена сложная система дренажных сооружений конца XVIII – XIX в. Две детские игрушки (коник и шарик-погремушка), найденные во время раскопок Шуйского городища и датированные XV–XVII вв., представила в стендовом докладе *Ж.В. Мухина* (Шуйский государственный педагогический университет).

Новые методы выявления и изучения средневековых памятников Северного Кавказа были продемонстрированы в докладах *Р.Х. Ногайлиева* (Государственная инспекция охраны культурного наследия Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск) и *О.С. Чагарова* (Карачаево-Черкесский государственный университет, Карачаевск). Используя данные дистанционного зондирования, а именно космические снимки высокого разрешения с геосервиса Google.Maps, авторы выявили и охарактеризовали ряд поселений в верховьях Кубани.

Живой интерес присутствующих вызвали два доклада, освещавшие восточные элементы в средневековой материальной культуре населения Восточной Европы. *А.Р. Нуретдинова* (Казанский федеральный университет) рассмотрела сфероконические сосуды – один из типов технической керамики, в массовом количестве происходящей из городских центров Среднего Поволжья. Исследовательница полагает, что производство таких сосудов было освоено местными гончарами еще на рубеже X–XI в., а распространение связано с распространением мусульманства на территории Волжской Булгарии. В докладе *Д.Д. Надбитовой* (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) был проделан анализ бронзовых зеркал Восточной Европы от скифского времени до эпохи Средневековья. Воспринимая зеркала не столько как принадлежность туалета, сколько как магический предмет, автор предложила тезис о совмещении относящихся к обожествлению огня и солнца элементов культовых систем иранских и тюркских народов. Она считает, что исчезновение зеркал стало результатом борьбы ислама с языческими верованиями.

Историографическая тематика была представлена стендовым докладом *К.А. Гусева* (ИА РАН, Москва), показавшим роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации Антропологической выставки 1879 г., материалы которой заложили основу археологических коллекций Музея антропологии МГУ.

На закрытии конференции выступили представители различных городов и научных учреждений, которые поблагодарили организаторов за качество подготовки и проведения мероприятия. Был отмечен высокий уровень большинства представленных докладов. Выступавшие говорили также о том, что конференция оказалась весьма востребованной, поскольку заполнила определенную лакуну в научной жизни и предоставила молодым ученым специализированную площадку для апробации их идей и итогов исследований. В целом она внесла существенный вклад в формирование современной информационной среды, стимулировав научную и научно-организационную деятельность молодых исследователей, повысив уровень их профессиональной подготовки. Были высказаны пожелания сделать археологическую конференцию молодых ученых периодической.

Институт археологии РАН, Москва

*В.Е. Родинкова, Ю.Н. Кузьмина,
О.М. Ворошилова, У.Ю. Кочкаров*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи. М.		ститута археологии Академии наук СССР. М.
АВУ	– Археологічні відкриття в Україні. Київ	КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
АДУ	– Археологічні дослідження в Україні. Київ		
АО	– Археологические открытия. М.	МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
АОН	– Археологические открытия на новостройках. М.	МАК	– Материалы по археологии Кавказа. М.
АС	– Археологический съезд	МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа	МИАР	– Материалы и исследования по археологии России. М.
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола	НА ИА НАНУ	– Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
АЭС	– Археология евразийских степей	НА ИИМК РАН	– Научный архив Института истории материальной культуры РАН
ВАС	– Всероссийский археологический съезд	ОАК	– Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
ВУАК	– Всеукраїнський археологічний комітет	ОР ГЭ	– Отдел рукописей Государственного Эрмитажа
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов. М.	ПАВ	– Петербургский археологический вестник
ВАУ	– Вопросы археологии Урала	РА	– Российская археология. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.	РА ИИМК	– Рукописный архив Института истории материальной культуры
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры	РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный Исторический музей	СА	– Советская археология. М.
ДБ	– Древности Боспора. М.	САИ	– Свод археологических источников. М.
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры	СГАИМК	– Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР / РАН	СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
ИОАИЭ	– Известия общества археологии, истории, этнографии		
ИСОНИИ	– Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института		
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-		

ТАС	– Тверской археологический сборник	BABESH	– Bulletin Antieke Beschaving
Тр. ВАС	– Труды Всероссийского археологического съезда	BADB	– Beazley Archive Data Base, http://www.beazley.ox.ac.uk/databases/pottery.htm
Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея	BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа	CVA	– Corpus Vasorum Antiquorum
УАВ	– Уфимский археологический вестник	Hesperia	– Hesperia. Jr. American School Classical Studies in Athens, Princeton, N.J.
УАС	– Уральское археологическое со- вещание	JHS	– Journal of Hellenic Studies
ХГПУ	– Харьковский государственный педагогический университет	MA	– Materialy archeologiczne, Kraków
АА	– Archäologische Anzeiger	REA	– Revue des Etudes Ancienne
		SA	– Slovenská archeológia, Nitra